

ISSN 1998-4839

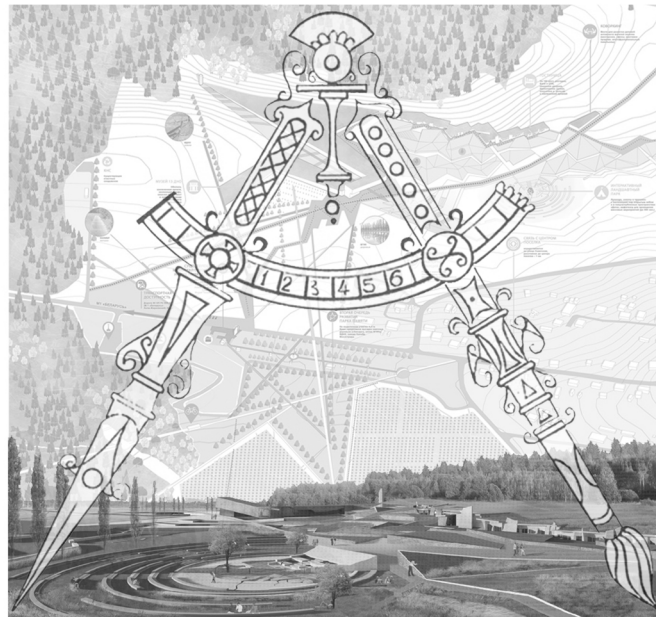

ARCHITECTURE AND MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

(АРХИТЕКТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ)

AMIT

МАРХИ

*Международный электронный
научно-образовательный журнал*

**№ 1(70)
2025**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ»
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)

**ARCHITECTURE
AND
MODERN INFORMATION
TECHNOLOGIES**

(АРХИТЕКТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ)

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ**

№ 1(70)
МОСКВА
2025

FEDERAL STATE BUDGET
EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW ARCHITECTURAL INSTITUTE»
(STATE ACADEMY)

**ARCHITECTURE
AND
MODERN INFORMATION
TECHNOLOGIES**

(АРХИТЕКТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL
ONLINE JOURNAL

№ 1(70)
MOSCOW
2025

УДК 72

ББК 85

A 87

ISSN 1998-4839

Architecture and Modern Information Technologies. Москва: МАРХИ, 2025. №1(70). 325 с.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский архитектурный институт (государственная академия)» (МАРХИ).

Адрес: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 11/4, корп. 1, стр. 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Редакционного Совета:

Есаулов Георгий Васильевич, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, доктор архитектуры, профессор, вице-президент Российской академии архитектуры и строительных наук, главный советник по науке при ректорате МАРХИ

Сопредседатель Редакционного Совета:

Швидковский Дмитрий Олегович, академик Российской академии архитектуры и строительных наук и Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, ректор МАРХИ, заведующий кафедрой Истории архитектуры и градостроительства МАРХИ, президент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Российской академии художеств, академик Академии архитектурного наследия, действительный член Академии реставрации России

Члены Редакционного Совета:

Абдрасилова Гульнара Сейдахметовна, доктор архитектуры, профессор, профессор-исследователь, ТОО «Международная образовательная корпорация» (КазГАСА), Факультет Архитектуры, Казахстан;

Дуарте П. Хосе (Jose P. Duarte), доктор архитектуры, профессор Архитектурного факультета Технического университета Лиссабона, член eCAADe, Португалия;

Зупанчич Т. (Tadeja Zupancic), доктор архитектуры, профессор, заместитель декана по научной работе Архитектурного факультета Люблянского Университета, член eCAADe, Словения;

Ковачев Атанас Димитров (Atanas Dimitrov Kovachev), член-корреспондент Болгарской академии наук, профессор, доктор архитектуры, иностранный член Российской академии архитектуры и строительных наук, Почетный профессор МАРХИ, заведующий департаментом «Инфраструктурные проекты» Лесотехнического университета, София, заведующий кафедрой «Архитектура и урбанистика» Варненского свободного университета им. «Черноризца Храбра», Варна, Болгария;

Крашенинников Алексей Валентинович, доктор архитектуры, профессор, директор Центра повышения квалификации «Урбанистика», МАРХИ;

Рочегова Наталия Александровна, кандидат архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Информационные технологии в архитектуре», МАРХИ;

Табунчиков Юрий Андреевич, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, доктор технических наук, профессор, президент некоммерческого партнерства «Инженеры по отоплению, вентиляции, кондиционированию воздуха, теплоснабжению и строительной теплофизике» (НП «АВОК»);

Чантурия Юрий Владимирович, доктор архитектуры, профессор кафедры «Градостроительство» Белорусского национального технического университета, иностранный член Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры, Московское отделение, действительный член Белорусского академического центра Международной академии архитектуры, Республика Беларусь;

Щепетков Николай Иванович, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектурная физика», председатель диссертационного совета, МАРХИ

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Савельева Лариса Владимировна, кандидат архитектуры, профессор (МАРХИ)

Зам. главного редактора: Посвянская Екатерина Павловна, (МАРХИ)

Ответственный секретарь: Тенета Мария Владимировна, (МАРХИ)

Адрес редакции 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 11/4, каб. 120
e-mail: amit_marhi@mail.ru Телефон: +7(495)621-39-82

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре

Свидетельство о регистрации средств массовой информации:

Эл № ФС77-66828

Свободный доступ в сети Интернет <http://www.marhi.ru/AMIT/>

© МАРХИ, 2025

© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ: СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ		
Всероссийский открытый концептуальный конкурс РААСН «Архитектура – картина времени»		9
Рождественские чтения в Московском архитектурном институте		12
Презентация результатов научно-исследовательской работы «Шуя. Вчера, сегодня, завтра. Сохранение, восстановление, приспособление»		17
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ		
Веденёв М.Ю., Павлов Н.Л.	Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть I. Древний Египет и Двуречье	32
Зайцева Н.А.	Функции метафоры в творческой деятельности: философский и архитектурный дискурсы	46
Горгорова Ю.В.	Урбанистические аспекты формирования туристически привлекательного пространства городских улиц	59
Шемякин Ф.Я.	Восприятие пространства как категория идентичности в японской архитектуре. Концепт «ма» как форма самопознания	72
Журавлев Т.В.	Архитектура частных жилых домов в раннем творчестве бюро «Меганом»	90
Карташов С.А., Карташова А.А., Морозов М.Р.	Уникальность «Святославова креста» в искусстве христианского мира и его ключевая роль в иконографической программе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском	105
АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ		
Терентьева В.М.	Перспективы интеграции жилой и деловой функций в центральной части Самары	134
ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
Океанов Г.В.	Предпосылки формирования архитектуры надпутевых строений в рамках региональных программ комплексного развития территорий	147
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА		
Садковская О.Е.	Асимметрия системы расселения Ростовской области – постановка проблемы	158
Береговских А.Н.	Архитектурно-пространственное проектирование как вид градостроительной деятельности и инструмент эффективного планирования развития территорий	173
Акишева В.Д.	Региональные особенности архитектурно-планировочной идентичности Архангельска в концепции «природа-культура-архитектура»	189

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА		
Магон Т.С.	Эволюция методического аппарата теории центральных мест: возможность применения к реальным системам расселения	206
Калмыков Д.В.	Охрана архитектурного наследия в рамках реновационных проектов в Великобритании	216
Лутченко С.И., Комелева Я.С.	Принципы унификации градостроительных документов в мировой практике	238
Осьминина Т.С.	Подходы к проектированию инженерно-транспортных систем арктических регионов	262
Павлова В.А.	Развитие сельского исторического ландшафта в поселке Холм-Жирковский Смоленской области	276
Мусаев Т.И.	Стратегическое градостроительное планирование: перспективы развития в новых условиях	292
ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА		
Русанова Е.А., Забирко А.М.	Архитектурно-ландшафтные методы воссоздания утраченной идентичности «портрета среды»	303
ОБ АВТОРАХ		320

CONTENTS

PUBLISHER COLUMN: EVENTS, FACTS, COMMENTS		
All-Russian Open Conceptual Competition RAASN «Architecture – A Picture of Time»		9
Christmas readings at the Moscow Architectural Institute		12
Presentation of the research project results: «Shuya. Yesterday, today, tomorrow. Preservation, restoration, adaptation»		17
ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM		
Vedenev M.Yu., Pavlov N.L.	Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part I: Ancient Egypt and Mesopotamia	32
Zaitseva N.A.	Functions of metaphor in creative activity: philosophical and architectural discourses	46
Gorgorova Yu.V.	Urban aspects of creating tourist-attractive urban street spaces	59
Shemyakin F.Ya.	Perception of space as a category of identity in Japanese architecture. The concept of «ma» as a form of self-knowledge	72
Zhuravlev T.V.	Architecture of private residences in the early work of the Meganom architectural bureau	90
Kartashov S.A., Kartashova A.A., Morozov M.R.	The uniqueness of the «Svyatoslav Cross» in the Christian world and its key role in the iconographic program of St. George's Cathedral in Yuryev-Polsky	105
ARCHITECTURE OF BUILDINGS AND STRUCTURES		
Terentyeva V.M.	Prospects for the integration of residential and business functions in the central part of Samara	134
CREATIVE CONCEPTS IN ARCHITECTURE		
Okeanov G.V.	Prerequisites for the formation of overtrack architecture within regional comprehensive development programs	147
TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES		
Sadkovskaya O.E.	Asymmetry of the settlement system in the Rostov region: problem statement	158
Beregovskikh A.N.	Architectural and spatial design as a form of urban planning activity and a tool for effective territorial development planning	173
Akischeva V.D.	Regional features of the architectural and planning identity of Arkhangelsk within the «nature-culture-architecture» concept	189
Magon T.S.	Evolution of the methodological framework of central place theory: applicability to real settlement systems	206

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES		
Kalmykov D.V.	Preservation of Architectural Heritage in Urban Renewal Projects in the United Kingdom	216
Lutchenko S.I., Komeleva Y.S.	Principles of urban planning document standardization in global practice	238
Osminina T.S.	Approaches to the design of engineering and transport systems in Arctic regions	262
Pavlova V.A.	Development of the rural historical landscape in the settlement of Kholm-Zhirkovsky, Smolensk region	276
Musaev T.I.	Strategic urban planning: development prospects in new conditions	292
LANDSCAPE ARCHITECTURE		
Rusanova E.A., Zabirko A.M.	Architectural and landscape methods for restoring the lost identity of the «portrait of the environment»	303
ABOUT THE AUTHORS		320

Всероссийский открытый концептуальный конкурс РААСН «Архитектура – картина времени»

2024 год в архитектуре России отмечен важными творческими событиями, в числе которых 275-летие Московской архитектурной школы – МАРХИ занимает особое место. Рожденная в мастерской Д. Ухтомского на протяжении всех последующих этапов истории российской архитектуры Московская школа сохраняет и развивает статус центра рождения новых идей и грандиозных архитектурных объектов, новаторских замыслов и реализаций. Оригинальный этап жизни школы связан с триумфом советской бумажной архитектуры в международных концептуальных конкурсах 1970-х – 1980-х годов.

Юбилею Московской архитектурной школы и памяти бумажных проектов посвящен Всероссийский открытый концептуальный конкурс «Архитектура – картина времени», проведенный Российской академией архитектуры и строительных наук в 2024 году.

На конкурс молодые архитекторы, студенты и аспиранты архитектурных школ России из Москвы, Воронежа, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Ярославля представили 64 работы коллективов и индивидуальных участников.

Жюри конкурса в составе:

Президент РААСН, академик Д.О. Швидковский, председатель жюри,
Вице-президент РААСН по направлению «Творческая практика», академик Д.В. Буш,
Вице-президент РААСН по направлению «Архитектура», академик Г.В. Есаулов.

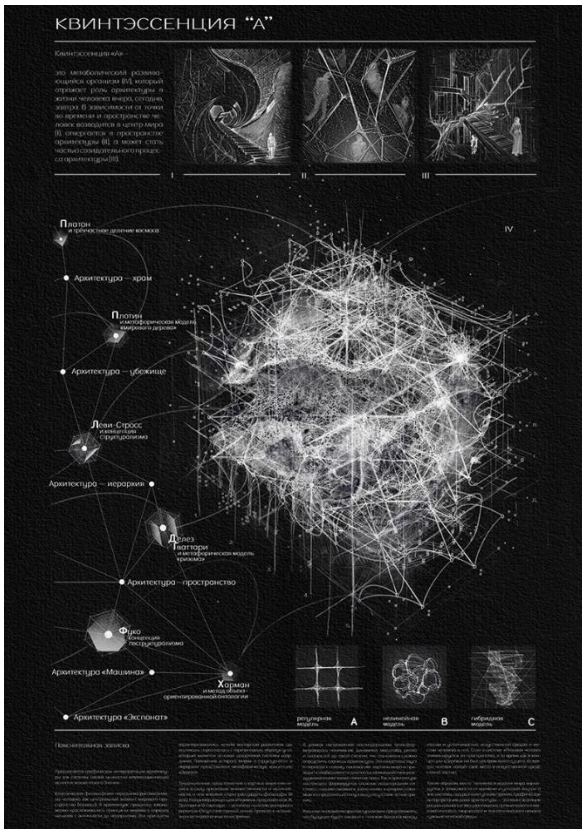
Рассмотрев конкурсные работы, жюри определило проекты победителей конкурса:

Проект «Квинтэссенция “А”» – 1-е место,
Проект «Неиспользованные стройматериалы» – 2-е место,
Проект «Павильон “Круг, Квадрат, Треугольник”» – 3 место.

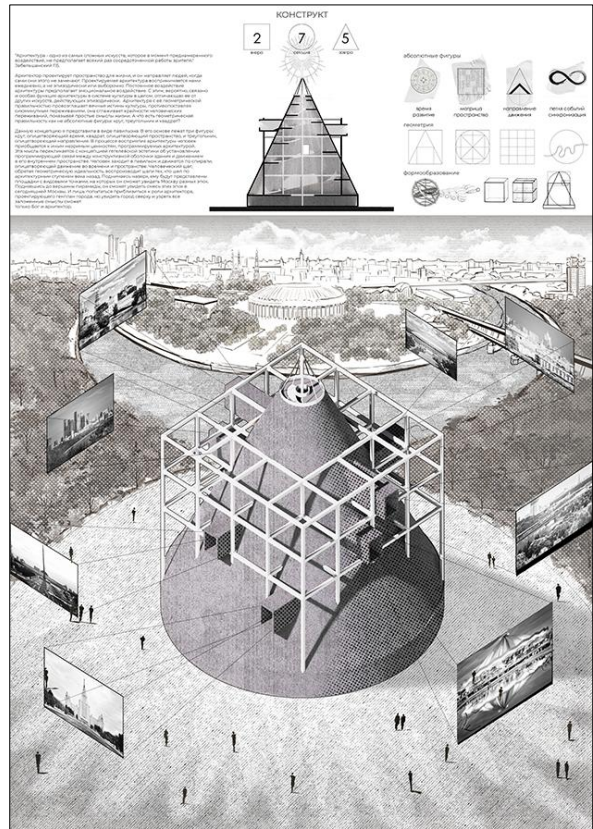
Жюри приняло решение:

1. Наградить именными дипломами и финальным призом 500000 (пятьсот тысяч) рублей авторский коллектив проекта «Квинтэссенция “А”»: Пилипенко Виолетту Игоревну (аспирантку Московского архитектурного института (государственной академии)), Николаеву Ирину Олеговну (аспирантку Московского архитектурного института (государственной академии)), Шibaеву Александру Игоревну (магистра архитектуры, лаборанта кафедры «Архитектура промышленных сооружений» Московского архитектурного института (государственной академии)), – занявших 1-е место.
2. Наградить именованием дипломом и финальным призом 200000 (двести тысяч) рублей автора проекта «Неиспользованные стройматериалы» Молчанова Никиту Александровича (магистранта Московского архитектурного института (государственной академии)), занявшего 2-е место.
3. Наградить именованием дипломом и финальным призом 100000 (сто тысяч) рублей автора проекта «Павильон “Круг, Квадрат, Треугольник”» Мишинову Ангелину Валерьевну (магистрантку Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета), занявшую 3-е место.

Замысел конкурса осуществился благодаря спонсорской поддержке Д.В. Буша. Состоявшийся в новом веке конкурс, – и по времени, его духу, и по средствам изображения, и по самим идеям – это другая «бумажная архитектура».

а)

б)

Рис. 1. а) Проект «Квинтэссенция “А”», 1-е место (авторы – В.И. Пилипенко, И.О. Николаева, А.И. Шибаева); б) Проект «Павильон “Круг, Квадрат, Треугольник”», 3-е место (автор – А.В. Мишинова)

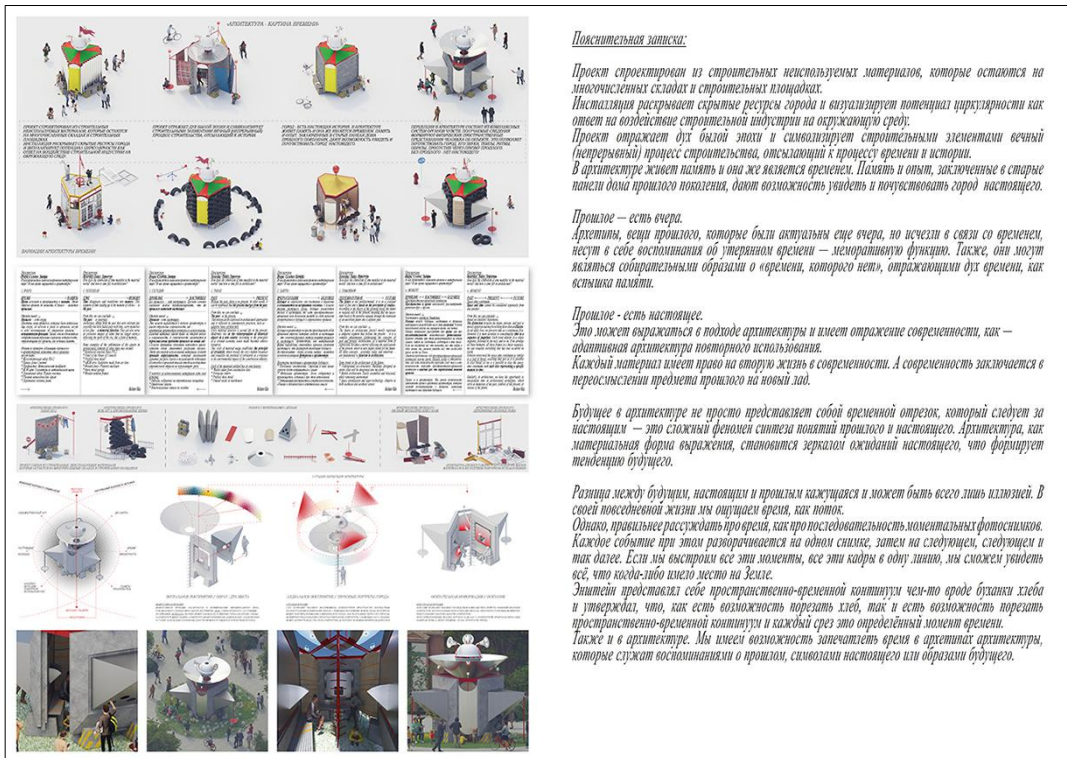

Рис. 2. Проект «Неиспользованные стройматериалы», 2-е место (автор – Н.А. Молчанов)

Концептуальные идеи времени после постмодернизма, после самых разных формотворческих поисков тех же бумажников, их оригинальных интерьеров и «всеядности» архитектурных образов – о другом. Может, и о том же самом, но это идеи архитекторов «цифрового времени», ищущих свою роль в архитектуре и мечтающих о возрождении роли архитектуры как искусства. Это – о времени расцвета технологий и доступности их инструментов, о сохранении природы и истории, обращении к фундаментальным основам и еще о многом. Как говорится, 275-летний юбилей обязывает!

Поэтому отметим, что 1-е место отдано за оригинальное воплощение темы «Архитектура в пространственно-временном измерении». Проект, отмеченный 2-ой премией, посвящен теме «Памяти архитектуры, преобразованиям из прошлого в настоящее». 3-е место отдано проекту, воплотившему тему «Геометрии архитектуры в пространстве города».

Итак, конкурс завершен... XXI век уже стал временем реализации самых разнообразных фантастических и обыденных проектных решений. Остается ли место для архитектурной мечты, для самой идеи концептуального проекта? Конкурс «Архитектура – картина времени» продемонстрировал, что будущее архитектуры – это воплощение мечты архитектора, как бы не развивались технологии, душа проектировщика, его чувства и мировосприятие, знания и умения остаются основными проектными средствами и инструментами творчества зодчего.

Председатель оргкомитета конкурса,
академик,
вице-президент РААСН
Г.В. Есаулов

Рождественские чтения в Московском архитектурном институте

В январе – феврале 2025 года в Московском архитектурном институте прошел ряд мероприятий в рамках XV направления XXXIII Международных Рождественских образовательных чтений «80-летие Великой Победы: память и духовный опыт поколений». Состоявшиеся мероприятия характеризуются беспорной новизной: так, впервые проведена конференция для епархиальных архитекторов и открылась выставка проектов кафедры «Храмовое зодчество», где после более, чем столетнего перерыва в здании МАРХИ проведен первый общественный молебен, а конференция «Архитектура и живопись храма» впервые открылась рядом развернутых пленарных докладов, с позиций теории и истории архитектуры раскрывших различные аспекты современного храмового зодчества.

Конференция епархиальных архитекторов

В стенах Московского архитектурного института 28 января 2025 года прошла конференция для епархиальных архитекторов «Традиции православного храмостроительства» (рис. 1). Организаторами мероприятия являются Финансово-хозяйственное управление Русской Православной Церкви, Экспертный Совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации, Московский архитектурный институт (государственная академия) (МАРХИ).¹

Рис. 1. Участники конференции епархиальных архитекторов

С приветственным словом, посвященным традициям Московской архитектурной школы, недавно отметившей свой 275-летний юбилей, к собравшимся обратился ректор МАРХИ, академик, Президент РААСН, доктор искусствоведения, профессор Дмитрий Олегович Швидковский. Своим опытом в деле храмостроительства поделился епископ Иннокентий (Яковлев), архитектор, художник, автор ряда новых храмов, среди которых Богородице-Рождественский собор во Владимире, Троицкий храм в Карабанове, храм свт. Афанасия Ковровского в Петушках.

¹ По материалам новостных сайтов МАРХИ и ФХУ РПЦ. URL: <https://www.newsmarhi.ru/2025/01/28/31990/> (дата обращения: 01.03.2025); URL: <https://www.fedmp.ru/news/vpervye-v-ramkah-rozhdestvenskih-chtenij-sostoyalas-konferentsiya-eparhialnyh-arhitektorov/> (дата обращения: 01.03.2025).

С докладом «Организация проектной работы в рамках Программы строительства православных храмов в г. Москве» выступил протоиерей Андрей Юревич, руководитель Архитектурного отдела ФХУ. Темой доклада Сергея Владимировича Борисова, кандидата архитектуры, члена Союза архитекторов Москвы, зав. кафедрой «Храмовое зодчество» являлось «Настоящее и будущее кафедры храмового зодчества МАРХИ». С дискуссионным докладом «Храмовая архитектура как часть гражданского зодчества. Анализ наиболее распространенных ошибок в проектировании современных церковных и гражданских построек на основе многолетнего опыта критики проектов» выступил протоиерей Владимир Переслегин, епархиальный архитектор Подольской епархии, член КЭС при ЕОРЕСТ Московской Епархии, архитектор-реставратор. Епархиальные архитекторы Костромской епархии, Крымской и Симферопольской митрополии обсудили вопросы практического проектирования новых и реставрации исторических храмов.

Организатор конференции, иерей Владислав Мишин, и. о. председателя Экспертного совета по церковному искусству, архитектуре и реставрации, прокомментировал отчеты епархиальных архитекторов за 2024 год и ответил на ряд вопросов. Конференция прошла в теплой дружеской атмосфере, сопровождалась заинтересованными дискуссиями, завершилась чаепитием и экскурсией по кафедре «Храмовое зодчество».

Выставка проектов кафедры «Храмовое зодчество»

В помещении галереи «ВХУТЕМАС» 6 февраля состоялось торжественное открытие выставки «Архитектурное пространство Православия: проекты кафедры Храмового зодчества 2015-2025 гг.» (рис. 2). Концепция выставки имеет свою предысторию: в период Первой мировой войны в здании института, в то время – Строгановского училища, находился военный госпиталь, а при нем – храм-часовня, освященный в честь Святителя Николая Чудотворца. Последнее богослужение прошло в 1918 году. Место расположения домового храма полностью сохранилось, в настоящее время в нем расположена выставочная галерея ВХУТЕМАС.

Рис. 2. Молебен при открытии выставки «Архитектурное пространство Православия: проекты кафедры Храмового зодчества 2015-2025 гг.»

Перед открытием выставки, по общему пожеланию трудового коллектива и обучающихся института, состоялся молебен в историческом помещении Никольского храма. Молебен совершил протоиерей Андрей Юревич, руководитель Архитектурного отдела Финансово-

хозяйственного управления Русской Православной Церкви². В центре зала временно реконструирован иконостас по его сохранившимся фотографиям. В молебне принял участие хор, состоящий из студентов и преподавателей института³. По окончании молебна о. Андрей обратился к собравшимся с проповедью, поблагодарил всех участников и организаторов выставки, пожелал успехов трудовому коллективу и учащимся МАРХИ. С приветственным словом выступил ректор МАРХИ, академик, Президент РААСН, доктор искусствоведения, профессор Дмитрий Олегович Швидковский.

Заведующий кафедрой «Храмовое зодчество» МАРХИ, профессор Сергей Владимирович Борисов отметил, что деятельность кафедры не имеет аналогов в истории и современности отечественного высшего образования, все разработки кафедры, независимо от следования тенденциям историзма, или направлениям архитектуры XX-XXI веков являются принципиально новаторскими: «На выставке представлены выпускные квалификационные работы магистрантов, которые расположены в хронологическом порядке, а также курсовые проекты магистрантов и проекты в области храмового зодчества профессорско-преподавательского коллектива» (рис. 3). Большинство проектов магистрантов кафедры выполнены на основе реальных заданий от региональных епархий и местных администраций, в том числе, на основе договора о сотрудничестве между МАРХИ и Тверской и Кашинской епархией.

Рис. 3. Профессорско-преподавательский состав кафедры «Храмовое зодчество» и магистранты 1-го года обучения перед моделью иконостаса на открытии выставки

Концепция выставки разработана заведующим кафедрой профессором С.В. Борисовым и реализована при всесторонней поддержке ректора МАРХИ академика Д.О. Швидковского, священноначалия Русской Православной Церкви и протоиерея Андрея Юревича, структурных подразделений МАРХИ, сотрудников и учащихся, помогавших в организации и монтаже экспозиции.

² По материалам новостных сайтов МАРХИ, ФХУ РПЦ, Благотворительного фонда Тверской епархии. URL: <https://www.newsmarhi.ru/2025/02/06/32083/>; URL: <https://www.fedmp.ru/news/v-marhi-sostoyalos-otkrytie-vystavki-proektov-kafedry-hramovoe-zodchestvo/>; URL: <https://tbfond.ru/v-moskovskoj-arhitekturnoj-akademii-otkrylas-vystavka-proektov-kafedry-hramovoe-zodchestvo/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ Регент хора профессор кафедры «Храмовое зодчество», канд. искусствоведения В.И. Ивановская. Певчие: магистранты кафедры «Храмовое зодчество» М. Зенина, А. Имшенецкая, А. Митина, студентка 1 к. 12 гр. кафедры «Основы архитектурного проектирования» М. Митина.

Конференция «Архитектура и живопись храма»

С 6 по 7 февраля в МАРХИ проходила межвузовская студенческая научная конференция «Архитектура и живопись храма» (рис. 4, 5). Конференция состоялась в непростое время, когда наше Отечество столкнулось с различными грозными вызовами, преодоление которых необходимо для сохранения не только национальной идентичности, но и основ государственности. Россия, созданная святыми князьями-правителями, основана на Православной вере, воспринятой от Византии, как и ее имперское мышление, в своих наивысших проявлениях объединяющее в единое целое многие народности и их традиционные религии и верования, не подавляя уникальное своеобразие, но включая его в орбиту государственности. Огромная по своей территории и разнообразию традиций Россия, как и именуемая «вселенной» ее предшественница Византия, скорее, русский мир нуждается в сплоченной защите соотечественников – не только на полях сражений, но и в укреплении отечественной веры, ее нематериальных и материальных традиций и проявлений, в частности, церковного искусства и архитектуры. Вопросы указанной направленности являлись предметом обсуждений и дискуссий на прошедшей конференции.

Рис. 4. Конференция «Архитектура и живопись храма», выступления Д.О. Швидковского, прот. Андрея Юревича, Г.В. Есаулова, С.В. Борисова

Рис. 5. Участники конференции «Архитектура и живопись храма» в зале ученого совета МАРХИ

Несомненна актуальность единения всех творческих и профессиональных индивидуальностей, заинтересованных в процветании России – и приверженцев неукоснительного соблюдения узко-региональных отечественных установлений в церковной архитектуре, и сторонников понимания национальной культуры, как синтеза

византийской первоосновы и местных культур с влиянием Западных и Восточных Церквей, и ратующих за безусловную включенность в современный жизненный ритм. Структуре профессиональных «заинтересованностей» в области церковного искусства, достаточно условной и обобщенной, отражающей, как многовековые особенности формирования отечественной традиции, так и современные вызовы, актуально составлять единое целое, но не существовать изолированно и разрозненно.

Первая часть конференции открылась приветственным словом и докладом протоиерея Андрея Юревича, руководителя Архитектурного отдела Финансово-хозяйственного управления Русской Православной Церкви, озвучившего вопросы современных тенденций в проектировании православных храмов при несомненной самобытности русской храмовой архитектуры⁴. В докладе ректора МАРХИ, академика, Президента РААСН, доктора искусствоведения, профессора Дмитрия Олеговича Швидковского рассмотрены аспекты обращения к многовековой истории мирового христианского храмового зодчества и ее непротиворечивости по отношению к лучшим достижениям авангарда; отмечена традиционность для МАРХИ, в том числе в советский период, изучения церковной архитектуры и искусства. Главный советник при ректорате МАРХИ по науке, профессор, доктор архитектуры Георгий Васильевич Есаулов рассказал об истории создания кафедры «Храмовое зодчество» и ее учебной программы; о трансформации формообразования в русском церковном зодчестве. Заведующий кафедрой «Храмовое зодчество» профессор, кандидат архитектуры Сергей Владимирович Борисов рассмотрел в своем докладе истоки современных направлений в искусстве и архитектуре в контексте особенностей западного и отечественного вероучения.

Участниками конференции, в текущем году представленными обучающимися различных школ высшего образования России, осознается значимость современных вызовов и задач в области церковного искусства и архитектуры. Более, чем в двадцати докладах отражена тематика сохранения историко-архитектурного наследия и методики воссоздания полностью или частично утраченных храмовых объектов. Участники конференции уделили внимание возрождению с учетом религиозной составляющей сельских регионов России, мест исторического расселения, повлиявших на создание «национального кода» идентичности. Освещены вопросы расширения функционального наполнения храмовых комплексов. Состоявшаяся конференция «Рождественские чтения», как и в предыдущие годы, показала актуальность комплексного изучения вопросов искусства и архитектуры православия.

Материал подготовлен С.В. Борисовым

⁴ По материалам новостных сайтов МАРХИ и ФХУ РПЦ. URL: <https://www.newsmarhi.ru/2025/02/10/32106/>; URL: <https://www.fedmp.ru/news/v-marhi-proshla-konferentsiya-arhitektura-i-zhivopis-hrama-2/> (дата обращения: 01.03.2025).

Презентация результатов научно-исследовательской работы «Шуя. Вчера, сегодня, завтра. Сохранение, восстановление, приспособление»

В Московском архитектурном институте в рамках студенческого научного объединения 13 февраля состоялась презентация результатов научно-исследовательской работы «Шуя. Вчера, сегодня, завтра. Сохранение, восстановление, приспособление».

В мероприятии приняли участие главный советник при ректорате по науке Георгий Васильевич Есаулов, куратор СНО, профессор кафедры Градостроительства МАРХИ Наталья Георгиевна Благовидова, заведующая кафедрой архитектуры МГАХИ им. В.И. Сурикова Екатерина Георгиевна Трибельская, главный архитектор города Шуи – начальник комитета архитектуры и градостроительства Александр Евгеньевич Григоров, члены СНО, преподаватели и студенты института.

Рис. 1. Презентация результатов научно-исследовательской работы «Шуя. Вчера, сегодня, завтра. Сохранение, восстановление, приспособление». Общая фотография участников научно-исследовательской работы

Научно-исследовательская экспедиция членов студенческого научного объединения в город Шуя

В сентябре 2024 года группа студентов под руководством Натальи Георгиевны Благовидовой посетила город Шую.

В экспедиции приняли участие члены СНО МАРХИ: Адилова Дилнура Рустам кизи, Ксения Криницына, Ольга Лаушина, Анастасия Молькова, Кристина Рощина, Дарья Сергеева, Екатерина Шакирьянова, Анна Ворсина, Варвара Глазунова, Денис Анисимов, Екатерина Илюхина, Камила Шантурова, Екатерина Лелюк, Виолетта Пилипенко.

Членов СНО встретил главный архитектор города Шуи Григоров Александр Евгеньевич и провел пешеходную экскурсию по городу, обозначив его историческую ценность и указав основные проблемы. Экскурсия завершилась знакомством с Главой города Шуи Корягиной Натальей Владимировной в здании администрации на ул. Советской. Наталья Владимировна — коренной житель города Шуи, хорошо знает и ценит его историю и душой болеет за сохранность объектов культурного наследия в границах исторического поселения. По ее инициативе город Шуя стал центром Русского Рождества, возродились и

поддерживаются местные промыслы на основе градообразующих исторических производств (Шуйские ситцы, Шуйское мыло, Шуйская гармонь, а также Шуйский паровоз), как важная часть Рождественского праздника. Глава города рассказала об истории города, обозначила проблемы, связанные с застройкой, сохранением объектов культурного наследия, благоустройством, развитием туризма, транспортным обслуживанием центральной части города.

Рис. 2. Научно-исследовательская экспедиция членов студенческого научного объединения в город Шуя. Общая фотография участников экспедиции с Главой города Шуи Корягиной Натальей Владимировной и главным архитектором города Шуи Григоровым Александром Евгеньевичем

Также была проведена дополнительная встреча с главным архитектором в его кабинете в здании администрации, в результате которой студентам были предоставлены материалы для дальнейшей исследовательской работы. Александр Евгеньевич обозначил основные проблемы, волнующие администрацию города – это благоустройство набережной реки Теза, как важного общественного пространства города, сохранение объектов культурного наследия и благоустройство улиц, на которых они расположены.

Рис. 3. Научно-исследовательская экспедиция членов студенческого научного объединения в город Шуя. Общая фотография участников экспедиции с главным архитектором города Шуи Григоровым Александром Евгеньевичем

Вдохновленные оказанным приемом члены СНО пригласили главу города и главного архитектора в Московский архитектурный институт в феврале 2025 года на презентацию своего исследования.

Выставка – презентация по задачам научно-исследовательской работы

Презентация результатов научно-исследовательской работы «Шуя. Вчера, сегодня, завтра. Сохранение, восстановление, приспособление» состоялась 13 февраля в МАРХИ С приветственной речью выступил Георгий Васильевич Есаулов, который заострил внимание присутствующих на связь науки с архитектурой и градостроительством и месте архитектуры в этом тандеме. Наталья Георгиевна Благовидова рассказала о том, почему объектом исследования был выбран город Шуя – город с богатой историей и удобным расположением, способствующим развитию промышленности и торговли. Шуйские купцы и фабриканты сыграли важную роль в благоустройстве и создании архитектурного облика города, силуэт которого в последующем определили храмы, соборы и колокольни.

Перед членами СНО, участниками научно-исследовательской экспедиции была поставлена цель: провести комплексный архитектурно-градостроительный анализ города; выявить ареалы застройки, обладающие различными ценностными качествами и обеспечивающими целостность историко-культурной городской среды; разработать концептуальные проекты по сохранению, восстановлению и приспособлению ОКН, играющих роль городских архитектурных доминант. Для достижения цели участникам исследовательской программы были предложены следующие задачи.

- Провести анализ формирования и развития города Шуи. Выявить ареалы застройки, обладающие различными ценностными качествами.

- Определить степень сохранности объектов культурного наследия и исторической опорной/рядовой застройки, характеризующей целостность исторической среды Шуи. Определить роль ОКН в сохранении целостности композиционной структуры исторического ландшафта, предложить концепцию восстановления Спасского собора.

- Выявить объекты культурного наследия, определяющие и формирующие идентичность города Шуи. Дать предложения по их адаптации к современным условиям.

- Разработать систему туристических маршрутов. Определить пути модернизации туристической деятельности в г. Шуе.

- Предложить концепцию благоустройства Октябрьского моста, пешеходной улицы города – Малахия Белова и примыкающей к ней Центральной площади.

- Провести архитектурно-ландшафтный анализ г. Шуи. Выявить роль реки Тезы как структурно-образующей композиционной оси города. Предложить концепцию благоустройства набережной.

- Провести градостроительный анализ пешеходно-транспортной инфраструктуры г. Шуи. Выявить важные транспортные узлы и решить проблему парковок в историческом центре города.

В экспозиции выставки были представлены 7 планшетов в соответствии с каждой задачей. На планшетах были отражены результаты проведенного натурного обследования. Студенты рассказали, о методах, которые они использовали в процессе работы: натурное обследование с фотофиксацией, анализ архивных материалов (исторические фотографии, чертежи объектов культурного наследия), генеральных планов г. Шуи и какие результаты были получены.

Рис. 4. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Выступление участников научно-исследовательской работы: Сергеева Д.Д., Шантурова К.Ш., Креницына К.Ю., Глазунова В.Д., Лелюк Е.Ю., Илюхина Е.И., Анисимов Д.В., Айрапетян Э.Г.

Задача 1 – анализ развития градостроительной структуры г. Шуи позволил выявить важнейшие этапы и события, отразившиеся в истории Шуи за 600 лет (рис. 5).

В процессе работы над задачей определена функциональная обусловленность композиционного решения планировочной структуры города. Были выявлены ареалы застройки в исторической городской среде, обладающей различными ценностными качествами. Студентами представлены значительные архитектурные объекты, характеризующие каждый исторический этап.

Город возник в 1539 году как крепость, окруженная рекой Тезой, рвом и валом и до XVIII века имел нерегулярную деревянную застройку, четыре храма, монастырь и фабрику из кирпича. В 1778 году город получил регулярный план и до XIX века развивался с учетом существующих доминант-храмов, на которые ориентировались новые улицы. В 1843 году город стал развиваться за реку Тезу, появилось промышленное Заречье с жилыми кварталами и фабриками. В XIX веке окончательно сложился архитектурный облик города,

сохраняющийся и сегодня. В XX веке в городскую черту вошли десяток сел и деревень. В 1929 году построен железобетонный Октябрьский мост, связавший две части города (архитектор А.В. Щусев, инженер Н.М. Митропольский). В 1930-е годы появились здания в стиле конструктивизма, новые рабочие поселки и предприятия. В 1950-е годы появилась новая пятиэтажная застройка и надстройка купеческих зданий. С 1960-х годов новые жилые районы по типовым проектам. С 1990 года стали восстанавливать храмы.

В Шуе XXI века сохранились и действуют 25 храмов из почти 40 бывших на период конца XIX – начала XX века. Высотной доминантой Шуи остается классицистическая колокольня Воскресенского собора, высотой 106 метров. В основе застройки современной Шуи лежит регулярная планировка 1792 года с 1-2 этажными деревянными и каменными домами XVIII – нач. XX веков, среди которых более чем 100 объектов культурного наследия.

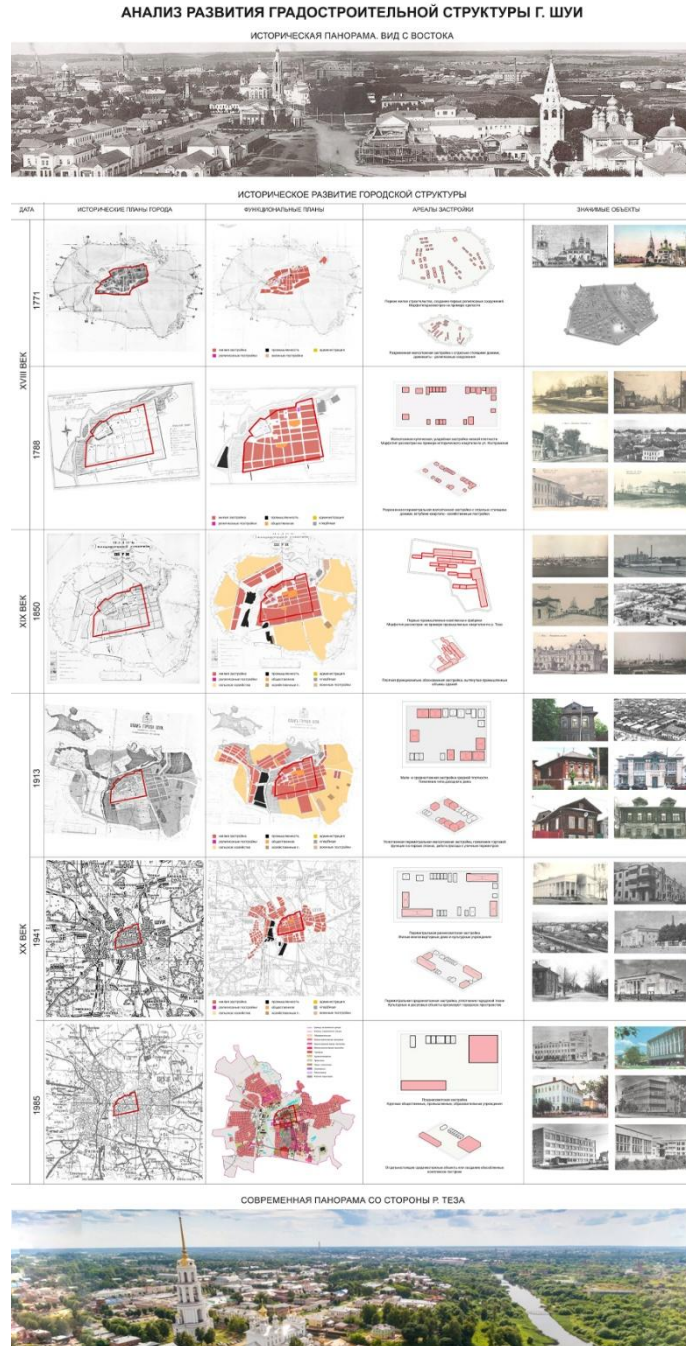

Рис. 5. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 1. «Анализ развития градостроительной структуры г. Шуи»

В задаче 2 изучалась роль ОКН в сохранении целостности исторического поселения г. Шуи (рис. 6).

При выполнении задачи было выявлено, что в Шуе имеется 104 объекта культурного наследия, в том числе 19 объектов культурного наследия имеют статус Федерального значения. Исследование опиралось на определение целостности исторической среды, разработанное В.Т. Шимко, как одно из понятий архитектурной теории, где каждый элемент органичной «живой» градостроительной системы является неотъемлемой частью существования и развития целого. При этом деформация и утрата данного элемента ведет к серьезному разрушению всей системы. Наличие в Шуе не только выдающихся объектов культурного наследия, но и сохранившейся рядовой застройки с нетронутыми фасадами и сохраненной планировочной структурой подтверждает статус Шуи как исторического поселения. В результате анализа составлена таблица ОКН, разделенных на три группы: культовые, общественные и жилые здания.

На современном плане Шуи показана концентрация ОКН в границах города 1788 года. Указаны выдающиеся объекты культурного наследия, утраченные в начале XX века, среди которых ансамбль церкви Спаса Нерукотворного (1847г.) с колокольной (1869г.) и часовней (17в.).

На основе анализа примеров реализованных инсталляций предложена концепция архитектурной инсталляции Спасской церкви и её окружения на площади Ленина взамен памятного креста. В дополнение к инсталляции предлагается создание по периметру площади арочной структуры, отражающей силуэты основных частей храма. Анализ фасадов ОКН по улице Ленина позволил выделить характерные элементы и детали, отражающие идентичность Шуи. Развертка по ул. Ленина подтверждает целостность исторической среды. Современное использование ОКН продлило жизнь памятников, а здания более позднего, советского, периода не нарушили линию застройки и вписались в контекст окружающей среды. В исследовании сделан вывод, что ОКН не только обогащают ткань исторического поселения, но и становятся важным инструментом сохранения его целостности, поддерживая культурную идентичность и стимулируя социально-экономическое развитие города через туризм.

Задача 3 – объекты культурного наследия, предложение по адаптации к современным условиям, заключалась в разработке концепций по приспособлению объектов культурного наследия для современного использования, как способа их сохранения (рис. 7).

Критерием выбора объектов с целью их приспособления стала не только их ценность как ОКН, но также их влияние на развитие города, эмоции горожан, хранящих память и историю своего рода и города. В выборку попали: здание Гостиного двора, Киселевская больница с домовым храмом Василия Парийского, здание Благородного собрания (ныне городской Дом Культуры), Водонапорная башня.

Здание Гостиного двора предлагается приспособить под музей Рождества, сувенирные магазины, гостиницу, комнаты мастер-классов по местным народным промыслам. Внутренние дворы благоустраиваются под рекреации для гостей и местных жителей.

В концепцию приспособления Киселевской больницы заложена идея поддержки туристической инфраструктуры. Функция гостиницы для паломников в наибольшей степени отвечает исторической подлинности и сохранности интерьерного пространства, в том числе домовой церкви. В концепции разработаны планировки помещений и благоустройства двора. Чтобы сохранить память о величественном ансамбле Спасского собора предлагается два варианта часовни: с шатровым завершением и с купольным. Образ часовен ассоциируется с утраченным собором и колокольной.

Для Дома культуры предложена концепция устройства внутреннего двора с размещением в нем парковочных мест, кафетерия, летней веранды и сцены для выступлений и кинопросмотров.

Объект культурного наследия – Водонапорную башню предлагается приспособить под магазин сувенирной продукции и смотровую площадку на верхнем уровне. По всем исследуемым объектам проведен анализ исторических документов и фотоматериалов. На их основе созданы аксонометрические изображения, которые могут использоваться в рекламных буклетах. Несмотря на частичную перепланировку зданий и смены их функционального назначения, задачей ставится максимально сохранить подлинность зданий, их историческую ценность, в соответствии со статьей 44 ФЗ от 2 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры народов РФ)».

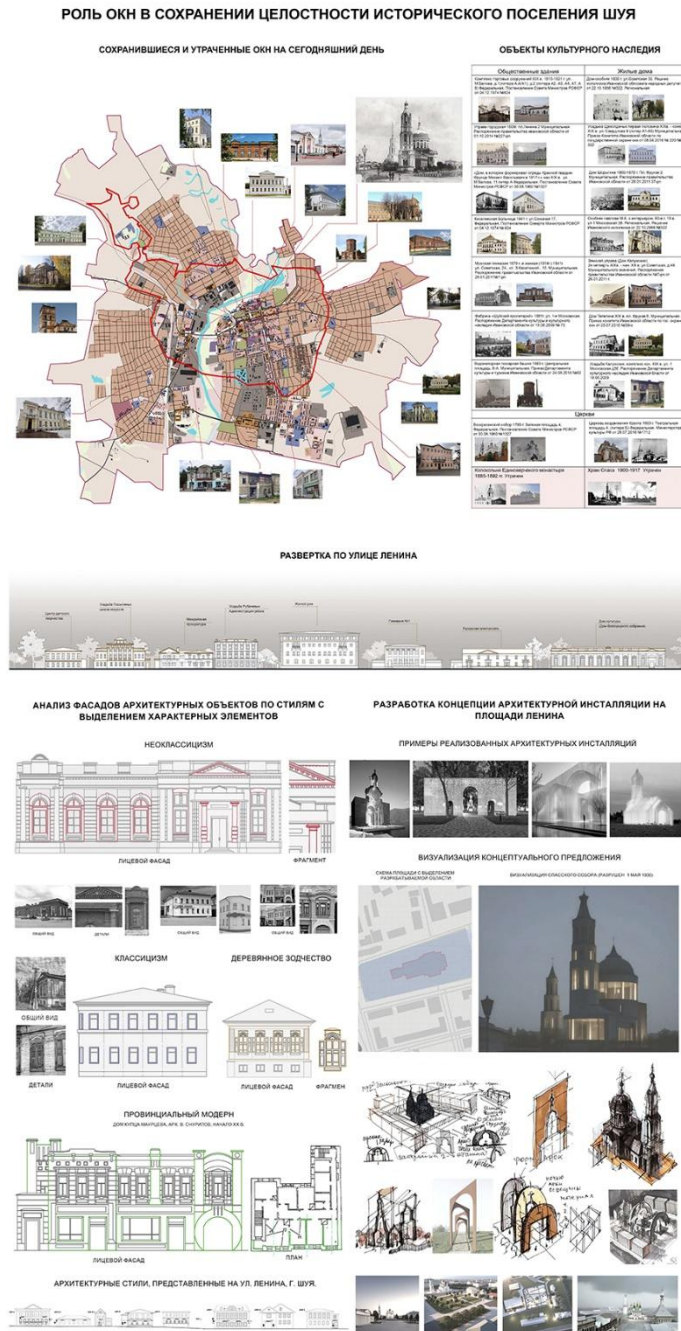

Рис. 6. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 2. «Роль ОКН в сохранении целостности исторического поселения г. Шуи»

ОКН. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО АДАПТАЦИИ К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ

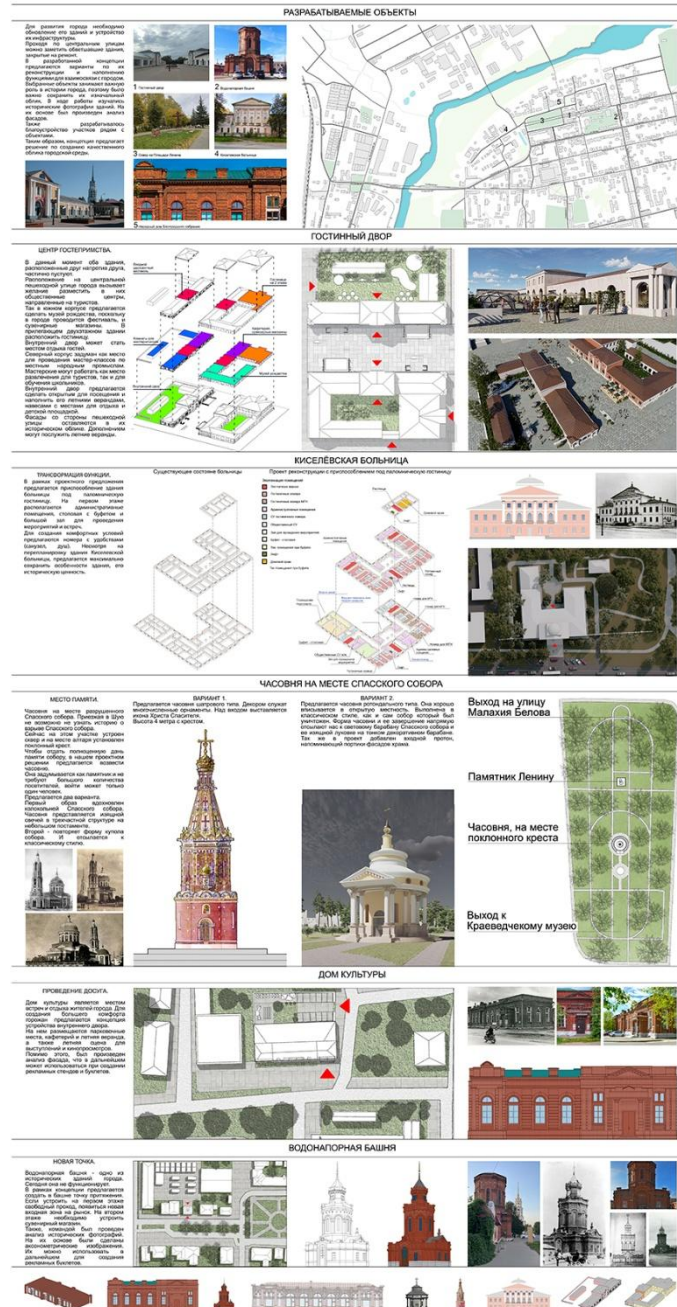

Рис. 7. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 3. «Объекты культурного наследия. Предложение по адаптации к современным условиям»

В задаче 4 предполагалось разработать туристические маршруты по городу Шуе и пути их модернизации (рис. 8).

Актуальность проблемы туристической деятельности в городе Шуе неоднократно поднималась и освещалась на конференциях, посвященных развитию туризма в Шуе. В настоящее время на первый план выходит вопрос о создании имиджа города как туристического центра. Решение задачи заключалось в разработке единой системы туристических маршрутов в городе Шуе по объектам, формирующим его уникальную идентичность.

В соответствии с поставленной задачей предложены следующие туристические маршруты:

- Паломнический маршрут погружает в историю и культуру города, позволяет познакомиться как с существующими, так и с утраченными примерами храмового зодчества разных периодов развития Шуи, как важного духовного центра Ивановской области.

- Купеческий маршрут знакомит с историей купечества, его вкладом в развитие города, архитектурными особенностями и жизнью значимых горожан. Он начинается от Гостиного двора, охватывает 24 купеческие усадьбы, и завершается музеем-усадьбой фабриканта и благотворителя М.А.Павлова.

- Обзорный маршрут построен на аудио-дневнике для самостоятельной экскурсии по Шую. Он включает три тематических блока: историю города, культурное наследие (включая творчество Константина Бальмонта) и вклад известных жителей в развитие Шуи.

- Идея видового маршрута заключается в возможности познакомиться с живописными местами города Шуи. Основными точками маршрута являются ключевые обзорные площадки, откуда открываются панорамные виды на природный ландшафт и городские пространства.

Основным элементом благоустройства является выделенная на тротуаре полоса шириной 30 см, вымощенная плиткой, которая сопровождает все маршруты и служит удобным ориентиром для туристов. Маршруты предусматривают установку объектов благоустройства в историческом стиле, таких как скамейки, информационные щиты, памятные знаки, информационные тумбы и другие элементы, связанные с историческими зданиями и событиями города Шуи.

В задаче 5 разрабатывалось благоустройство улиц вдоль туристических маршрутов (рис. 9).

Туризм, как одна из доходных отраслей экономики, требует для практической реализации внимания к вопросам качества предоставляемых услуг. Для развития туристической инфраструктуры не менее важную роль играет благоустройство улиц, по которым проходят туристические маршруты. При посещении города членами студенческого научного объединения были отмечены участки, требующие модернизации. Для решения этой проблемы проведен анализ архитектурно-планировочной структуры города и были выбраны 7 участков: Октябрьский мост, территория у дома Трудолюбия и Краеведческого музея, площадь перед Покровской церковью, участок перед въездом на Октябрьский мост, улица Малахия Белова и Центральная площадь.

В результате проведенного исследования предложена система малых архитектурных форм с модульной системой каркаса и разработаны варианты современного озеленения. Для Октябрьского моста предлагается размещение малых архитектурных форм с озеленением на всём протяжении пути и организацией фотозон, мест для встреч и велодорожек. Территорию у дома Трудолюбия и Краеведческого музея, а также площадь перед Покровской церковью предлагается объединить в одну общую зону с игровыми площадками и тихими зонами. Участок за Ильинской церковью задуман как место воскресных встреч со столиками и навесами. Заросший участок перед въездом на Октябрьский мост преобразовывается в уютный сквер. Особое внимание уделено пешеходной улице Малахия Белова, для благоустройства которой разработана модульная система, которая дополнена торговыми павильонами, качелями, велодорожками и фонтанами. На Центральной площади предлагается использование малых архитектурных форм, подчеркнуты входные группы, сделаны ограждения для заезда машин и устроены места для отдыха.

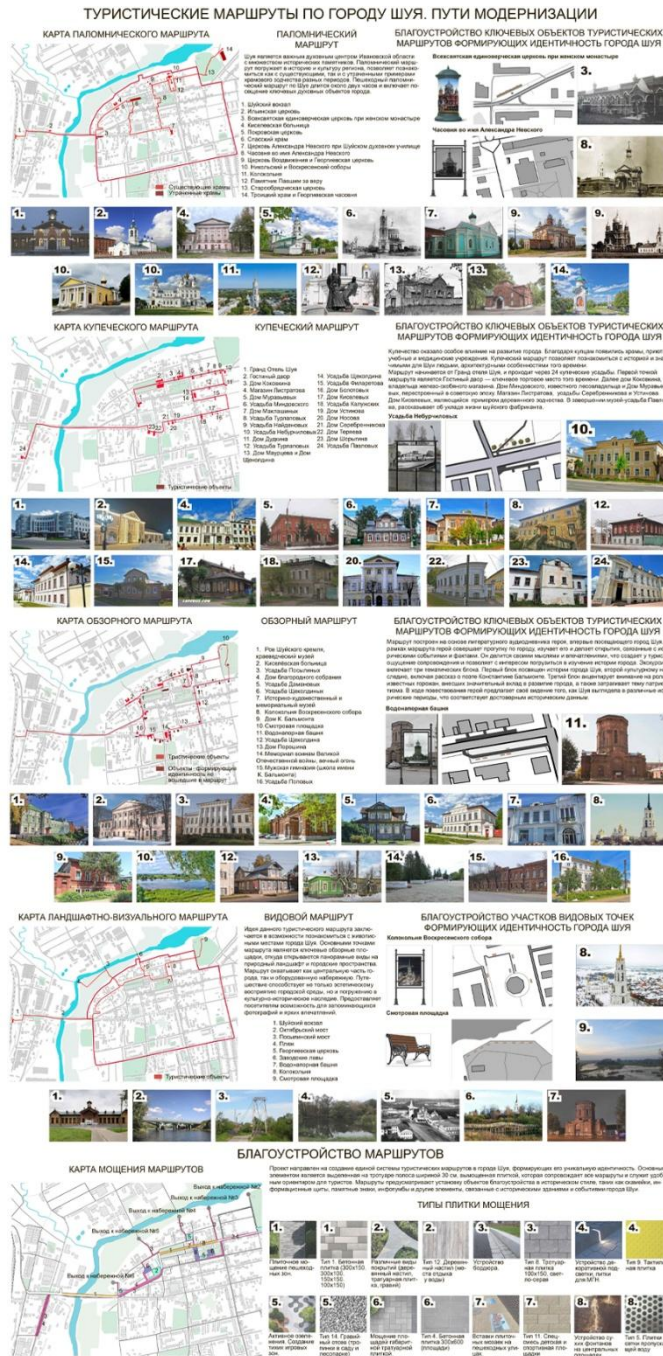

Рис. 8. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 4. «Туристические маршруты по городу Шуе. Пути их модернизации»

Рис. 9. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 5. «Благоустройство улиц вдоль туристических маршрутов»

В задаче 6 решается проблема интеграции прибрежной территории реки Тезы в планировочную структуру г. Шуи. Рассматривается возможность организации пешеходных связей левого берега реки с главными туристическими объектами города и восстановление речного транспорта (рис. 10).

В настоящее время река утратила градообразующий статус, она потеряла свою полноценную функцию транспортной артерии города и не в полной мере используется местными жителями. На прибрежной территории отсутствуют благоустроенные пешеходные маршруты и общественные функции. Данный фактор является ярким примером формирования территориальной депрессивности, выражающейся в деградации территории с течением времени.

В результате проведенного исследования разработана концепция по воссозданию роли реки, как одного из главных связующих элементов пешеходного каркаса города и важного элемента развития его туристического потенциала. В концептуальном проекте благоустройства набережной реки Тезы учитывается природный ландшафт и историческое наследие города. Позиционирование Шуи как духовного центра области, подчеркивается проработкой маршрутов от набережной реки к самым посещаемым туристическим достопримечательностям: колокольне Воскресенского собора, Крестовоздвиженскому храму, Покровской и Ильинской церквям. Важным элементом структуры набережной является сеть пирсов с маяками, фиксирующими точки причалов, от которых открывается вид на Заречье. Эти места удобны для рыбалки, отдыха и общения туристов и местных жителей.

Таким образом, благоустроенная набережная реки Тезы может стать важным связующим элементом существующей планировочной структуры города. А включение в благоустройство набережной культурно-развлекательных, спортивно-оздоровительных и созерцательных функций делает ее не только значимым общественным пространством и частью пешеходной структуры города, но и привлекательным местом для жителей и туристов.

Для задачи 7 исследовались основные транспортные потоки города Шуи (рис. 11).

Шуя расположена в междуречье Волги и Клязьмы на реке Тезе, притоке реки Клязьмы, что способствовало быстрому развитию торговли и росту города. Открытие в 1868 году Шуйско-Ивановской линии железной дороги усилило торговые связи Шуи. Шуя получила связь с Архангельском через Северную железную дорогу и Москвой через Московско-Ярославскую железную дорогу. На сегодня основными транспортными средствами для сообщения с городом являются автомобильный транспорт и железнодорожные пути. Путь по ж/д из Москвы занимает 3 часа, на машине – 4 часа. Основные улицы города – Свердлова, Советская, Ленина, Комсомольская, Октябрьский мост-2.

В соответствии с поставленной задачей был проведен градостроительный анализ пешеходно-транспортной инфраструктуры г. Шуи. Выявлены важные транспортные узлы, предложена концепция решения проблемы транспортных путей и парковочных мест в историческом центре города. Исследование инфраструктуры города показало отсутствие современного благоустройства и туристического дизайна, что является причиной небольшого туристического потока в Шуе (6-7 тыс. человек в год). Для эффективного развития туризма в г. Шуе, должна быть разработана концепция на основе местных ресурсов, в том числе пешеходно-транспортной инфраструктуры.

В результате исследования были предложены транспортные маршруты – речной, автомобильный и велосипедный. Также была разработана концепция по размещению автостоянки в пешеходной доступности от центра. Парковочные места были размещены в зоне двора Театральной площади в непосредственной близости от Воскресенского собора. Следующим местом стал паркинг у магазина «Главмаг». В работе предложены два варианта. В первом – торговая зона переносится во вновь создаваемую застройку по периметру квартала, а «Главмаг» демонтируется как диссонирующий объект и на его месте создается зеленая зона. Фасады стилизованы под гостиные дворы XVII-XVIII веков, что соответствует облику города. Во втором варианте «Главмаг» закрывается двухэтажной торгово-общественной блокированной застройкой со стороны улиц Советская и Васильевская (рис. 11).

Рис. 10. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 6. «Концепция развития набережной реки Тезы, города Шуи»

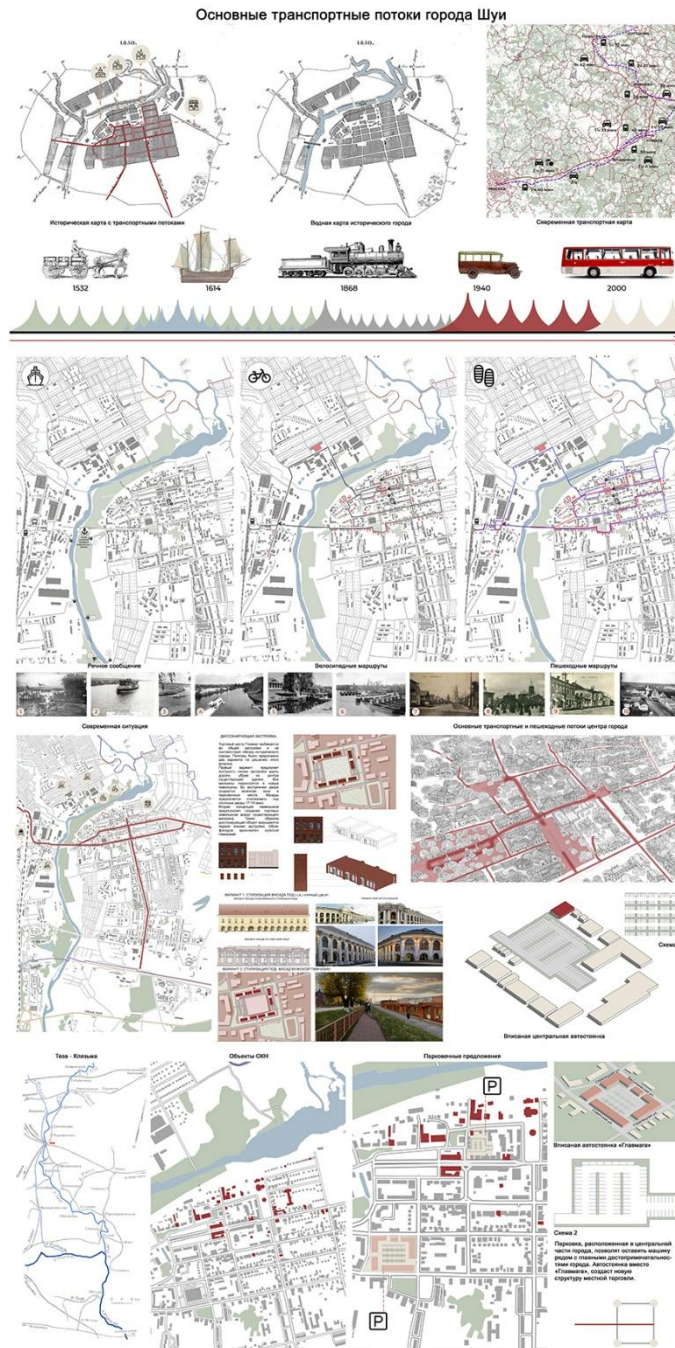

Рис. 11. Выставка-презентация по задачам научно-исследовательской работы. Планшет задача 7. «Основные транспортные потоки города Шуи»

По завершении презентации главный архитектор Шуи Александр Евгеньевич Григоров прокомментировал особо актуальные для города этапы исследования, подчеркнув, что благодаря проделанной студентами работе он смог увидеть весь масштаб предложенных решений и взглянуть на задачи, стоящие перед городом, с другой стороны. Александр Евгеньевич вручил Студенческому научному объединению МАРХИ Благодарность за выполнение научно-исследовательской работы, отметив высокий профессиональный уровень проектных предложений, и выразил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество с институтом.

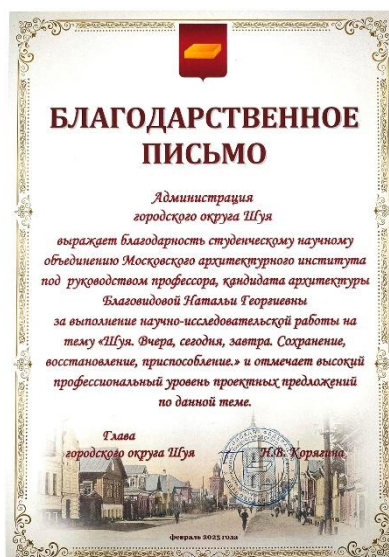

Рис. 12. Благодарность, врученная Студенческому научному объединению МАРХИ за выполнение научно-исследовательской работы

В свою очередь главный советник при ректорате по науке Георгий Васильевич Есаулов вручил главе городского округа Шуя Наталье Владимировне Корягиной и главному архитектору – начальнику комитета архитектуры и градостроительства Александру Евгеньевичу Григорову благодарности «за содействие в проведении натуральных исследований обучающимися Московского архитектурного института (государственной академии) в городе Шуя и предоставление материалов в рамках научно-исследовательской работы «Шуя. Вчера, сегодня, завтра. Сохранение, восстановление, приспособление».

В завершение презентации студент МАРХИ Гаджиев Руслан передал в дар Администрации городского округа Шуя картину, на которой изображена церковь Спаса Нерукотворного Образа в г. Шуя.

Рис. 13. Вручение картины в дар Администрации городского округа Шуя

Материал подготовлен Благовидовой Н.Г., Илюхиной Е.И.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 72.06:72.032(32)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-32-45

EDN: HFXSOV

Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть I. Древний Египет и Двуречье**Михаил Юрьевич Веденёв^{1✉}, Николай Леонидович Павлов²**^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия¹m.vedenev@markhi.ru, ²pavlovn@mail.ru

Аннотация. Профессия архитектора имеет свои исторические корни в глубокой древности. Ее зарождение связано, с одной стороны, с развитием строительных технологий – здесь архитектор предстает и как культурный герой, давший людям новое ремесло – ремесло зодчего, и как реальный руководитель строительных работ, и как творец в высоком смысле слова, уподобленный демиургу. С другой стороны, статусом архитектора – творца Этого Мира – наделялись верховные боги. Кроме того, существовали боги – покровители профессии, которые могли быть и соучастниками сотворения мира, и соучастниками творческого процесса архитектора. В подобном, божественном качестве могли выступать и верховные правители – жрецы богов. Эти и целый ряд других аспектов архитектурной деятельности отразились в понятийном аппарате зодчего Древности и в терминах, определяющих его официальный статус. Данной теме, разработку которой в отечественной египтологии начала М.Э. Матье, долгое время не уделялось достаточно внимания. Авторы надеются, что представляемая вниманию читателей статья и планируемые к выходу вслед за ней публикации позволят восполнить отмеченный пробел.

Ключевые слова: бог-зодчий, царь-зодчий, культурный герой, боги-покровители строительства; глина, тростник, канал; статус архитектора

Для цитирования: Веденёв М.Ю. Сакральный и технический аспекты профессии архитектора в Древности. Часть I. Древний Египет и Двуречье / М.Ю. Веденёв, Н.Л. Павлов // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 32-45. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-32-45. EDN: HFXSOV

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part I: Ancient Egypt and Mesopotamia**Mikhail Yu. Vedenev^{1✉}, Nikolay L. Pavlov²**^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia¹m.vedenev@markhi.ru, ²pavlovn@mail.ru

Abstract. The profession of the architect has deep historical roots, originating in Antiquity. Its emergence is linked, on the one hand, to the development of construction technologies – where the architect appears both as a cultural hero who introduced humanity to the craft of building, as a real overseer of construction works, and as a creator in the highest sense, likened to a demiurge. On the other hand, the status of the architect as the creator of This World was also attributed to supreme deities. Furthermore, there were gods who served as patrons of the profession, acting

¹ © Веденёв М.Ю., Павлов Н.Л., 2025

as both co-creators of the world and as participants in the architect's creative process. In this divine capacity, supreme rulers – priests of the gods – could also be seen as architects. These and many other aspects of architectural activity were reflected in the conceptual framework of ancient builders and in the terminology defining their official status. This topic, which was initially explored in Russian Egyptology by Militza Matthieu, has long remained underexamined. The authors hope that this article, along with future publications on the subject, will help fill this gap.

Keywords: God-architect, king-architect, cultural hero, patron deities of construction, clay, reed, canal, architect's status

For citation: Vedenev M.Yu., Pavlov N.L. Sacred and technical aspects of the architect's profession in Antiquity. Part I: Ancient Egypt and Mesopotamia. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 32-45. Available at:

https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/01_vedenev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-32-45. EDN: HFXSOV

Введение

В профессии архитектора есть целый ряд аспектов, которые, начиная с глубокой Древности, определяют ее природу, роль в истории культуры и, соответственно, статус зодчего в различные исторические эпохи. Два из таких аспектов – сакральный и технический – представляются особенно важными при исследовании истоков становления понятийного аппарата архитектуры и статуса архитектора. Сакральный аспект относится к общекультурному процессу Древности, в котором последовательное освоение технологий представлялось как дар богов или культурных героев – благодетелей человечества. Технический аспект представляет собой материальные результаты последовательного освоения различных технологий строительства и, соответственно, относится к позиционированию архитектора в качестве руководителя строительства. Эти два аспекта соотносятся между собой как существовавшие параллельно пути становления понятийного аппарата архитектурной деятельности и статуса архитектурной профессии.

Применительно к египетской, шумеро-аккадской, античной, индийской и китайской Древности граница между сакральным и техническим в целом ряде случаев видится достаточно условной. В данном исследовании под сакральным аспектом мы будем понимать различные варианты соотношения деятельности архитектора с божественным актом творения мира, с определением божественного предназначения профессии и наделением богов статусом «божественного архитектора», обожествлением архитекторов-исторических персонажей. Под техническим аспектом – все то, что относится к технологии производства работ и используемым материалам.

Исторические источники, к которым мы будем обращаться в ходе исследования, можно разделить на две основные разновидности: оформленные в каком-либо материале и оформленные в виде текста. В письменных источниках воплощается сформировавшаяся в процессе развития человека естественная знаковая система – язык. Образно говоря, есть история слова и история камня. Обе эти истории взаимно дополняют друг друга.

Слово и камень принадлежат к «остаткам» (в терминологии немецкого историка-методолога Эрнста Бернгейма) человеческой деятельности. Среди этих остатков есть те, что относятся к «невольным пережиткам», произведенным на свет без всякого осознанного намерения сохранить воспоминание и без всякой мысли о будущем [1]. Важность «невольных пережитков» – в их способности отражать культуру «безмолвствующего большинства» (по терминологии А.Я. Гуревича [2]). Одним из таких «невольных пережитков» выступает язык, поэтому в рамках данного исследования, которое будет включать в себя цикл статей, мы будем часто обращаться к этимологии слов.

Наша задача – не просто выявить этимологию слов «самих по себе», а использовать лингвистический материал для исследования изменения статуса архитектора в

историческом процессе. При выборе порядка изложения мы будем ориентироваться на последовательность, представленную в курсах по всеобщей истории архитектуры – это даст возможность проследить возникновение и становление представлений о профессии архитектора в ряде культур Древности. Следуя сложившейся традиции, в первую очередь мы рассмотрим Древний Египет и Двуречье.

1. Древний Египет

1.1. Сакральный аспект архитектурной деятельности в Древнем Египте

Мировоззрение людей древности нашло свое отражение в мифах – в этих первых попытках человечества воспроизводить историческую память о смысловом значении прошедших времен вплоть до становления Этого Мира. По прошествии времени многие мифы так или иначе были зафиксированы в письменном виде. Мифы имеют много общих черт друг с другом, что свидетельствует о единстве человеческого мышления независимо от того, в каком уголке земного шара возникло то или иное предание. В самом начале мира, согласно мифам, находится исходное божество, создавшее по своей мысли весь мир и выступающее отцом всех богов, людей и вещей. В одном из вариантов сотворения мира, известных нам из древнеегипетской мифологии, таким божеством был Птах. Мемфисское сказание о сотворении мира говорит о нем следующее: «И был Птах доволен после того, как он создал все вещи и божьи слова. И он родил богов, *он создал города, он основал номы, он поставил богов в их святилища*², он учредил их жертвы, он основал их храмы, он создал их тела по желанию их сердец» [3, с.230-231].

Египетское слово Pth ()³, обозначающее имя Птаха, одновременно означало «творить, создавать, придавать форму»³. Птах как бог характеризовался эпитетом «любящий свои искусства» (, Pth-mr-ḥmw.w=f⁴). Если Птах был первопричиной

всего сущего, то божеством, непосредственно связанным с архитектурой, была Сешат – богиня-женщина, покровительница письма, служившая воплощением мудрости. Показательно, что искусство и письмо как проявления мудрости ассоциируются именно с женщиной. Здесь следует отметить, что «сотворение мира происходит в присутствии Премудрости-художницы, именуемой Хике в Древнем Египте и Хокмой в канонической Библии, олицетворяющей особое, художественное качество акта творения» [4, с.13]. Сешат отождествлялась с другой богиней египетского пантеона – Нефтидой. М.Э. Матье предлагает переводить имя Сешат (Sš:t |)⁵ как «Владычица архитекторов». Текст пирамиды Тети, посвященный обряду нахождения и оплакивания тела Осириса, содержит следующий оборот: «Нефтида собрала для тебя все члены твои в имени ее этом Sš:t, „Владычица архитекторов“, и они сопровождают тебя и отдают матери твоей Нут в имени ее „Гробница“, она обнимает тебя в имени ее „Саркофаг“, и ты поднимаешься к ней в имени ее „Усыпальница“» [3, с.28].

Богиня Сешат, как покровительница творчества, сопутствовала фараону, выступавшему в качестве бога-зодчего при основании храмов⁶. Строительство храмов было долгом фараона перед своим отцом-божеством Амоном. Частью титулатуры фараона эпохи

² Здесь и далее текст в цитатах выделен авторами статьи. Орфография цитат приведена в соответствие с современными правилами. Термин «Этот Мир» введен в авторской орфографии как обозначающий сферу реально существующей действительности. В Древности граница между Этим Миром в представленном понимании и миром, в котором живут боги, была условной.

³ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/63000> (дата обращения: 26.01.2025).

⁴ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/859879> (дата обращения: 26.01.2025).

⁵ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/144620> (дата обращения: 26.01.2025).

⁶ См. надпись из храма Гора в Эдфу: «Беру деревянный колышек, держу шнур с Сешат; мой взор следит за бегом звезд» [4, с.13].

Нового царства была его характеристика в качестве строителя «памятников отцу своему Амону»⁷.

Архитектура, формировавшаяся от солнца – линией, углом и мерой, служила материальным воплощением, фиксацией творящей мощи солнечного бога на земле. Соответственно, на ранних стадиях становления монументальной архитектуры зодчий выступал как верховный жрец солнечного бога. Титулатура Имхотепа, создателя ступенчатой пирамиды и поминального комплекса Джосера в Саккаре, формулировалась следующим образом: «Визирь, первый после царя, хранитель печати, верховный жрец Гелиополя, начальник всех работ Верхнего и Нижнего Египта» [5, с.27] (рис. 1). В таком аспекте зодчий Имхотеп приобрел статус культурного героя, от которого пошли все науки, искусства и ремесла. В эллинистическое время он был обожествлен как Асклепий – бог врачевания.

Рис. 1. Имхотеп – зодчий XXVII века до н.э., автор комплекса пирамиды Джосера

1.2. Технический аспект архитектурной деятельности в Древнем Египте

Строительство храмов понималось в Египте в качестве одного из предназначений человека, появившегося в мир. Архитектурная деятельность носила ярко выраженный сакральный смысл. К примеру, в эпоху Нового царства она свидетельствовала о заботе фараона о боге Амоне-Ра, которого, как мы отметили выше, фараон почитал своим отцом. Вместе с тем, следует отметить, что в египетском языке строительная деятельность как предмет человеческих усилий и деятельность богов как создателей разграничивались. Исходя из изученных нами письменных источников, представленных в Тезаурусе египетского языка (*Thesaurus Linguae Aegyptiae*), египтяне не применяли метафору строительства к божеству. С этой точки зрения показательным служит следующее предложение со стелы Аменхотепа II: *qm³.n sw jt(j) (=f) R'w r qd (n) =sn k'³rj.PL =sn*, в которой

⁷ См., например, надпись на стеле Сети I: «Да здравствует совершенный бог, создающий памятники отцу своему Амону-Ра <...>, царь Верхнего и Нижнего Египта и повелитель Двух Земель, устанавливающий справедливость Ра, сын Ра, владыка Корон, Сети, возлюбленный Птахом, которому жизнь дана, как Ра, навечно». URL: <https://thesaurus-linguae-egyptiae.de/text/6ZVWQAHV2JEFZLIBY7SGVLD CYM/sentences> (дата обращения: 26.01.2025).

говорится о фараоне, что Ра создал (*qm'*)⁸ его, чтобы он построил (*qd*) святилище⁹. Египетская архитектура, при всем ее сакральном характере, все же оставалась делом рук человеческих, не преуменьшая при том свое значение «памятника вечности, изысканно выполненного с учетом требований бесконечности»¹⁰.

Собственно строительная деятельность в Египте обозначалась несколькими словами, восходящими к корню *qd*. Иероглифическое начертание *qd* было , что дословно обозначало «горшок»¹¹. Строитель, скульптор, гончар обозначались одним и тем же словом *qd.w*, в иероглифическом начертании   ¹². Таким образом, строительная деятельность, как об этом свидетельствует египетский язык, была родственна гончарному ремеслу. Это не случайное совпадение – жилища в Египте строились из глины по каркасу из жердей и прутьев, позднее стал применяться кирпич-сырец.

Древнейшие египетские наосы строились из тростника по каркасу из жердей, а впоследствии, по свидетельству многочисленных изображений, стали обмазываться глиной (рис. 2). Еще позднее в архитектуре сакральных зданий стал использоваться кирпич-сырец, а затем храмы стали возводить из камня.

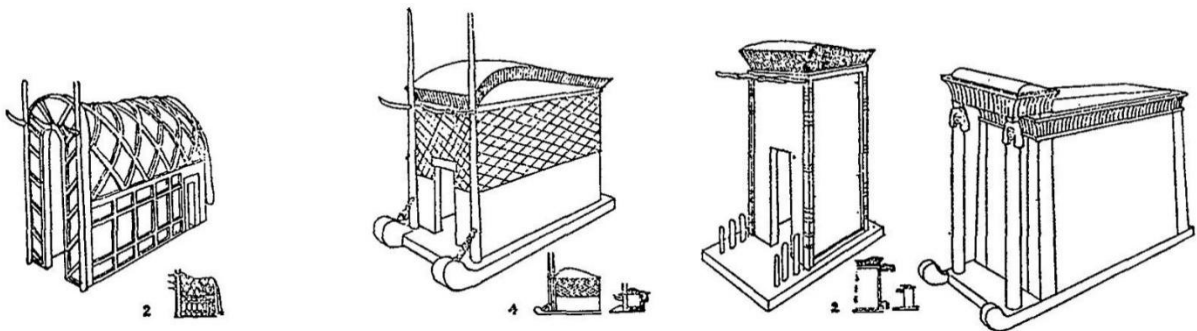

Рис. 2. Древний Египет. От плетеного к глиняному святилищу. Историческая эволюция святилища Анубиса (реконструкция Александра Бадави)

Однако, лингвистическая память о работе с глиной при строительстве осталась. Начальник строителей обозначался словом *jm.j-r'-qd.w*, в иероглифическом начертании   ¹³. Следующей ступенью был царский строитель и зодчий (иероглифическое начертание   ¹³ приведено по М.Э. Матье [5, с.9]), над которым стоял царский строитель и зодчий в обоих домах – т.е. в Верхнем и Нижнем Египте, обозначавшийся *mdh.w-qd.w-nswt-m-pr.wj*,

⁸ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/160570> (дата обращения: 26.01.2025).

⁹ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/sentence/IBkBR5OItllik7aknIWgPVTkhQ> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁰ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/text/NW3QVVI5YRAD7F6HR5GGNDDDBGA/sentences> (дата обращения: 26.01.2025).

¹¹ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/162410> (дата обращения: 26.01.2025).

¹² Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/162500> (дата обращения: 26.01.2025).

¹³ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/401207> (дата обращения: 26.01.2025).

иероглифическое начертание – ¹⁴. Высшей ступенью карьеры была должность начальника всех работ царя – *jm.j-r'-k'.t-nb.t-n.t-nswt*, в иероглифическом начертании – ¹⁵. Надо отметить, что наименования всех предыдущих должностей имели в своем составе корень *qd*, но на высшей ступени – начальника всех работ царя – этот корень уже не используется. В птолемеевскую эпоху начальник всех работ царя обозначался как *ἀρχιτέκτων τῶν ἐν τῷ νομῷ ἔργων* (архитектор государственных работ), что позволило М.Э. Матье сделать предположение о том, что *jm.j-r'-k'.t-nb.t-n.t-nswt* и *ἀρχιτέκτων τῶν ἐν τῷ νομῷ ἔργων* – это одно и то же [5, с.11].

Таким образом, греческий термин *ἀρχιτέκτων*, из которого возникнет знакомое нам слово «архитектор» использовался в эпоху птолемеевского Египта в значении руководителя работ. Архитектор в Египте – это начальник, происходивший зачастую из высшей знати, которому приходилось управлять коллективом, состоящим из большого числа квалифицированных ремесленников и неквалифицированных рабочих. Биография зодчего Нахебу, приведенная М.Э. Матье, свидетельствует о том, что архитекторы последовательно проходили различные стадии руководства строительством и тем самым приобретали необходимую квалификацию [5, с.8-9]. Поскольку на примере Египта мы впервые в истории сталкиваемся с иерархией должностей архитекторов, представляется необходимым привести ее целиком:

- 1) начальник работ (его помощник ведет записи и носит письменный прибор своего руководителя – по всей видимости, речь шла о выполнении некоторых элементов современных нам проектных работ, а именно – расчета рабочей силы, материальных ресурсов, продолжительности строительства);
- 2) надсмотрщик над строителями (его помощник носит измерительный жезл своего руководителя – здесь, по всей видимости, речь шла о непосредственном производстве строительных работ и контроле за правильностью их ведения);
- 3) начальник строителей;
- 4) царский строитель и зодчий;
- 5) единственный семер, царский строитель и зодчий в обоих домах (появление титула «семер» обозначает придворный статус архитектора);
- 6) начальник всех работ царя (высшая придворная должность, не связанная непосредственно с архитектурной деятельностью, аналог премьер-министра в современном понимании).

Со временем в определении зодчего высшие ранги его титулатуры, в том числе сакральные, исчезают. Прославившие свои имена зодчие Нового царства Инени и Аменхотеп сын Хапу уже не являются жрецами¹⁶. При Птолемах, как было показано ранее, главный архитектор фараона становится просто «государственным зодчим».

2. Двуречье

2.1. Сакральный аспект архитектурной деятельности в Двуречье

В представлении народов, населявших Двуречье (Месопотамию), смысл жизни человека состоял в служении богам. Эта установка была зафиксирована здесь максимально прямо

¹⁴ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/401206> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁵ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/401164> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁶ См. титулатуру Инени, которую приводит Дж.Г. Брестед: «Наследный князь, визирь, начальник всех работ в Карнаке, начальник двойного серебряного дома и двойного золотого дома, хранитель печати в доме Амона, князь, начальник двойной житницы Амона» [6]. Титулатура Аменхотепа сына Хапу по М.Э. Матье: «Наследный князь, начальник всех работ царя, единственный семер, носитель опахала по правую сторону царя, [руководитель] празднеств, воспитатель старшей царевны» [5, с.78].

и недвусмысленно¹⁷, отчего были неизбежны, как минимум, два последствия – героическое сознание (жизнь героя – жертва богам) и обширное храмовое строительство.

Ответственность перед богами за служение людей нес царь, совмещавший в себе две основные функции – руководство строительством храмов, именуемых *bit-ili* (дом бога) [8, с.134], и совершение жертвоприношений. Этот царь-первосвященник именовался *ensi (k)* (энси), что означало «возглавляющий народ (или род) жрец, закладывающий (храмы и другие здания)» [9, с.121].

Цари видели свое предназначение, в первую очередь, не в военных походах, а в строительстве домов богов и оросительных систем¹⁸. Престиж строителя отражен в эпосе о Гильгамеше, начало и конец которого закольцованы строчками, воспевающими город Урук¹⁹. Город в сознании народов Двуречья обладал настолько большой ценностью, что даже боги считались населяющими «небесный город» [9, с.141].

Божествам приписывалось создание земных городов. Культурный герой Двуречья – бог Энки, создатель мировых ценностей, хранитель основ цивилизации, придумавший, среди прочего, «форму для кирпича», считался основателем города Эреду [10].

Культ общего божества связывал соседние поселения в единый «город-государство»²⁰, центром которого был храм [12]. Разрушение храма было равносильно политическому уничтожению города [8, с.120].

Местом пребывания богов было *Ub-šu-unken- (n) a (k)*, что означает «пространство (или огражденное место, платформа) для устройства собрания» [9, с.129]. Слово *ub* обозначало ярус зиккурата – одного из символов архитектуры Двуречья. Слово «экур» в аккадском языке обозначает «седалище бога», сам же зиккурат был ступенчатой пирамидой, построенной по принципу «алтарь на алтаре» и завершенной вознесенным в небо храмом [13].

Указание на строительство было частью титулатуры царей, в частности, Яхдун-Лима (*ana Jaḥdunlim ba-ni bi-ti- šu* [14, р.85]). Следует отметить, что слово *banû* обозначало не только строительство, но и акт творения, а также разработку плана, моделирование ситуации [14, р.83]. Это же слово характеризовало деятельность богов по обустройству космоса, относилось к тотальности творения [14, р.88], а также к абстрактным концепциям – в частности, к утверждению справедливости [14, р.89]. Кроме того, это слово обозначало рождение, сотворение [14, р.90]. В этом контексте к слову *banû* становится близким

египетское слово *msw.t* (в иероглифическом начертании – , отчетливо виден шалаш из трех жердей), также обозначавшему «рождение»²¹.

¹⁷ «Бремя работы на богов должны они нести, на вечные времена установлены границы: строительную корзину и строительную доску должно дать им в руки, чтобы строили они величественное здание (храм) для богов» [7, с.16].

¹⁸ Как указывает И.М. Дьяконов, «все древнейшие надписи шумерских правителей были посвящены исключительно строительству – основанию или перестройке храмов и каналов, даже в тех случаях, когда можно с уверенностью сказать, что данный правитель был завоевателем» [9, с.121].

¹⁹ «Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли,
И заложены стены не семью ли мудрецами?» [11].

²⁰ См. у И.М. Дьяконова: «город-государство (шум. *ki* «земля» или *ugi* «поселение, община», акк. *ālum*) представлял собой обычно не одно поселение городского типа, а группу укрепленных поселений-общин, связанных общей территорией и общими органами управления, а также культом главного местного божества, стоявшего над божествами отдельных поселений» [9, с.70].

²¹ Thesaurus Linguae Aegyptiae. URL: <https://thesaurus-linguae-aegyptiae.de/lemma/75070> (дата обращения: 05.02.2025).

Строительство храмов обосновывалось повелением богов. Начало строительных работ сопровождалось специальным ритуалом, для которого изготавливалась смесь из глины, масла, меда, кедрового бальзама, пива и вина [15, p.162]. Слово *duruššu*, обозначавшее фундамент [15, p.198], находилось в семантической связи со словом *išdu*, которое относилось к городам, священным зданиям, правлению царя и имело космологические коннотации [15, p.199].

2.2. Технический аспект архитектурной деятельности в Двуречье

Ключевой фигурой в строительстве Двуречья, как мы отметили выше, был царь. В результате раскопок древнешумерского города Лагаша были обнаружены статуи, изображающая царя Гудеа в виде архитектора с резцом, линейкой и планом здания (рис. 3).

Рис. 3. Древнее Двуречье, XXII век до н. э. Властитель города Лагаш – царь-зодчий Гудеа: а) фрагмент статуи Гудеа с планом здания; б) фрагмент статуи Гудеа с резцом и линейкой

В оставленных царями надписях говорится о проведенных работах по реконструкции и реставрации, обустройстве интерьеров, привлечении людей к строительным работам. Навуходоносор настолько увлекался строительством, что даже объяснял войну с Египтом необходимостью заготовки ливанского кедра [16] (ливанский кедр регулярно вывозился в Египет). Борьба за ливанский кедр отражена в эпосе о Гильгамеше – кедровые леса стережет Хумбаба, Гильгамеш и Энкиду убивают его, рубят кедры и привозят их в Урук.

В надписях Навуходоносора упоминается, что царь вместе с сыновьями носил корзины с кирпичом [16]. Представления о технологии строительства нашли свое отражение в вавилонском мифе о сотворении мира: «взял Эа глины и сотворил из нее бога изготовления кирпичей для строительства храмов, создал далее тростник и леса как необходимый строительный материал; создал бога плотников, бога кузнецов, Аразу – исполнителя строительных работ <...> Создал Эа царя для поддержания храмов богов» [7, с.17].

В Двуречье была создана сложнейшая система ирригации, просуществовавшая вплоть до монгольского нашествия в XIII веке н.э. [17]. Подтверждением эффективности ее работы стали впечатляющие урожаи, доходившие, по мнению Геродота, до уровня сам-триста [18]. Эта оценка, конечно, сильно преувеличена, но ее ценность – в отражении восхищения, с которым современники смотрели на успехи шумеро-аккадской цивилизации и ее преемников в деле обустройства междуречья Тигра и Евфрата. В качестве бога-строителя каналов почитался Энбилулу [19]. Титулом царя, обозначавшим его деятельность в качестве инспектора каналов, был *gugallu* [19]. При строительстве каналов активно использовались тростниковые циновки, промазанные битумом – для укрепления берегов и

борьбы с фильтрацией, которая, помимо потерь воды, могла приводить еще и к засолению почв. Современное нам слово «канал» восходит через древнегреческое *kávvā* и латинское *canā* к аккадскому слову *qanû*, означавшему «тростник» [20]. В самом же Двуречье каналы именовали словом *hirītu*, происходившим от слова *herû*, что значило «копать, вынимать грунт»²².

При всей значимости строительных работ для государства, их непосредственные исполнители не пользовались каким-либо исключительным статусом. Первые известные нам законодательные акты, в которых регламентируется деятельность зодчего, – Законы Хаммурапи XVIII века до н.э., устанавливают для строителей строгую ответственность за качество работ – так, они приговаривают к смерти строителя в случае, если дом, который был им построен, обрушился и похоронил под своими обломками хозяина дома²³ (рис. 4). Основным термином, обозначавшим строителя (и, вероятно, наиболее почетным, если он прилагался к титулу царя), был *bānû* [14, p.95]. Руководитель строительных работ, возглавлявший труд неквалифицированных рабочих, обозначался как *itinnu* [22]. По всей видимости, были еще и авторы проектов – *tupšar mi-na-a-ti* (дословно переводится как «писец, определяющий пропорции») [23]. Показательно, что строгую ответственность по Законам Хаммурапи, указанную выше, несли именно *bānû* – думается, что их можно определить как руководителей строительных проектов в целом.

Рис. 4. Стела царя Вавилона Хаммурапи XVIII века до н.э. Первая, известная нам, письменная законодательная фиксация профессиональной ответственности зодчего

Заключение

В первые тысячелетия своего существования, как нам показывают данные исторических источников по Древнему Египту и Двуречью, архитектура представлялась актом творения, актом обращения к богу и актом его проявления в Этом Мире. Мастер-архитектор мыслит и творит во имя бога, именем бога и на благо людей.

Выявлено, что сакральный аспект деятельности архитектора наиболее полно и выразительно представлен в культуре Древнего Египта: как в построении самой

²² Electronic Babylonian Library (eBL) Platform. URL: <https://www.ebl.lmu.de/dictionary/hirītu%20> (дата обращения: 09.02.2025).

²³ šum-ma **bānûm** a-na a-wi-lim bītam i-bu-uš-ma ši-bi-ir-šu la u-dan-ni-in-ma bītum i-bu-šu im-ku-ut-ma be-el bītim buš-ta-mi-it **bānûm** šu-u id-da-ak (источник транслитерации: [21]).

архитектуры [4, 24, 25], так и в текстах, в том числе в терминологии, определяющей статус архитектора.

Возможности современной этимологии, существенно расширившиеся с появлением таких масштабных языковых корпусов, как Тезаурус египетского языка, Чикагский ассирийский словарь, Лейденские индоевропейские этимологические словари, позволили нам сделать следующие наблюдения:

- 1) изначально, с появлением древних государств и монументального строительства в Древнем Египте и в Двуречье, сакральный аспект архитектурной деятельности соотносился с творческим актом, подобным сотворению мира, зиждителем которого в разных вариантах выступали боги-творцы, боги-покровители профессии, культурные герои, цари и верховные жрецы;
- 2) строительная деятельность в Египте в техническом плане связывалась с глиной; корень *qd*, обозначающий работу с глиной, исчезает только в названии должности архитектора высшего ранга, носившего титул «начальник всех работ царя»;
- 3) отсутствие в Двуречье строгой языковой привязки строительства к какому-либо виду материала предположительно обусловлено большим разнообразием сортов глин, разновидностей тростника и других строительных материалов, для каждого из которых в аккадском языке были придуманы свои названия;
- 4) в Египте, с его развитой системой бюрократического аппарата, карьера архитектора могла складываться по ступеням, шаг за шагом – от помощника начальника работ до начальника всех работ царя. В Двуречье такой стройной системы нам обнаружить не удалось, равно как и сведений об иных архитекторах, помимо царей.

Древность – время наивысшего престижа профессии архитектора. Бог-творец всего сущего выступал одновременно в роли первого архитектора, создателя первых строительных памятников. В Двуречье главным архитектором был царь, в Египте долгое время – первый вельможа, бывший в то же время жрецом. В эпоху Нового царства жреческие функции главного архитектора постепенно исчезают. Перестав быть жрецом, архитектор утратил функцию главного идеолога культуры. На этом фоне сама культура значительно беднеет – при Птолемеях, когда за главным архитектором осталась только функция начальника работ, творческий процесс создания новых храмов оказался сведен к различным вариантам весьма условной интерпретации идей ушедших времен.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010006202> (дата обращения: 09.02.2025).

Рис. 2. Alexander Badawy. A History of Egyptian Architecture, Vol. I, from the Earliest Times to the End of the Old Kingdom. Sh. Studio Misr, Giza, Egypt, 1954. P. 82.

Рис. 3. а) URL: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010119540> (дата обращения: 09.02.2025); б) URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010119542> (дата обращения: 09.02.2025).

Рис. 4. URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010174436> (дата обращения: 09.02.2025).

Список источников

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. В.А. Вайнштока; под ред. В.В. Битнера. 2-е изд. Москва, 2011. С. 34–35. // Цит. по: Источниковедение. И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 30.

2. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва, 1990. С. 161-162. // Цит. по: И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. Указ. соч. С.107.
3. Матье М.Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
4. Павлов Н.Л. Храм Ипет-Сут и пространственное мышление зодчих Древнего Египта: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры: 18.00.01. Москва, 1982.
5. Матье М.Э. Роль личности художника в искусстве Древнего Египта // «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа». Т. IV. Ленинград, 1947.
6. Ancient Records of Egypt. Historic Documents, from the Earliest Times to the Persian Conquest. Collected, edited and translated, with commentary, by James Henry Breasted, Ph.D., Professor of Egyptology and Oriental History in the University of Chicago. Volume II. The Eighteenth Dynasty. Chicago: University of Chicago Press, 1906. P. 19.
7. Тюменев А.И. О предназначении людей по мифам древнего Двуречья // Вестник древней истории 4 (26). Институт истории АН СССР, Москва-Ленинград, 1948.
8. Тураев Б.А. История Древнего Востока / Под редакцией В.В. Струве и И.Л. Снегирёва. Ленинград: Соцэкгиз, 1936. Том 1.
9. Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. Институт востоковедения АН СССР. Москва: Издательство восточной литературы, 1959.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. Том 2. Москва: «Советская Энциклопедия», 1988. С. 662. Автор статьи – В.К. Афанасьева.
11. Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Перевод с аккадского И.М. Дьяконова. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1961. С. 7.
12. Матье М.Э. Искусство Древнего Востока / М.Э. Матье, В.К. Афанасьева, И.М. Дьяконов, В.Г. Луконин // Памятники мирового искусства. Выпуск II (серия первая). Москва: Издательство «Искусство», 1968. С. 44. Автор главы – В.К. Афанасьева.
13. Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 59.
14. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 2, B. Fourth Printing, 1998.
15. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 3, D. Fifth Printing, 2004.
16. Тураев Б.А. История Древнего Востока / под редакцией Струве В.В. и Снегирёва И.Л. Ленинград: Соцэкгиз, 1936. Том 2. С. 91.
17. Лурье И.М. Очерки по истории техники Древнего Востока / И.М. Лурье, К.С. Ляпунова, М.Э. Матье, Б.Б. Пиотровский, Н.Д. Флиттнер. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1939. С. 19. Автор главы – Н.Д. Флиттнер.
18. Геродот. История в девяти книгах. Изд-во «Наука», Ленинград, 1972. Перевод и примечания Г.А. Стратановского, под общей редакцией С. Л. Утченко. Редактор перевода Н.А. Мещерский. С. 72.

19. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 5, G. 1956. P. 121.
20. Beekes, R. S. P. (Robert Stephen Paul), Beek, Lucien van. Etymological dictionary of Greek // Leiden Indo-European etymological dictionary series. Ed. by Alexander Lubotsky; v. 10/1-2. Leiden-Boston: Brill, 2010. P. 636.
21. Harper Robert Francis. The code of Hammurabi, King of Babylon about 2250 B.C. Chicago: University of Chicago Press, 1904. P. 80.
22. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 7, I and J. Fifth Printing, 2004. P. 297.
23. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 10, M, part 2. Third Printing, 2004. P. 88.
24. Павлов Н.Л. Построение храма по лучу восходящего Солнца // «Светотехника». 2024. № 1.
25. Pavlov N. The sun ray as a tool to design an architectural form // Light & Engineering. 2019. Vol. 27. pp. 32-41.
26. Павлов Н.Л. Как строились египетские пирамиды // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. № 4(61). С. 162-175. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/11_pavlov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-162-175 (дата обращения: 09.02.2025).

References

1. Ernst Bernheim. Einleitung in die Geschichtswissenschaft. Übersetzung aus dem Deutschen. Moskau, 2011. S. 34-35. Cited by: *Istochnikovedenie*. Danilevskiy I.N., Dobrovolskiy D.A., Kazakov R.B. et al. Moscow, 2015, p. 30.
2. Gurevich A.Ya. *Srednevekoviy mir: kultura bezmolstvuyushchego bolshinstva* [The medieval world: the culture of the silent majority]. Moscow, 1990, pp. 161-162. Cited by: *Istochnikovedenie*. Danilevskiy I.N., Dobrovolskiy D.A., Kazakov R.B. et al. Moscow, 2015, p. 107.
3. Matthieu M.E. *Izbranniye trudy po mifologii i ideologii drevnego Egipta* [Selected works on mythology and ideology of ancient Egypt]. Moscow, 1996.
4. Pavlov N.L. *Khram Ipet-Sut i prostranstvennoye myshlenie zodchikh Drevnego Egipta* [Temple Ipet-Sut and spatial thinking of the architects of ancient Egypt. Thesis for PhD in Architecture]. Moscow, 1982.
5. Militza Matthieu. The role of the artist's individuality in Egyptian art. Musée de l'Ermitage. Travaux du département oriental. Vol. IV. Leningrad, 1947.
6. Ancient Records of Egypt. Historic Documents, from the Earliest Times to the Persian Conquest. Collected, edited and translated, with commentary, by James Henry Breasted, Ph.D., Professor of Egyptology and Oriental History in the University of Chicago. Volume II. The Eighteenth Dynasty. Chicago: University of Chicago Press, 1906, p. 19.
7. Tyumenev A.I. *O prednaznachenii lyudey po mifam drevnego Dvurechiya* [On human destiny according to Mesopotamia's mythos]. Moscow-Leningrad, 1948, p. 16.
8. Turaev B.A. *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient Orient]. Leningrad, 1936. Volume 1.

9. Diakonoff I.M. *Obshchestvennyy i gosudarstvennyy stroy drevnego Dvurechiya. Shumer* [Social and political system of Mesopotamia. Sumer]. Moscow, 1959.
10. *Mify narodov mira. Entziklopediya* [Myths of the nations. Encyclopaedia. Volume 2]. Moscow, 1988, p. 662. Author of the article – Afanasieva V.K.
11. The Epic of Gilgamesh (“He who Sees the Unknown”). Translated by Diakonoff I.M. Moscow-Leningrad, 1961, p. 7.
12. Matthieu M.E., Afanasieva V.K., Diakonoff I.M., Lukonin V.G. *Iskusstvo Drevnego Vostoka* [The art of the Ancient Orient]. Moscow, 1968, p. 44. Author of the chapter – Afanasieva V.K.
13. Pavlov N.L. *Altar'. Stupa. Hram. Arhaicheskoe mirozhdanie v arhitekture indoevropейcev.* [Altar. Stupa. Temple. The archaic universe in the architecture of the Indo-Europeans]. Moscow, 2001, p. 59.
14. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 2, B. Fourth Printing, 1998.
15. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 3, D. Fifth Printing, 2004.
16. Turaev B.A. *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient Orient]. Leningrad, 1936. Volume 2, p. 91.
17. Lurie I.M., Lyapunova K.S., Matthieu M.E., Piotrovskiy B.B., Flittner N.D. *Ocherki po istorii tehniki Drevnego Vostoka* [Essays on the History of the Ancient Oriental Technology]. Moscow, 1939, p. 19. Author of the chapter – Flittner N.D.
18. Herodotus. The Histories. Book I – Book IX. Translated by Stratanovskiy G.A. Leningrad, 1972, p. 72.
19. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 5, G, 1956, p. 121.
20. Beekes, R.S.P. (Robert Stephen Paul), Beek, Lucien van. Etymological dictionary of Greek. Leiden Indo-European etymological dictionary series. Ed. by Alexander Lubotsky; v. 10/1-2. Leiden-Boston: Brill, 2010, p. 636.
21. Harper Robert Francis. The code of Hammurabi, King of Babylon about 2250 B.C. Chicago: University of Chicago Press, 1904, p. 80.
22. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 7, I and J. Fifth Printing, 2004, p. 297.
23. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD). Volume 10, M, part 2. Third Printing, 2004, p. 88.
24. Pavlov N.L. *Postroeniye hrama po luchu voskhodyashchego Solntsa* [The rising sun’s ray as a tool to design a temple]. Moscow, 2024.
25. Pavlov N. The sun ray as a tool to design an architectural form. Light & Engineering, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 32-41.
26. Pavlov N.L. How the Egyptian Pyramids were built. Architecture and Modern Information Technologies. 2022, no. 4(61). pp. 162–175. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/11_pavlov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-162-175

ОБ АВТОРАХ**Веденёв Михаил Юрьевич**

Магистр юриспруденции, магистр строительства, старший преподаватель кафедры «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

m.vedenev@markhi.ru

Павлов Николай Леонидович

Доктор архитектуры, профессор, кафедра «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; советник РААСН; действительный член Русского географического общества

pavlovn@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS**Vedenev Mikhail Yu.**

Master of Jurisprudence, Master of Construction, Senior Lecturer at the Department «Architectural Practice», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

m.vedenev@markhi.ru

Pavlov Nikolay L.

Doctor of Architecture, Professor, Department of Soviet and Modern Foreign Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; Advisor to RAASN; Full Member of the Russian Geographical Society

pavlovn@mail.ru

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 72.01

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-46-58

EDN: HUQLFH

Функции метафоры в творческой деятельности: философский и архитектурный дискурсы**Наталья Анатольевна Зайцева¹**

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

zn_ak@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению совокупности потенциальных возможностей метафоры в архитектурном проектировании на основе анализа философских и архитектурных теоретических представлений. В результате исследования выявлены познавательные, мотивирующие, эвристические и коммуникативные функции метафоры, являющиеся существенными для формирования проектного замысла.

Ключевые слова: когнитивная метафора, проектный замысел, формообразование, функции метафоры, архитектурное проектирование

Для цитирования: Зайцева Н.А. Функции метафоры в творческой деятельности: философский и архитектурный дискурсы // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 46-58. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/02_zaitseva.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-46-58. EDN: HUQLFH

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

Functions of metaphor in creative activity: philosophical and architectural discourses**Natalia A. Zaitseva¹**

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

zn_ak@mail.ru

Abstract. This article explores the range of potential functions of metaphor in architectural design based on an analysis of philosophical and architectural theoretical perspectives. The study identifies the cognitive, motivational, heuristic, and communicative functions of metaphor, which play a crucial role in shaping the design concept.

Keywords: cognitive metaphor, design concept, form generation, functions of metaphor, architectural design

For citation: Zaitseva N.A. Functions of metaphor in creative activity: philosophical and architectural discourses. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no.1(70), pp. 46-58. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/02_zaitseva.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-46-58. EDN: HUQLFH

¹ © Зайцева Н.А., 2025

Метафора, обладая высокой художественной информативностью, может быть рассмотрена не только с точки зрения образного сравнения, но и как совокупность функциональных возможностей: помимо образного уподобления метафора несет в себе множество функций эстетического, художественного, познавательного и эвристического характера [1]. Как средство художественной выразительности метафора встречается в различных видах творческой деятельности и поэтому является междисциплинарным объектом исследования. Изучение философских представлений о метафоре, и основных свойств процесса метафоризации дает возможность определить особенности ее функционирования в архитектурном проектировании.

Цель работы заключается в выявлении функций метафоры, наиболее значимых для процесса поиска проектного решения в архитектурном проектировании.

Метафора в философском дискурсе

Одним из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры с точки зрения Дж. Лакоффа являются концептуальные метафоры, которые определяют способы осмысления человеком действительности в культуре. Поскольку основу процессов метафоризации образуют процедуры обработки структур знаний, то метафора в первую очередь оказывается когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека [2, с.32]. В процессе метафоризации, основанной на взаимодействии двух структур знаний когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» определенные области цели структурируются по образцу источника и происходит «метафорическая проекция». Область источника представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в окружающей среде, а метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Таким образом, источник оказывается «областью отправления», а цель – «областью прибытия» (рис. 1). Особое внимание здесь обращается на возможности использования метафоры как средства познания действительности, как инструмента организации опыта человека, структурирования его знаний о мире².

Рис. 1. «Метафорическая проекция»

Понятийная система, используемая нами в обычной жизни, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Метафора пронизывает наше мышление, деятельность, организацию досуга и наиболее фундаментальные культурные ценности в нашей жизни согласуются с метафорической структурой основных идей нашей культуры. Процесс метафоризации основывается на

² Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры. Вступит. ст. // Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. с.8-12.

понятиях интеграции, отношения и сходства. Все эти компоненты очень важны, поскольку в метафоре возникает нечто новое, в результате интегрирования определенных аспектов ее составляющих.

А. Ричардс определяет метафору как процесс взаимодействия двух мыслей о двух различных сущностях. Это взаимодействие происходит внутри слова, выражения или мысли. «Метафорична сама мысль», она образуется средствами сравнения, пишет автор, ссылаясь на Аристотеля, «слагать хорошие метафоры – подмечать сходство» [3, с.46]. Ричардс задается вопросом, на каком основании происходит взаимодействие содержания и оболочки, он пытается объяснить, что происходит в сознании, когда объединяются два предмета, относящиеся к различным сферам опыта. По его мнению, в сознании происходит определенное «усилие мысли», «сознание никогда не действует бесцельно» [3, с.64].

Метафора – необходимое орудие мышления, полагает Х. Ортега-и-Гассет. В этом заключается ее познавательная функция. Она делает наши мысли доступными как для других; так и для нас самих, т.е. метафора выявляет мысль. [4, с.71]. Поскольку не все вещи доступны для нашего мышления, не всегда и не обо всем мы можем иметь четкое и ясное представление, то мы обращаемся к более доступным объектам, чтобы с их помощью объяснить менее доступные. В этом случае метафора работает таким орудием мысли, с помощью которого мы можем добираться до очень далеких аспектов нашего концептуального поля, то есть она способна «выявлять труднодоступные мысли в нашем сознании» [4, с.75].

М. Блэк определяет критерии, по которым можно узнать метафору, формулирует смысл ее использования. С его точки зрения она употребляется в том случае, когда нет абсолютной точности в утверждении: в этот момент происходит взаимодействие двух мыслей о двух различных сущностях и результат этого взаимодействия находится внутри слова или мысли, где происходит это взаимодействие; в этом соединении содержится «тайна метафоры». Метафора создает новый смысл, когда происходит взаимодействие двух мыслей, «бьющих в одну точку» [5, с.162].

Э. Маккормак понимает метафору также как взаимодействие, соположение разнородных референтов. В результате взаимодействия их семантического значения возникает определенное «эмоциональное напряжение». Метафоризация является творческим процессом, так как связывает понятия, достаточно далекие по отношению к друг другу, и для достижения этой взаимосвязи необходим процесс познания и «более глубокого проникновения в их значения» [6, с.373]. Поскольку метафора создает новый смысл, с точки зрения Э. Маккормака, в ее основе лежит когнитивный процесс. При этом автор говорит именно о ментальном невербальном когнитивном процессе, который можно заметить в этой связи в деятельности рисовальщиков и живописцев, транслирующих свои творческие мысли через продукт своего творчества, не требующие слов, то есть через графику и живопись. Метафора функционирует как познавательный процесс, с помощью которого «мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы, а также в качестве посредника между человеческим разумом и культурой» [6, с.359].

Во всех аспектах деятельности человека метафора расширяет область знаний и языка. С точки зрения Н. Арутюновой, обращаясь к воображению, создавая образ, метафора создает смысл, воспринимаемый разумом. Изучение метафоры, ведет к пониманию той основы, из которой рождаются значения слов; механизм действия метафоры приводит к «конвенционализации смысла». Метафора – это один из путей выражения значения, это выражение мысли и самого мыслительного процесса. В этом заключается ее моделирующая функция: параллельно с формированием представления об объекте, она выявляет способ мышления о нем. В создании аналогий и ассоциаций между различного рода понятиями заключается познавательная роль метафоры. Метафора также способна создавать уникальные связи, обладающие эвристической силой; благодаря этой силе человек способен улавливать и создавать сходство между различными категориями

объектов – подобие это важнейший признак, который она выявляет. «Метафора создает импульс, порождающий значение»³.

Идеи выдающегося филолога и философа XIX века А. Потебни затрагивают вопросы о специфике словесного художественного образа, а также психологии художественного творчества. Метафора определяется как перенесение «постороннего слова, т.е. слова с другим значением по отношению к искомому значению» [7, с.201]. В поэзии и литературе, в языке, пишет философ, всегда есть движение к новой, неизведанной информации от уже постигнутой нами. Метафора в творческой деятельности функционирует в качестве «поиска истины в суждении и является не игрой в перемещение готовых данных величин, а серьезным исканием истины» [7, с.202].

С точки зрения П. Рикера, процесс метафоризации связан с неким изобразительным полем, с изобразительной функцией метафоры: она способна согласовать два семантических поля, изначально несогласованных. П. Рикер говорит о взаимосвязи психологии воображения и семантики метафоры. Огромное значение играет сила воображения и ассоциативное мышление, участвующие в тесной взаимосвязи в процессе творческого акта художника. «Вообразать – это не значит обладать ментальным изображением чего-либо, но значит проявлять связи путем изображения» [8, с.422]. Это очень важная черта процесса метафоризации применительно к архитектурному проектированию; именно здесь можно говорить о моделирующей функции метафоры, которая, выражаясь словами В. Глазычева, заключается в «прямом опредмечивании» изначально нематериальных идей архитектора.

В результате исследования философского аспекта метафоры, можно выделить ее коммуникативную, познавательную, мотивирующую и эвристическую функции. Рассмотрим их применительно к архитектурному проектированию.

Метафора в архитектурном дискурсе

Коммуникативная функция

Метафорическая выразительность, «раскрывающая связь материальной структуры с культурной средой, всегда входила в социальную функцию произведений зодчества, равно как и всех утилитарных вещей, складывающихся в предметно-пространственное окружение человека»⁴. Форма, построенная на основе метафоры, может трактоваться как средство выражения отношений между людьми и культурно-исторической средой. Архитектура – познающая, философская деятельность и язык ее философии – это архитектурная форма. Диалог архитектуры с миром рождается из художественного начала архитектурного творчества [9]. Архитектура XXI века имеет тенденцию к метафорической образности, которая строится на «сверхчувственных представлениях о бытии»⁵.

В переизданной в 2015 книге «Постмодернизм в архитектуре» Ч. Дженкс определяет метафору как вид архитектурной коммуникации. В контексте взаимосвязи архитектуры и языка рассматриваются такие понятия как «фраза, «синтаксис, метафора». Одним из важнейших вопросов для автора является восприятие архитектуры. Восприятие архитектуры происходит в сопоставлении с объектом, отличающимся от самого здания или наоборот похожим на него по каким-либо признакам, чем непривычнее здание, тем больше его сравнивают с тем, что уже известно [10, с.57]. Понимание архитектуры и ее оценка происходит через «код восприятия». При этом способ прочтения определяется границами кодов, обусловленных культурным полем воспринимающего. И поскольку в

³ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры Москва: Прогресс, 1990. С.14-22.

⁴ Иконников А.В. Функция, форма, образ в архитектуре. Москва: Стройиздат, 1986. С. 56.

⁵ Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки. Москва: Прогресс-традиция, 2004. С. 381.

некоторых сооружениях могут объединяться несколько «кодов» их можно трактовать как смесь метафор, причем смысл метафор может быть как синонимичный, так и противоположный. Здание может ассоциироваться со всевозможными явлениями и понятиями, все зависит от творческой интерпретации зрителя. За прочтение архитектурных метафор отвечает локальный контекст, как природный и городской, так и культурный [11]. Обилие образов, возникающих при «прочтении здания», ведет к тому, что метафоры, которые лежат в основе архитектурного образа можно разделить на однозначные и многозначные. «Чем больше метафор, тем сильнее драматизм, и чем они тоньше, тем глубже тайна», – замечает Ч. Дженкс [10, с.65]. Многозначная смешанная метафора, обладает множеством свойств, это сильнейшее качество выразительности и архитектурной коммуникации. Необходимо, чтобы происходила «работа воображения» при прочтении архитектурного объекта. В архитектуре «обозначить метафору в лоб нередко значит просто-напросто убить ее» [10, с.66]; основная проблема однозначных метафор заключается в том, что они обладают очень незначительным кругом смысловых значений. С точки зрения Ю. Курбатова, полноценная художественная метафора может объединить «эстетические и утилитарные смыслы»⁶ архитектурных форм.

Средствами метафоры архитектура может эмоционально воздействовать на зрителя. «Эмоциональность присуща самой природе архитектуры» [12, с.17]. Архитектурная среда, также как и другие формы коммуникации людей, является одним из видов их эмоционального контакта. Если речь и язык изображений – это средства прямой передачи различной информации, то архитектурные образы передают информацию в более опосредованной форме, которой присущи свои способы и законы. Метафора способна транслировать эту информацию. Метафоричность и ассоциативность играет одну из важнейших ролей в построении объемно-пространственной композиции объекта (рис. 2). Например, Театр Драмы и Комедии на Таганке выполнен в сильной, острой архитектурной форме. Общая целостная композиция органично отражает саму сущность театра: «обостренный характер формы символизирует стремление театра к новаторской трактовке драматургии» [12, с.161].

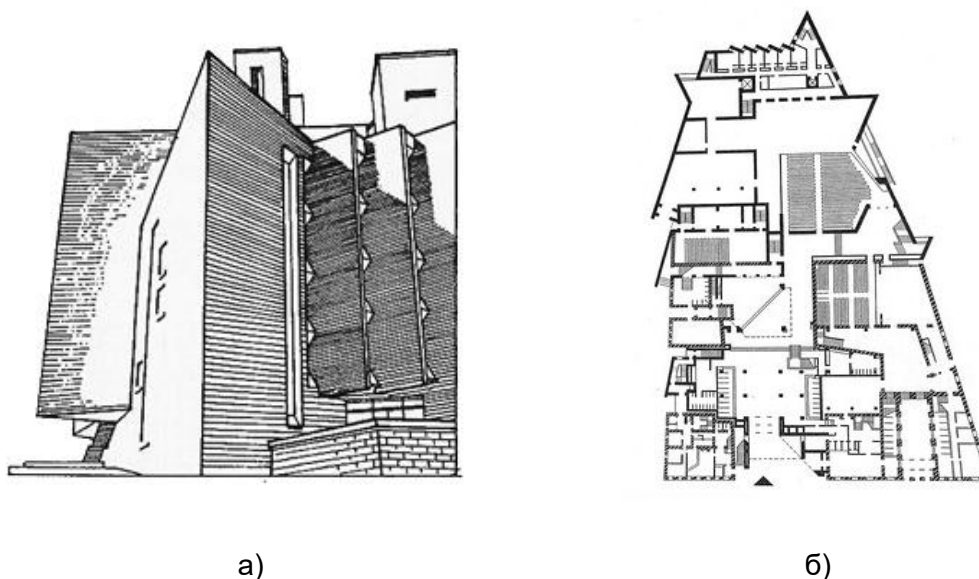

Рис. 2. Театр на Таганке: а) общий вид; б) план

Проектируя утилитарную функциональную конструкцию, по мнению Е. Жердева, художник привлекает к формообразованию композиционно-эстетические средства, связанные с пропорциями, симметрией, ритмом, контрастно-нюансными отношениями, т. е. средства

⁶ Курбатов Ю.И. Очерки по теории формообразования: курс лекций. Санкт-Петербург: СПбГАСУ, 2015. С. 126.

гармонизации. Продукт его творчества при этом становится эстетически осмыслен. «Дизайн нуждается в духовном» [13, с.195]. В случае, если дизайнер усиливает эстетическую выразительность такими средствами как метафора, иносказание, и т.д., то продукт его творчества становится художественным произведением.

Познавательная функция

Архитектурное проектирование является творческой деятельностью, основанной на исследовании и созидании. Оно направлено на создание новых возможностей для пространственного и формального выражения. Эти возможности обнаруживаются в процессе проектирования. Архитекторы исследуют, трансформируют и уточняют идеи, создавая ряд эскизов, рисунков, моделей. Существует тесная связь между разработкой архитектурных концепций и визуальным выражением, утверждает С. Псарра. Проектирование – это интеллектуальная деятельность в процессе, а не статичная ситуация; эта деятельность осуществляется посредством формальных и пространственных экспериментов, основанных на визуальных преобразованиях; в процессе проектирования метафорические интерпретации устанавливают ассоциации между формальным и концептуальным порядком. Архитектурная концепция – то, что автор хочет сказать на формальном, скульптурном уровне, а также на социальном, семантическом. Творческие возможности установления этих связей зависят от способности архитектора постоянно перемещаться от формы к содержанию и обратно, из одного контекста в другой и из не архитектурных областей в архитектурные. Творческий результат становится средством исследования самой проектной ситуации, углубления понимания ее условий⁷.

Метафоры несут в себе познание и следствие, отмечает Р. Коуэн. Она играет существенную роль направления движения в поиске проектного решения, где каждый шаг зависит от совокупности многочисленных факторов: контекста, технологий, опыта, соответствующих проектной ситуации. Метафора помогает сфокусироваться на наиболее существенном из них. «В какой-то степени – увидеть конфигурацию линий на бумаге в виде стен и комнат – значит создать метафорическую проекцию»⁸.

Мотивирующая функция

В архитектурном проектировании на поисковой стадии метафора стимулирует архитектора, побуждает к определенным шагам в процессе моделирования. Метафора – это «система отсчета» – PARTI⁹, внезапное решение в процессе проектирования, пишет Р. Коен. Метафора помогает продумывать и воплощать свои предварительные идеи в нарисованную форму, мотивируя профессиональный архитектурный язык, считает Р. Кабальеро. В процессе проектирования метафора работает в качестве пускового, первичного генератора проектного замысла¹⁰. На рисунке показана связь первичной мысли – «вздымающейся толщи земли» с конечным воплощением метафоры в завершённую форму антропологического музея (рис. 3).

⁷ Psarra S. Drawing in process – the role of drawing in the development of architectural concepts / Sophia Psarra, Wayne Forster. TRACEY, Drawing Across Boundaries: Loughborough, 1998. URL: https://www.academia.edu/9637164/Drawing_in_Process_The_Role_of_Drawing_in_the_Development_of_Architectural_Concepts (дата обращения: 08.09.2024).

⁸ Coyne R. Metaphors in the Design Studio. Richard Coyne, Adrian Snodgrass, David Martin. Journal of Architectural Education, vol. 48, no. 2, 1994. pp. 113-125. URL: https://www.academia.edu/869239/Metaphors_in_the_Design_Studio (дата обращения: 08.09.2024).

⁹ The Parti – «отправная точка» проектного решения – термин, возникший в школе École des Beaux-Arts, Paris.

¹⁰ Caballero R. Thinking, drawing and writing architecture through metaphor / Rosario Caballero. Iberica 28(2014): Castilla-La Mancha, 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/266150385_Thinking_drawing_and_writing_architecture_through_metaphor (дата обращения: 22.04.2024).

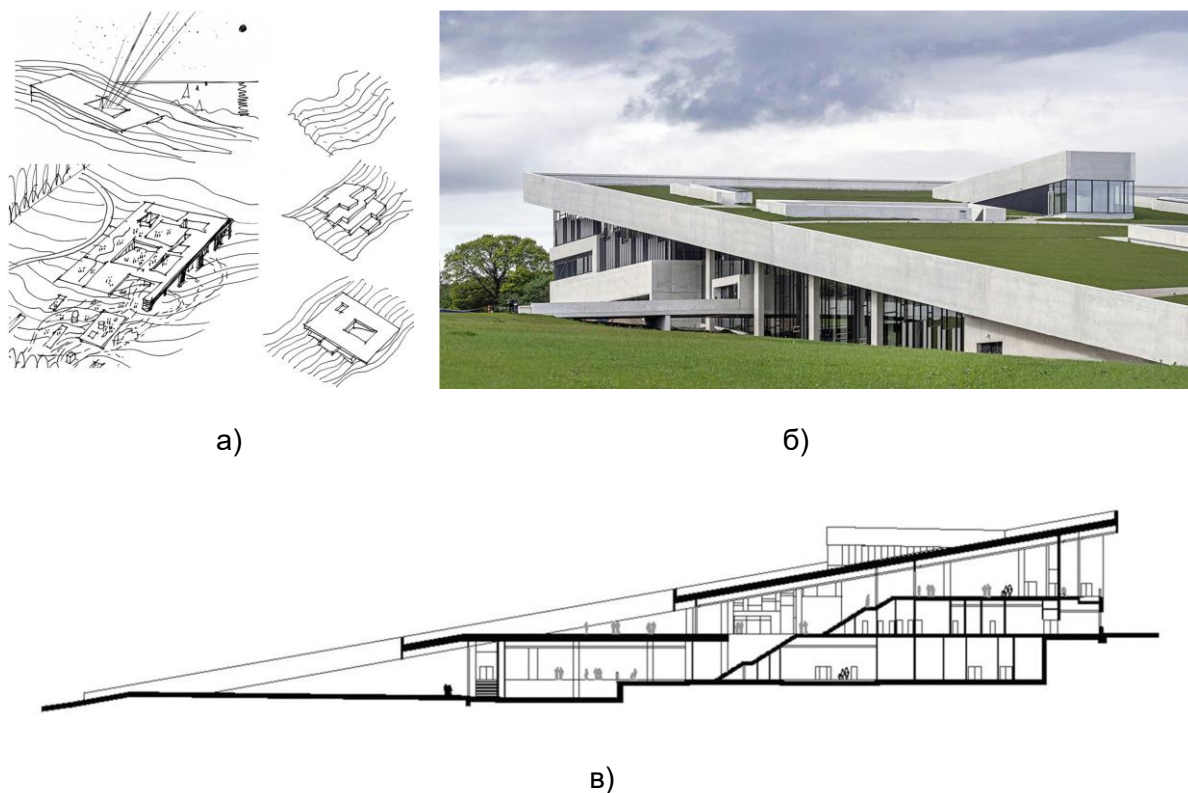

Рис. 3. Антропологический музей Моесгард: а) эскиз; б) общий вид; в) разрез

Значительную мотивирующую роль играет эмоциональная составляющая метафоры. Метафора может стать основой построения художественного образа в архитектурном проектировании. Обладая особой художественной информативностью, по мнению Б. Бархина, она способна воздействовать на сознание воспринимающего зрителя, позволяя переосмыслить архитектурную модель, выявляя ее эмоциональную, смысловую или культурно-символическую основу [14, с.187].

Эвристическая функция

Метафоры влияют на то, как мы воспринимаем мир, классифицируем опыт и организуем наши мысли – они играют фундаментальную роль, поскольку не только направляют рассуждения, но и развивают инновационное мышление. С точки зрения Э. Казакина, архитектурное проектирование – это творческий процесс, основанный на интуитивных знаниях и опыте автора. Для повышения творческого потенциала архитекторы прибегают к различным творческим методам, в том числе метафорам. Креативность, по мнению Казакина, способна стимулировать архитектурное мышление, перерабатывая накопленные мысли и создавая новые. Творческое мышление способствует решению двух важных задач в процессе проектирования: благодаря ему можно критически оценить реальную ситуацию и найти для нее новое, острое решение, а также, благодаря креативности автор может расширить свой горизонт знаний, что также способствует формированию интересного нового творческого решения. Метафора активно участвует во всех этих процессах, поскольку работает как механизм, помогающий понять, объяснить и ментально увидеть в рамках известных понятий понятие неизвестное; благодаря метафорическим ассоциациям рождается новый образ, а значит и новое проектное решение.

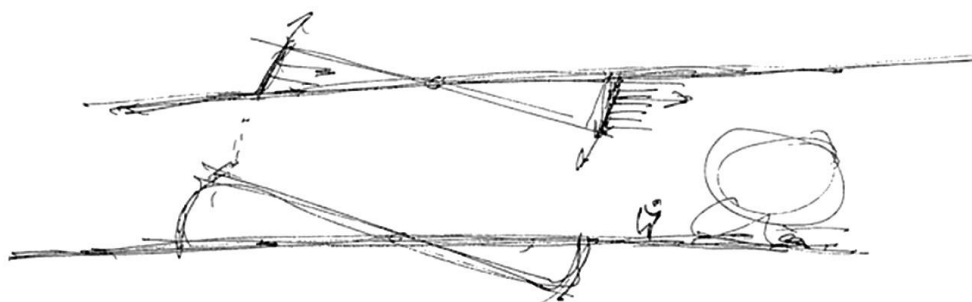
Метафоры играют ключевую роль на ранних стадиях процесса проектирования, требующего напряженного творческого мышления. Метафора – это фундаментальная эвристика, поддерживающая когнитивные и коммуникативные требования при решении проблем проектирования. Этот «механизм рассуждений» помогает структурировать

рассуждения архитекторов о проблемах и подходах к проектным ситуациям с новых точек зрения¹¹.

Вопросы использования метафоры в архитектуре в контексте синтеза архитектурных форм рассмотрены в работе «К пониманию архитектурной формы» Александра Раппопорта метафора представляется «как перенос модели одного целостного предмета на другой. Причем в образной метафоре процесс переноса происходит независимо от познавательного расчленения и рефлексии» [15, с.40]. Метафора – комплексный перенос сложных «закономерностей бытия, противостоящий изолирующей абстракции» [15, с.41]. Поиск морфологической конфигурации для традиционного символа и символа к новой морфологической структуре, а также процесс слияния двух независимо существующих символов в один представляют центральную задачу метафорических трансформаций.

Метафоризация, как разновидность эвристического поиска нового творческого решения, по мнению Б. Бархина, активизирует творческое мышление в процессе проектного моделирования; внутренний механизм эвристической деятельности раскрывается в сложных взаимосвязях интуитивного поиска и дискурсивного мышления, эти взаимосвязи важны в становлении творческой идеи и замысла [14, с.68].

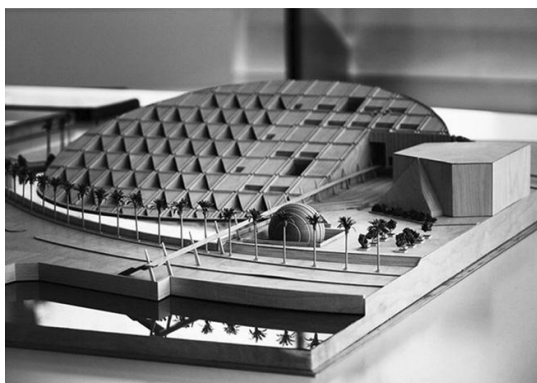
Процесс проектирования, процесс поиска формы характеризуется как междисциплинарный процесс, в ходе которого границы участвующих дисциплин не всегда четко очерчены. Проектирование означает соединение неравных или даже противоположных областей – вопроса и ответа, функции и формы, анализа и творчества. В движении вперед к неопределенной цели различные, до сих пор разобщенные системы опыта внезапно соединяются идеями. Метафора воспринимается, как инструмент передачи смысла, ее всегда можно найти в контексте семантического поля. В той же степени, в какой отдельное слово не существует изолированно в языке, индивидуальной метафоре также требуется метафорическое поле, полагает С. Холгер. При внезапном соединении контекста А с контекстом Б возникает момент неожиданности, из которого может возникнуть что-то новое. Сравнение обычно достигается в творческом процессе, интегрируя различные аспекты, формируя новый образ, сочетающий в себе характеристики обоих. Метафоры генерируют творческие, неожиданные варианты поиска проектного решения, служат неким «импульсом», раскрывая свой эффект в традиционных архитектурных инструментах проекта, таких как эскизный рисунок, план или модель¹² (рис. 4).

a)

¹¹ Casakin H. Metaphors in Design Problem Solving: Implications for Creativity. International Journal of Design, no. 1(2), pp. 23-35. URL: https://www.researchgate.net/publication/256503979_Metaphors_in_Design_Problem-Solving_Implications_for_Creativity (дата обращения: 22.04.2024).

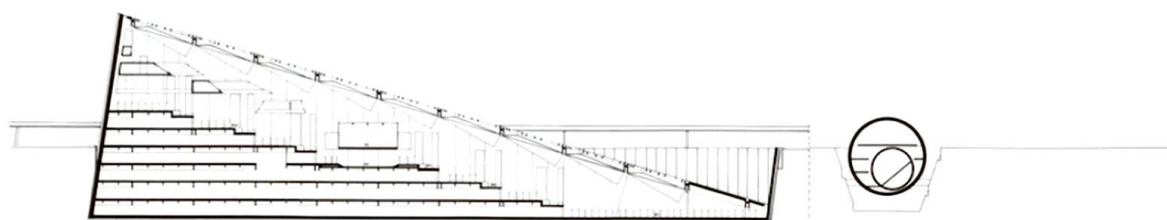
¹² Holger S. Diagram, Plan and Metaphor. Metaphors in Architecture and Urbanism / Holger S., Andri Gerber, Brent Patterson edited by Andri Gerber. Bielefeld: Verlag, 2013, pp. 128-156.

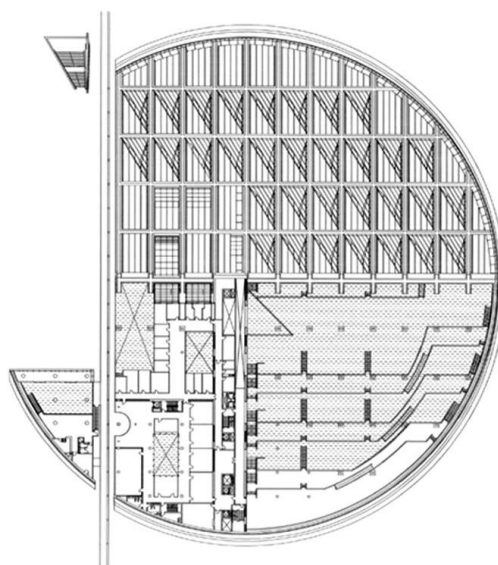
б)

в)

г)

д)

Рис. 4. Библиотека в Александрии: а) эскиз; б) макет; в) общий вид; г) разрезы; д) план

Источник творческих возможностей кроется в объединении разноплановых, не связанных друг с другом аспектов, где творческая проблема является одновременно решением как рациональных, так и эмоциональных по характеру задач. С точки зрения А. Асановича,

метафоры и аналогии могут лечь в основу подобного рода действий. Важную роль при этом выполняет фантазия архитектора, это своего рода игра, направленная на поиск новых идей, понятий и значений. В этой игре основными средствами являются метафоры, которые «активируют ум» и нацеливают его на поиск новых ассоциативных значений. Метафорическое мышление в архитектурном проектировании тесно связано с «дивергентным мышлением, со свойственным ему отходом от стереотипов, способностью к неожиданным альтернативам и возможным логическим разрывам» [16, с.198]. В процессе метафоризации свойства одного предмета переносятся на другой, это происходит в момент, когда изучается один объект, а в итоге заключение делается о другом. Использование метафор в проектировании представляется одним из наиболее интереснейших возможностей формообразования, это происходит благодаря тому, что они могут применяться для отображения связи проектируемой формы с символическими аспектами, идеи которых произрастают из совершенно других областей знаний и контекстов. Так, например, принцип «бисоциаций» ведет к поиску новых ассоциаций и, таким образом, активизирует поиск альтернатив решения творческих задач.

Визуальные метафоры играют важную роль в проектировании. Они «основаны на семантических значениях и их интерпретации, их свойства определяют возникновение новой семантической среды поисковых действий» [16, с.200]. Для проектировщиков большую роль играют визуальные аналогии, образы, архитекторы думают графически. В этой связи основная задача заключается в возможности извлечения из метафоры проектной идеи. На рисунке можно увидеть этот процесс: движение от метафоры «деревни» к конечному проектному решению, выраженному в форме и пространстве (рис. 5).

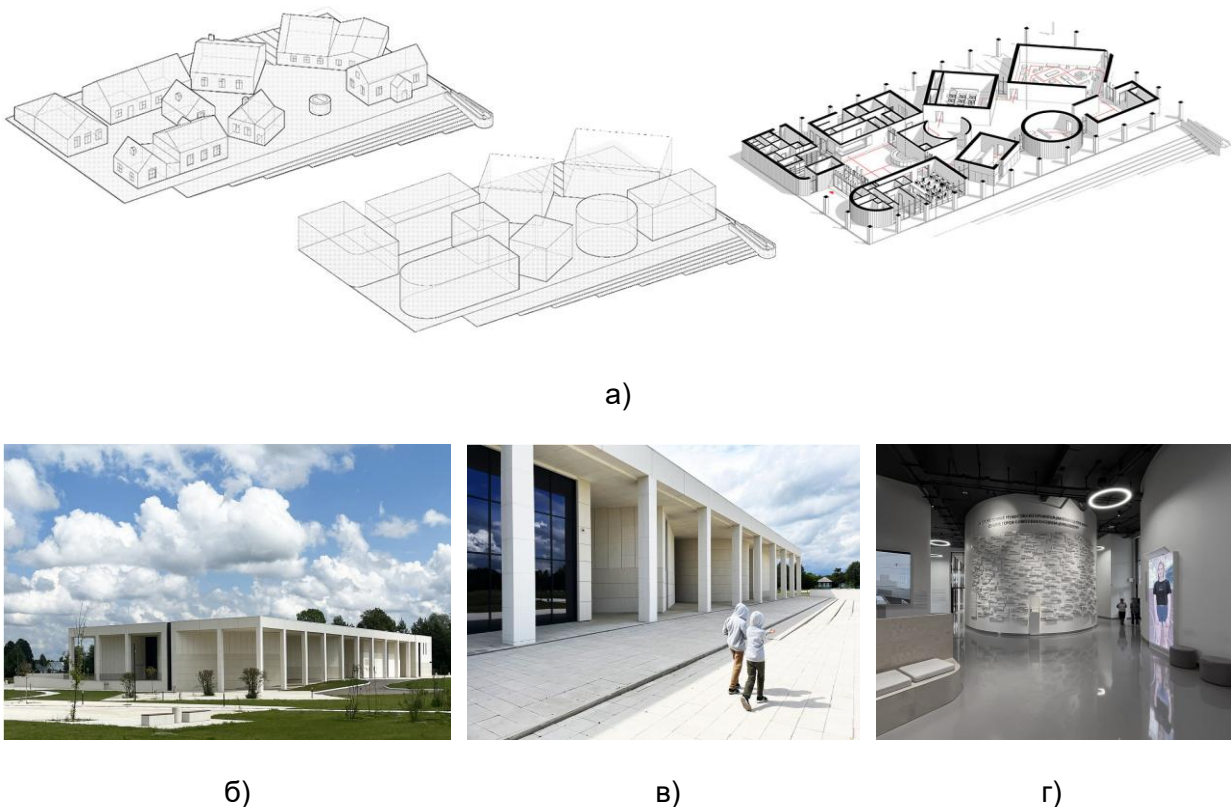

Рис. 5. Музей Зои Космодемьянской: а) схемы; б) общий вид; в) общий вид; г) интерьер

Вопрос о роли метафоры в архитектурном проектировании тесно связан с пониманием взаимосвязи формы и содержания в архитектуре, окружающей среды и сознания, между производителем и потребителем архитектуры. Основанное на культурной традиции, метафорическое мышление – это способ профессиональной реализации, это способ

донести профессиональное авторское открытие миру. Метафорический язык в процессе проектирования способен передавать сложнейшую духовную информацию. Этот факт особенно важен в определении устоявшейся связки в проектировании «создание – восприятие». «Образ по определению метафоричен»¹³. Метафорическая основа архитектуры – это путь к пониманию авторского замысла в проекте.

Заключение

Изучение философского аспекта метафоры дало возможность приблизиться к пониманию механизма ее функционирования в архитектурном проектировании.

В результате исследования можно выявить следующие функции метафоры, существенные для выявления ее роли в процессе проектирования:

1. *Коммуникативная* – Метафора передает, транслирует авторскую мысль архитектора зрителю с помощью форм и пространств.
2. *Познавательная* – Метафора возникает в результате исследования проектной ситуации.
3. *Мотивирующая*. Метафора является стимулирующим импульсом на начальной поисковой стадии проектирования, генерирующим и выявляющим основу проектного замысла.
4. *Эвристическая*. Метафора способствует переосмыслению, что является ключевым звеном в творческом процессе. Она намечает способ и стиль мышления об объекте проектирования, задавая аналогии и ассоциации между разными системами понятий, определяя в ходе проектирования основания развития проекта.

Эти функции следует учитывать при исследовании влияния метафоры на развитие проектного замысла на стадии поиска и формирования архитектурного проектного решения.

Источники иллюстраций

Рис.1. схема автора.

Рис. 2 а-в) URL: <https://kannelura.ru/?p=10784> (в авторской обработке) (дата обращения: 16.12.2024).

Рис. 3 а-в) URL: <https://henninglarsen.com/projects/moesgaard-museum> (в авторской обработке) (дата обращения: 16.12.2024).

Рис. 4 а-д) URL: <https://www.snohetta.com/projects/bibliotheca-alexandrina> (в авторской обработке) (дата обращения: 16.12.2024).

Рис. 5 а) URL: <https://a2m.moscow/projects/> (в авторской обработке) (дата обращения: 16.12.2024); б-г) фото автора.

Список источников

1. Зайцева Н.А. Роль метафоры в формировании архитектурного объекта на примере творчества бюро «Доминик Кулон Архитекторы» // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. №3(48). С. 61-77. URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/05_zajceva.pdf (дата обращения 27.01.25).
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. под ред. А.Н. Баранова. Москва: URSS, 2004, 2022. 252 с.
3. Ричардс А. Философия риторики. Метафора // Теория метафоры; пер с англ. Р. Розиной. Москва: Прогресс, 1990. С. 46-70.

¹³ Борис Шабунин. URL: <https://www.borishabunin.net/> (дата обращения: 22.04.2024).

4. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры; пер. с исп. Н. Арутюновой. Москва: Прогресс, 1990. С. 70-84.
5. Блэк М. Метафора // Теория метафоры; пер. под ред. Н. Арутюновой. Москва: Прогресс, 1990. С. 155-175.
6. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры; пер. с англ. А. Шмелева. Москва: Прогресс, 1990. С. 360-388.
7. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990. 343 с.
8. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры; пер. с англ. М. Бурас. Москва: Прогресс, 1990. С. 418-458.
9. Дущев М.В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре: диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры: 05.23.20 / Михаил Викторович Дущев; Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. Нижний Новгород, 2014.
10. Дженкс Ч. Постмодернизм в архитектуре; пер. с англ. А. Филосян; под редакцией Т. Быстровой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 510 с.
11. Боков А.В. Стили и тенденции в современной культуре // Architecture and Modern Information Technologies. 2015. №3(32). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/bokov/bokov.pdf> (дата обращения 27.12.2024).
12. Забельшанский Г.Б. Архитектура и эмоциональный мир человека / Г.Б. Забельшанский, Г.Б. Минервин, А.Г. Раппопорт, Г.Ю. Сомов. Москва: Стройиздат, 1985. 208 с.
13. Жердев Е.В. Семиотика дизайна. Художественная смыслообразность. Москва: Академический проект, 2021. 800 с.
14. Бархин Б.Г. Методика архитектурного проектирования. Москва: Стройиздат, 1993. 438 с.
15. Раппопорт А.Г. К пониманию архитектурной формы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения: 18.00.01; НИИТАГ. Москва, 2002.
16. Асанович А. Компьютерные средства и эволюции методологии архитектурного проектирования: диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры: 18.00.01; Московский архитектурный институт. Москва, 2007.

References

1. Zaitseva N. Metaphor Role in formation of an architectural object on the example of the work of bureau «Dominique Coulon Architects». Architecture and Modern Information Technologies, 2019, no. 3(48), pp. 61-77. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/05_zajceva.pdf
2. Lakoff G., Johnson M. *Metafori kitorimi mi zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, 2004, 2022, 252 p.
3. Richards A. *Filosofia ritoriki. Metafora* [Philosophy of rhetoric. Metaphor. In: Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 46-70.

4. Ortega y Gasset J. *Dve velikije metafory* [Two great metaphors. Metaphor theory. In: Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 70-84.
5. Blek M. *Metafora* [Metaphor. In: Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 155-175.
6. Mc Cormack E. *Kogitibnaja teorija metafory* [Cognitive theory of metaphor. In: Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 360-388.
7. Potebnaja A.A. *Teoreticheskaja poetika* [Theoretical poetics]. Moscow, 1990, 343 p.
8. Ricaer P. *Metaforicheskiy process kak poznanije, voobrazhenije i oshushenije* [Metaphorical process as cognition, imagination and sensation]. Moscow, 1990, pp. 418-458.
9. Dutsev M.V. *Kontseptcija khudozhestvennoy integracii v noveyshey arkhitekture (kand. dis.)* [The concept of artistic integration in modern architecture (Cand. Dis)]. N. Novgorod, 2014.
10. Jencks Ch. *Postmodernizm v architecture* [Postmodernism in architecture]. Moscow, 2021, 510 p.
11. Bokov A.V. Style and trends in contemporary cultural landscape. Architecture and Modern Information Technologies, 2015, №3(32). Available at: <https://marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/bokov/bokov.pdf>
12. Zabel'shanskiy G.B., Minervin A.G., Rappaport A.G., Somov G.U. *Architektura i emotcional'niy mir cheloveka* [Architecture and the emotional world of man]. Moscow, 1985, 208 p.
13. Zherdev E.V. *Semiotika dizaina. Khudozhestvennaja cmisloobraznoct'* [Semiotics of design. Artistic meaning]. Moscow, 2021, 800 p.
14. Barkhin B.G. *Metodika arhitekurnogo projektirovanija* [Architectural design methodology]. Moscow, 1993, 438 p.
15. Rappaport A.G. *K ponimaniju arhitekturnoy formy (kand. dis.)* [Towards an understanding of architectural form (Cand. Dis)]. Moscow, 2002.
16. Asanovich A. *Komp'yuternie sredstva i evolutsii metodologii arhitekturnogo projektironija (kand. dis.)* [Computer tools and evolution of architectural design methodology (Cand. Dis)]. Moscow, 2007, pp.193-198.

ОБ АВТОРЕ

Зайцева Наталья Анатольевна

Старший преподаватель кафедры «Основы архитектурного проектирования», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия;
член Союза московских архитекторов

zn_ak@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zaitseva Natalia A.

Senior Lecturer of the Department «Fundamentals of Architectural Design», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia;
Member of the Union of Moscow Architects

zn_ak@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 74:711.06

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-59-71

EDN: JEHVSK

Урбанистические аспекты формирования туристически привлекательного пространства городских улиц**Юлия Владимировна Горгорова¹**Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ygorgorova@sfnedu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования архитектурной среды городских улиц. Высокохудожественные свойства уличного пространства не гарантируют его востребованности у местных жителей и привлекательности для туристов. В статье описаны факторы, которые могут подчеркивать уникальные особенности территории и оказывать влияние на привлекательность улицы: топонимика, выраженная в визуальном облике, функциональное назначение улицы, градостроительные, архитектурные, историко-культурные, природно-ландшафтные особенности места. Функциональная наполненность востребованной инфраструктурой, зонирование пространства, рассчитанное на комфортное пребывание на улице разных групп пользователей, эмоциональность и событийность городской среды улицы, наличие уникальных элементов городского дизайна – все это влияет на привлекательность территории.

Ключевые слова: городская среда, комфортная среда, пешеходная улица, урбанистика, туристическая привлекательность, территориальный брендинг, городской дизайн

Для цитирования: Горгорова Ю.В. Урбанистические аспекты формирования туристически привлекательного пространства городских улиц // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 59-71. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/03_gorgorova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-59-71. EDN: JEHVSK

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

Urban aspects of creating tourist-attractive urban street spaces**Yulia V. Gorgorova¹**Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ygorgorova@sfnedu.ru

Abstract. The article examines issues related to shaping the architectural environment of urban streets. Highly artistic qualities of street spaces do not guarantee their popularity among local residents or their appeal to tourists. The article describes the factors that can emphasize the unique features of an area and influence a street's attractiveness: toponymy reflected in its visual appearance, the street's functional purpose, as well as urban planning, architectural, historical, cultural, and natural-landscape characteristics of the location. Functional richness with in-demand infrastructure, spatial zoning designed for the comfortable stay of various user groups, the emotional and event-driven quality of the urban street environment, and the presence of unique elements of urban design – all of these affect the attractiveness of the area.

¹ © Горгорова Ю.В., 2025

Keywords: urban environment, comfortable environment, pedestrian street, urban planning, tourist appeal, territorial branding, urban design

For citation: Gorgorova Yu.V. Urban aspects of creating tourist-attractive urban street spaces. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no. 1(70), pp. 59-71. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/03_gorgorova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-59-71. EDN: JEHVSK

Улица – это не просто территория общего пользования, ограниченная красными линиями улично-дорожной сети населенного пункта². Неповторимые и узнаваемые улицы формируют облик городов: Арбат, Бродвей, Невский проспект, Пикадилли, Рамбла, Тверская, Унтер-ден-Линден и другие. Одни улицы заполнены многочисленными туристами, а другие – остаются малопосещаемыми даже местными жителями. Привлекательность улицы подразумевает наличие отличительных особенностей и благоприятных факторов, вызывающих интерес со стороны туристов, местных жителей и инвесторов. Эти факторы зависят от социальных, экономических, географических, природно-климатических, технологических условий, культурного и туристического потенциала территории [1]. В условиях формирования конкуренции городов важно исследовать вопросы создания туристической привлекательности улиц города для формирования целостного архитектурного и градостроительного облика, комплексной концепции и стратегии развития архитектурной среды и инфраструктуры улицы.

Формирование концепции туристической привлекательности улицы

Формирование концепции туристической привлекательности улицы следует начать с анализа ее топонимики. В России, согласно данным Федеральной информационной адресной системы, около 23 тысяч улиц носит название «Центральная», более 16 тысяч – «Молодежная», свыше 15 тысяч – «Школьная», также популярны названия улиц: «Лесная», «Советская» и «Новая» [2]. А ведь название улицы связано с ее индивидуальностью, которая может быть выражена при формировании ее среды. С названиями некоторых улиц существуют устойчивые ассоциации. Название Мэдисон-Авеню в Нью-Йорке стало нарицательным обозначением американской рекламной индустрии. Уолл-стрит ассоциируется с деловой жизнью, финансовым центром и расположенной там биржей, газетой Wall Street Journal (Уолл-стрит джорнэл). Имидж Уолл-стрит в Нью-Йорке отражен не только в наличии деловой инфраструктуры и соответствующем зонировании, но и в архитектуре высотных зданий, применении рустовки первых этажей зданий, лаконичности объемных позолоченных или вырубленных вывесок, расположенных на каменных фасадах зданий – демонстрирующих незыблемость финансовой мощи и стабильности.

Правильные пропорции улицы и интересная композиция не являются залогом ее привлекательности для жителей и туристов. Например, улица зодчего К.И. Росси в Санкт-Петербурге, которую представляют студентам архитектурных специальностей в качестве примера гармоничных пропорций, не имеет особенной популярности у туристов. Несмотря на близость популярных у туристов мест, таких как Невский проспект, Александринский театр, набережная реки Фонтанки, Аничков и Ломоносовский мосты, на улице зодчего К.И. Росси практически отсутствуют пешеходы, а пространство заполнено припаркованными автомобилями. И хотя улица зодчего Росси является символом Петербурга, но эта территория, не находит глубокого эмоционального отклика у большинства туристов и желанная повторной коммуникации с этим пространством. Дворы, прилегающие к улице, хаотично заполнены личным транспортом административных

² СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 N 1034/пр) (ред. от 31.05.2022).

служащих. Транспорт, заполняющий улицу, не дает возможности в полной мере воспринимать композиционное решение и пропорции улицы (рис. 1).

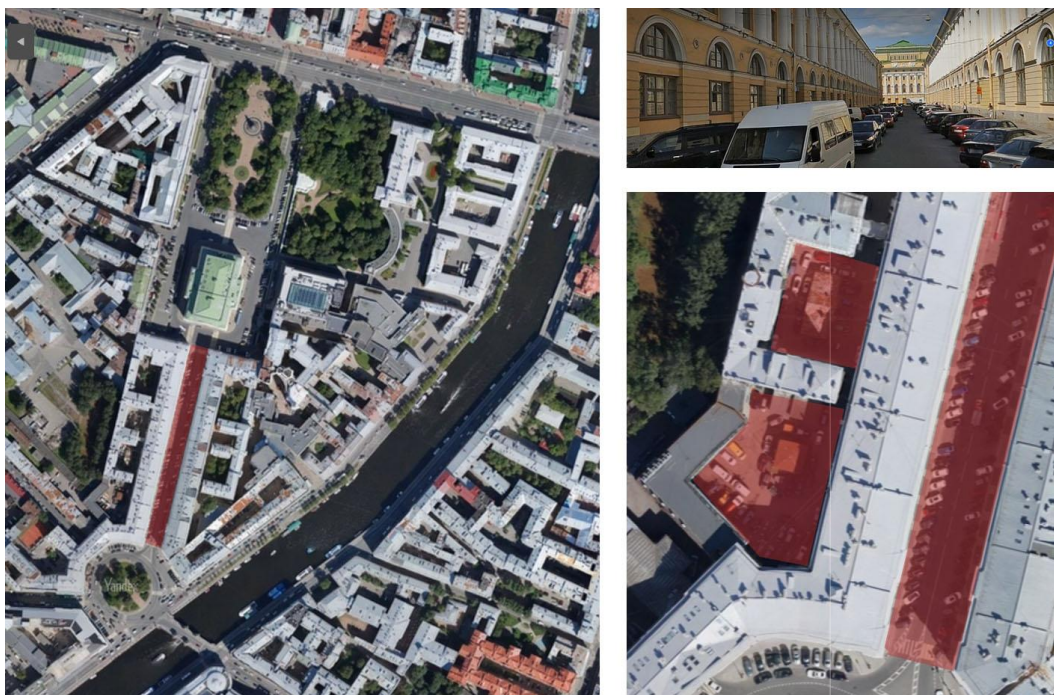

Рис. 1. Хаотичное расположение автомобилей на улице зодчего К.И. Росси и в прилегающих к ней внутренних дворах

Если проанализировать фотоизображения этой улицы, то можно отметить, что наиболее интересные фотографии, демонстрируют пустое пространство улицы без автомобилей. А самые удачные фотографии сделаны после дождя, поскольку отражение улицы в воде, усиливает визуальный эффект симметрии. Однако привлечь пешеходов и повысить туристическую привлекательность этого пространства невозможно без организации событийных мероприятий или создания и расширения существующей инфраструктуры. Первоначально в проекте К.И. Росси по обеим сторонам улицы на первых этажах зданий предполагались магазины и галереи, однако эти аркады были превращены в оконные ниши [3]. Если бы первоначальный замысел был сохранен, то галереи сделали комфортным пребывание пешеходов в дождливую погоду, а инфраструктура, привлекала бы горожан и туристов.

В настоящий момент в непосредственной близости от улицы зодчего К.И. Росси расположены академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, новая сцена Александрийского театра, музей театрального и музыкального искусства, музей русской драмы Александрийского театра – наличие такой инфраструктуры делает перспективным привнесение элементов театрализации и событийности. Привлечь туристов возможно изменением сценария функционирования улицы, например, в выходные дни или теплый период года делать улицу пешеходной. Для привлечения туристов целесообразно организовывать тематические мероприятия, посвященные дням балета, хореографии, архитектуры и другие. Праздничное оформление городской среды, перенесение на улицу элементов театральных постановок, создание временных объектов, световых проекций и других элементов – сделают городскую среду интереснее, привлекут туристов, будут способствовать созданию и расширению востребованной инфраструктуры, развитию среды дворовых пространств.

Работая над повышением туристической привлекательности улицы важно рассматривать особенности городского каркаса, существующие и перспективные туристические маршруты, учитывать систему улиц и общественных пространств, предусматривать

целостный подход, повышающий привлекательность и учитывающий уникальные особенности каждой из улиц. Например, концепция «Иркутских кварталов» предусматривает на улице Коммунаров организацию движения пешеходов и велосипедистов, создание рекреационной зоны и общественного пространства; на улице Подгорной, имеющей сложный рельеф – сужение автомобильной полосы для снижения скорости автомобильного движения; на улице Грязнова – восстановление исторической лестницы и деревянных тротуаров³. Также необходимо учитывать планировочные особенности, связанные с морфологией застройки, например наличие мелкой или крупной сетки улиц и дорог, величину кварталов. Так в проекте организации общественных пешеходных пространств Петербурга, предложенном архитектурной мастерской «Студия 44», к основным осям улиц, имеющим развитую туристическую активность, Галерной и Миллионной активно присоединяют значительные пространства дворов [4]. Городское пространство центральной части Петербурга во многом привлекает пустотой, дающей возможность обозревать городской пейзаж, поэтому насыщение инфраструктурой внутриквартальной территории обосновано.

Архитектурно-художественную концепцию повышения туристической привлекательности улицы следует формировать комплексно, опираясь на историко-культурные и природно-ландшафтные особенности места, оптимизируя размещение инфраструктуры и предусматривая функциональное зонирование, обеспечивающее комфортность пребывания на улице всех групп пользователей этого городского пространства. Архитектурная концепция также должна включать предложение по освещению и колористическому решению улицы, применению отделочных материалов. Кроме того, могут быть представлены решения по праздничному оформлению улицы и по организации событийных мероприятий в городской среде.

Функциональное назначение и зонирование привлекательной для туристов улицы

Функциональное назначение улицы связано с особенностями ее расположения в городе, сложившейся историко-культурными особенностями территории, природной средой. Назначение улиц отражено в их исторических названиях: конюшенная, заводская, вокзальная, литейная, железнодорожная, театральная и других. На функциональное наполнение и инфраструктуру улицы влияет путь или маршрут, который усиливают и задают «якорные объекты» или «точки притяжения», привлекающие посетителей. Этими «якорями», расположенными в пределах улиц, могут быть крупные магазины, станции метро, достопримечательности и другие значимые объекты. Например, Никольская улица в Москве соединяет ГУМ и Красную площадь с одной стороны и метро Лубянка и центральный детский магазин – с другой. Эти объекты формируют маршрут, проходящий вдоль предприятий общепита, торговых центров, магазинов, и от которого ответвляется торговый коридор Третьяковского проезда. Торговые улицы имеют не только определенную направленность, но рассчитаны на определенные группы покупателей. В Столешниковом переулке в Москве расположены магазины одежды дорогих брендов, в Камергерском переулке преобладает зона общепита, на Арбате, привлекающем разнообразных туристов, расположены магазины сувениров, кафе, проходят уличные шоу, предусмотрены развлечения. Наполнение улицы инфраструктурой, создание пространства сомасштабного человеку, открытость общественных пространств, делают улицу привлекательной для пешеходов. Понижение привлекательности городского пространства во многих случаях связано со стихийной парковкой.

Появляются нормы, регламентирующие не только размещение информации и рекламы, но и зонирование пространства улицы (стандарты и правила благоустройства⁴,

³ АНО «Иркутские кварталы». URL: <https://irkkvartal.ru/> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ Стандарты благоустройства улиц муниципальных образований Красноярского края. URL: <http://minstroy.krskstate.ru/page13291/page13308/page14782?eyes=yes> (дата обращения: 12.12.2024).

руководство по дизайну улиц и т.д.⁵). Эти нормы отличаются для разных стран, профиля и численности населения городов, климатических условий, зависят от типологии улиц. По функциональному назначению разделяют следующие зоны: прилегающая фасадам зданий (для обзора витрин, расположения столиков летних кафе); транзитная пешеходная зона; буферное пространство между активной пешеходной зоной и магистралями; велодорожка, граница между велодорожкой и уличной парковкой. Размер этих зон может различаться в зависимости от ширины улицы: на узкой улице может располагаться только зона для транзитного движения пешеходов, а остальные зоны могут отсутствовать. Зоны могут быть размещены в разных уровнях, на верхний уровень улицы чаще переносят столики кафе, променад, велодорожку. Зонирование пространства улицы осуществляют, учитывая потребности всех пользователей пространства, а также используя приемы адаптивности городской среды, предусматривая загрузку и уборку в часы уменьшения пешеходного трафика, используя ограничения въезда транспортного средства при помощи выдвижных столбиков (боллардов), которые позволяют организовывать различные сценарии транспортного и пешеходного движения.

Туристическая привлекательность улицы повышается, когда обеспечена возможность комфортного пребывания разных групп лиц: пешеходов, велосипедистов, автомобилистов, обслуживающего персонала; предусмотрена возможность транзитного движения или тихого отдыха пешеходов; учтены требования по созданию безбарьерной среды [5]. Поэтому необходимо пересмотреть схемы организации движения транспорта, функционального зонирования улицы, благоустройства, обеспечивать мероприятия по формированию безбарьерной среды, кроме того, в некоторых случаях необходимо уточнить решения, связанные с вертикальной планировкой и организацией ливневой канализации и т.п. При зонировании улицы также важно предусматривать качество и характеристики покрытий и отделочных материалов, отвечающие требованиям универсального дизайна, соответствующие функциональному назначению конкретной зоны. Необходимо обеспечить эффективность работы всех фрагментов улицы, например, после изменения схемы парковки в Ростове-на-Дону появились неэффективно функционирующие участки улицы. Эти фрагменты необходимо комплексно осваивать в зависимости от соседствующей инфраструктуры: для расширения летних кафе, создания открытого выставочного пространства рядом с музеем и картинной галерей, создания озеленения или организации велопарковки (рис. 2).

а)

б)

Рис. 2. Улица Пушкинская в городе Ростове-на-Дону: а) неэффективно функционирующее пространство улицы; б) один из вариантов заполнения неэффективно функционирующего пространства улицы летней площадкой кафе

⁵ Urban Street Design Guide. URL: <https://globaldesigningcities.org/publication/global-street-design-guide/> (дата обращения: 12.12.2024).

Историко-культурная привлекательность улицы

Функциональное разнообразие, богатство символики и культурных значений, визуальная неповторимость – все это формирует уникальность городской среды улицы. Исследователи выделяют следующие основные особенности улиц, формирующие ее облик, связанные с этажностью, стилистикой зданий, членениями и пластическим насыщением зданий, тектоникой, колористической гаммой и другие. Например, для старых московских улиц характерны неожиданные пространственные раскрытия, не регулярно метрические, а имеющие случайные чередования, контрастирование горизонталей карнизов зданий и междуэтажных поясов с вертикалями колоколен. В процессе исторического развития городов архитектурные наслоения сплавляются в целостный визуальный текст, придавая ему особую содержательность [6].

Улицы, связанные с жизнью или творчеством знаменитостей, известные по литературным произведениям, кинематографу посещает множество туристов. Это аллея Славы голливудского бульвара в Лос-Анджелесе, Бейкер-стрит в Лондоне и многие другие. Декорации улицы «Косой переулок» из фильмов о Гарри Поттере представлены в тематическом парке американского Орlando и в музее Ливсдена, а в канун праздников этот переулок был также воссоздан на одной из улиц Лондона. Упрощенные копии знаменитых улиц Парижа, Нью-Йорка, Венеции и других известных городов привлекают туристов в Китае, Объединенных Арабских Эмиратах. Подобные эрзацы привлекают тех туристов, которые воспринимают ценность объекта с позиции своего жизненного и эмоционального опыта, а не с позиции его историко-культурной, художественной или архитектурной ценности. Улица Ле-Страде-Нуове в историческом центре Генуи, датируемая концом XVI – началом XVII веков и входящая в список всемирного наследия ЮНЕСКО, привлекает туристов, способных оценить первый в Европе образец градостроительного решения, имеющего единую структуру и состоящую из комплекса дворцов-резиденций Палацци-деи-Ролли эпохи Возрождения и барокко, построенный для влиятельных аристократических семей Генуэзской Республики⁶.

Сохранение целостного градостроительного решения, особенно важно для улиц, являющихся частью туристического маршрута, например, Виа Долороза в Иерусалиме – путь Иисуса Христа на Голгофу. Кроме того, историко-культурная среда отдельных улиц предполагает не только наличие сложившегося маршрута, но и диктует определенный сценарий поведения туриста, ритуал-действие. Так, улица Эбби Роуд, расположенная в северной части Лондона, ассоциируется с творчеством «Beatles» и последним альбомом группы, названным в честь улицы «Abbey Road». Поклонники группы совершают здесь определённый ритуал: делают фото, выстраиваясь на пешеходном переходе и копируя ливерпульскую четверку. Работая с привлекательностью улицы важно исследовать существующее сценарное поведение людей в пространстве. При формировании концепции привлекательности улицы можно моделировать и режиссировать сценарное поведение людей в городской среде.

Для определения стратегии повышения туристической привлекательности необходимо определить объекты, не только уже существующие, но и имеющие потенциал для раскрытия уникальности места. Выявить такие объекты можно общаясь с горожанами, учитывая мнения экспертов, работая с архивными материалами. Выявление объемного или плоскостного «объекта притяжения» и его акцентирование в городской среде должно быть связано с пониманием и решением ряда сопутствующих вопросов. Например, важно определить пространство, необходимое для восприятия «объекта притяжения», его композиционные и колористические характеристики, возможность интеграции в городскую среду современных объектов, в том числе для размещения информации и навигации. Если использовать терминологию К. Норберга-Шульца нужно выбрать такое соотношение «фигуры» и «фона», чтобы был акцентирован значимый объект, но сохранялась

⁶ Конвенцией об охране Всемирного культурного и природного наследия: официальный сайт. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/1211> (дата обращения: 12.12.2024).

целостность среды [7]. Для функционального зонирования и регулирования заполняемости улицы важно определить границы пространства, необходимого для наиболее удачного восприятия объекта. Это важно для обеспечения безопасности, например, чтобы группы туристов, осматривая или делая фотографии «объекта притяжения» не мешали другим группам, а также городскому автомобильному или транзитному пешеходному движению.

Концепция повышения культурно-исторической привлекательности улицы зависит от понимания целевой группы пользователей пространства: социального портрета и культурного уровня. Этот фактор может повлиять на реализацию концепции: от выбора развлекательного характера пространства, китча и декораций до формирования ценной и исторически выверенной архитектурной среды, что накладывает отпечаток на планировочное решение, выбранные материалы и технологии. Усилить привлекательность улицы, можно визуальнo демонстрируя туристам ценность территории, ее историко-культурные особенности. Например, на центральной улице Нижнего Новгорода установлены фотопластики-бинокли со стереофотографиями конца XIX начала XX века, посмотрев в которые, можно увидеть старые исторические фотографии городской среды, а на Кожевенной улице – скульптуры, демонстрирующие бытовые сцены из жизни жителей этого же исторического периода (рис. 3). Во многих городах появляются стенды, карты, повествующие об истории улицы, достопримечательностях и утраченных зданиях, размещают изображение городской панорамы с описанием зданий. Сохраняя историю места, необходимо также обеспечивать требования комфорта и создавать безбарьерную среду улицы. Поэтому в части тротуара, примыкающей к фасаду здания, сохраняют историческую брусчатку, а в транзитной части для удобства пешеходов укладывают современное мощение, которое гармонирует с исторической средой, в некоторых городах в транзитной части улицы сглаживают брусчатку. В мощении улиц обозначают исторические границы районов, утраченных зданий, так в Нижнем Новгороде в покрытие интегрировали плитки с обозначением года основания города.

Рис. 3. Демонстрация исторических особенностей территории в городской среде Кожевенной улицы в Нижнем Новгороде: а) купец за самоваром; б) точильщик ножей; в) беспризорники-мальчишки из Назарьевского приюта; г) покрытие с обозначением года основания города

Природно-ландшафтные особенности и туристическая привлекательность улицы

Исторические особенности, связанные с природным ландшафтом, запечатлены в характерных направлениях, поворотах или прямолинейной планировке улиц городов. Пропорции, членения кварталов, зависящие от рельефа, придают неповторимость улице.

Так, извилистость Ломбард стрит в Сан-Франциско вызывает интерес и привлекает туристов. Природно-ландшафтные особенности территории оказывают сильное эмоциональное впечатление на зрителя, дополняют и усиливают архитектурный образ. Сочетание природной (цветущих сакур) и исторической среды (храма Гинкаку-дзи – объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО) на улице Тецугаку-но-Мичи в японском городе Киото делает улицу живописной.

Природно-ландшафтные особенности территории, наличие рельефа, раскрытие пейзажа, дендрологические особенности – все это составляет уникальность улицы. Природно-ландшафтные особенности территории влияют на назначение, функциональное наполнение пространства. Например, улица, имеющая живописное озеленение, водоемы, места для тихого отдыха, небольшие кафе, например, набережная или бульвар подходит для романтической прогулки или философских размышлений. Использование ландшафтных особенностей, природных материалов, достаточного озеленения благоприятно влияет на формирование образа экологически привлекательной улицы. Применение растений – эндемиков подчеркивает природный код места и придает неповторимость. Например, для городского пейзажа Петербурга характерно не только живописное озеленение, но и «графичные» силуэты деревьев, оставшиеся без листвы.

Концепция повышения туристической привлекательности должна использовать и отражать природные особенности места, учитывать возможность организации рекреационных зон, визуальные особенности городского пейзажа. Это может быть раскрытие города к воде, создание на набережной, соответствующей инфраструктуры, например, подходящих мест для рыбалки, игровых площадок, спортивных залов, художественных инсталляций, экспозиций музеев и библиотек на улице, сооружение плавучих садов, мест швартовки прогулочных байдарок и аренды моторных лодок. Парусные суда и корабли на набережной могут являться неотъемлемой составляющей морского фасада города, демонстрировать историческую среду и природно-ландшафтные особенности территории.

На формирование туристической привлекательности улицы влияет микроклимат, зависящий от климатических особенностей места, расположения улицы и городского окружения, ветра, инсоляции, планировочных решений, характера озеленения и геопластики, выбора отделочных материалов. В жарком климате при создании комфортных условий для пешеходов и улучшения микроклимата могут использовать солнцезащитные покрытия, улучшать аэрацию, предусматривать водоёмы, фонтаны или специальные разбрызгиватели.

Эмоциональная привлекательность и атмосфера улицы

Эмоциональный комфорт от пребывания в городской среде достигается, когда человек может легко ориентироваться на улице и запоминать окружение благодаря расположению доминант в пространстве, организованности композиции, ориентиров, метрических и ритмических повторений архитектурных элементов, задающих направление движения в пространстве. Исследователи описывают так эмоциональное переживание зрителя: нестандартное архитектурное решение, в некотором роде должно быть ожидаемым, когда, следуя по определённому пути, происходит смена картин, возникающих перед наблюдателем, затем эмоции зрителя нарастают, в том месте, где архитектурная композиция достигает своей кульминации. Привлекательная улица должна удовлетворять познавательную потребность человека, выражающуюся в проявлении интереса к живописному ландшафту или зданию с уникальным архитектурным решением, пластикой, колористикой и т.д. [8]

Планировка и пропорции оказывают влияние на формирование туристической привлекательности улицы. Традиционные пространственные системы позволяют ассоциировать данную среду с архитектурными образами определенного города или региона. Ритмический строй или характер членений формы, создавая даже отдаленную

аналогию объекта с культурными образцами, оказывают воздействие на восприятие, не осознаваемое человеком [6]. Протяженная улица, не имеющая акцентов в виде выразительных зданий и сооружений или объектов городской среды, а также при отсутствии в городской среде улицы событийности – не будет интересна туристу. Уникальность улицы, состоящая в том, что она является самой длинной или узкой в мире не будет привлекать туриста для повторного посещения этого места. Например, формулировка концепции как «самая длинная набережная в России» не находит эмоционального отклик у жителей города и туристов. Для формирования концепции привлекательности пространства улицы гораздо важнее узнать, с какими событиями связана данная городская территория у жителей города, добавить инфраструктуру. Создание эмоциональной привязанности жителей к определенному пространству в последнее время отмечается как важная социальная задача. Специалисты, работающие в области территориального брендинга, архитектурного проектирования, урбанистики проводят опросы жителей, привлекают людей для соучаствующего проектирования, поскольку в таком случае горожане более бережно относятся к городской среде [9]. Разработаны методические рекомендации по влечению граждан в вопросы формирования городской среды⁷.

Помимо функциональности и объективных характеристик, на создание туристически привлекательного образа улицы влияет эмоциональность городской среды. Задействовано зрительное восприятие, тактильное, связанное не только с материалами, которые прохожий может потрогать, но и с ощущениями, связанными с передвижением, неустойчивостью, например спуском или подъемом рельефа. Мощение также формирует характер улицы и оказывает эмоциональное воздействие на пользователя. Это ощущение от передвижения по деревянному тротуару или по гравею мощению, покрытию из речной гальки, гранитной брусчатки или мраморных плит. В последние годы появляются исследования городской среды, связанные со звуком, существуют сенсорные карты городов, где обозначены характерные запахи улиц – все это также формирует уникальность городской среды [10].

Одной из важных характеристик туристической привлекательности городской среды является чувство безопасности, защищенности человека и его ощущение комфортности. Например, при формировании улицы жилого района важна сомасштабность среды человеку. Исследование наиболее популярных улиц и определение характеристик наиболее интересной и востребованной городской среды, показали, что на наиболее привлекательных для людей улицах нет очень высоких зданий, пространство выстроено по отношению к человеческому масштабу таким образом, что есть ощущение, что ты находишься в интерьере, где сама городская среда способствует общению людей [11].

Атмосфера улиц формируется основными особенностями городской среды, ее комфортом, эстетикой, безопасностью, событийностью. Улицы имеют свои ритмы, когда в течение дня и недели меняется жизнь улицы. Совершаются различные процессы, обеспечивающие незаметное обслуживание и дающие возможность функционирования городских объектов [12]. Происходит дневная и ночная жизнь улицы, а также различные событийные мероприятия выступают актеры, рисуют художники, происходят митинги, фестивали, карнавалы, праздники и т.д. Динамика городской среды, ее наполненность людьми – существенное условие для эмоционального воздействия. Эмоциональная содержательность улиц исторических городов связана, прежде всего, с их многолюдностью, разнообразием и многочисленностью магазинов, кафе, ателье, витрин, вывесок [6]. При построении привлекательности улицы необходимо учитывать особенности сценарного подхода к проектированию городской среды, изучать средовое поведение людей в городе, основываясь на теории А.В. Крашенинникова [13], а затем

⁷ Приложение к Приказу Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Минстрой России) №913/пр от 30 декабря 2020 года. Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решении вопросов развития городской среды. 19 с.

моделировать городскую среду, используя, описанные Ю.С. Янковской композиционные приемы, которые бы стимулировали движение туриста к определенному объекту [14].

Транспорт также формирует образ города. Так мы не можем представить себе Гранд-канал, который является по своей сути главной улицей Венеции, без колоритных гондол. Неповторимый характер городам также придают особенности решения станций и входов в метрополитен, остановок общественного транспорта, непосредственно сам дизайн городского транспорта и его оформление. Колорита и узнаваемости городской среде добавляют двухэтажные автобусы и такси «черные кэбы» в Лондоне, моторикши в странах Азии, система городских эскалаторов в Гонконге, монорельсовая подвесная дорога в Вуппертале, плавающие экскурсионные автобусы – амфибии в Гамбурге, канатные дороги Медельине и других городах [8].

Пульсация функциональных зон улицы, адаптивность и регулирование визуального раскрытия помещений в пространство улицы или изоляция вспомогательных процессов позволяют сформировать неповторимую атмосферу городской среды. Прозрачные витрины, раздвижные стены приглашают пешеходов посетить кафе, магазины и другие пространства. Гуляя по средневековым улочкам Тель-Авивского района Яффо, туристы входят в ремесленные и художественные мастерские, открытые для посещения. В этих мастерских продолжают идти творческие процессы, что напоминает театральное действие, придает особый колорит улице. Подобные примеры были характерны для многих средневековых городов Европы и Азии. Визуальное раскрытие, наличие творческих процессов – все это наполняет улицу жизнью, придает ей «активный пульс». На улицах, где отсутствует необходимость в климатозащитной функции архитектуры, визуальная преграда между пространством улицы и интерьером здания стирается, а часть функций, из закрытых помещений, переносится в городскую среду: появляются места для работы и отдыха на открытом воздухе, столики кафе и другие элементы. Создаваемая среда, может трансформироваться, изменяясь с учетом потребностей пользователей городского пространства.

Выводы

На формирование туристической привлекательности пространства улицы влияют масштаб и пропорции, инфраструктура, значение, функциональное назначение, планировочное решение и другие факторы, в том числе наличие инфраструктуры, достопримечательностей, узнаваемость, выражающая топонимику места. Построение концепция привлекательности зависит от того является улица главным проспектом или переулком; пешеходная улица или магистральная; торговая или жилая; историческая или современная; прямая или криволинейная; широкая или узкая; с перетекающим пространством в природную среду или имеющая замкнутый контур, ограниченный застройкой; ровная или спускающаяся по рельефу – все это придает неповторимость улице. Концепция повышения туристической привлекательности должна учитывать и акцентировать уникальные особенности улицы. Доступность и комфорт улицы определяют: планировочные, инженерные и технические решения, благоустройство, решение по вертикальной планировке и формированию безбарьерной среды, применяемые отделочные материалы. Важная роль отводится зрелищности пространства, с его трансформациями и включением городской среды в событийный сценарий, регулированию визуального раскрытия и изоляции помещений, выходящих на улицу, включение интерактивных объектов. В формировании градостроительного облика привлекательной улицы участвуют не только здания, расположенные непосредственно в пределах самой улицы, освещение и колористика улицы, но и видовые панорамы.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 12.12.2024).

Рис. 2, 3. Фото автора.

Список источников

1. Мыльникова Е.М. Модель привлекательности территории – «многоугольник территориальной привлекательности» / Е.М. Мыльникова, Н.П. Нагибина, О.В. Якупова // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 1321-1328.
2. Филимонова К. Улицы российских городов: о некоторых тенденциях в номинации / К. Филимонова, Н.Г. Смирнова // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях, Ставрополь, 17-19 мая 2022 года. Ставрополь: Издательство Ставролит, 2022. С. 400-404.
3. Лавров Л.П. Санкт-Петербургские галереи: итальянские мотивы на берегах Невы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. № 3. С. 183-198.
4. Явейн Н.И. Формирование новых общественных пространств как стимул к развитию центральных кварталов Санкт-Петербурга / Н.И. Явейн, О.И. Явейн, И.Е. Григорьев, Л.Н. Лихачева // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 31-1(50). С. 212-217.
5. Преловская Е.С. Концепция комфортной улицы // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 5(10). С. 118-127.
6. Сомов Г.Ю. Эмоциональное воздействие архитектурной среды и ее организация. В кн.: Архитектура и эмоциональный мир человека // Г.Б. Забельшанский, Г.Б. Минервин, А.Г. Раппапорт, Г.Ю. Сомов. Под научной редакцией Минервина Г.Б. Москва: ЦНИИТИА, 1985. 150 с.
7. Усманова З.Р. Концепции органичной городской среды // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №3(56). С. 14-26. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/01_usmanova.pdf (дата обращения: 12.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-14-26
8. Флери А. Улица как географический объект / А. Флери, М. Маршак // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 30-36.
9. Горгорова Ю. В. Формирование городской среды и бренда города на основе мнения горожан // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2022. № 2. С. 76-83. DOI 10.34031/2071-7318-2021-7-2-76-83
10. Горгорова Ю.В. Особенности архитектурного формирования туристически привлекательной звуковой среды города // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 3(68). С. 277-286. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/17_gorgorova.pdf (дата обращения: 12.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-277-286
11. Птичникова Г.А. Визуальная зрелищность в "архитектуре удовольствия" США (М. Лapidус и Дж. Портман) // Современная архитектура мира. 2021. №1(16). С. 53-67.
12. Джейкобс А.Б. Великие улицы; [перевод с английского: Ирина Затеева]. Москва: Искусство-XXI век, 2014. 332 с.
13. Крашенинников А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды: Монография. Москва: КУРС, 2020. 210 с.
14. Янковская Ю.С. Морфологическая структура и адаптивность архитектурного объекта // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 3. С. 25-28.

References

1. Mylnikova E.M. Nagibina N.P., Jakupova O.V. *Model' privlekatel'nosti territorii – "mnogougol'nik territorial'noj privlekatel'nosti"* [Model of territory attractiveness – “polygon of territorial attractiveness”]. Journal of international economic affairs, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 1321-1328.
2. Filimonova K., Smirnova N.G. *Ulicy rossijskikh gorodov: o nekotoryh tendencijah v nominacii* [Streets of Russian cities: on some trends in the nomination. Innovative directions of development in education, economics, engineering and technology]. Stavropol, 2022, pp. 400-404.
3. Lavrov L.P. The Saint-Petersburg galleries: Italian motives on the Neva's embankments. Vestnik of Saint Petersburg University. Arts, 2014, no. 3, pp. 183-198.
4. Yaveyn N.I., Yaveyn O.I., Grigorev I.E., Likhacheva L.N. Creation of new public spaces to stimulate the development of the central districts in St. Petersburg. Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering Series: Civil Engineering and Architecture, 2013, no.31-1(50), pp. 212-217.
5. Prelovskaja E.S. Concept of a comfortable street. Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost, 2014, no. 5(10), pp. 118-127.
6. Zabel'shanskij G.B., Minervin G.B., Rappaport A.G., Somov G.Ju. *Arhitektura i jemocional'nyj mir cheloveka. Jemocional'noe vozdejstvie arhitekturnoj sredy i ee organizacija* [Emotional impact of the architectural environment and its organization. In the book: Architecture and the emotional world of man]. Moscow, 1985, 150 p.
7. Usmanova Z. Concepts of Organic Urban Environment. Architecture and Modern Information Technologies, 2021, no. 3(56), pp. 14-26. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/01_usmanova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-14-26
8. Fleri A., Marshak M. The street as the geographical subject. Russian sociological review, 2009, vol. 8, no. 3, pp. 30-36.
9. Gorgorova Yu.V. Formation of urban environment and city brand based on citizen opinions. Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov, 2022, no. 2, pp. 76-83. DOI 10.34031/2071-7318-2021-7-2-76-83
10. Gorgorova Yu.V. Features of architectural formation of a tourist-attractive sound environment of the city. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 3(68), pp. 277-286. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/17_gorgorova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-277-286
11. Ptichnikova G.A. Visual Spectacularity in the US Architecture of joy (M. Lapidus and J. Portman). Contemporary world's architecture, 2021, no. 1(16), pp. 53-67.
12. Dzhejkobs A.B. *Velikie ulicy* [Great Streets]. Moscow, 2014, 332 p.
13. Krashenninnikov A.V. *Kognitivnaja urbanistika: arhetipy i prototipy gorodskoj sredy* [Cognitive urban studies: archetypes and prototypes of the urban environment]. Moscow, 2020, 210 p.
14. Jankovskaya Y.S. Morphological structure and adaptability architectural objects. Akademicheskij Vestnik UralNIIProekt RAASN, 2015, no. 3, pp. 25-28.

ОБ АВТОРЕ**Горгорова Юлия Владимировна**

Кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры архитектурного и средового проектирования, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия;
член Союза Архитекторов России

ygorgorova@sfedu.ru

ABOUT THE AUTHOR**Gorgorova Yulia V.**

PhD in Architecture, Associate Professor, Professor of the Department of Architectural and Environmental Design, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia;
Member of the Union of Architects of Russia

ygorgorova@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 72.01:72.036(520)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-72-89

EDN: KFFPRZ

Восприятие пространства как категория идентичности в японской архитектуре. Концепт «ма» как форма самопознания

Федор Яковлевич Шемякин¹

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
fedshemyakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются природный и пространственный / пространственно-временной аспекты, оказавшие влияние на процесс самоидентификации японских архитекторов, исследуются формы взаимодействия японской и западной интеллектуальной традиции. Автор рассматривает пространственно-временной концепт *ма*, исследует историю его возникновения и эволюции, выявляет особенности его бытования в японской культуре. Проанализировав то, как понимается концепт *ма* как в Японии, так и за ее пределами, автор приходит к выводу, что концепт *ма* стал инструментом постижения и самопознания японской архитектуры. Аспекты влияния пространства пустоты и промежутка *ма* в японской архитектуре были рассмотрены на примере реализованных проектов современных японских архитекторов. Отмечена актуальность понимания пространства в японской культуре в контексте нелинейности и дигитальности современной архитектуры.

Ключевые слова: японская архитектура, пространство, идентичность, языковой концепт, *ма*, Арата Исодзаки, диалог культур

Для цитирования: Шемякин Ф.Я. Восприятие пространства как категория идентичности в японской архитектуре. Концепт «ма» как форма самопознания // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 72-89.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/04_shemyakin.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-72-89. EDN: KFFPRZ

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

Perception of space as a category of identity in Japanese architecture. The concept of «ma» as a form of self-knowledge

Fedor Ya. Shemyakin¹

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
fedshemyakov@gmail.com

Abstract. This article examines the natural and spatial/spatiotemporal aspects that have influenced the process of self-identification among Japanese architects, exploring how Japanese and Western intellectual traditions interact. The author investigates the spatiotemporal concept of *ma*, tracing its historical origins and evolution and revealing its specific manifestations in Japanese culture. By analyzing how the concept of *ma* is understood both in Japan and abroad, the author concludes that *ma* has become a tool for understanding and self-knowledge in Japanese architecture. The impact of the *ma* interval and the idea of emptiness on Japanese architecture is illustrated through examples of built projects by

¹ © Шемякин Ф.Я., 2025

contemporary Japanese architects. The study also emphasizes the relevance of grasping Japanese spatial concepts in the context of the nonlinearity and digital nature of modern architecture.

Keywords: Japanese architecture, space, identity, language concept, ma, Arata Isozaki, dialogue of cultures

For citation: Shemyakin F.Ya. Perception of space as a category of identity in Japanese architecture. The concept of «ma» as a form of self-knowledge. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 72-89.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/04_shemyakin.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-72-89. EDN: KFFPRZ

«Пустота не просто небытие, пустота – это лоно пространства

Форма кружит вокруг пустоты, вокруг отсутствующего центра – он и есть скрытый источник пространства в рудных жилах пустот»
Жак Дюпен²

Современная японская архитектура представлена многочисленными проектами, авторы которых апеллируют к культурно-историческому опыту Японии. В числе них известные архитекторы, сформировавшие облик японской архитектуры в XX-XXI вв. – (Киёнори Кикутакэ, Кэндзо Тангэ, Арата Исодзакэ, Фумихико Маки, Кисё Курокава, Тойо Ито, Тадао Андо, Кэнго Кума, Дзюнья Исигами, Сигэру Бан и другие). При объяснении процессов формообразования, создания образа, эстетических и функциональных решений в своих проектных предложениях они часто апеллируют к опыту традиционной японской архитектуры, активно взаимодействуя или же вступая с ним в полемику. В связи с этим нам представляется важным ответить на резонный вопрос: является ли эта актуальность традиции в Японии способом легитимизации современной архитектуры, или же это потребность японцев в осознанном/бессознательном выражении своей культурно-эстетической парадигмы?

Актуальность традиционной японской архитектуры, как ни парадоксально, впервые была замечена за пределами Японии. В конце XIX века уже появляются первые фундаментальные исследования традиционной японской архитектуры³, однако именно ее «открытие» было связано с интересом европейских архитекторов уже в XX веке. Прежде всего оно было обусловлено заметным сходством ряда особенностей, характерных для традиционной японской архитектуры с решениями архитекторов модернистов, проявившихся как в конструктивных, так и в эстетических характеристиках [1, с.47]. Именно этот интерес позволил японским архитекторам отбросить некоторое пренебрежение своей архитектурной традицией, сформировавшееся после реставрации Мэйдзи, и, начиная с 20-х годов прошлого века, переосмыслить собственное наследие.

Однако данный подход, заключающийся в поиске черт, характерных для прогрессивного на тот момент модернизма, в традиционной японской архитектуре вел к искаженному восприятию, так как модернисты видели всю японскую архитектуру через призму минимализма и модульности, упуская из внимания все то, что им было не интересно. Настоящий поиск основ традиционной архитектуры начался несколько десятилетий спустя. Новый толчок к переосмыслению собственного наследия дала Вторая мировая война, если быть более точным, то ее последствия. После трагедии Хиросимы и Нагасаки, стертых с лица земли и опустошительных пожаров в Токио японские архитекторы столкнулись с колоссальным духовным и творческим кризисом,

² Дюпен Жак. Пространство другими словами / пер с фр. и вступ. Б. Дубина // Иностранная литература. 2004. № 2. С. 246-261.

³ Morse Edward Sylvester. Japanese Homes and their Surroundings. New York: Harper & Brothers, 1889. 372 p.

подтолкнувшим их к активному поиску новых концепций, выстраиваемых на основе глубокой саморефлексии, позволивший актуализировать опыт традиционной японской архитектуры. Архитектор Арата Исодзакэ, обращаясь к тому времени, вспоминал: «моим первым опытом в архитектуре было отсутствие архитектуры, и я начал размышлять о том, как люди могли бы перестроить свои дома и города»⁴. Закономерным итогом этого процесса стало формирование движения архитектурного метаболизма, объединившего многих в будущем знаменитых и влиятельных японских архитекторов, каждый из которых, продолжив свой профессиональный путь, оказал существенное влияние на развитие японской архитектурной мысли. Среди них стоит особо отметить работы Арата Исодзакэ, посвященные проблемам идентичности и «японскости» японской архитектуры, оказавшие колоссальное влияние на формирование образа Японии как в самой стране, так и за рубежом⁵.

Изучая работы историков и архитекторов, занимавшихся изучением традиционной японской архитектуры (и архитекторов-метаболистов, активно разрабатывавших эту проблематику, и современных исследователей), можно прийти к выводу, что природный и пространственный (пространственно-временной) аспекты имели ключевое значение в самоидентификации японских архитекторов. Стоит особо отметить, что центральная роль пространственного восприятия в японской архитектуре убедительно представлена в монографии Н.А. Коноваловой «Современная архитектура Японии. Традиции восприятия пространства». В ней автор выделил основные категории, характеризующие пространственное восприятие архитектуры в Японии⁶. Особый характер пространства также рассматривался исследователем японской архитектуры В.М. Сытником⁷.

Природный и пространственный аспекты взаимосвязаны – природная среда пространственна в той же мере, что и неприродная (искусственная или культурная). Особая роль пространства может быть рассмотрена через призму концепции «трех пространств» А. Лефевра и Э. Соджи: материального или физического, ментального или воображаемого и объединяющего их социального. Как утверждает историк Я.Г. Шемякин, эти «пространства пронизывает дихотомия природного и культурного, причем соотношение этих измерений различно во всех трех пространствах», при этом такое разделение «носит условный характер ... все три выступают как различные измерения единого пространства цивилизации» [2, с.7]. Приводя в качестве примера Россию и Латинскую Америку, он приходит к выводу о том, что материальное пространство в них играет ключевую роль, а «отличительной особенностью структуры пространственно-временного континуума ... является доминанта пространства» [2, с.7], ставшая основой цивилизационной идентичности. Д.Н. Замятин писал, что «любая цивилизационная идентичность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Такие образы – неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности» [3, с.64].

Сквозь призму такого подхода, по нашему мнению, необходимо смотреть и на Японию, где физическое пространство природы является важной константой существования нации, предопределившей структуру пространственно-временного континуума. Представляет интерес классификация национальных культур П.А. Решетниковой.

⁴ Arata Isozaki Biography // The Pritzker Architecture Prize. URL: <https://www.pritzkerprize.com/laureates/arata-isozaki#laureate-page-2051> (дата обращения: 01.12.2024).

⁵ Isozaki Arata, David B. Stewart. Japan-ness in Architecture. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2006. 349 p.; Isozaki Arata. Island Nation Aesthetic (Polemics). London: Academy Editions, 1996. 59 p.; Isozaki Arata. Ma, Space-time in Japan [exhibition at the Cooper-Hewitt Museum, New York, 1979]. Cooper-Hewitt Museum, 1979. 66 p.

⁶ Коновалова Н.А. Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История. 2017. 258 с.

⁷ Сытник В.М. Основные концепты категории пространства в японской архитектуре // Альманах Пространство и Время. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontsepty-kategorii-prostranstva-v-yaponskoy-arhitekture> (дата обращения: 01.12.2024).

Выделив пространственно-временной фактор как основу, можно условно разделить национальные культуры на две категории. К первой относятся культуры, в которых уделяется особое внимание изменениям во времени, ко второй те, в которых внимание сосредоточено на организации пространства. В этой классификации японская культура относится ко второму типу [4, с.270]. Нельзя не отметить дискуссионный характер такого рода разграничения. Изменение во времени в данном случае предполагает именно линейное развертывание, в то время как цикличность времени служит критерием пространственно-ориентированной культуры. Экстремальные природные условия, при которых, например, материальность архитектуры из категории постоянства, переходит в категорию изменчивости в виду вынужденного обновления (*genius loci* в таких условиях становится явлением относительным [5, с.135]), позволяют рассматривать темпоральное измерение как еще один фактор, цикличность которого также предопределила внимание к организации пространства.

Однако категория времени в цивилизационном пространстве Японии не является столь однозначно читаемой. Страна пережила сильнейшее потрясение при реставрации Мэйдзи, затронувшее не только восприятие истории и собственной традиции, но и восприятие времени. Япония перешла на григорианский календарь и западную 24-часовую систему в течение первого десятилетия Мэйдзи [6, с.166]. Этот процесс не мог не оказать существенное влияние на понимание исторического процесса. Результатом резкого разрыва с традицией стало предложение японского историка Сокити Цуда разделить исторический подход в японском обществе на два типа: тот, что фиксирует прошлое и тот, что возник после реставрации Мэйдзи, воплощающий ценности прогресса [6, с.174]. Тем не менее, действительно можно провести границу между западным и восточным восприятием времени – в то время как на Западе оно ориентировано почти исключительно на непрерывность и длительность, на Востоке (прежде всего речь идет о буддизме, оказавшем колоссальное влияние на японское мировосприятие) «доктрина мгновенного бытия подчеркивает радикальную прерывность и абсолютное отсутствие длительности во времени» [7, с.131]. Обычным примером, используемым для объяснения этого явления, является образование волн в море [8, с.8], постоянно исчезающих и возникающих одна за другой. Стоит отметить тот факт, что на Востоке «пространство и время на протяжении тысячелетий рассматривались как сосуществующие: пространство формируется в многомерном поле времени, а время происходит в безграничной пустоте пространства» [9, с.3].

Предпосылки к формированию особого типа национальной культуры в Японии во многом были обусловлены динамикой исторического развития и целым комплексом географических и климатических факторов. Частые землетрясения, цунами, тайфуны, наводнения, повышенная влажность, термиты – вот тот природно-климатический контекст, в котором развивалась традиционная японская архитектура. Совокупность этих факторов способствовала тому, что внимание к внутреннему миру и необходимость оперативного изменения среды из-за постоянных природных катаклизмов формировали особое отношение к материальному, в рамках которого здание, построенное человеком, не являлось константой физического мира, а лишь мгновением, которому было суждено в скором времени обратиться в прах. Влияние природных катастроф, непостоянство и эфемерность жизни также нашли свое отражение в буддийском мировосприятии, например, по мнению Брайана Р. Синклера, значимые буддийские концепции, такие как эфемерность, непостоянство и непривязанность, оказали заметное влияние на теории и практики проектирования в Японии [10].

Эти особенности японского менталитета, как писал К. Курокава, послужили истоком традиции перестройки святилищ, как символа вечности в постоянном обновлении [11, с.32]. Речь здесь идет, прежде всего о синтоистском Храме Исэ и традиции его перестройки каждые двадцать лет (рис. 1). На самом деле это целый храмовый комплекс синтоистских святилищ, которые также подвергаются периодической реконструкции, как и главные храмы. На соседних участках строится новое святилище, полностью идентичное старому. Священные предметы переносят в новое здание, а старое сравнивают с землей.

Ритуальные предметы и облачения монахов также изготавливаются заново каждые двадцать лет [12, с.126]. Однако это явление, в силу его тесной связи с императорским культом и государственной протекцией, вероятно, нецелесообразно понимать как общий культурный архетип, будь то японский или азиатский. Кроме того, антиматериалистические значения, часто приписываемые ему сегодня, не находят поддержки в текстах, предшествующих концу XIX века, когда эти значения появились в письменной форме, большая часть которых предназначалась для иностранной аудитории [12, с.152].

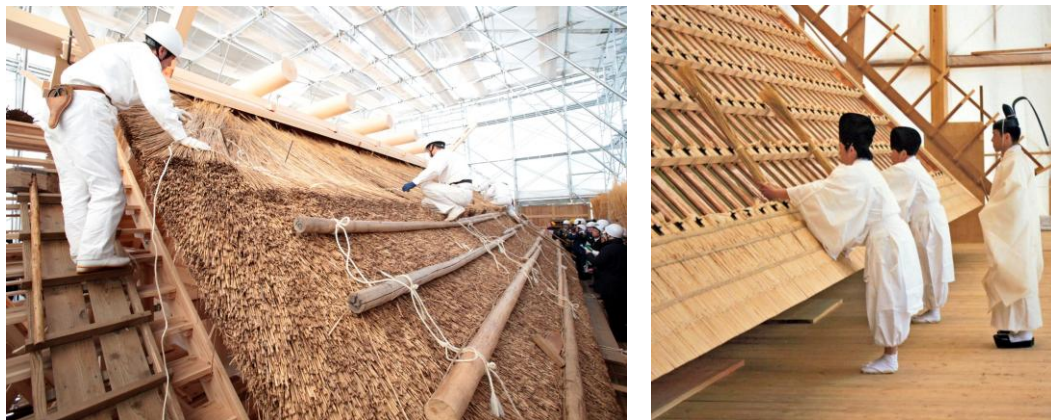

Рис. 1. Исэ-Дзингу. «Сикинэн сэнгу» – ритуал перестройки и обновления каждые 20 лет

Парадоксальное восприятие пространства в японской культуре во многом обусловило сам процесс поиска идентичности. Понимание традиционной архитектуры и самоидентификация японских архитекторов были тесно связаны с понятием пространства. При проведении сравнительного анализа между памятниками западной архитектуры и традиционным японским зодчеством, можно прийти к выводу, что до конца XIX века в Японии отсутствовало какое-либо понимание концепции пространства как отдельной «положительной сущности», и только в конце XIX века, когда в японском языке появилось новое слово *кукан*, понимание данной концепции вышло на новый уровень [13, с.55]. Впрочем, с данным тезисом можно поспорить, так как в том числе и западные «теоретики и историки архитектуры больше занимались формой и процессами формообразования, нежели вопросами пространства» [14, с.54], что отмечает Сета Лоу, выделяя интерес к понятию пространства у архитекторов между 1890-1970 гг. и роль немецкой философии в его формировании. Гюнтер Ницшке писал, что пространство никогда не понималось как физический фактор и поэтому нельзя надеяться найти понимание пространства, исследуя историю обращения японцев с формой и пространством, а из анализа лучших примеров японской архитектуры скорее можно сделать вывод, что пространство как сущность вообще не существует [15, с.117].

К не менее парадоксальным выводам приходит Ботонд Богнар, утверждая, что само понятие пространства никогда не приходило в голову японцам, и поэтому, по иронии судьбы, в традиционной японской архитектуре не было таких понятий, как пространственное манипулирование или конструирование [5, с.135]. И только лишь в 1960-е термин пространства появился в японских архитектурных изданиях [13, с.56], что, как было указано выше, совпадает с началом активного послевоенного поиска идентичности. Также этот тезис подтверждает Хадзимэ Яцука, который пишет о том, что «в истории японской архитектуры, отсутствовало понятие пространства и, как следствие, не было специально спроектированных пространств» [16, с.104]. Он также отмечает работы Мицуо Иноуэ, приводя пример авторского подхода к традиционной японской архитектуре по принципу, который на самом деле не существовал, но при этом «кажется естественным, как если бы японская архитектура формировалась в процессе развития сознательной интерпретации пространства» [16, с.102].

Тем не менее, стоит еще раз отметить, что выделение пространства как отдельной категории без упоминания категории времени, ведет к искажению восприятия – пространство-время неразрывно связаны друг с другом. Наиболее емко этот аспект в японской культурно-эстетической парадигме описал Арата Исодзакэ, выразив пространственно-временную категорию через понятие *ма* 間. Архитектор писал: «понятие *ма*, или интервала, в объяснении которого мы, японцы, не нуждаемся, пронизывает нашу жизнь и наше искусство в целом, а также наши чувства, методы и художественное сознание» [17, с.47]. Исодзакэ также исследовал пространственные характеристики японской архитектуры, выделив «плоскостность» как особый способ восприятия пространства в Японии [18, с.42]. Возможно, в данном случае уместно говорить не о понятии, слове или концепции, несмотря на близость их значений. *Ма*, по нашему мнению – это скорее языковой концепт, «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [19, с.43].

Ма означает промежуток между пространственными или временными вещами и событиями, он не только используется в составных словах, но и имеет такие значения, как промежуток, пространство между, время между и так далее. Например, в комнате появляется *ма*, как пространство между стенами, в музыке это пауза между нотами или звуками. В более широком смысле *ма* также означает «среди». В сложном слове *нингэн* 人間 (человек), например, *ма* (здесь читается как *эн*) подразумевает, что люди находятся внутри, среди или в отношениях с другими, приобретая реляционное значение – динамическое значение положения внутри, с, среди или между [20, с.255-256]. Ницшке выделяет, например, следующие области бытования *ма*: область объективности, которая делится на одномерную, двухмерную, трехмерную и четырехмерную реальности; область субъективности, которая делится на сферу опыта, искусства и общества; область метафизики⁸. Все эти области могут быть раскрыты с применением концепта *ма* через японские слова, включающие в себя иероглиф 間.

К этому понятию также обращается К. Курокава, утверждая, что *ма* как промежуток находит свое отражение в энгаве – галерее, служащей переходным элементом между домом и садом. Сам архитектор раскрывает концепцию промежуточного пространства, называя его «серым пространством» между замкнутым пространством внутри и открытым снаружи [21, с.421]. Энгава существует между ними в этой «серой зоне», она «предназначена для того, чтобы выразить связь между природой и архитектурой и объединить вместе различные архитектурные группы» [11, с.10].

Является ли этот концепт действительно столь всеобъемлющим и характерным для японской культуры? Примечательно то, что до того, как концепт *ма* был представлен впервые в 1978 году на выставке «MA Espace-Temps au Japon» (рис. 2) в Париже⁹, сами японцы не выделяли его в том всеобъемлющем и исключительном значении, в котором его описал Исодзакэ. Каталог с пояснениями (рис. 3) раскрыл *ма* через систему понятий, позволив сформировать целостное видение сложного и многогранного культурного феномена. В публикации журнала New York Times 1979 года, в обзоре выставки, которая к этому времени продолжила свою работу в Нью-Йорке, было написано следующее: «концепция *ма*, или пространства-времени, является обычным явлением в японской культуре, но ее роль как определяющего элемента всей архитектуры и дизайна, оказывающего влияние на все фазы жизни, совершенно чужда западному сознанию»¹⁰. Тем более показательным является пример того, как в 1984 году в Японии во время

⁸ Nitschke, Gunter. MA: Place, Space, Void. (May 16, 2018 / HIDDEN JAPAN) // Kyoto Journal. URL.: <https://www.kyotojournal.org/culture-arts/ma-place-space-void/> (дата обращения: 01.12.2024).

⁹ Arata Isozaki Exposition Archive 1978 MA Espace-Temps au Japon // Festival d'Automne à Paris. URL.: <https://www.festival-automne.com/en/edition-1978/arata-isozaki-exposition-espacetemps-japon> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁰ ARCHITECTURE VIEW March 25, 1979, Section D, Page 31 // The New York Times Company. URL.: <https://www.nytimes.com/1979/03/25/archives/architecture-view-on-the-japanese-aesthetic.html> (дата обращения: 01.12.2024).

визита французской делегации французская сторона часто упоминала ставшую всемирно известной к этому времени выставку, поставив в неудобное положение японских коллег, так как сами японцы о ней ничего не знали. Выставку не привозили в Японию и о ней не было упоминаний в прессе¹¹. В итоге Жак Деррида, как вспоминал с иронией сам Исодзакэ, не мог не объяснить японской делегации значение *ма* намного лучше, чем он сам [22].

Рис. 2. Экспозиция выставки «MA Espace-Temps au Japon», Париж, 1978 г.

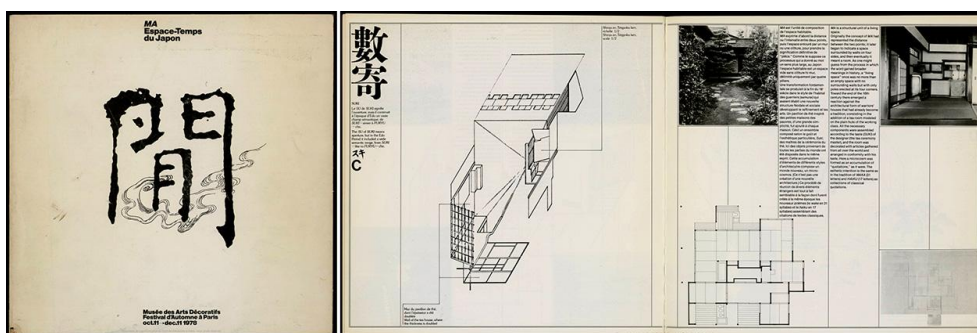

Рис. 3. Каталог с выставки «MA Espace-Temps au Japon», Париж, 1978 г.

Этот пример соответствовал общей тенденции развития нового типа общества и архитектуры во второй половине XX века. Архитектура с изменяемой геометрией, не подчиняющаяся последовательной и понятной логике, подразумевала поиск новых основ культурной и архитектурной этики в других областях – многие стали обращаться к восточной философии, поэтому японские концепции были легко приняты в западном сознании и стали критерием оценки работ японских архитекторов (*оку*, *саби*, *фурию* – все эти понятия также были «открыты» западными исследователями в глубоком прошлом японской культуры) [23, с.19]. Это стало логическим продолжением постмодерна, характеризующего изменение исследовательской оптики. При поиске смыслов и формировании подходов к традиционной культуре стал важен опыт и личная интерпретация, «в отсутствие последовательной системы ценностей архитектура была раздроблена, подчиняясь эмоциям момента, где каждый архитектор мог ориентироваться так, как он считает нужным» [23, с.19]. Собственно, критике того, настолько в итоге «японским» оказался концепт *ма*, посвящена статья «The Limits of Ma» [24], в которой авторы доказывают, что это понятие *ма* является относительно недавним развитием

¹¹ Только в 2000 году выставка наконец прошла в Токио под несколькими названиями – "MA-Twenty Years on" и "IKI - Espace-Temps du Japan". URL: <https://www.japanhouse.com/events/rethinking-of-ma/> (дата обращения: 01.12.2024).

японской мысли XX века, которая возникла из диалога с немецкой феноменологией, в частности с Мартином Хайдеггером. Важность изучения наследия Хайдеггера и Дерриды для понимания процессов, происходивших в Японии XX века, и осмысления характера диалога с традиционной культурой, также отмечается в работах Михаила Лазарина, посвященных проблемам феноменологии японской архитектуры¹², которые также разрабатывались самим Исодзаким¹³.

Проблемам межкультурной коммуникации Исодзаким уделял особое значение: «чтобы люди за рубежом поняли японскую культуру ... недостаточно просто показать им что-то или даже объяснить концепцию на японском языке, вы должны объяснить ее, используя имеющуюся у них логику... Другими словами, мы читаем несовременный, незападный мир Японии с современной европейской точки зрения» [22]. Такой подход к взаимодействию с чужой культурой близок принципам диалогичности М.М. Бахтина – условия осуществления подлинного диалога по М.М. Бахтину подразумевают необходимость одновременно слиться с «Другим» и сохранить основу собственной идентичности, дистанцию по отношению к иному участнику диалога [25, с.366]. Концепт *ма* – это попытка представить неуловимое, но понятное японцам в японской культуре так, чтобы носитель иного культурного кода сумел это осознать.

Кевин Нут, теоретик архитектуры, специализирующийся, в частности, на транскультурных аспектах традиционной японской архитектуры, также отмечал, что трактовка концепта *ма* как уникального японского явления подразумевает то, что объединение пространства и времени в японском концепте *ма* было уникальным, но проблема заключается в том факте, что понятие интервала обычно используется для описания как пространства, так и времени в других языках. Также он отмечает, что пространственные термины часто используются для описания временных идей в других языках, приводя следующие примеры: английское слово *space* в своем первоначальном варианте на самом деле имело почти то же значение, что и китайский иероглиф 間 – «пустой интервал» или пустота. Оно также было сокращением старофранцузского слова *espace*, означающего «период времени, расстояние, интервал», которое, в свою очередь, произошло от латинского слова *spatium*, означающего «комнату, площадь, расстояние, отрезок времени». Из этого следует вывод, что предположение о том, что японский язык в целом и термин *ма* в частности были каким-то образом уникальны в сочетании пространства и времени, прямо противоречит примерам других языков [13, с.54-55].

С этими доводами невозможно не согласиться, однако такого рода трактовка не учитывает тот факт, что *ма* для того же Исодзаким – это глубокое и живое слово, которое нельзя анализировать и интерпретировать вне границ культуры и языка, понятие, которое существует на границе между традиционным и современным искусством, между религией, искусством и культурой.

Стоит обратить внимание на то, что, как видно из приведенных ранее примеров, сам характер осмысления японцами своей культуры через европейский опыт постоянно повторяется на протяжении последних столетий. Устойчивость такого процесса позволяет предположить, что это тоже своего рода константа японской культуры, и, возможно, эту особенность японской культуры можно отнести к тому, что Ф. Бродель называл *structures de longue durée* – структурами большой длительности. Циклический характер повторения одних и тех же событий при разных переменных также позволяет предположить, что постижение японцами своего «я» через призму понимания иного является устойчивым феноменом, без которого нельзя рассматривать историю японской архитектуры. В этом

¹² Lazarin, Michael. Phenomenology of Japanese Architecture: En // *Studia Phaenomenologica*, 2014(14), pp. 133-159; Lazarin, Michael. Phenomenology of Japanese Architecture: Heidegger and Derrida // *Interdisciplinary Phenomenology*, 2004 (1), pp. 189-206; Lazarin, Michael. Temporal Architecture: Poetic Dwelling in Japanese Buildings // *FootPrint: Delft School of Design Journal*, 2008, vol.3, pp. 97-111.

¹³ Isozaki, Arata. Floors and Internal Spaces in Japanese Vernacular Architecture: Phenomenology of Floors // *RES: Anthropology and Aesthetics*, 1986 no. 11, pp. 54-77.

контексте, например, несмотря на «приобретенный» характер концепта *ма*, вполне уместно говорить о его «японскости». Постигание себя через опыт другого, как мы видим, характерно для японской культуры в целом и архитектуры в частности. Важность этой особенности осознается и самими японцами. Кристофер Мид в своей работе «The Hypospace of Japanese Architecture» приводит парадоксальное высказывание японского философа Вацудзи Тэцуро о том, «что уникальность его страны зависит от ее открытости внешнему влиянию: “Японская культура – это не то, что стоит как противоположность иностранной культуре, но то, что на самом деле рождено из иностранной культуры”. Перевод внутри перевода, долгая история Японии по импорту иностранных идей – это не столько ассимиляция, сколько трансформация, не столько процесс индигенизации, сколько культурное изобретение» [9, с.5].

Концепт *ма* действительно стал важным для понимания японской культуры – не случайно именно к нему неоднократно апеллируют как западные архитекторы, так и сами японцы. Действительно, интерес ко многим аспектам японской культуры, ранее не находившимся столь явно в фокусе внимания исследователей, проявился после окончания оккупации во второй половине XX века, когда японскому обществу требовалось выстраивать новую концепцию будущего. Этот процесс не ограничивался творческим поиском идей среди архитекторов и философов, развивавшихся в рамках постмодернистской парадигмы. Сюда можно отнести и заинтересованность в синто-буддийском синкретизме, опыт и диалогический потенциал которого был важен для выстраивания диалога с западным миром, и новые исследования в области синтоизма, связанные с переосмыслением роли этой важной составляющей японской культуры, после травмирующей памяти государственного синто [26, с.4].

Стоит учитывать тот факт, что традиционная культура не занимается саморефлексией, и, как нам кажется, важность этого концепта и его роль в японской культуре вполне обоснованно получилось выявить уже во второй половине XX века, когда появился понятийный аппарат, возможность и насущная потребность отрефлексировать собственный культурно-исторический опыт. Во многом именно эти процессы предопределили возникновение архитектурного метаболизма, пожалуй, одного из самых влиятельных авангардных движений в современной японской архитектуре [27, с.604], изучение которого в XXI веке стало особо актуально в контексте концепции устойчивого развития: гибкость подхода архитекторов-метаболистов нашла свое отражение в современных градостроительных теориях, подразумевающих устойчивое и динамичное развитие городского пространства¹⁴.

Также скажем несколько слов в защиту уникальности концепта *ма* и его воплощения в японской архитектуре – несмотря на то, что, как справедливо указал Кевин Нут, понятие интервала, промежуточного пространства и диалогический характер соотношения времени-пространства не являются чем-то исключительно японским (как и многие архитектурные решения, характерные для зданий на территориях со схожими природно-климатическими условиями), нельзя не отметить тот факт, что именно в Японии трактовка этих универсальных категорий получила столь привлекательную для взгляда многих архитекторов интерпретацию, сформировав особую культурно-эстетическую парадигму. Ведь уникальность скорее определяет не наличие одних и тех же исходных позиций, а умение их переосмыслить и отрефлексировать.

Как отмечает Ричард Б. Пилигрим, парадигмы, являясь фундаментальными способами видения или понимания мира, пронизывают разнообразие форм культуры [20, с.257]. В этом контексте само понятие представляется не как термин, а как религиозно-

¹⁴ Шемякин Ф.Я. Симбиоз как принцип устойчивого развития: опыт японской архитектурной мысли второй половины XX в. / Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. Москва: МАКС Пресс, 2021; Eken, Cemaliye & Alpar Atun, Resmiye. The Self-Organizing City and the Architecture of Metabolism: An Architectural Critique on Urban Growth and Reorganization // Sustainability, 2019, vol. 11(19), 5326. URL: <https://doi.org/10.3390/su11195326>

эстетическая парадигма японской культуры, утверждающая силу и значение интервалов и промежутков во времени, пространстве и бытии [20, с.276].

Не менее интересно с точки зрения культурной антропологии то, как японцы продолжают воспроизводить концепт *ма* в XXI веке. Помимо огромного количества коротких научно-популярных статей, блогов, эссе, заметок и прочих, не обладающих значимой научной ценностью материалов, есть попытки серьезного осмысления этого культурного явления в архитектурном сообществе как среди японцев, так и среди молодых западных исследователей на уровне магистерских диссертаций¹⁵. Интерпретировать *ма* также пытаются и в рамках учебного процесса – интересным примером может послужить итог учебной поездки на Кюсю в июле 2019 года группы Эйнховенского технического университета, члены которой, под руководством Воутера Хилхорста попытались найти *ма* в повседневных ситуациях и графически осмыслить, представив на кафедре университета итог своей работы в формате выставки с каталогом¹⁶. *Ма* также находит свое отражение в названии известной галереи «Gallery MA» (Ногизака, Токио), которая занимается организацией персональных выставок архитекторов со всего мира. Сама галерея имеет особую пространственную конфигурацию – два ее независимых выставочных зала соединены внешним двором¹⁷.

Интерес к теме находит свое отражение не только в многочисленных выставках¹⁸ по всему миру, но и в попытках переосмыслить концепт *ма* в реалиях нового времени. Эту задачу постаралась решить команда исследователей JAPAN HOUSE (проект Министерства иностранных дел Японии, Лос-Анджелес), организовавшая серию вебинаров, посвященных концепту *ма* «Rethinking of MA»¹⁹ и его проявлениях в разных аспектах культуры Японии. Среди них особенно стоит отметить вебинар «MA in Contemporary Japanese Architecture»²⁰, с докладом на котором выступал ведущий японский архитектор, Манабу Тиба, профессор Токийского университета и директор Chiba Manabu Architects. В ходе своего выступления профессор представил свои проекты, в которых он реализовывал концепцию промежуточного пространства. Однако в своем выступлении он уделял больше внимания не самому понятию *ма*, а средовому подходу и формах взаимодействия людей в промежуточном пространстве, где *ма* понимается как «отношения/расстояние между людьми». Рассмотренные им «House in Kataseyama», «Villa in Setouchi», «Kogakuin University» (рис. 4) представляют собой проекты разного масштаба и назначения, однако в каждом из них, будь то здание университета, вилла на берегу или частный жилой дом, особая роль отводится промежуточному пространству, образующему социальные и средовые связи.

¹⁵ Goda, Sachiyo. An investigation into the Japanese Notion of 'Ma': Practising Sculpture within Space-Time Dialogues. Doctoral thesis. Northumbria University, 2011; Bellerose, Christine. Being Ma in Movement: Space-Time in Butoh, Somatic Practice, and Durational Performance Art. Thesis (Master's). York University. Toronto. 2015.

¹⁶ MA // Atelier Wouter Hilhorst. URL: https://www.atelierwouterhilhorst.com/project/ma/#pll_switcher (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁷ About TOTO GALLERY • MA. URL: https://jp.toto.com/gallerma/about/index_e.htm (дата обращения: 01.12.2024).

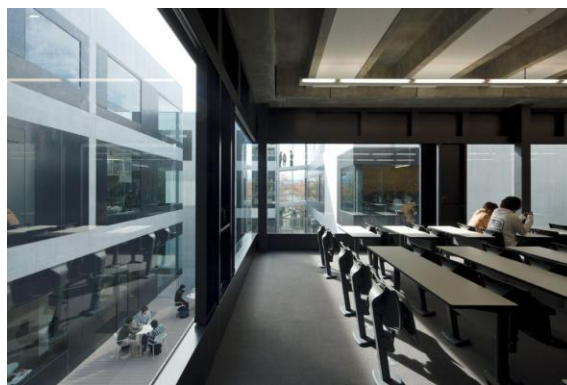
¹⁸ MA: In-between space in everyday Japan // Eindhoven University of Technology. URL: <https://research.tue.nl/en/publications/ma-in-between-space-in-everyday-japan>, (дата обращения: 01.12.2024); Arata Isozaki on "Ma," the Japanese Concept of In-Between Space // ArchDaily. URL: <https://www.archdaily.com/882896/arata-isozaki-on-ma-the-japanese-concept-of-in-between-space> (дата обращения: 01.12.2024); MA Exhibition 2023. Third interdisciplinary MA space-time exhibition. Tabriz 2023 MA Art and Space between Iran/Japan // Villa Magazine. URL: <https://villanews.ir/en/news/ma-exhibition-2023> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁹ Rethinking of MA: Space - Time 2020 // JAPAN HOUSE Los Angeles. URL: <https://www.japanhousela.com/events/rethinking-of-ma/> (дата обращения: 01.12.2024).

²⁰ MA in Contemporary Japanese Architecture // JAPAN HOUSE Los Angeles. URL: <https://www.japanhousela.com/events/ma-in-contemporary-japanese-architecture/> (дата обращения: 01.12.2024).

а)

б)

в)

г)

Рис. 4. Проекты компании «Chiba Manabu Architects»: а) общеобразовательный корпус университета «Kogakuin University», г. Хатиодзи, Токио, 2012 г.; б) учебная аудитория университета «Kogakuin University»; в) интерьер виллы «Villa in Setouchi», Хиросима, 2019 г.; г) интерьер частной резиденции «House in Kataseyama», г. Фудзисава, Канагава, 2014 г.

В кампусе, состоящем из четырех примыкающих друг к другу зданий, все лекционные залы обращены друг к другу через промежуточное пространство, так, что где бы ни был посетитель, он может видеть или чувствовать, что происходит в других аудиториях. В этом проекте организация пространства как бы перевернута – коридор спроектирован снаружи, в то время как аудитории со сплошным остеклением обращены друг к другу. В частном доме каждая комната представляет собой как бы отдельную квартиру с окнами, через которые можно видеть гостиную и комнаты других членов семьи. Эта система формирует своего рода пространственный парадокс, где каждое пространство отделено, но в то же время каждое из них соединено. А при проектировании виллы профессор разорвал замкнутый контур стен, формируя своего рода проницаемую структуру. Здесь его подход соответствует организации пространства в японской традиционной архитектуре, где здания «выходят за пределы непостоянных стен прямо в окружающую среду» [16, с.101]. При этом, отмечая важность идеи концепта *ма*, Манабу Тиба в ходе своего доклада почти не использовал сам термин, отмечая его обыденность и необходимость поиска новых слов для пересмотра понятия *ма*.

Тем не менее концепт *ма*, прочно укоренившийся в сознании европейцев и японцев, сыграл важную роль – он отошел от статичного понимания традиционной архитектуры. Пространство в архитектуре от XX века к XXI веку прошло процесс эволюции из трехмерного измерения в четырехмерное, где здание как процесс довлеет над зданием как объектом. Нельзя не согласиться с тем, что «осознание того, что здания являются

динамическими событиями – феноменами пространства-во-времени, а не инертными объектами вне времени – продолжает формировать японскую архитектуру»²¹ по сей день.

Возможно, приписываемая именно японской культуре исключительность *ма* в итоге сыграла с японцами злую шутку, создав своего рода парадокс, ведь форма фиксации *ма* в языке – это изначально китайский иероглиф 間, интерес к пространству как сущности сформирован под воздействием западной интеллектуальной мысли, а интерес к промежуточному пространству и понимание архитектуры как процесса были общими для второй половины XX века. Ретроспективный анализ появления и эволюции концепта *ма* обнажает основы единства человеческой культуры, выявляя при этом два способа формирования картины мира по А.Ф. Кофману (авторская концепция осмысления художественной литературы вполне может быть экстраполирована в область архитектуры) – прямой, при котором нет посредника при обращении к национальной действительности и обратной, особенность которой состоит «в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении, с иной культурой или картиной мира, неважно, будь то соседний народ, с которым идут многовековые распри, или народ, живущий на обратной стороне Земли» [28, с.19]. История *ма* является убедительным примером применения обратной стратегии выстраивания картины мира.

И вновь вернемся к тому, почему *ма* стал именно концептом в нашем понимании – это не только то, что входит в ментальный мир человека, но и то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [19, с.43]. Несомненно, задумывавшееся как многозначное понятие для трансфера идей и смыслов авторского видения японской культуры «творцом культурных ценностей» Арата Исодзаки, *ма* в итоге – это универсальный в своей доступности инструмент постижения и самопознания японской архитектуры.

Не менее важным в пространственном осмыслении японской архитектуры является проявление пустоты, которое также тесно связано с религиозно-эстетическим влиянием учений буддизма и синтоизма. Опуская традиционную архитектуру синтоистских святилищ и чайных домов, обратимся к современным примерам. Одной из наиболее ярких реализаций осмысления пустоты в архитектуре является Тайчжунский национальный оперный театр архитектора Тойо Ито, где форма образована пустотой (рис. 5). Объект существует как бы в промежутке, он образован выявлением пустоты в материальном теле здания, промежуточным пространством, не имеющим начала и конца. Этот пример также соответствует принципу проектирования, «не как процесса создания или манипулирования формами, а как очищения пространства, промежутка, чтобы форма/пустота заявила о себе» [29, с.76]. В этом проекте пустоты внутри здания определяют его функциональные, эстетические и конструктивные характеристики. Непрерывность и текучесть промежуточного пространства, образованного постоянными переходами, возведенные в абсолют, позволяют по-новому оценить перспективы оперирования абстрактными категориями в конкретной проектной практике. Не менее интересной представляется концепция «смирения» в архитектуре Кэнго Кумы, сформулированная в противовес выразительной экспрессии проектов многих современных японских архитекторов, ведь именно «пустота в архитектурном произведении, по мнению японских зодчих, помогает свести к минимуму амбиции его творца» [30].

Отдельно стоит отметить, что цифровая реальность и японское восприятие пространства имеют общие черты. Видение мира как сети дискретных событий, разделённых интервалами не-событий, характерное для японской культуры, соответствует буддийскому пониманию пространства и находит свое отражение в информационной сети [31].

²¹ The Hypospace of Japanese Architecture // ArchDaily. URL: <https://www.archdaily.com/998273/the-hypospace-of-japanese-architecture> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 5. Национальный оперный театр в Тайчжуне, архитектор Тойо Ито, 2014 г.:
а) экстерьер; б) интерьер

Нам представляется, что наиболее ценным опытом для практикующих архитекторов, который можно получить при изучении японской архитектуры, является метод работы с пространством, основывающийся на характерном для японской культуры понимании пространственных отношений, сформировавшийся при переосмыслении собственного культурного наследия под влиянием западного понимания японской традиционной культуры. С развитием интернета и новых форм виртуальной реальности мир, возможно, непреднамеренно стал ближе к традиционным японским представлениям о человеке и окружающей его действительности [31]. Более того, в современном мире, где архитектура переходит в состояние нелинейности и дигитальности, в таком методе вполне можно найти ключи к решению современной архитектурной головоломки – как выразить нематериальный виртуальный мир средствами архитектурной выразительности.

В конце хотелось бы обратиться к работе Добрицыной Ирины Александровны, в которой она рассуждает о двух эпохальных вызовах перед современной архитектурой: вызове глобализации и дигитализации и вызове собственной памяти, проблеме опасности потери самоидентификации [32, с.380-382]. Отвечает ли на эти вызовы опыт японской традиционной архитектуры? По нашему мнению – да. Именно поэтому традиционная японская архитектура в XXI веке вновь стала востребованной – история с модернизмом, когда западные архитекторы открыли для себя современную древность, вновь повторяется.

Источники иллюстраций

Рис. 1. [Soul of Japan] Shikinen Sengu, the Ritual of Rebuilding and Renewal // JAPAN Forward. URL: <https://japan-forward.com/soul-of-japan-shikinen-sengu-the-ritual-of-rebuilding-and-renewal/> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 2. Arata Isozaki Exposition Archive 1978 MA Espace-Temps au Japon // Festival d'Automne à Paris. URL: <https://www.festival-automne.com/en/edition-1978/arata-isozaki-exposition-espacetemps-japon> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 3. MA Espace-Temps du Japon: Musée des Arts Décoratifs Festival d'Automne à Paris oct.11-dec.11 1978: Document de communication du Festival d'Automne à Paris - tous droits réservés. 1978.

Рис. 4. а, б) Kogakuin University // Chiba Manabu Architects. URL: <http://chibamanabu.co.jp/projects/23/> (дата обращения: 01.12.2024);

в) Villa in Setouchi // Chiba Manabu Architects. URL: <http://chibamanabu.co.jp/projects/1202/> (дата обращения: 01.12.2024); г) Chiba Manabu Architects. House in Kataseyama. URL: <http://chibamanabu.co.jp/projects/157/> (дата обращения: 01.12.2024).
 Рис. 5. Rory Stott. Toyo Ito's Taichung Metropolitan Opera House Photographed by Lucas K Doolan // ArchDaily. URL: <https://www.archdaily.com/796428/toyo-itos-taichung-metropolitan-opera-house-photographed-by-lucas-k-doolan> (дата обращения: 01.12.2024).

Список источников

1. Hojda O. A Bewildering Affinity: Japanese Traditional Building and European Modernist Architects after World War II // *Umeni / Art*. 2019, Vol. 67, Issue 1/2. P. 47-63.
2. Шемякин Я.Г. К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в универсальном контексте // *Новая и Новейшая история*. 2020. Выпуск 3. С. 7-20.
3. Замятин Д.Н. Россия и нигде. Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // *Диалог со временем*. Выпуск 24, 2008. С. 64-90.
4. Решетникова П.А. Организация пространства в японской культуре: концепты и модели // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2007. Т. 49, № 13. С. 269-278.
5. Bognár B. Typology of Space Constructions in Contemporary Japanese Architecture = Gendai Nihon Kenchiku Ni Okeru Kūkan Kōsei No Taiporogī // *Japan: Climate, Space and Concept = Nihon No Futo to Kenchiku Kukan*. Tokyo: Process Architecture, 1981. (Process Architecture, № 25). P.135-161.
6. Tanaka S. Time and the Paradox of the Orient // *Toajia bunka kosho kenkyu*, 4 (bessatsu). 2009. № 3. P.165-177.
7. Stambaugh J. Time, finitude, and finality // *Philosophy East and West*. 1974. № 24 (2). P.129-135.
8. Gonçalves M.P. Time as formgiver in Japanese architecture. Building rehabilitation and adaptation in the Hakozaki Campus of the Kyushu University, in Fukuoka, Japan: master's thesis / Mariana Pedro Gonçalves; Universidade de Lisboa. Lisbon, 2015.
9. Mead Ch.C. *The Hyospace of Japanese Architecture*. Singapore: ORO Editions, 2023. 784 p.
10. Sinclair B.R. Japanese Spirituality, Flexibility and Design: Influences and Impacts on Agile Architecture + Open Building // *Architectural Research Addressing Societal Challenges. International Research Conference: Architectural Research Centers (ARCC) / European Association of Architectural Educators (EAAE), University of Lisbon, Portugal*. Lisbon, 2016. P. 833-840
11. Kurokawa K. *Metabolism in architecture*. London: Studio Vista, 1977. 208 p.
12. Sand J. Japan's Monument Problem: Ise Shrine as Metaphor // *Past & Present*. 2015. № 226. P. 126-152.
13. Nute K. Space, Time, and Japanese Architecture: The Birth of a New Temporal Tradition // *The International Journal of Architectonic, Spatial, and Environmental Design*. 2019. № 13 (3). P. 51-63.
14. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / пер. с англ. Н. Проценко. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. 398 с.

15. Nitschke G. Ma: The Japanese Sense of Place in Old and New Architecture and Planning // Architectural Design. 1966. Vol. 36. № 3. P. 116-156.
16. Ятцука Х. Парадокс пространства в современной японской архитектуре = Paradox of space and its sublation in Japanese modern architecture / пер. с англ. Н.А. Трофимова // Архитектура и строительство России. 2016. № 4(220). С. 100-105.
17. Isozaki A. Island Nation Aesthetic (Polemics). London: Academy Editions, 1996. 59 p.
18. Locher M. Traditional Japanese Architecture: An Exploration of Elements and Forms. Tokyo: Tuttle Publishing, 2012. 651 p.
19. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004. 991 с.
20. Pilgrim R.B. Intervals ("Ma") in Space and Time: Foundations for a Religio-Aesthetic Paradigm in Japan // History of Religions. 1986. Vol. 25. № 3. P. 255–277.
21. Jiang P. The Ambiguous Boundary between Buildings and Environment: Exploring the Interpretation of Traditional Aesthetic in Contemporary Japanese Architecture // Open Journal of Civil Engineering. 2022. № 12. P.415-437.
22. Isozaki A. Around the time of "Japanese Urban Space": "Architectural Culture", "MA Espace-Temps au Japon", Festival D'Automne á Paris, Jacques Derrida / Arata Isozaki, Naohiko Hino // 10+1 (Ten Plus One). 2004. № 37. P.187–199. URL: <https://db.10plus1.jp/backnumber/article/articleid/1464/> (дата обращения: 01.12.2024).
23. Zgheib H.S. A Study on Contemporary Japanese Architectural Design Ephemeral Space and Fragmented Urbanity // Design Issue of KID. 2001. № 4. P. 13-43.
24. Lucken M. The Limits of ma / Michael Lucken, Miriam Rosen // Journal of World Philosophies. 2021. Vol. 6. № 1. P. 38-57.
25. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: RUGRAM, 2013. 444 с.
26. Бишарова С.Г. Синтоистские основы традиционной японской культуры: автореферат дис. на соискание ученой степени канд. философских наук: 24.00.01 / Бишарова Светлана Геннадьевна; Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2006. 27 с.
27. Lin Zh. Metabolist Utopias and Their Global Influence: Three Paradigms of Urbanism // Journal of Urban History. 2016. № 42. P. 604-622.
28. Кофман А.Ф. «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира // Ибероамериканские тетради. 2023. № 1. С. 19.
29. Snodgrass A. Thinking Through the Gap: The Space of Japanese Architecture // Architectural Theory Review. 2004. № 9. P. 65-85.
30. Коновалова, Н.А. Стратегии устойчивости современной архитектуры: "смирение" vs "амбициозность" // Современная архитектура мира. 2022. № 2(19). С. 11-26.
31. Nute K. Ma and the Japanese sense of place revisited: by way of cyberspace // Third international symposium on Asia Pacific architecture: challenging new technologies to fulfill the human spirit: April 7-9, 1999, Honolulu, Hawai'i / School of Architecture, University of Hawai'i at Mānoa. 1999.

32. Добрицына И.А. От постмодернизма - к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.

References

1. Hojda O. A Bewildering Affinity: Japanese Traditional Building and European Modernist Architects after World War II. *Umeni / Art*, 2019, vol. 67, no 1/2, pp. 47-63.
2. Shemyakin Ya.G. On the role of space in civilization system: the experience of 'borderline' civilizations of planetary scale in the universal context. *Modern and Contemporary History*, 2020, no 3, pp. 7-20.
3. Zamyatin D.N. Russia and Nowhere. Geographical Images and the Identity of Russian Civilization. *Dialogue with Time*, 2008, no 24, pp. 64-90.
4. Reshetnikova P.A. *Organizatsiya prostranstva v yaponskoy kul'ture: kontsepty i modeli* [Organization of space in Japanese culture: concepts and models]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2007, vol. 49, no 13, pp. 269-278.
5. Bognár B. Typology of Space Constructions in Contemporary Japanese Architecture [Gendai Nihon Kenchiku Ni Okeru Kūkan Kōsei No Taiporogī]. *Process Architecture No. 25. Japan: Climate, Space and Concept [Nihon No Futo to Kenchiku Kukan]*, Tokyo, 1981, pp.135-161.
6. Tanaka S. Time and the Paradox of the Orient. *Toajia bunka kosho kenkyu*, 4 (bessatsu), 2009, no 3, pp.165-177.
7. Stambaugh J. Time, finitude, and finality. *Philosophy East and West*, 1974, no 24 (2), pp.129-135.
8. Gonçalves M.P. Time as formgiver in Japanese architecture. Building rehabilitation and adaptation in the Hakozaki Campus of the Kyushu University, in Fukuoka, Japan. (Master Dis. Thesis). Lisbon, 2015.
9. Mead Ch.C. *The Hyospace of Japanese Architecture*. Singapore, 2023. 784 p.
10. Sinclair B. R. Japanese Spirituality, Flexibility and Design: Influences and Impacts on Agile Architecture + Open Building. *Architectural Research Addressing Societal Challenges. International Research Conference: Architectural Research Centers (ARCC). European Association of Architectural Educators (EAAE), University of Lisbon, Portugal, Lisbon, 2016, pp. 833-840.*
11. Kurokawa K. *Metabolism in architecture*. London, 1977. 208 p.
12. Sand J. Japan's Monument Problem: Ise Shrine as Metaphor. *Past & Present*, 2015, no 226, pp. 126-152.
13. Nute K. Space, Time, and Japanese Architecture: The Birth of a New Temporal Tradition. *The International Journal of Architectonic, Spatial, and Environmental Design*, 2019, no 13 (3), pp. 51-63.
14. Low S., Protsenko N. (translator). *Prostranstvennoye voploshcheniye kul'tury: etnografiya prostranstva i mesta* [Spatializing culture: The ethnography of space and place], Moscow, 2024, 398 p.
15. Nitschke G. Ma: The Japanese Sense of Place in Old and New Architecture and Planning. *Architectural Design*, 1966, vol. 36, no. 3, pp. 116-156.

16. Yatsuka H. Paradox of space and its sublation in Japanese modern architecture. *Architecture and Construction of Russia*. 2016, no. 4 (220), pp. 100-105.
17. Isozaki A. *Island Nation Aesthetic (Polemics)*. London, 1996, 59 p.
18. Locher M. *Traditional Japanese Architecture: An Exploration of Elements and Forms*. Tokyo, 2012, 651 p.
19. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture] 3rd ed., Moscow, 2004, 991 p.
20. Pilgrim R.B. Intervals ("Ma") in Space and Time: Foundations for a Religio-Aesthetic Paradigm in Japan. *History of Religions*, vol. 25, no. 3, 1986, pp. 255-277.
21. Jiang P. The Ambiguous Boundary between Buildings and Environment: Exploring the Interpretation of Traditional Aesthetic in Contemporary Japanese Architecture. *Open Journal of Civil Engineering*, 2022, no 12, pp.415-437.
22. Isozaki A., Hino N. Around the time of "Japanese Urban Space": "Architectural Culture", "MA Espace-Temps au Japon", Festival D'Automne á Paris, Jacques Derrida. *10+1 (Ten Plus One)*, 2004, no 37, pp.187–199. Available at: <https://db.10plus1.jp/backnumber/article/articleid/1464/>
23. Zgheib H.S. A Study on Contemporary Japanese Architectural Design Ephemeral Space and Fragmented Urbanity. *Design Issue of KID*, 2001, no 4, pp. 13-43.
24. Lucken M., Rosen M. The Limits of ma. *Journal of World Philosophies*, 2021, vol. 6, no 1, pp. 38-57.
25. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 2013, 444 p.
26. Bisharova S.G. *Sintoistskiye osnovy traditsionnoy yaponskoy kul'tury. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk (avtoref. kand. dis.)* [Shinto Foundations of Traditional Japanese Culture. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences (Cand. Dis. Thesis)]. Novosibirsk, 2006, 27 p.
27. Lin Zh. Metabolist Utopias and Their Global Influence: Three Paradigms of Urbanism. *Journal of Urban History*, 2016, no 42, pp. 604-622.
28. Kofman A.F. «*Chto gringo zdorovo, to latinoamerikantsu smert'...*». *Osobennosti vystraivaniya latinoamerikanskoy kartiny mira* ["What's great for a gringo is death for a Latin American ..."] Features of building a Latin American picture of the world]. *Iberoamerikanskiye tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], 2023, no 1, p. 19.
29. Snodgrass A. Thinking Through the Gap: The Space of Japanese Architecture. *Architectural Theory Review*, 2004, no 9, pp. 65-85.
30. Konovalova N.A. Strategies for the sustainability of modern architecture: "humility" vs. "ambition". *Contemporary world's architecture*, 2022, no 2(19), pp. 11-26.
31. Nute K. Ma and the Japanese sense of place revisited: by way of cyberspace. Third international symposium on Asia Pacific architecture: challenging new technologies to fulfill the human spirit: April 7-9, 1999, Honolulu, Hawai'i, School of Architecture, University of Hawai'i at Mānoa, 1999.

32. Dobritsyna I.A. *Ot postmodernizma - k nelineynoy arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoy filosofii i nauki* [From Postmodernism to Nonlinear Architecture: Architecture in the Context of Contemporary Philosophy and Science]. Moscow, 2004.

ОБ АВТОРЕ

Шемякин Федор Яковлевич

Аспирант кафедры «История архитектуры и градостроительства», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
fedshemyakov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Shemyakin Fedor Ya.

Postgraduate Student of the Department of «History of Architecture and Urban Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
fedshemyakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 728.8(470)“20”

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-90-104

EDN: KTTPSD

Архитектура частных жилых домов в раннем творчестве бюро «Меганом»

Тимофей Вадимович Журавлев¹

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
zhuravlev.arch@gmail.com

Аннотация. В статье представлен результат анализа проектов индивидуальных жилых домов в раннем творчестве архитектурного бюро «Меганом». Предполагается, что в этот период, архитекторы активно развивали тему частного жилого дома XXI века. Концептуальное осмысление этой темы в творчестве бюро развивается в серии работ, самая ранняя из которых – вилла «Дом Меганом», а наиболее поздняя – жилой дом в Коробейниковом переулке.

Ключевые слова: архитектурное бюро «Меганом», вилла Остоженка, вилла Роза, «Дом Меганом», жилой дом в Соснах, архитектурное пространство, пластика фасадов

Для цитирования: Журавлев Т.В. Архитектура частных жилых домов в раннем творчестве бюро «Меганом» // Architecture and Modern Information Technologies. 2025.

№1(70). С. 90-104. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/05_zhuravlev.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-90-104. EDN: KTTPSD

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

Architecture of private residences in the early work of the Meganom architectural bureau

Timofey V. Zhuravlev¹

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
zhuravlev.arch@gmail.com

Abstract. This article presents the results of an analysis of individual residential house projects from the early period of the Meganom architectural bureau. It is assumed that during this phase, the architects actively developed the theme of the 21st-century private home. Their conceptual exploration of this theme unfolds through a series of projects, the earliest of which is the villa Meganom House, and the most recent, a residential building on Korobeinikov Lane.

Keywords: Meganom architectural bureau, Ostozhenka Villa, Villa Rosa, Meganom House, residential building in Sosny, space, form

For citation: Zhuravlev T.V. Architecture of private residences in the early work of the Meganom architectural bureau. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 90-104. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/05_zhuravlev.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-90-104. EDN: KTTPSD

¹ © Журавлев Т.В., 2025

Введение

Смена экономической формации, произошедшая в России на рубеже XXI века, привела к изменениям в отечественной строительной отрасли. Как следствие этого, в середине 1990-х годов на место стремительно разрушающихся проектных институтов пришли частные архитектурные студии [1]. Среди множества авторов, начинавших в тот момент профессиональную карьеру, можно выделить творческое объединение «Проект Меганом», образованное в 1998 году выпускниками МАрХИ – Юрием Григоряном, Александрой Павловой, Ильей Кулешовым и Павлом Иванчиковым.

К середине 2000-х годов «Проект Меганом» превратился в известное архитектурное бюро, на счету которого были крупные реализованные объекты в Москве и других городах страны. В интервью журналу TATLIN Юрий Григорян и Александра Павлова утверждали, что не причисляют себя к «бумажным архитекторам»², а скорее считают себя зодчими «нового поколения». Такого же мнения придерживается архитектурный критик Григорий Ревзин, который в своей статье «Изнутри-наружу», назвал Ю.Э. Григоряна и А.Л. Павлову «поколением архитекторов, не травмированных работой в позднесоветских учреждениях и воспитанных интерьерным перфекционизмом 90-х»³.

В конце 2010-х – начале 2020-х годов Юрию Григоряну поручают ведение знаковых объектов современной российской архитектуры: новый корпус государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, центр военно-морского флота в Кронштадте и филиал Третьяковской галереи в Калининграде. В 2013 году, в своем эссе «Великолепная двадцатка. Архитектура Москвы и зачем она была», Г. Ревзин напишет, что «если Россия сегодня превратится в европейскую страну..., то вещи Юрия Григоряна станут предметом паломничества – как первые ступени на грандиозном пути, приведшим к великой цели»⁴.

Несмотря на то, что работы архитекторов бюро «Меганом» часто мелькают на страницах периодических журналов по архитектуре и градостроительству, а также в сети Интернет, сегодня в академическом поле не существует ни одного системного научного исследования, которое бы ставило своей целью выявить особенности творческого метода главных архитекторов бюро, оценить их вклад в становление постсоветской архитектуры.

В данном исследовании автор ставит цель, которая заключается в анализе метода формообразования, выявлении приемов пластического решения фасадов в работах бюро «Меганом», определении эволюции этих приемов на разных этапах становления творческого пути.

Становление авторского подхода архитекторов бюро «Меганом» представлено через графический (схемы) и натурный (фотографии) анализ индивидуальных жилых зданий. В качестве отправной точки исследования был выбран ранний период творчества бюро (конец 1990-х – начало 2000-х гг.), который представлен уникальными (с точки зрения современной практики) проектами и концепциями. Объектами исследования, относящимся к этому периоду, являются здания виллы «Остоженка» (г. Москва, 2004 г.), виллы «Роза» (поселок Горки, 2004 г.), а также коттеджный поселок «Х-парк» (поселок Горки-2, 2004 г.).

Структура исследования состоит из нескольких частей, каждая из которых характеризует принцип взаимодействия анализируемых объектов с окружающим их контекстом.

² «Игра – это всегда серьезно!» интервью с «Проект Меганом» // Журнал TATLIN Mono: Проект Меганом 1998-2006. 2006. Специальный выпуск. № 3. С. 29.

³ Ревзин Г.И. Изнутри – науку // ПРОЕКТ КЛАССИКА V-MMII. URL: http://www.projectclassica.ru/m_classik/05_2002/05_classik_01a.htm (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ Ревзин Г.И. Великолепная двадцатка: архитектура Москвы и зачем она была: монография. 3-е изд. Москва: Стрелка Пресс, 2017. 29 с.

Загородные виллы

Жилая вилла «Остоженка», расположенная в Молочном переулке (Москва, 2004 г.) – один из ярких символов российской архитектуры середины 2000-х годов. В пояснительной записке к этому проекту Юрий Григорян и Александра Павлова в форме некоего манифеста заявили о своем намерении переосмыслить концепцию индивидуального жилища в условиях новой социально-экономической парадигмы⁵. Внимательный анализ творчества бюро «Меганом» показал, что некоторые приемы построения архитектурного пространства и пластического решения формы здания, примененные в работе над виллой «Остоженка», были «апробированы» мастерами гораздо раньше – в серии частных загородных резиденций.

Первым реализованным объектом архитектурного бюро «Меганом», согласно информации на официальном сайте⁶, является павильон в Снегирях (Московская область, поселок Снегири, 1998 г.), прообразом которого можно считать концептуальный проект «Дом Меганом»⁷ (1998 г.). Архитектурная фантазия «Дом Меганом» запомнилась «напряжением» контрастных форм – стеклянный объем виллы врезался в отвесную скалу.

Сравнение изометрических схем проектов – концептуального предложения и реализации – позволил выявить несколько очевидных сходств (рис. 1а,б). Самым очевидным является визуальный облик – оба объекта представлены вытянутыми призматическими формами. К сходствам можно отнести и принцип взаимодействия с контекстом местности: здания расположены на склоне так, что одна часть объема «зависает» в воздухе, а вторая остается на поверхности (или, как в случае с «Домом Меганом», загибается внутрь скалы).

По отдельности, проекты «Дом Меганом» и павильон в Снегирях можно рассматривать как два обособленных архитектурных высказывания. Стеклянная вилла на склоне холма – манифест минимализма, отдаленно напоминающий абстрактные работы Superstudio⁸. Здание павильона в Снегирях – оммаж модернизму Людвиг Мис ван де Роэ; ортогональные пластины-подиумы, свободный план и открытый периметр здесь явно отсылают к проекту дома Франсуорт [2] (США, Иллинойс, 1951 г.). Далее мы рассмотрим работы бюро «Меганом» подробнее, чтобы выявить для каждого из них приемы построения архитектурного пространства и пластического решения формы.

В проекте «Дом Меганом», призматический объем врезан в глубину скалы на половину своей длины (рис. 2а). Внутреннее пространство оказывается разделенным на две части, которые, по замыслу авторов, должны представлять собой «негатив и позитив»⁹ – общественное пространство гостиной и приватное пространство кухни и санузла. Эта оппозиция «негатива» и «позитива» проявляется и во внешнем облике, где ортогональная форма стеклянного объема противопоставлена хаотичности складок и изгибов горной породы. В совокупности эти особенности позволяют предположить, что основу концептуальной структуры «Дома Меганом» составляет дихотомия естественного (скала/пещера) и неестественного (стекло/ортогональная призма) [3]. Подобное противопоставление материалов в дальнейшем будет активно использоваться

⁵ Что делают ньюсмейкеры? Проект Николая Малинина // ПРОЕКТ КЛАССИКА V-ММII. URL: http://www.projectclassica.ru/newsmake/05_2002/05_2002_02.htm (дата обращения: 01.10.2024).

⁶ meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.moscow/ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

⁷ Проект Меганом. meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.team/ru/project/project-meganom/> (дата обращения: 03.10.2024)

⁸ Superstudio Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Superstudio> (дата обращения: 03.10.2024).

⁹ Проект Меганом. meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.team/ru/project/project-meganom/> (дата обращения 03.10.2024).

архитекторами бюро в решении визуального облика загородных жилых домов, как способ артикуляции и обособления элементов объемно-пространственной композиции.

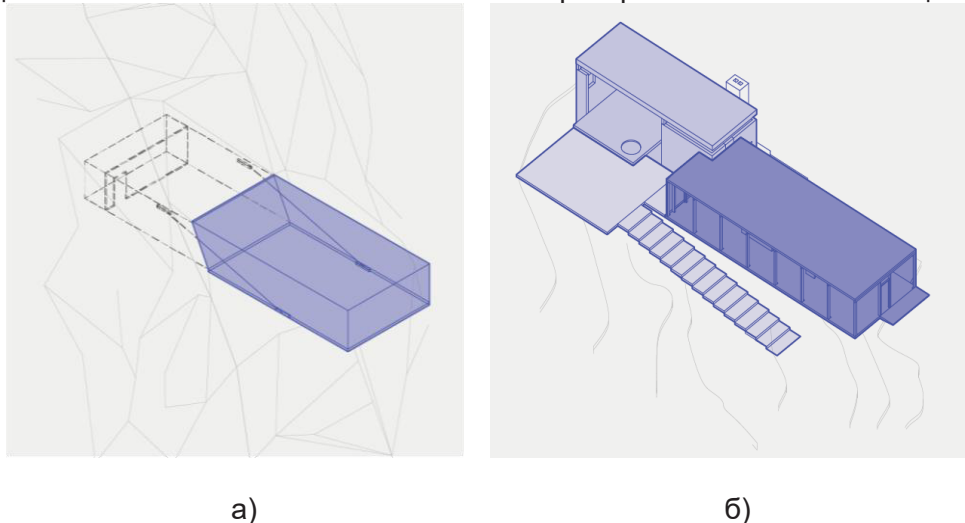

Рис. 1. Первые проекты архитектурного бюро Меганом: а) «Дом Меганом», концепция жилой виллы, 1998 г., общий вид, изометрическая схема; б) павильон в Снегирях, 1999 г., общий вид, изометрическая схема

В проекте павильона в Снегирях, как уже было отмечено ранее, построение архитектурного пространства и пластическое решение объемов частично воспроизводит концепцию «Дом Меганом». Стеклопанельная призма на этот раз возникает на склоне подмосковного холма, при этом все объемы здания находятся над поверхностью земли. Основное отличие проекта в Снегирях, от предшествующей «бумажной» концепции, заключается в том, что вытянутый объем составлен из двух ортогональных блоков, которые смещены друг относительно друга. Определенные сходства с работой «Дом Меганом» прослеживаются и в функциональном зонировании павильона: объем, который расположен «на» земле, вмещает в себя часть вспомогательных функций (открытую террасу и баню), тогда как рекреационные пространства (общественная гостиная) помещаются внутрь стеклянной призмы.

Еще одним сходством проектов является выраженное в структуре здания центральное ядро. Этот прием выявлен практически во всех концепциях индивидуальных жилых домов, разработанных архитектурным бюро «Меганом» в период с 1998 по 2005 г., однако впервые он возникает именно в структуре павильона в Снегирях. На изометрической схеме показано, как кубический объем бани, находящийся на стыке двух призм, благодаря закрытому периметру стен, читается в структуре плана как центральное ядро. (рис. 2б). Доступ в баню осуществляется как из общей гостиной, так и со стороны открытой террасы. И, хотя архитекторы в своей пояснительной записке¹⁰ к проекту не поясняют назначение павильона, его пространственное решение как смыслового и функционального центра всего здания позволяет предположить его значимость.

Таким образом, сопоставление первых проектов архитектурного бюро «Меганом» – «Дома Меганом» (1998 г.) и павильона в Снегирях (1998 г.), показало наличие сходных приемов построения архитектурного пространства и пластического решения облика здания. Вместе с тем, установленные архитектурные приемы имеют свои характерные особенности, что позволяет говорить об их сходстве лишь на «концептуальном уровне» [4].

¹⁰ Проект Меганом. meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.team/ru/project/project-meganom/> (дата обращения: 03.10.2024).

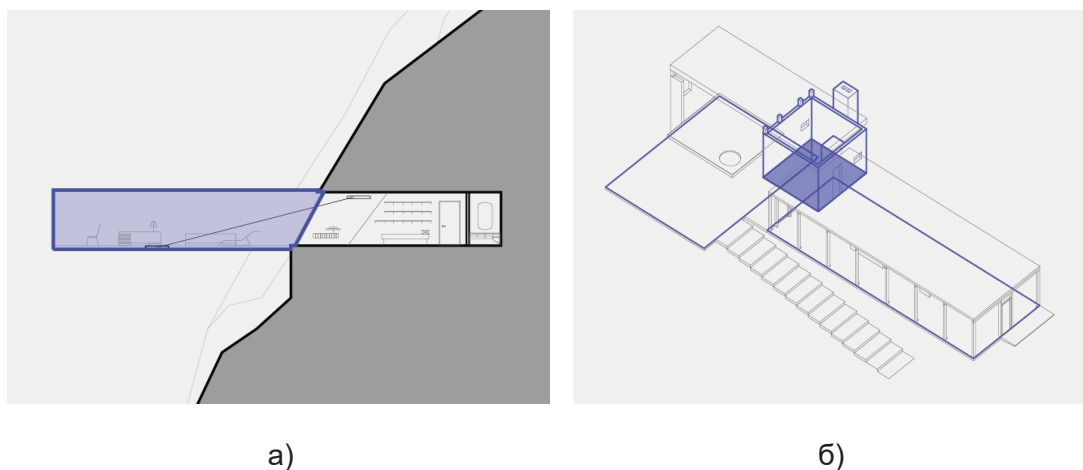

Рис. 2. Первые проекты архитектурного бюро Меганом: а) «Дом Меганом», концепция жилой виллы, 1998 г., разрез; б) баня, как центральное ядро здания в структуре объемно-пространственного решения павильона в Снегирях, изометрическая схема

В 1998 году началась работа над проектом жилого дома в Соснах (Московская область, поселок Снегири, 1998-1999 г.). Как и в рассмотренных выше объектах, форма здания представляла собой композицию из нескольких призматических объемов (рис. 3а,б). Каждый из объемов считается как автономная часть общей концептуальной структуры. Принцип трехчастности акцентируют и сами архитекторы в названии объекта: «Жилой дом из семьи для трех человек. Три объема»¹¹. Наиболее выразительно этот принцип проявляется во внешнем облике жилого дома в Соснах.

Библиотека-гостиная, заключенная в призму с приставленной вертикальной доминантой печной трубы, обособлена от протяженного блока жилой зоны полностью остекленной стеной столовой. Жилой блок акцентируется скатной кровлей и небольшим балконом (рис. 3).

Обособленность объемов усиливается из-за применения различных материалов облицовки – искусственный камень (библиотека), бетон (столовая), дерево (жилая зона) (рис. 3г). Противопоставление «естественного» (дерево, камень) и «неестественного» (бетон) [2] материалов, отсылает нас к «бумажному» проекту «Дом Меганом», где фактура горной породы противопоставлялась стеклянной призме гостиной.

Определенное сходство проекта жилого дома в Соснах с павильоном в Снегирях можно проследить в структуре планов. Внутреннее пространство жилого дома разворачивается вокруг кухни-гостиной – единственного помещения, которое связано одновременно со всеми функциональными зонами (жилые комнаты, библиотека, гараж и прихожая) и с открытой террасой (рис. 4а). Напомним, что центральное ядро было отчетливо выражено в структуре плана павильона в Снегирях.

В проекте жилого дома в Соснах архитекторы использовали уже наработанный прием консольного нависания, создающий эффект «парящего» объема. Если в проектах павильона в Снегирях и «Доме Меганом» наличие «парящего» объема было обусловлено особенностями участка местности (оба проекта расположены на склоне), то в жилом доме в Соснах архитекторы помещают блок спален над блоком гостиной, создавая мощный консольный вынос (рис. 4б).

¹¹ Жилой дом в Соснах. meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.team/ru/project/family-house-in-sosny/> (дата обращения: 02.10.2024).

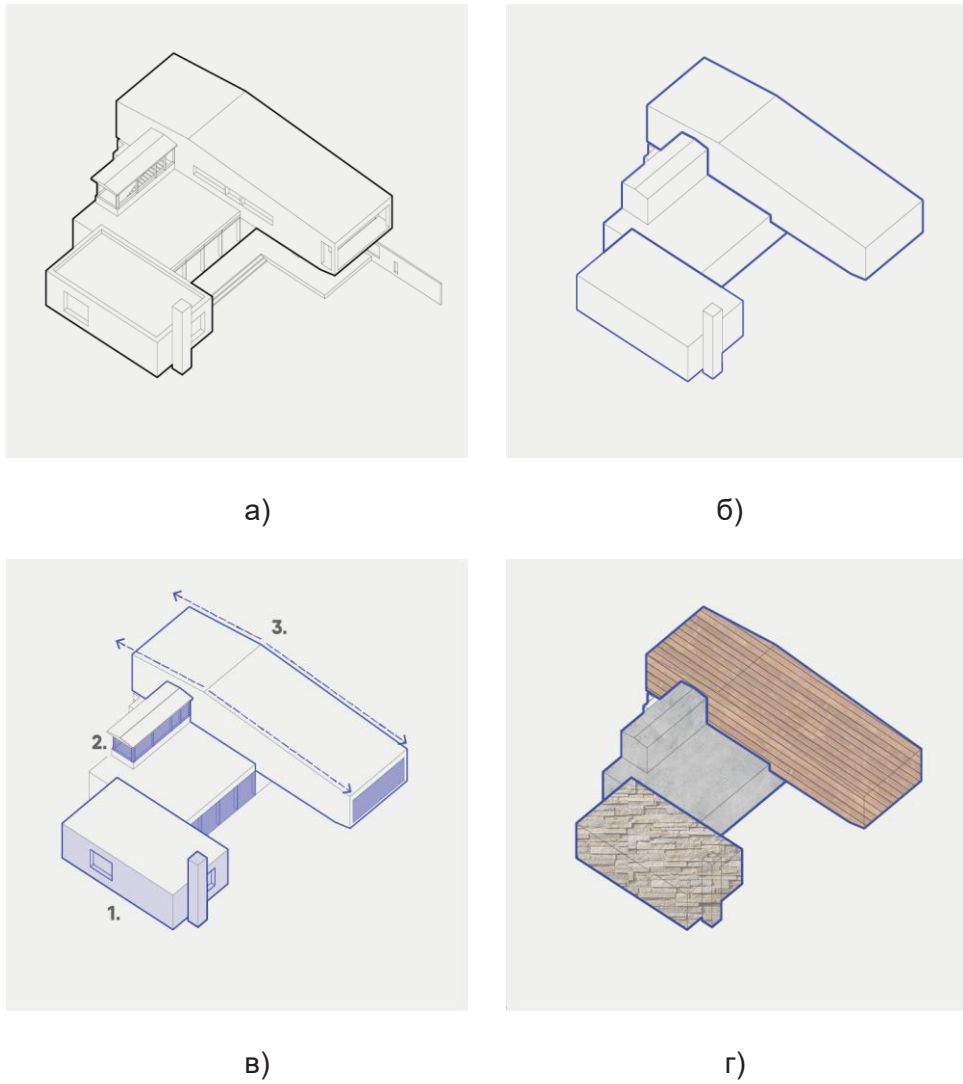

Рис. 3. Жилой дом в поселки Сосны, 2001 г.: а) общий вид, изометрическая схема; б) объемы, как автономные части в структуре пластического решения здания; в) артикуляция объемов в рамках общей композиции на уровне пластических решений; г) артикуляция объемов в рамках общей композиции на уровне используемых материалов отделки

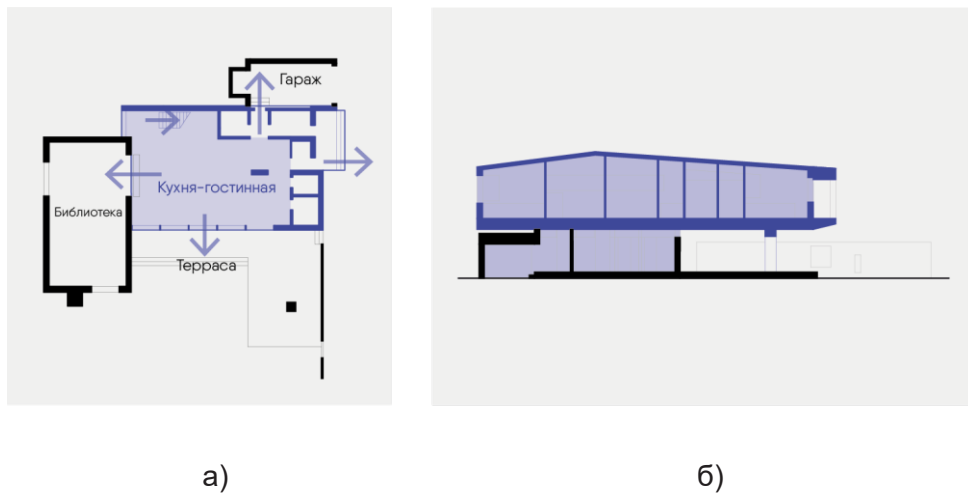

Рис. 4. Жилой дом в поселки Сосны, 2001 г.: а) общественное пространство кухни-гостиной в структуре плана; б) продольный разрез

Рассмотрим еще один ранний проект. В конце 1999 года Юрий Григорян и Александра Павлова занимаются разработкой концепции жилого дома в старинном подмосковном поселке Николина гора. В пояснительной записке, опубликованной позже в специальном выпуске журнала TATLIN, архитекторы рассказали, что в своем проекте они хотели «осмыслить типологию новой русской дачи 90-х»¹².

На изометрических схемах показано, что композиционная структура здания состоит из двух основных блоков, в то время как пластины скатных кровель выполняют объединяющую эти объемы роль (рис. 5а,б). Можно предположить, что в этом случае авторский подход архитектурного бюро «Меганом» разворачивается в сторону скульптурной формы. Противопоставление нескольких объемов (характерное для предшествующих проектов) заменяется здесь единым пластическим решением.

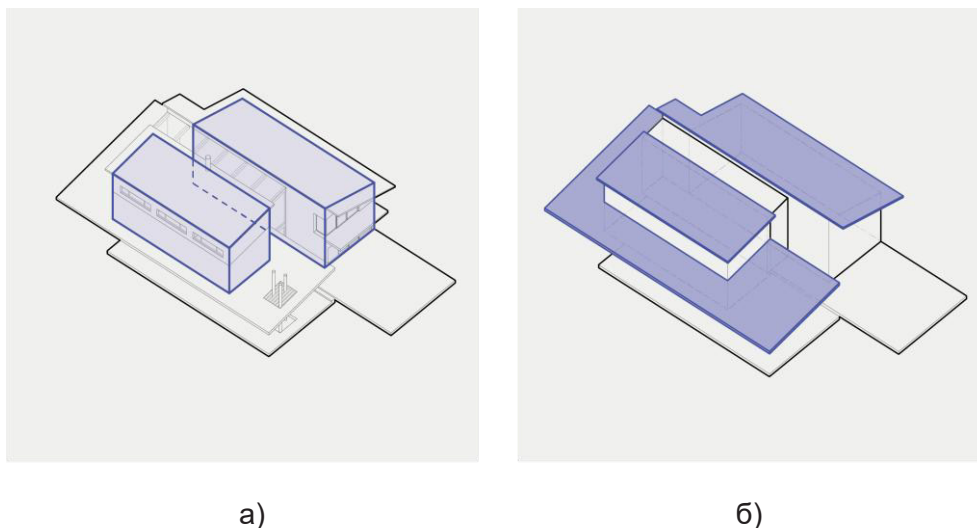

Рис. 5. Жилой дом на Николиной горе, 2001 г.: а) общий вид, изометрическая схема с выделением двух основных блоков; б) горизонтальные пластины скатных кровель в структуре объемно-пространственного решения

В проекте жилого дома применен отличный от ранее рассмотренных объектов принцип развертывания композитного центра в структуре внутреннего пространства [3]. Как показано на схеме (рис. 6а,б), роль пространственного ядра в проекте на Николиной горе отводится «промежутку», возникающему между двумя основными объемами (рис. 6а). Внутри этого «промежутка» архитекторы бюро «Меганом» помещают прихожую и лестницу, наделяя пространство ролью коммуникационного узла. Забегая вперед, отметим, что данный планировочный прием будет применен в проекте коттеджных домов Х-парк.

Итак, анализ пространственных решений жилых домов, авторами которых выступили архитекторы бюро «Меганом», позволяет сделать вывод о наличии очень четкого, сформированного авторского метода проектирования, сложившегося уже в самом начале профессиональной карьеры. Выявлена тенденция к построению формы здания из нескольких простых ортогональных объемов, а также постепенное усложнение объединяющего их ядра. Эволюция авторского метода схематично представлена на рисунке 7.

¹² Журнал TATLIN Моно: Проект Меганом 1998-2006. 2006. Специальный выпуск № 3. С. 62.

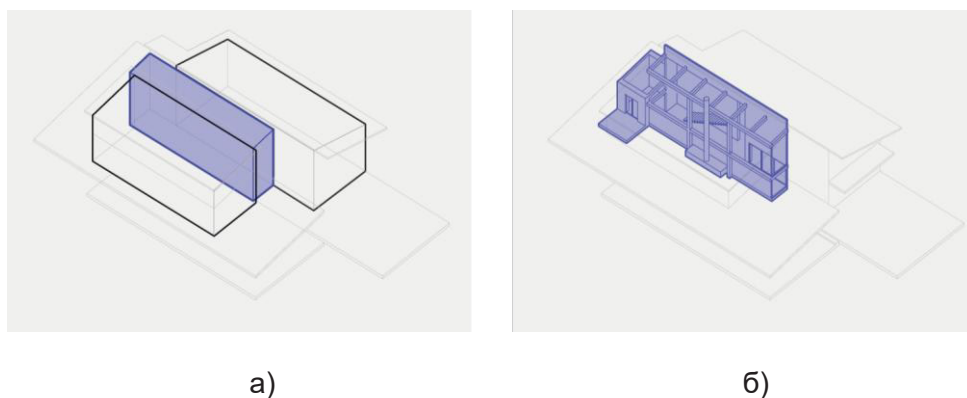

Рис. 6. Жилой дом на Николиной горе, 2001 г.: а) «промежуток» в структуре объемно-пространственного решения здания; б) наполнение «промежутка» функциональными элементами, изометрическая схема

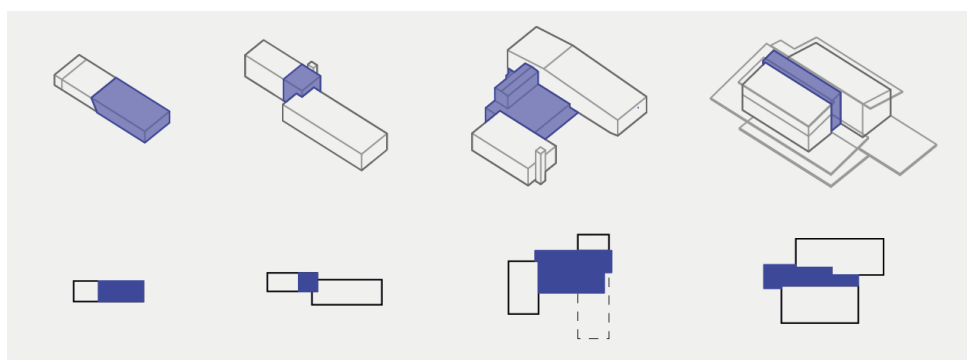

Рис. 7. Сопоставление проектов индивидуальных жилых домов, выполненных архитектурным бюро «Меганом» в период с 1998 по 2000 гг.

Жилые виллы в составе градостроительной структуры поселка

В первой части исследования были проанализированы проекты частных домов. Далее обратимся к анализу комплексного подхода к решению застройки, более сложной формы организации архитектурного пространства. В 2001 году началась работа над проектом коттеджного парка на территории поселка Горки-2. В пояснительной записке архитекторы довольно лаконично описывают решение: «шесть деревянных домиков трех различных типов и один стеклянный»¹³. Рассматривая генеральный план поселка (рис. 8а), можно отметить, что «деревянные дома» располагаются полукругом, центр которого совпадает с местом расположения «стеклянного дома» – виллы «Розы» (рис. 8б).

Изометрическая модель типового коттеджа наглядно показывает (рис. 9), что название «Х-Парк» на самом деле является метафорой, отсылающей нас к типовой схеме, используемой архитекторами при работе над формой здания (рис. 9а). Объем здания возникает при пересечении двух ортогональных блоков, еле заметно отклоняющихся относительно центральной оси (рис. 9б).

¹³ Х-парк. meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.team/ru/project/x-park/> (дата обращения: 03.10.2024).

Рис. 8. Поселок «Х-парк», 2004 г.: а) генеральный план; б) интерпретация радиальной схемы расположения коттеджных домов

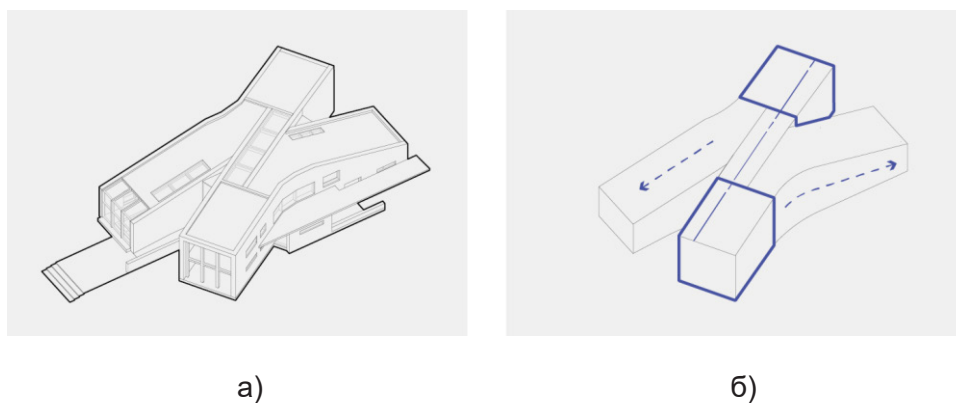

Рис. 9. Типовые коттеджные дома поселка «Х-парк», 2004 г.: а) общий вид, изометрическая схема; б) пересечение ортогональных объемов в структуре объемно-пространственного решения коттеджных домов

При сравнительном анализе плана типового коттеджа посёлка Х-парк с предшествующими работами прослеживается сходство с проектом виллы «Дом Меганом». В обоих проектах форма здания представлена как врезка двух объемов. Эта аналогия особенно заметна при сопоставлении плана коттеджа (рис. 10а) с разрезом виллы (рис. 10б). Фактически, принципиальная схема врезки двух параллелепипедов используется авторами в разных проекциях и на разных уровнях формообразования.

Интересно, что сами архитекторы объясняют замысел своей концепции через автономность каждой части объема: «В одном крыле гараж, в другом – бассейн, в третьем – гостиная, в четвертом – кухня...»¹⁴. Ранее мы уже акцентировали внимание на важности темы сепарации объемов для проектного метода бюро.

На рисунках 11в и 11г показано центральное пространство, которое образуется на пересечении ортогональных призм. В этом пространстве расположены прихожая и лестница, связывающая первый и второй этажи (рис. 11б,г). Очевидно усложнение общей конфигурации и размеров центрального объединяющего ядра здания относительно более ранних проектов.

¹⁴ Х-парк. meganom.moscow: [официальный сайт архитектурного бюро]. URL: <https://meganom.team/ru/project/x-park/> (дата обращения 03.10.2024).

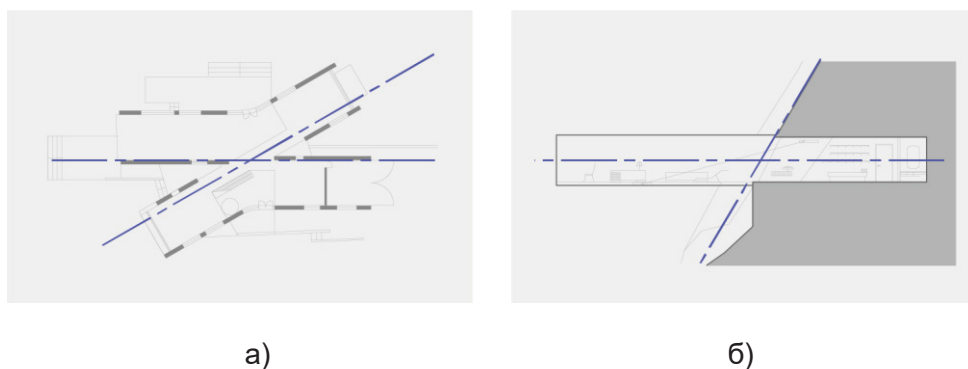

Рис. 10. Сравнительный анализ проектов архитектурного бюро «Меганом»: а) типовые коттедж поселка «Х-парк», 2004 г, план-схема.; б) «Дом Меганом», концепция жилой виллы, 1998 г., разрез

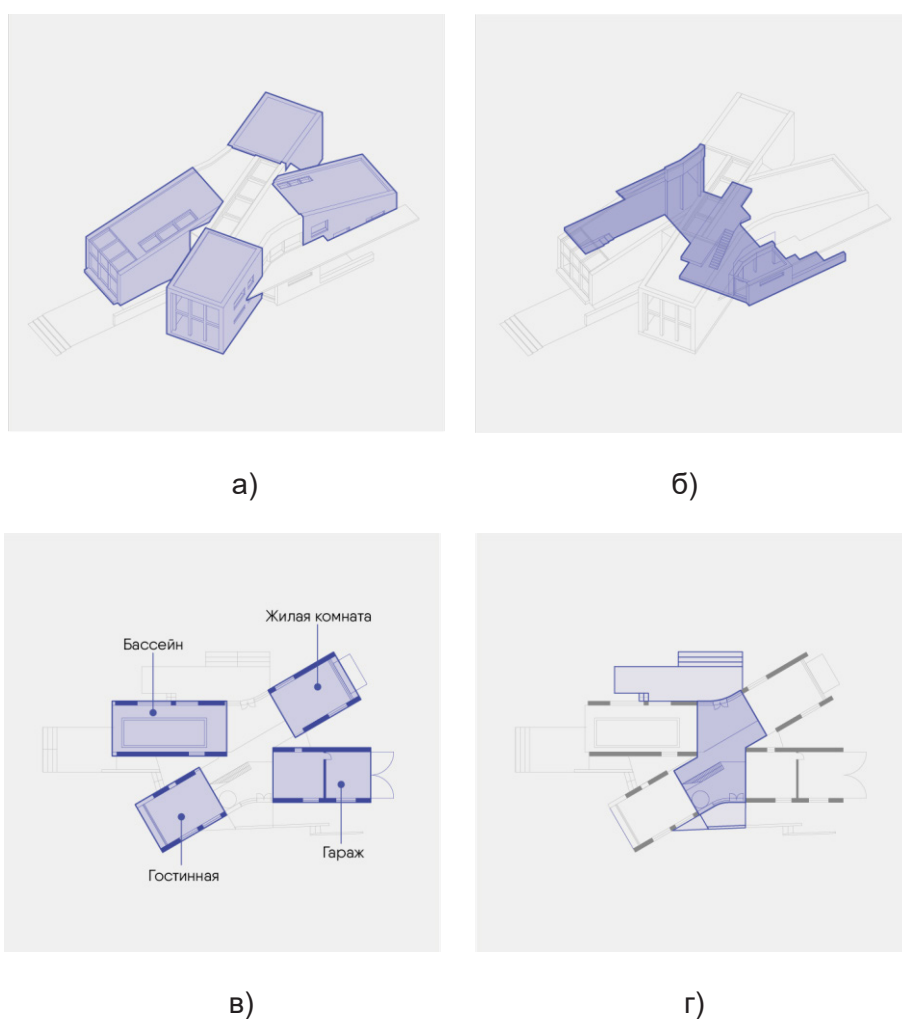

Рис. 11. Типовые коттеджные дома поселка «Х-парк», 2004 г: а) артикуляция основных объемов в пластическом решении; б) центральное ядро в объемно-пространственной структуре здания; в) четыре объема в структуре плана здания; г) центральное ядро в структуре плана здания

Как было сказано ранее, точкой «фокусировки» на генплане комплекса является вилла «Роза». Согласно информации, размещенной на официальном сайте бюро, проектирование виллы началось в 2001 году, еще до начала работы над концепцией X-парка. Архитектурные приемы построения внутреннего пространства и пластической

формы этого здания в значительной степени отличаются от всех предшествующих реализованных объектов.

Графический анализ виллы «Роза» показал, что основным формообразующим принципом становится вращение вокруг условной центральной оси (рис. 12а). Принцип «вращения» прослеживается как на фасаде в объеме здания, так и в структуре плана. Как показано на аналитической схеме, планировочная структура образована тремя прямоугольниками, развернутыми относительно общего центра (рис. 12б). В данном случае, мы впервые можем говорить о том, что концептуальная структура проекта виллы «Роза» имеет одинаковую трактовку как на уровне пластических решений, так и на уровне схемы организации внутреннего пространства (рис. 12а,б), чего не отмечалось в предшествующих проектах.

Использование принципа вращения привело к отказу от использования крупных функциональных блоков (как это было в проектах жилого дома в Соснах и на Николиной горе). Элементы, закручивающиеся вокруг композиционного ядра, теперь представляют собой отдельные помещения – вестибюль, лестничный узел, бассейн, прихожая. Сама форма здания не распадается на самостоятельные части (как, например, в проекте жилого дома в поселке Сосны) и может быть рассмотрена как простая архитектурная презентация бутона цветка, что подтверждает само название проекта.

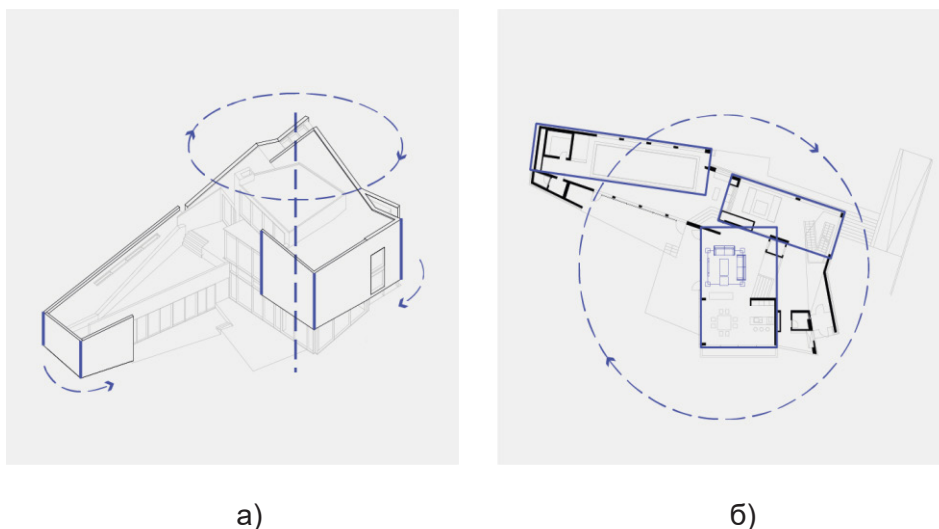

Рис. 12. Вилла «Роза», 2004 г: а) центральное общественное пространство в структуре плана здания; б) артикуляция центрального ядра в пластическом решении здания

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что проект «Х-парк», рассматриваемый на фоне предшествующих ему работ, демонстрирует определенные изменения в авторском подходе архитектурного бюро «Меганом». В частности, наблюдается эволюция приемов пластического решения объема: от простых ортогональных композиций к более сложным скульптурным формам. При этом, усиливается тенденция к акцентированию центрального ядра, что говорит о сохранении и развитии ключевого авторского принципа построения пространства.

Вилла в городе

Совершив ретроспективный анализ проектов частных жилых домов и коттеджного поселка, вернемся к первой «городской вилле»¹⁵, начало работы над которой совпало со

¹⁵ Что делают ньюсмейкеры? Проект Николая Малинина. Вилла Остоженка // ПРОЕКТ КЛАССИКА V-ММII. URL: http://www.projectclassica.ru/newsmake/05_2002/05_2002_02.htm (дата обращения: 02.10.2024).

временем проектирования виллы «Роза». Согласно воспоминаниям самих авторов, вилла «Остоженка» появилась благодаря случайному стечению обстоятельств: «Во дворе «Молочного» нашелся кусочек ненужной земли, на котором, как выяснилось, можно было что-то построить вместо трансформаторной будки»¹⁶. Говоря о своеобразном социальном эксперименте, архитекторы называют проект «антивиллой», «типичным интровертом», подчеркивая, что устройство здания исходит из внутренней программы владельца¹⁷.

Из-за особенностей расположения участка проектирования, доступ к вилле с улицы возможен только через узкий проход между торцом многоэтажного дома и забором соседнего участка. Можно предположить, что такой сложный городской контекст стал для Юрия Григоряна и Александры Павловой отправной точкой при разработке облика самого здания. Анализ плана виллы «Остоженка» показал, что помещения группируются в функциональные блоки, которые примыкают друг к другу по одной из сторон (рис. 13б). В центре здания расположен просторный вестибюль с зимним садом, который можно рассматривать как некоторую буферную зону между помещением подземного гаража и жилой зоной (рис. 13г). В этой трактовке принцип построения пространства в проекте виллы «Остоженка» напоминает структуру жилого дома на Николиной горе, где двухсветное пространство вестибюля отделяло друг от друга смежные функциональные зоны.

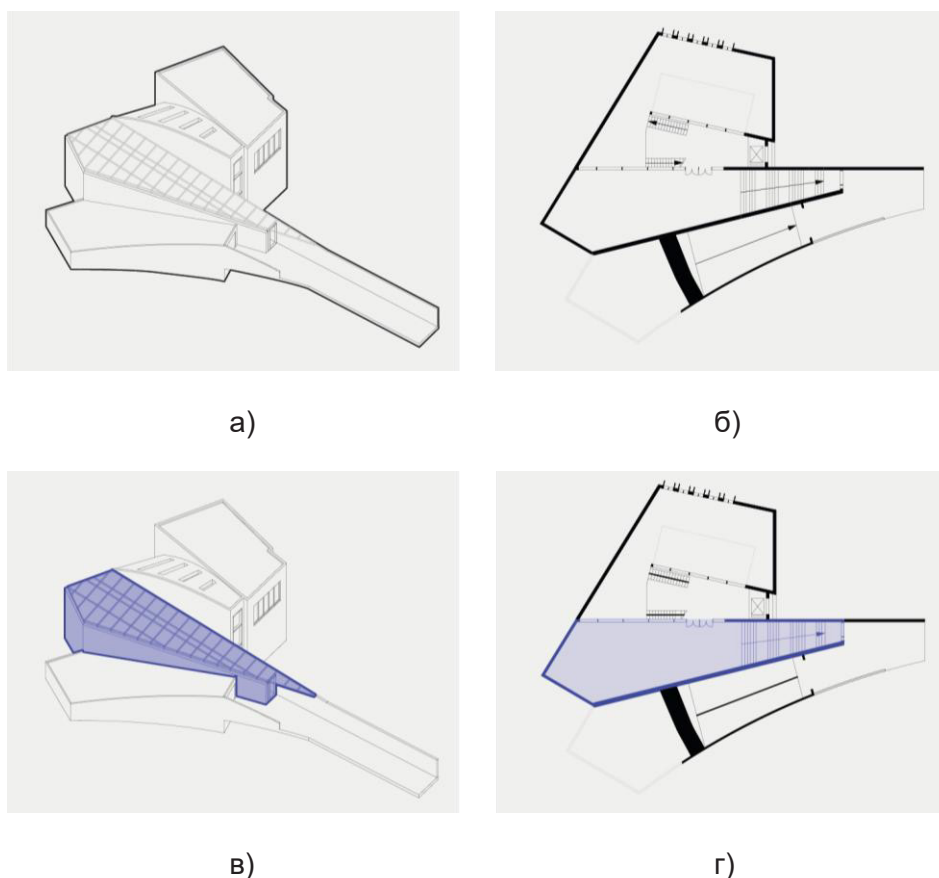

Рис. 13. Вилла «Остоженка», 2004 г: а) общий вид, изометрическая схема; б) центральный «лепесток» в структуре объемно-пространственного решения; в) план здания; г) центральный «лепесток» в структуре плана здания

¹⁶ «Капля». Книга об архитекторе Александре Павловой. Москва: Издательство «МГНМ», 2020. С. 156.

¹⁷ Вилла «Остоженка» в Москве // ПРОЕКТ КЛАССИКА X-MMIV. URL: http://www.projectclassica.ru/building/10_2004/2004_10_01a.htm (дата обращения: 01.10.2024).

Процесс формообразования основан на выявленном ранее методе построений из неортогональных блоков. Отличительной особенностью данного проекта является то, что объемы здесь не пересекаются, а примыкают друг к другу по длинной стороне. При этом само здание как будто постепенно «вырастает» из земли. Такой эффект достигается за счет пластического развития общей композиции по вертикальной оси. Скаты крыш соседних объемов направлены навстречу друг другу, что позволяет интерпретировать форму как зигзагообразный пандус, непрерывно развивающийся от уровня земли до самой верхней точки (рис. 14а,б).

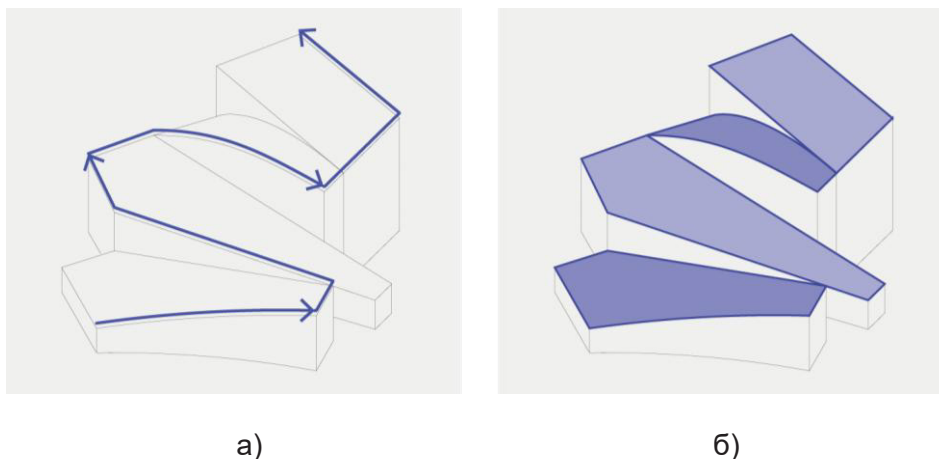

Рис. 14. Вилла «Остоженка», 2004 г: а) развитие объемно-пространственного решения по вертикали; б) скатные кровли объемов в структуре объемно-пространственного решения

Стоит отметить, что в проекте виллы «Остоженка» присутствуют некоторые из самых ранних авторских приемов построения, отсылающих к концептуальной схеме «Дома Меганом». Например, вестибюль (вспомогательное помещение) заглубляется ниже отметки земли, а один из блоков жилой части имеет консольный вынос (рис. 15а,б).

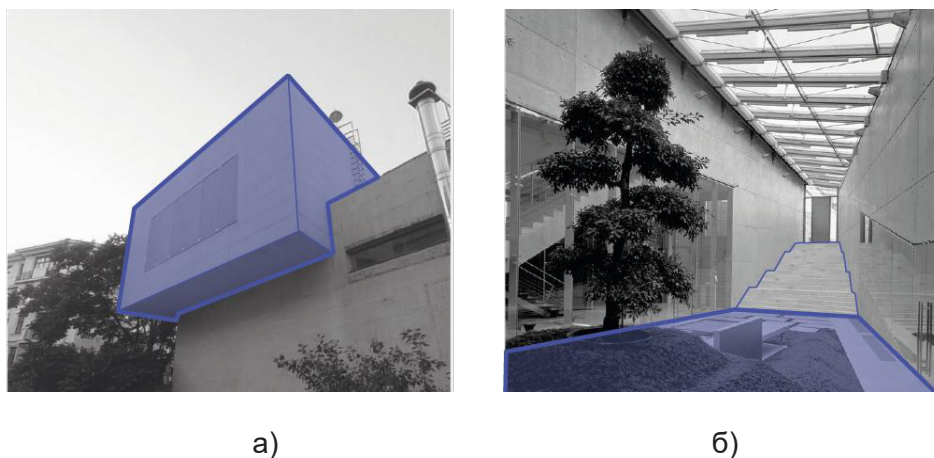

Рис. 15. Вилла «Остоженка», 2004 г: а) консольный вынос жилого блока, фото; б) заглубление вестибюля относительно уровня земли, интерьер, фото

Рассматривая виллу «Остоженка» в контексте предшествующих ей проектов, можно констатировать, что архитекторам удалось развить и усложнить комбинацию из выработанных ранее приемов построения архитектурного пространства и пластического решения формы здания. При этом структура виллы может быть рассмотрена одновременно как символическое воплощение трилистника, скульптурная форма, подчиняющая себе расположенные внутри пространства, и как интерпретация схемы

«Дом Меганом». Ввиду определенных социально-экономических обстоятельств проект виллы «Остоженка» является последним реализованным объектом частного жилого дома в раннем творчестве архитектурного бюро «Меганом».

Выводы

Главные архитекторы бюро «Меганом» Юрий Григорян и Александра Павлова, на раннем этапе своей профессиональной карьеры, в период с 1998 по 2001 г., спроектировали целую серию проектов индивидуальных жилых домов. Анализ этих проектов позволил проследить становление и эволюцию авторского подхода, от работы с простыми ортогональными блоками («Дом Меганом», павильон в Снегирях), к более сложным композициям из неортогональных объёмов (вилла «Роза», вилла «Остоженка»).

Выявлена тенденция к развитию приёмов пластического решения облика здания от самостоятельных объёмов, соподчиненных пространственной логике расположения функциональных зон, к цельным скульптурным формам, подчиняющим себе внутреннюю структуру. При этом все проекты объединены общим приемом – устройством основных объёмов или пространств вокруг центрального ядра (рис. 16). Отмечено, что авторский манифест в виде проекта «Дом Меганом» имеет огромное значение и влияние на последующие проектные и реализованные работы бюро.

Творческий метод архитекторов представлен как процесс эволюции ключевых архитектурных приемов построения пространства и пластики зданий.

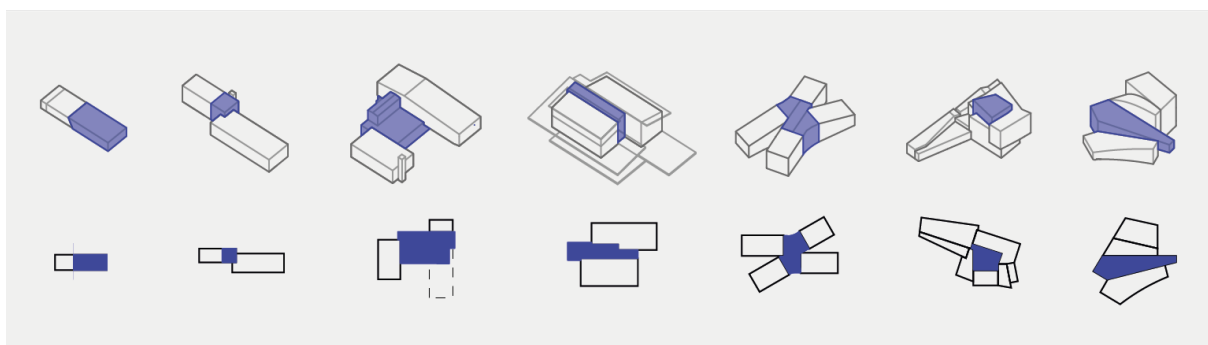

Рис. 16. Эволюция развития приема центрального ядра в объемно-пространственном решении индивидуальных жилых домов, выполненных архитектурным бюро «Меганом» в период с 1998 по 2004 г.

Источники иллюстраций

Рис. 1-14, 16. Схемы автора.

Рис. 15. б) URL:

https://yandex.ru/maps/213/moscow/?l=stv%2Csta&ll=37.601883%2C55.738899&panorama%5Bdirection%5D=288.467930%2C0.000000&panorama%5Bfull%5D=true&panorama%5Bpoint%5D=37.601543%2C55.738573&panorama%5Bspan%5D=115.265077%2C60.000000&source=serp_navig&z=18.53 (дата обращения: 08.10.2024); б) URL: <https://q-tec.ru/nashi-proekty/list-projects/luxury-urban-residence-villa/?ysclid=m2hdtka13s499601081> (в авторской обработке) (дата обращения: 08.10.2024); в) URL: <https://q-tec.ru/nashi-proekty/list-projects/luxury-urban-residence-villa/?ysclid=m34jtcobvp926988579> (в авторской обработке) (дата обращения: 08.10.2024).

Список источников

1. Есаулов Г.В. Современная архитектура в России: опыт тридцатилетия / Г.В. Есаулов, Л.Г. Есаулова // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 4. С. 14-25. DOI: 10.22337/2077-9038-2023-4-14-25

2. Eisenman P. Ten Canonical Buildings: 1950-2000. New York: Rizzoli, 2008. 304 s.
3. Писарь Н.В. К вопросу об определении понятия «Дихотомии» в лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. №3. С. 12-18.
4. Семенюк П.П. Влияние лингвистики на раннее творчество Питера Айзенмана: концепция «картонной архитектуры» // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. МГУ имени М.В. Ломоносова. Санкт-Петербург: НП-Принт, 2023. С. 714-722.

References

1. Esaulov G.V., Esaulova L.G. Contemporary architecture in Russia: thirty years of experience. Academia. Architecture and Construction, 2023, no. 4, pp. 14-25. DOI: 10.22337/2077-9038-2023-4-14-25
2. Eisenman P. Ten Canonical Buildings: 1950-2000. New York: Rizzoli, 2008, 304 p.
3. Pisar N.V. *K voprosu ob opredelenii ponyatiya «dikhotomiya» v lingvistike* [On the question of defining the concept of «dichotomy» in linguistics]. Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology, 2016, no. 3, pp. 12-18.
4. Semeniuk P.P. *Vliyanie lingvistiki na rannee tvorchestvo Pitera Ajzenmana: koncepciya «kartonnoj arhitektury»* [The Concept of Cardboard Architecture: Influence of Linguistics on Peter Eisenman's Early Work. Eds. A.V. Zakharova S.V. Maltseva, E.Iu. Staniukovich-Denisova]. Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles. Vol. 13. Lomonosov Moscow State University. St. Petersburg: NP-Print, 2023, pp. 714-722.

ОБ АВТОРЕ

Журавлев Тимофей Вадимович

Аспирант кафедры «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
zhuravlev.arch@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Zhuravlev Timofey V.

Postgraduate Student of the Department of Soviet and Modern Foreign Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
zhuravlev.arch@gmail.com

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 73.04:72.033(470.314)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-105-133

EDN: LHNLFJ

Уникальность «Святославова креста» в искусстве христианского мира и его ключевая роль в иконографической программе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском**Сергей Андреевич Карташов¹, Антонина Андреевна Карташова²,
Михаил Романович Морозов³✉**³Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия¹armsk@list.ru ²tonja.kartasova@gmail.com ³morozovmiki@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится обзор и анализ эволюции изображений сцены Распятия Христова в монументальной фасадной скульптуре западноевропейской и восточнохристианской романики и выявляется место в этом ряду уникальной скульптурной композиции «Распятие с предстоящими» Георгиевского собора (1230-1234) в Юрьеве-Польском, более известной как «Святославов крест». На основе изученного материала предлагается новый вариант реконструкции этой композиции, включая её первоначальное местоположение на фасаде собора, её смысловое значение в иконографической программе храма и взаимосвязь с русской православной обрядностью.

Ключевые слова: иконография, изобразительные источники, Юрьев-Польский, скульптура, белокаменная скульптура, резьба по камню, белокаменное зодчество Владимиро-Суздальской Руси, белокаменное зодчество Северо-Восточной Руси

Для цитирования: Карташов С.А. Уникальность «Святославова креста» в искусстве христианского мира и его ключевая роль в иконографической программе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском / С.А. Карташов, А.А. Карташова, М.Р. Морозов // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 105-133.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/06_kartashov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-105-133. EDN: LHNLFJ

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

The uniqueness of the «Svyatoslav Cross» in the Christian world and its key role in the iconographic program of St. George's Cathedral in Yuryev-Polsky**Sergey A. Kartashov¹, Antonina A. Kartashova², Mikhail R. Morozov³✉**³Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia¹armsk@list.ru ²tonja.kartasova@gmail.com ³morozovmiki@yandex.ru

Abstract. This article provides an overview and analysis of how depictions of the Crucifixion scene evolved in monumental facade sculpture within both the Western European and Eastern Christian Romanesque traditions, highlighting the place of the unique sculptural composition «The Crucifixion with Witnesses» from St. George's Cathedral (1230-1234) in Yuryev-Polsky – better known as the «Svyatoslav Cross» – within this lineage. On the basis of the material studied, the author proposes a new reconstruction of this composition, including its original location on the

cathedral's facade, its semantic importance in the temple's iconographic program, and its relationship to Russian Orthodox liturgical practices.

Keywords: iconography, visual sources, Yuryev-Polsky, sculpture, white-stone sculpture, stone carving, white-stone architecture of Vladimir-Suzdal Rus', white-stone architecture of Northeast Rus'

For citation: Kartashov S.A., Kartashova A.A., Morozov M.R. The uniqueness of the «Svyatoslav Cross» in the Christian world and its key role in the iconographic program of St. George's Cathedral in Yuryev-Polsky. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no.1(70), pp. 105-133. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/06_kartashov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-105-133. EDN: LHNLFJ

...Таким образом, Владимиро-Суздальское искусство работает над воплощением русской идеи человечности, над формированием русской идеи Бога, для которой из Византии лишь был дан толчок. Мощная волна свежих духовных и религиозных сил проносится по взволнованной русской земле. Новое существование нарождается повсюду, и шаг за шагом, и в искусстве, во всех его ритмах и символах, прослеживается дух этой эпохи, углубление и русификация христианства.

Ф. Галле

Распятие Иисуса Христа – кульминация Страстей Христовых, одно из главных событий Нового Завета. Его художественному осмыслению время отвело важнейшую роль в христианском искусстве.

В данной статье проводится обзор и анализ эволюции изображений Распятия в монументальной фасадной скульптуре западноевропейской и восточнохристианской романики и определяется место в этом ряду уникальной скульптурной композиции «Распятие с предстоящими» Георгиевского собора (1230-1234) в Юрьеве-Польском, более известной как «Святославов крест».

I. Краткая эволюция иконографии Распятия

Тема Распятия Иисуса Христа занимает центральное место в христианской иконографии⁴. Однако в первые три века (II-IV вв.) раннехристианского искусства Распятие как таковое не изображалось. Связано это было с тем, что первоначально эта тема рассматривалась Церковью как неподобающая для художественного образа, так как в то время была жива ещё память о казни рабов через распятие, а такая смерть считалась позорной. Так, на самых ранних фресках римских катакомб III-IV вв. изображения Распятия Христова не встречается.

Отношение к распятию изменилось в начале IV в. в связи с обретением около 326 г. святой равноапостольной царицей Еленой, матерью римского императора Константина I Великого, Животворящего Креста у Гроба Господня в Иерусалиме. Вследствие этого Голгофа – холм, на котором был распят Иисус Христос, стала местом паломничества. Более того, фрагменты Животворящего Креста как драгоценные реликвии стали распространяться по всему христианскому миру.

Впервые тема Распятия Христова и Голгофы появилась на римских саркофагах IV в. в изображениях Спасителя – *не распятого* – с крестом в правой руке. Самое древнее дошедшее до нас изображение распятого на кресте Христа (ныне находится в Британском

⁴ Schiller G. Iconography of Christian art. Vol. 2. London: Lund Humphries, 1972. P. 88-164. Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии: Преимущественно византийских и русских. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С. 400-476.

музее) датируется началом V в.: на небольшой (75x102 мм) панели из слоновой кости Христос изображен живым, с широко открытыми глазами, в окружении Богоматери, Иоанна Богослова и сотника Лонгина, которые с этого момента становятся основными персонажами иконографии Распятия Христова.

Первые многочисленные изображения Распятия и Голгофы известны на т.н. ампулах Монцы – сосудах из свинца, олова или серебра, предназначенных для хранения елеев, которые привозили паломники из Святой Земли, а также на книжных миниатюрах Евангелий, на рельефах из слоновой кости в переносных алтарях и на книжных обложках.

Примерно до XI в. изображались три голгофских креста: в центре Животворящий Крест с распятым Иисусом, а по его сторонам два креста с разбойниками; в более поздней иконографии чаще стал изображаться один крест с распятым Иисусом. Сам Крест, в зависимости от эпохи и местной традиции, мог иметь от трёх до восьми концов – например, православный восьмиконечный крест. На ранних изображениях Христос на кресте был полон жизни, олицетворяя торжество над смертью, но после окончания византийского иконоборчества в IX в. Его стали изображать мёртвым – с закрытыми глазами и безжизненным, обмякшим телом.

В IX-XIII вв. в некоторых композициях Распятия присутствовали аллегии Ветхозаветной (Синагоги) и Новозаветной (Церкви)^{5,6} церквей в виде женских фигур. При этом Церковь изображалась собирающей в чашу кровь, истекающую из тела Христа. Такие аллегии входят в рельефную композицию Распятия из тимпана церкви аббатства Сен-Жиль-дю-Гар во Франции, рассматриваемого ниже (рис. 1а).

Со временем сформировались основные композиционные группы⁷:

- Только крест с распятым Христом, живым или умирающим.
- Группа из трёх лиц: Христос на кресте, слева от креста – Богоматерь, справа – Иоанн Богослов.
- Другие многофигурные группы вокруг креста: жёны-мироносицы, сотник Лонгин и иудей Стефанон с орудиями Страстей – копьем и губкой; толпа свидетелей Распятия.
- Вверху, над крестом – ангелы, солнце и луна.
- Внизу, под крестом – Голгофа, Адамова глава, воины, делящие одежду Христа.

Распятие заняло центральное место в интерьере христианских храмов на фресках и мозаиках или как отдельная, в основном деревянная, монументальная скульптура.

II. Распятие в монументальной скульптуре тимпанов порталов романских соборов XII–XIII вв.

Начиная с VI в. и вплоть до XII в., в числе основных тем западноевропейской романской фасадной скульптуры были «Страшный Суд» и «Христос во славе»⁸ [1, с.157-262]. Примеры изображения Распятия как монументальной скульптуры на фасадах соборов в этот период нам неизвестны.

Впервые такие скульптуры появились в XII в., но примеров немного. Из них наиболее значима композиция в скульптурном ансамбле церкви аббатства Сен-Жиль-дю-Гар (1120-1160), где в тимпанах трёх западных порталов, наряду с композицией «Христос во Славе» и «Поклонение Волхвов», представлена масштабная сцена Распятия⁹. Несмотря на серьёзные разрушения рельефов вследствие религиозных войн XVI в., основные

⁵ Также – Экклезия.

⁶ Schiller G. *Iconography of Christian art*. Vol. 2. London: Lund Humphries, 1972. P. 110-112.

⁷ Покровский Н.В. *Евангелие в памятниках иконографии: Преимущественно византийских и русских*. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С. 401-476.

⁸ Schiller G. *Ikonographie der christlichen Kunst*. Bd. 3: *Die Auferstehung und Erhöhung Christi*. Gutersloh: Mohn, 1971. P. 233-250.

⁹ URL: <https://www.medart.pitt.edu/menufrance/sgilles/sgstymp.html>

компоненты композиции всё же прочитываются: в центре – Христос на Кресте, у подножия которого – Богородица и Иоанн Богослов, рядом с ними – аллегория Церкви (слева) и Синагоги (справа), которая склонила голову в короне-храме, и которую сбрасывает на землю ангел; в левом углу тимпана – две фигуры, одна из них с поднятой рукой (возможно, сотник Лонгин) – вверху, над перекладиной креста – символы солнца и луны (рис. 1а).

Известны и менее значимые примеры рельефных групп с изображением Распятия над главным (западным) входом некоторых храмов Западной Европы (рис. 1б-г).

Рис. 1. Распятия в тимпанах западных порталов романских соборов XII–XIII вв.: а) тимпан правого портала церкви аббатства Сен-Жиль-дю-Гар, Франция (1120-1160); б) церковь Санта-Мария-ин-Кастелло, Карпи, Италия (XII в.); в) собор Сан-Модерано, Берчето, Италия (XII в.); г) церковь Св. Иоанна, Швебиш-Гмюнд, Германия (1210-1230)

III. Скульптурный декор фасадов восточнохристианских храмов

Резной каменный декор был широко распространён в храмах византийского Востока в рассматриваемый нами период¹⁰ [2, 3]. Самые известные примеры – армянская церковь Святого Креста на острове Ахтамар (915-921), церковь Никорцминда в Грузии (1010-1014), и храм Святой Софии в Трабзоне (Трапезунде) в Турции (перв. пол. XIII в.) (рис. 2).

Все фасады церкви Святого Креста на острове Ахтамар покрыты рельефами на ветхозаветные (рис. 2а) и новозаветные темы, имеется множество изображений святых, ктиторов, а также птиц и животных среди виноградных лоз. Из Нового завета здесь есть только изображения Богородицы с младенцем и Христа на троне, а также венчающие каждый фасад фигуры евангелистов.

В соборе Святой Софии в Трабзоне резными рельефами украшен только главный портал храма. Над входом расположены скульптурные композиции на ветхозаветные темы: «Сотворение Евы» (рис. 2в) и «Изгнание из Рая». Остальные стены не имеют рельефного декора.

В верхней части трёх фасадов церкви Никорцминда в Грузии помещены рельефы на темы Нового Завета: на западном фасаде – «Христос благословляющий», на восточном – «Преображение» (рис. 2б), на южном – «Страшный Суд». Следует отметить, что начиная со второй половины XI в. сюжетные фигурные композиции на фасадах грузинских храмов не встречаются (по всей видимости это связано с установлением новых богословских канонов) – храмы украшаются декоративными орнаментами.

В качестве фасадной скульптуры Распятие известно лишь в двух случаях: небольшое Распятие как часть композиции (об этом ниже) в тимпане над окном гавита храма монастыря Нораванк (кон. XIII в.) (рис. 2е) и Распятие с предстоящими ктиторами на западном фасаде храма монастыря в Гандзасаре (1216-1238) (рис. 2д), которое вскоре после пристройки гавита оказалось скрытым от обозрения [4, 5]. Это могло быть связано с

¹⁰ Буниатов Н.Г. Архитектура Армении: I-XIX вв. / Н.Г. Буниатов, Ю.С. Яралов. Москва: Издательство и 1-я типография Государственного издательства архитектуры и градостроительства, 1950. 144 с.

особенностями Армянской апостольской церкви, которая после Халкидонского Вселенского собора 451 г. «отдаёт предпочтение божественному характеру Христа в ущерб Его человеческой природе, то есть как страдающему существу, и долгое время отказывается изображать Его Страсти, которым она предпочитает возвышенный Крест» [3, с.32].

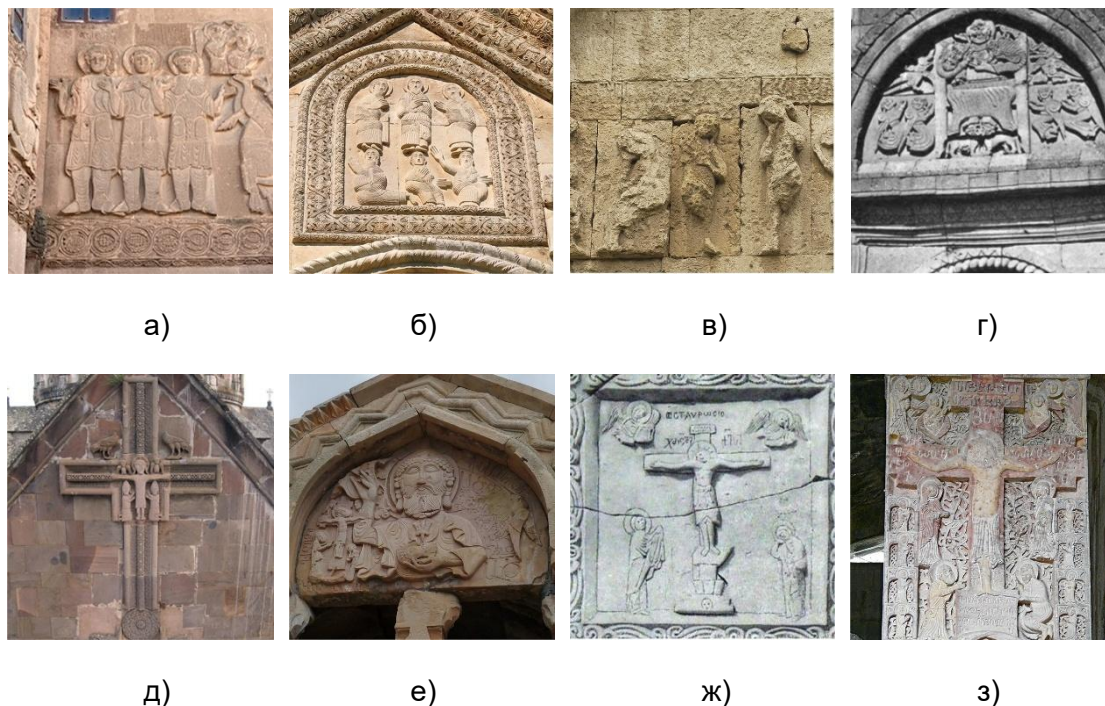

Рис. 2. Резной каменный декор храмов византийского мира: а) церковь Святого Креста на о. Ахтамар, Турция (915-921): «Три отрока в печи огненной»; б) церковь Никорцминда, Грузия (1010-1014): «Преображение»; в) Софийский собор в Трабзоне, Турция (1238-1263): «Сотворение Евы»; г) монастырь Св. Варфоломея, Васпуракан, Турция (XIII в.): тема Новозаветной Троицы (см. ниже); д) Распятие на западном фасаде храма монастыря Гандзасар, Арцах (1216-1238); е) небольшое Распятие в левом углу тимпана над окном западного портала гавита в монастыре Нораванк, Армения (кон. XIII в.); ж) Распятие на алтарной преграде из храма в Анухве, Абхазия (XI в.); з) Распятие на хачкаре «Аменапркич», Ахпат, Армения (1273)

Таким образом, до конца XIII в. в монументальной скульптуре восточного христианства тема Распятия не нашла широкого отражения, несмотря на то что Страстной цикл был представлен в монументальной живописи храмовых интерьеров, а также в алтарных преградах в храмах Абхазии и Грузии (XI в.)¹¹ (рис. 2ж), и на армянских хачкарах (XIII в.) (рис. 2з).

IV. Реконструкция иконографии «Распятия с предстоящими» Георгиевского собора в г. Юрьев-Польский

Хронологически первое монументальное изображение Распятия на Руси – фреска в киевском Софийском соборе (1011-1037)¹² [6, 7]. Кроме него известны еще Распятия на

¹¹ Шмерлинг Р.О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.00. Тбилиси, 1962. 303 с.

¹² Фрески Десятинной церкви в Киеве (989-996) и Спасо-Преображенского собора в Чернигове (1030-е гг. – сер. XI в.) до нас не дошли.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии: Преимущественно византийских и русских. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С. 430-431.

фресках XII в. собора Мирожского монастыря в Пскове (1130-1140) [8, 9], Спасского собора Евфросиниевского монастыря в Полоцке (середина XII в.) [9] и церкви Спаса на Нередице в Великом Новгороде (1198-1199)¹³ [10] (рис. 3).

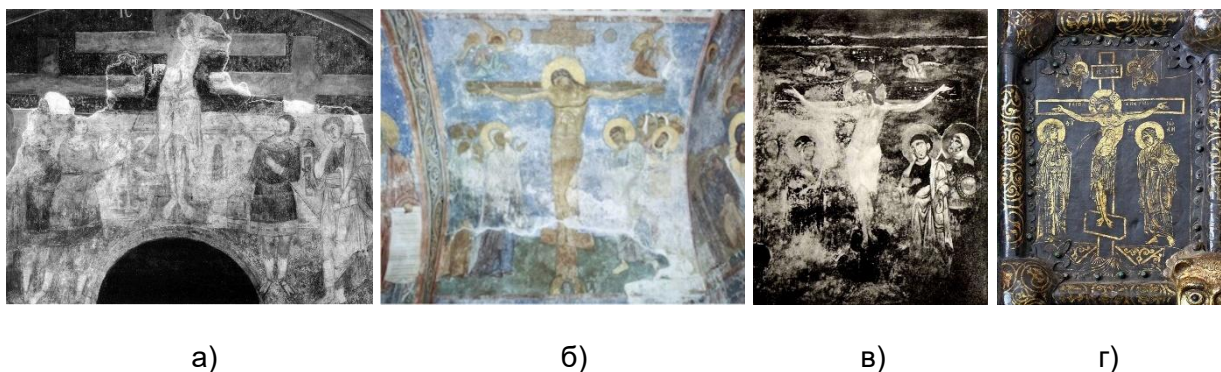

Рис. 3. Распятия в интерьерах первых русских православных храмов: а) фрески Софийского собора в Киеве (1011-1037): присутствуют три креста, ангелов и Главы Адама нет; б) фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (1130-1140): ангелы над Крестом, солнце и луна, Глава Адама; в) фрески церкви Спаса на Нередице в Великом Новгороде (1198-1199), архивное фото: ангелы над Крестом, Главы Адама нет; г) Распятие на клейме Суздальских западных врат, Богородице-Рождественский собор в Суздале (кон. XII – нач. XIII вв.): ангелы над Крестом, главы Адама нет

Какие сюжеты были в росписях белокаменных храмов Владимиро-Суздальской Руси, сказать сложно, так как фрески сохранились лишь фрагментарно (Успенский и Дмитриевский соборы во Владимире) [10], и судить о полной иконографической программе не представляется возможным¹⁴. При этом на Суздальских западных золотых вратах (конец XII – начало XIII веков) [11, с.7] среди изображений Страстей Христовых есть одно клеймо с изображением Распятия (рис. 3г).

Эти храмы отличаются тем, что снаружи украшены белокаменной резьбой¹⁵ [12-16]. Здесь важно отметить, что:

- Больше половины всех фасадных рельефов на Дмитриевском соборе (1191) во Владимире являются более поздними вставками [17].
- Богородице-Рождественский собор (1122-1125) в Суздале частично обрушился в XV в. и был капитально перестроен, так что сохранился только резной декор порталов и аркатурно-колончатого пояса с рельефами женских голов и львов на углах¹⁶.
- При археологических работах в Нижнем Новгороде найдены: резная капитель (Спасо-Преображенский собор, 1225-1227 гг.) и рельеф головы льва (Михайло-Архангельский собор, 1227-1229 гг.)¹⁷ [18].
- При археологических работах в Ростове найдены: рельеф с орнаментом (Успенский собор, 1213-1231 гг.) и резные львы – круглая скульптура (церковь Константина и Елены, нач. XIII в.)¹⁸.

¹³ Фреска с изображением Распятия из церкви Спаса на Нередице не сохранилась до наших дней и известна только по архивной фотографии.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии: Преимущественно византийских и русских. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С. 431.

¹⁴ О фреске церкви Покрова на Нерли близ Боголюбова можно судить лишь по одной зарисовке плафона купола, выполненной Ф.Г. Солнцевым.

¹⁵ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков: в 2-х т. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961-1962.

¹⁶ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков: в 2-х т. Т. 2. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 19-42.

¹⁷ Там же. С. 43-53.

¹⁸ Там же. С. 58-61.

- При археологических работах в Ярославле найден резной камень с рельефом антропоморфной звериной маски (Успенский собор, 1215–1219 гг.)¹⁹.

На фасадах и в сводах Георгиевского собора²⁰ в Юрьеве-Польском, а также в фондах местного музея сохранились почти все первоначальные рельефы, хотя и разрозненные, и перепутанные после частичного обрушения собора в процессе его поспешного восстановления в 1471 г. под руководством В.Д. Ермолина²¹. Сам собор приобрел иные архитектурные формы с нарушением всего композиционного строя²². Единственная рельефная композиция, собранная, хотя и не полностью, при восстановлении собора – это уникальное «Распятие с предстоящими», более известное под названием «Святославов крест». Каковы были его иконография и местоположение на фасаде собора 1234 г. доподлинно не известно. Судя по историческим источникам, в течение последующих столетий рельефные камни с Распятием неоднократно перемещались, при этом, по всей видимости, постепенно утрачивая элементы первоначальной композиции (см. Таблицу). Четыре рельефных камня, составляющие центральную группу композиции Распятия, ныне находятся в фондах Юрьев-Польского историко-архитектурного и художественного музея (рис. 4).

Первый системный исследователь собора К.К. Романов так описывал эту скульптурную композицию: «На первом среднем камне изображена фигура Христа <...> Тело Христа свисшее, опоясано драпировкой. Голова склонилась. Вокруг неё крестчатый нимб. <...> Глаза Христа закрыты. <...> На втором (левом) камне <...> изображены Богоматерь и три жены <...>. На третьем (правом) камне <...> изображены: скорбящий ап. Иоанн и Лонгин сотник, оба в нимбах. <...> Сотник высоко поднял правую руку с именованным перстосложением; в левой он держит щит. <...> Четвертый камень венчает первый, центральный. На нём помещена верхняя часть креста с изображением «гетимасии» [далее – Этимасия – С.К.], или Уготованного престола <...>. Над средним камнем, вверху, острый угол рамы заполнен штукатурным изображением скорбящего Бога Отца²³ в облаках, типа работы XIX в.»²⁴.

Дополним описание Романова. Этимасия в данном случае имеет следующие иконографические черты: на Престоле лежит книга (Евангелие), над книгой – голубь с расправленными крыльями; по сторонам Престола поднимаются вверх две пальмовые ветви (от левой сохранилась только нижняя часть). Романов отмечает, что эти «четыре камня <...> представляют собой связную композицию, стояли всегда рядом»²⁵.

Уже более ста лет предпринимаются попытки расшифровать иконографию «Распятия с предстоящими» Георгиевского собора и установить его первоначальное местонахождение в храме XIII в. Так, Романов первым предложил присоединить к композиции «Святославова креста» два камня с парным изображением ангелов, всплескивающих руками. В настоящее

¹⁹ Там же. С. 61-67.

²⁰ Построен святым благоверным князем Святославом III Всеволодовичем в 1230-1234 гг.

²¹ Василий Дмитриевич Ермолин (1420-е-1481/1485) – московский купец, «предстатель» (подрядчик), организатор реставрационно-строительных работ. В 1460-х гг. руководил строительными работами в Московском Кремле, Троице-Сергиевом монастыре, Владимире. В 1471 г. по указу великого князя московского Ивана III Васильевича Ермолин реконструировал частично обрушившийся Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

²² Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. 188 с.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков: в 2-х т. Т. 2. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 68-108.

²³ Бог Отец – первая, начальная и причинная ипостась Святой Троицы, с XVI в. Бог Саваоф или Господь Саваоф [Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник / ОЛДП; Н.В. Покровского. Вып. 2. Санкт-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 106].

²⁴ Романов К.К. «Святославов Крест» в г. Юрьеве Польском // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в императорской Археологической Комиссии 1886 I/II 1911. Санкт-Петербург, 1911. С. 199-200.

²⁵ Там же. С. 205.

время эти камни находятся на южном фасаде собора, а по Романову они должны были быть по обе стороны от верхней перекладины креста, над боковыми камнями с изображением предстоящих (рис. 4).

Гипотеза Романова о присутствии ангелов в композиции имеет веские основания, так как соответствует изобразительному канону. Это подтверждается тем, что на клейме Суздальских западных золотых врат, созданных почти одновременно с Георгиевским собором, в «Распятии с предстоящими» над поперечной перекладиной креста изображены два ангела (рис. 3г).

На камнях с рельефами ангелов сверху видны нижние фрагменты изображений птиц, верхние части не сохранились. Птицы не являются каноническим атрибутом композиции Распятия. По рисунку рельефа сохранившейся хвостовой части эти изображения можно определить как изображения павлинов [22, с. 205] (рис. 4).

Рис. 4. «Распятие с Предстоящими» Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Реконструкция по К.К. Романову

Вопрос о присутствии изображения Голгофы и Адамовой главы под крестом остаётся не решённым. Вполне возможно, что его не было, как и на клейме с Распятием на Суздальских западных вратах, где Адамова глава отсутствует.

Необычно, что у Креста нет «подножия», являющегося обязательным элементом для восточнохристианской иконографии, начиная с VIII в. Это тем более странно, поскольку на клейме Суздальских западных золотых врат крест Распятия имеет это «подножие» (рис. 3г). Смысловое значение изображения шестиконечного, а не восьмиконечного, креста неясно.

Вагнер и Н.Н. Воронин помещали под Распятием через один ряд кладки камень с надписью «о поставлении креста». Однако В.В. Кавельмахер выдвинул убедительную гипотезу о том, что камень с надписью являлся угловым («краеугольным») камнем Троицкого придела середины XIII в. [19, с.189] и, таким образом, не мог входить в композицию Распятия.

Вагнер считал, что изображения двух драконов, расположенные сейчас на южной стене собора, происходят из композиции Распятия. Это мнение разделяли также Воронин и А.В. Столетов. Версия Вагнера основывалась на том, что в монастырях на Афоне парные драконы присутствуют в основании Распятия в завершении иконостасов²⁶. Однако такая

²⁶ Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. С. 123.

иконография появилась не ранее XVI в. и известна только на Балканах²⁷. Исходя из сказанного выше, присутствие драконов под Распятием остаётся под вопросом; возможно, они относятся к парным группам фантастических существ, таких, как грифоны и грифозмеи, с которыми они сходны и по стилистике.

Вопрос о заполнении пространства между ангелами над крестом исследователями решался по-разному. Воронин считал, что в этом месте должен был быть камень с изображением Спаса Нерукотворного²⁸ (рис. 5а,г), которое Кавельмахер называет «Спасом Оглавным». Со времени реконструкции Ермолина (1471) этот камень находится на южном фасаде собора. По ширине он соответствует среднему камню Распятия. У него срезаны верхние углы, так что он мог быть в киле закомары. Гипотеза Воронина основана, в частности, на том, что подобная иконография встречается на крестах-энколпионах (начиная с XII в.), на крестах-никитирионах и на более поздних киотных крестах старообрядцев-беспоповцев (см. ниже). По этому поводу Вагнер пишет: «отмеченное пустое пространство не могло быть занято <...> рельефом Спаса, так как этому противоречит изображение Этимасии»²⁹.

В своём варианте реконструкции этой композиции Вагнер помещает над Распятием камень с рельефом серафима³⁰ (рис. 5б,д), но делает это лишь условно, так как считает, что у него нет для этого «достаточной аргументации»³¹, хотя такая иконография также известна по наперсным крестам более позднего времени.

Столетов в своей реконструкции завершил композицию камнем, рельеф которого он интерпретировал как «Бог Саваоф благословляющий»³² (рис. 5в,е). Этот камень в настоящее время находится на южном фасаде собора. Иконография Распятия с Богом Саваофом над Крестом также известна (см. ниже). Однако при внимательном рассмотрении предложенного Столетовым рельефа под левой рукой «Спаса» заметен фрагмент орнамента, что ставит под сомнение присутствие именно этого рельефа в данной композиции.

Так как в вопросе полной иконографии Распятия остаются спорные моменты, мы предлагаем рассмотреть ещё один вариант.

Известно, что в 1650-х гг.³³ Распятие было снято с западной стены четверика собора, куда его поставил Ермолин при восстановлении собора в 1471 г., и перемещено на западную стену вновь построенной шатровой колокольни (см. Таблицу). На наш взгляд важно отметить, что это событие хронологически совпадает с церковным расколом 1652-1667 гг. Именно с этого времени у старообрядцев появляются свои культовые предметы – литые иконы, называемые киотными крестами³⁴ [20, 21]. Их иконография очень своеобразна, не

²⁷ Кроме того, змей, обвивающий крест – символ грехопадения, искупленного Христом – в изображениях Распятия встречается, в основном, в Германии, в X-XII вв. Согласно Н.В. Покровскому, «нет ни одного [подобного – С.К.] византийского изображения его [дракона – С.К.] под крестом с распятым Христом» [Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии: Преимущественно византийских и русских. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. С. 441].

²⁸ Воронин Н.Н. О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Святославов крест) // Советская археология. 1962. №1. С. 140-151.

²⁹ Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. С. 62.

³⁰ Так как в богословской литературе в определении серафима и херувима существуют разночтения, в данной статье принимается шестикрылый ангельский чин за серафима, а четырехкрылый с жезлом в руке – за херувима.

³¹ Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. С. 62.

³² ГАВО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 671.

³³ Датировка по Н.Н. Воронину.

³⁴ Крест из бабушкиного сундука: Киотные кресты ч.1

URL: https://www.olevs.ru/novgorodskoe_litje/static/kiotnye_mednolitye_kresty/ (дата обращения: 24.10.2024).

имеет аналогов и включает, кроме «Распятия с предстоящими», также ангелов и серафимов и сцены из Нового завета³⁵ в различных комбинациях³⁶.

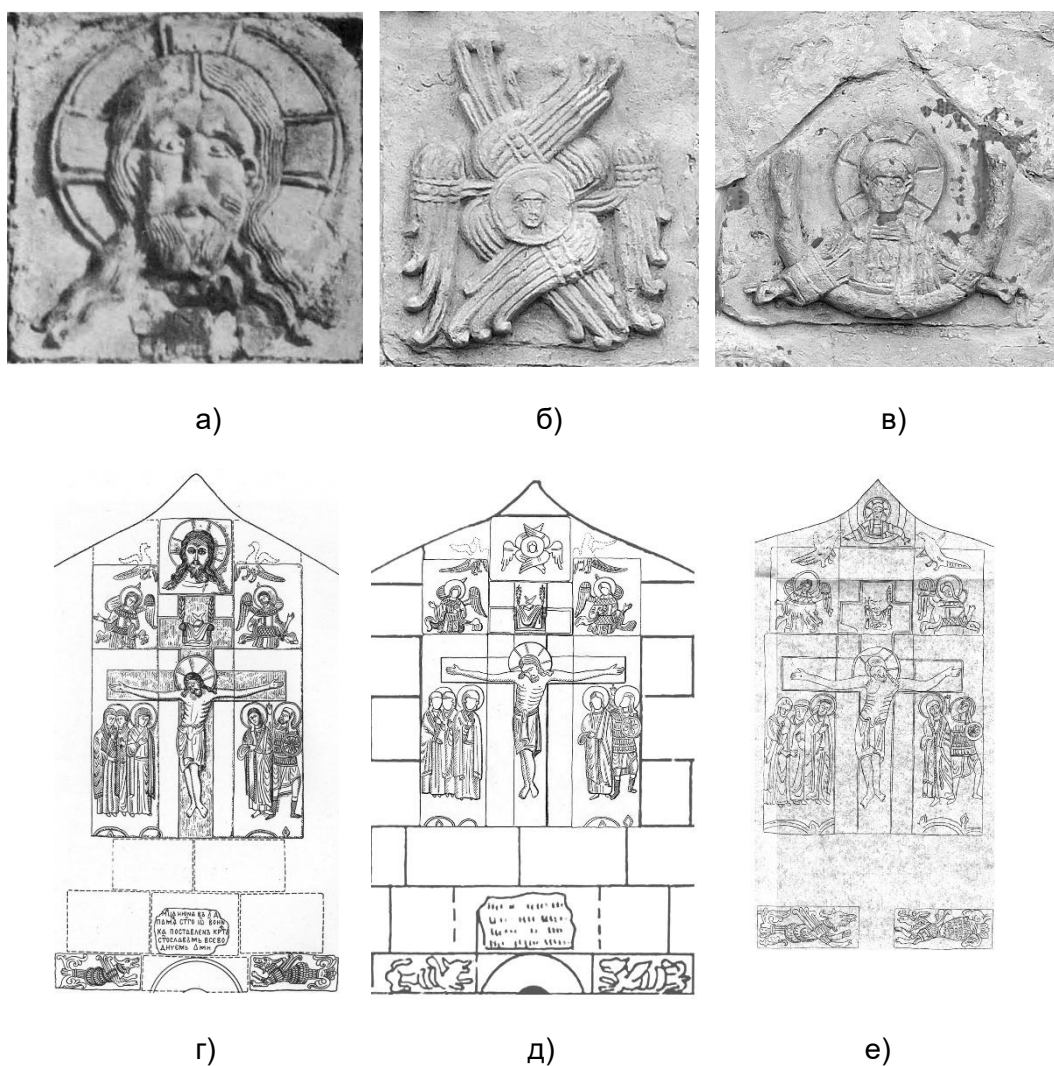
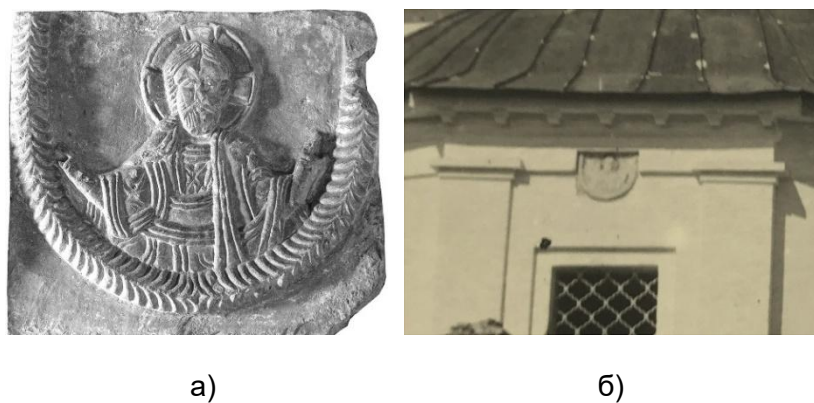

Рис. 5. Рельефы с южного фасада Георгиевского собора: а) Спас Нерукотворный; б) серафим; в) Бог Саваоф (Христос) благословляющий. Реконструкции композиции «Распятие»: г) по Н.Н. Воронину; д) по Г.К. Вагнеру; е) по А.В. Столетову

³⁵ Благовещение, Рождество Христово, Стретение Господне, Крещение Господне, Преображение Господне, Вход Господень в Иерусалим, Сошествие во Ад, Вознесение Христово, Успение Пресвятой Богородицы, а также Ветхозаветная Троица, архангелы Михаил и Гавриил.

³⁶ Курс лекций Е.Я. Зотовой, посвященный старообрядческим медным иконам. URL: <https://www.icon-art.info/phpBB2/viewtopic.php?t=154885> (дата обращения: 24.10.2024).

Рис. 6. Реконструкция «Распятия с предстоящими» с камнем из лапидария и киотные кресты старообрядцев: а) камень из лапидария Георгиевского собора; б) этот же камень над окном южной апсиды Троицкого храма 1809-1816 гг.; в) реконструкция Распятия с камнем из лапидария; г) киотный крест старообрядцев-поповцев из Гуслиц (XVIII-XIX вв.): над Распятием – Бог Отец в облаках и голубь как символ Святого Духа; д) киотный крест старообрядцев-беспоповцев из долины р. Выг (XVIII-XIX вв.): над Распятием – Спас Нерукотворный

Над Распятием, в зависимости от старообрядческого течения, или *согласия*, могло располагаться изображение либо Спас Нерукотворный (старообрядцы-беспоповцы) (рис. 6д), либо Бог Саваоф в облаках и Святой Дух в виде голубя, образуя вместе с Распятием образ Новозаветной Троицы (старообрядцы-поповцы)³⁷ (рис. 6г). Подчеркнём, что именно старообрядцы-поповцы занимались изготовлением литых киотных крестов с изображением Бога Саваофа на территории Гуслицкого края (часть современного Орехово-Зуевского района Московской области), расположенного на расстоянии 80 км от г. Юрьев-Польского. Можно предположить, что после церковного раскола середины XVII в. старообрядцы-поповцы сохранили иконографию Распятия с Георгиевского собора в рельефах на литых иконах как утверждение правоты своей позиции по отношению к древней обрядности. Поэтому мы предлагаем рассмотреть гипотезу, согласно которой над крестом Распятия располагался Бог Отец, или Бог Саваоф (по Столетову); но не тот рельеф, который был им выбран.

В лапидарии Юрьев-Польского музея хранится камень³⁸ с рельефом, который все исследователи рассматривали как изображение Христа, опираясь на присутствие крещатого нимба³⁹ (рис. 6а). Хотя крещатый нимб обычно указывает на Христа, известны многочисленные древние изображения, где крестообразный или крещатый нимб⁴⁰ использовался для обозначения всех трех ипостасей Святой Троицы и в том числе ягнёнка и голубя, как символических изображений Христа и Святого Духа. Как раз за 30 лет до

³⁷ Крест из бабушкиного сундука: Киотные кресты ч.2.

URL: https://www.olevs.ru/novgorodskoe_litje/static/kiotnye_mednolitye_kresty_2/ (дата обращения: 24.10.2024).

³⁸ П.Д. Барановский включил этот камень в свой вариант реконструкции композиции «Вознесение Господне».

³⁹ Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. С. 81.

⁴⁰ Нимб Бога Отца в форме восьмиконечной звезды появился только в XVI в. [28, с.105-106]. Этим, скорее всего, объясняется и присутствие восьмиконечного, а не крещатого нимба, на киотных крестах старообрядцев.

строительства Георгиевского Собора образ Бога Отца в крещатом нимбе, известный как «Ветхий денми», был изображен на фреске церкви Спаса на Нередице. Также важно, что и на одном из клейм Золотых врат в Суздале в сцене «Сотворение Адама» Бог Отец изображен с крещатым нимбом. Все это подтверждает правомочность рассмотрения этого рельефа как изображение Бога Отца в облаках, а резной полувал под изображением Бога Отца – как стилизованные облака.

Всё перечисленное даёт основание трактовать композицию Распятия как Новозаветную Троицу: Бог Отец в облаках, Бог Сын (распятый Христос) и Бог Дух Святой (голубь на Престоле Этимасии (рис. 6в), что идентично изображениям Новозаветной Троицы на киотных крестах старообрядцев-поповцев⁴¹ (рис. 6г).

Камень с рельефом Бога Отца по горизонтали имеет размер 54 см, камень с Этимасией – 50 см, в верхней его части имеется большой скол. Средний камень с Распятием расколот по нимбу Христа, и его ширина – 55 см. Между концами большой перекладки и краями камней, на которых она изображена, имеется свободное поле (рис. 4, 8). Вероятно, такое же поле было и над изображением Этимасией. Это даёт основания поднять камень с Богом Отцом в следующий ряд над ангелами, а боковые камни с ангелами подвинуть вплотную к среднему камню с Этимасией, что создаст конструктивную перевязку.

Тот факт, что при восстановлении собора в 1471 г. этот камень не попал на южный фасад, может указывать на то, что он присутствовал в частично сохранный композиции «Распятия», которую Ермолин разместил на западном фасаде храма. В 1650-е гг. при перемещении «Распятия с предстоящими» на шатровую колокольню (см. Таблицу) камень с Богом Саваофом, возможно, уже не был включен в композицию, так как не соответствовал позиции официальной Церкви после Раскола (об см. ниже). Как известно из материалов архивов Романова и Барановского, его поместили на фасад «тёплого» Троицкого храма⁴² (рис. 6б).

Обратим также внимание на важную деталь старообрядческих киотных крестов: на них верхняя часть занята серафимами, от двух до сонма (рис. 7ж,з). На фасадах Георгиевского собора находятся рельефы с изображениями 14 серафимов и херувимов⁴³ (рис. 7а-д). Логично предположить, что первоначально они могли принадлежать композиции Распятия. Дионисий Ареопagit пишет: «Первая Иерархия небесных Существ [серафимы и херувимы – С.К.] <...> находится непосредственно окрест Бога и близ Бога, просто и непрестанно устремлена в вечное познание Его»^{44,45}. Так считал и Столетов: «зодчие развивали эту композицию [Распятия – С.К.] как самое рельефное панно, сопровождая его фигурами херувимов, серафимов и прочих ангельских чинов», но, к сожалению, он не предложил графическую реконструкцию такой композиции. Добавим к этому, что изображения

⁴¹ Ценным указанием является также заметка К.К. Романова: «Над средним камнем, вверху, острый угол рамы заполнен штукатурным изображением скорбящего Бога Отца в облаках, типа работы XIX в.» [Романов К.К. «Святославов Крест» в г. Юрьеве Польском // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в императорской Археологической Комиссии 1886 / II 1911. СПб, 1911. С. 201]. Мы думаем, что это неслучайно, т.е. сохранилась память о том, что изображение Бога Отца было частью первоначальной композиции.

⁴² Камень с рельефом Бога Отца мог претерпеть изменения в связи с перемещением, как, например, верхняя часть могла быть срезана перед помещением в кладку Троицкого храма в начале XIX в. (рис. 6б).

⁴³ На южном и западном фасадах собора сейчас присутствуют шесть изображений херувимов и четыре серафимов. Также на западном притворе имеются два угловых камня пилястр с двумя серафимами и двумя херувимами.

⁴⁴ Дионисий Ареопagit. О небесной иерархии / Дионисий Ареопagit; [Подгот. древнегреч. текстов, рус. пер. и справ. материала М.Г. Ермаковой; Вступ. ст. Г.В. Флоровского, с. IX–XXXII]. Санкт-Петербург: Глаголь, 1997. 183 с.

⁴⁵ Пророк Исаия: «Вокруг него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис. 6:2-3).

серафимов и херувимов в иконографии часто сопровождают Этимасию, голгофский Крест и Распятие, как, например, на Оленецком тябле XIII в. (рис. 7и) [22, с.386].

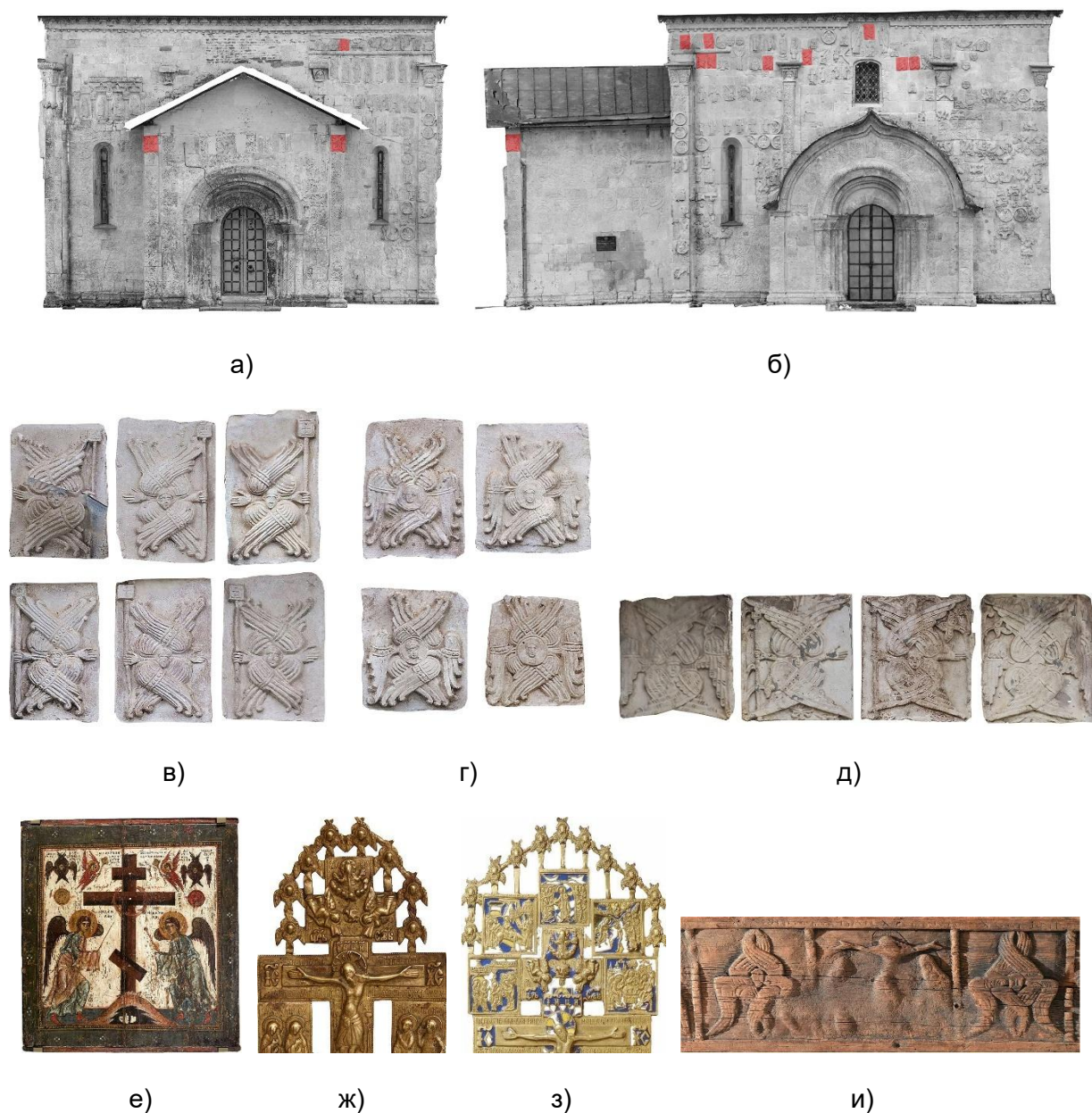

Рис. 7. Серафимы и херувимы на фасадах Георгиевского собора: а) западный фасад; б) южный фасад четверика собора и западный притвор с выделенными красным цветом расположенными на них херувимами и серафимами; в) каждый херувим держит в руке (трое – в левой, трое – в правой) жезл с гладким стволом и вверху с крестом в квадрате; г) четыре серафима; д) серафимы и херувимы на угловых пилястрах западного притвора (оба херувима держат жезлы в правой руке); е) серафимы и херувимы окружают Крест, «Поклонение кресту» (Новгородская икона, XII в.); ж) восемь серафимов вокруг Бога Отца (киотный крест старообрядцев, XVIII в.); з) одиннадцать серафимов на киотном кресте XVIII-XIX вв.; и) Оленецкое деревянное тябло, фрагмент (XIII в.)

Вопрос о том, входили ли серафимы или херувимы в другие фасадные композиции собора, остаётся открытым. По крайней мере, в канонических композициях⁴⁶, предложенных исследователями собора, им места не находится⁴⁷.

Учитывая перечисленные выше соображения, мы предлагаем рассмотреть следующий вариант композиции Распятия в тимпане собора (рис. 8). В этом варианте в композицию входят: само Распятие с предстоящими, изображение Бога Отца над ним, а также херувимы и серафимы по абрису закомары, которые, исходя из порядовки камней, образовывали вокруг Распятия своего рода арку, как на киотных крестах (рис. 8).

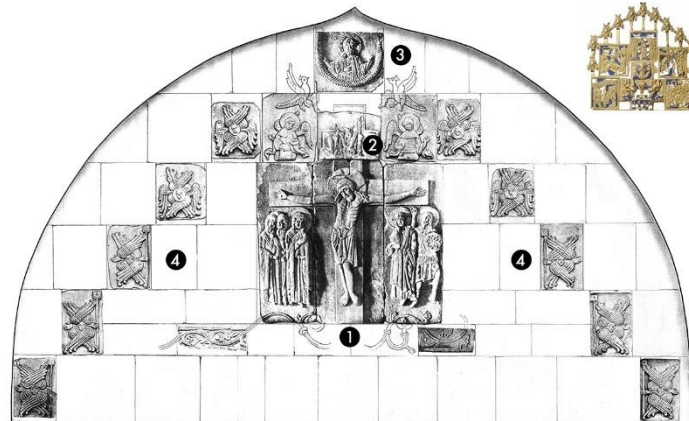

Рис. 8. Реконструкция тимпана западного притвора Георгиевского собора (вверху справа – фрагмент киотного креста с серафимами): 1 – Распятие с предстоящими; 2 – Этимасия с Евангелием и голубем; 3 – Бог Отец в облаках; 4 – сонм херувимов и серафимов

V. Версии первоначального расположения Распятия

По поводу первоначального расположения Распятия на фасадах Георгиевского собора выдвигались разные гипотезы. Вагнер и Воронин считали, что «Распятие с предстоящими» находилось в центральной закомаре северного фасада, который они рассматривали как главный (рис. 9а). Столетов помещал эту композицию в центральной закомаре западного фасада (рис. 9б).

Мнение Столетова разделял Кавельмахер: «Реконструируя собор 1234 г., В. Ермолин <...> поставил «Распятие» в новом соборе на ту сторону, где оно стояло прежде [19, с.187-188]», то есть на западную сторону, в центральную закомару. К этому выводу Кавельмахер пришёл, проанализировав тимпаны трёх центральных закомар и исключив закомары северного и южного фасадов. О помещении Распятия на западном фасаде при восстановлении собора Ермолиным пишет и Романов.

⁴⁶ «Вознесение», «Преображение», «Оранта с предстоящими», «Ветхозаветная Троица», «Даниил во рву львином», «Семь спящих отроков эфесских», «Три отрока в печи огненной» и «Вознесение Александра Македонского».

⁴⁷ Г.К. Вагнер размещает шесть херувимов на четырёх сторонах постамента барабана [Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. С. 90, рис. 40], но это представляется спорным, учитывая их хорошую сохранность после обрушения верхних частей собора.

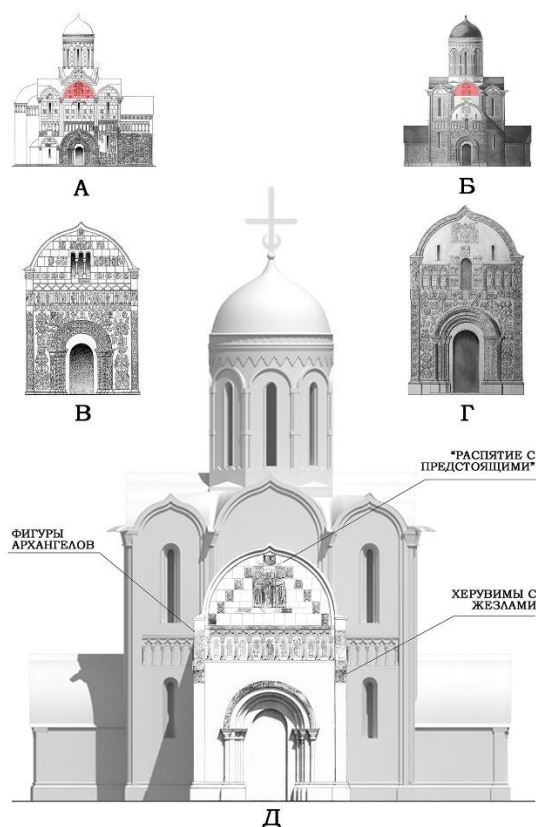

Рис. 9. Реконструкция западного фасада западного притвора: а) реконструкции фасадов Георгиевского собора XIII в.: а) северного фасада по Г. К. Вагнеру; б) западного фасада по А.В. Столетову. Положение Распятия в закомарах выделено красным. Реконструкции западного фасада западного притвора: в) по Г.К. Вагнеру; г) по А.В. Столетову; д) реконструкция общих форм западного фасада собора по А.В. Столетову с реконструкцией западного фасада западного притвора по версии авторов статьи

Версия Столетова, Кавельмахера и Романова о размещении Распятия на западной стороне собора более обоснована, чем версия Вагнера и Воронина, по следующим причинам. Святой Иоанн Дамаскин прямо указывает на то, что распятый Христос был обращён лицом на запад⁴⁸ – именно поэтому кресты на куполах христианских храмов ориентированы так же. Маловероятно, что крест на главе и Распятие были перпендикулярны друг другу. В западноевропейских соборах в большинстве случаев Распятие находится именно на западном фасаде. В армянском храме в Гандзасаре (рис. 2д) Распятие тоже расположено на западном фасаде.

Представляется неслучайным, что при восстановлении собора в 1471 г. Распятие разместили в центральной закомаре западного фасада, а после перестройки в XVII в. композицию Распятия переносят на западный фасад шатровой колокольни. Это, по всей видимости, также связано с первоначальным расположением композиции.

Здесь важно отметить, что на западной стороне собора есть два места, потенциально подходящих для Распятия: одно, как говорилось выше – в центральной закомаре четверика, а другое – в тимпане западного притвора. Хотя никто из исследователей не помещал Распятие во второе, мы предлагаем рассмотреть именно этот вариант. Он представляется наиболее убедительным по следующим соображениям.

⁴⁸ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. 6-е изд. Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2019. 591 с.

В западноевропейских соборах Распятие располагается в тимпанах западных фасадов непосредственно над входными порталами, которые считаются главными (рис. 1). Такое размещение Распятия соответствует его статусу главной храмовой иконы. В тимпане притвора она более доступна для созерцания и поклонения, нежели на высоте центральной закомары западного фасада, тем более что высокий притвор ограничивал бы её визуальное восприятие. Возможно, что предложенное Романовым «молитвенное обращение к Распятию как к надвходной иконе»⁴⁹, когда оно находилось на фасаде шатровой колокольни XVII в., началось уже в 1234 г., когда собор построили. О том же пишет Ф. Галле: «Распятие, будучи когда-то расположенным над главным входом, <...> служило символом, означая, что Христос – путь к спасению»⁵⁰.

Цитируя И.М. Снегирёва и И.А. Шляпкина, Кавельмахер пишет, что «в течение какого-то, не очень длительного времени «Распятие с предстоящими» стояло на западном фасаде восьмигранной шатровой колокольни, возведенной на рубеже XVII-XVIII вв. на сводах западного притвора – прямо над дверью [19, с.187]», то есть было доступно и удобно для обозрения.

Отметим, что функциональное назначение второго этажа западного притвора до сих пор является предметом дискуссий. Вагнер и Столетов предполагали, что первоначально во втором ярусе западного притвора находилась т.н. «княжеская ложа». В своём варианте графической реконструкции первоначального облика собора Вагнер размещает там парадное трифорийное окно, а над ним – композицию «Оранта с предстоящими»⁵¹ (рис. 9в). Столетов считал, что по центру фасада второго яруса западного притвора была небольшая наружная дверь для входа в «княжескую ложу», причём снаружи имелась некая деревянная конструкция (лестница?) для подъёма наверх, от которой, по его мнению, сохранились пазы, ныне заделанные кирпичом. Вокруг дверного проёма он разместил композицию «Семь спящих отроков Эфесских» и над ней – композицию «Покров»⁵² (рис. 9г).

Вагнер выступал решительно против гипотезы Столетова: «Деревянная лестница над главным западным входом в собор – вещь, из ряда вон выходящая!»⁵³; он полагал, что в описанные выше пазы были вставлены рельефы пятифигурного деисуса, в настоящее время хранящиеся в лапидарии Юрьев-Польского музея. Очевидно, что выяснить происхождение этих пазов поможет только дальнейшее археологическое изучение западного притвора.

Против версии о «княжеской ложе» высказался Кавельмахер, который полагал, что во втором ярусе западного притвора помещалась ризница: «Это была, скорее всего, ризница, куда попадали по приставной лестнице изнутри церкви» [19, с.196]. Гипотеза Кавельмахера более убедительна, так как в стене центрального западного прясла основного объёма храма имеется небольшой проём, ведущий на второй ярус западного притвора. Происхождение и датировка этого проёма не установлены. Можно предположить, что поскольку он невелик и расположен в прясле и несимметрично, его роль сугубо «служебная»; это подтверждается и отсутствием внутрстенной каменной лестницы во второй ярус западного притвора, подобной лестнице в Богородице-Рождественском соборе в Суздале, ведущей на хоры.

⁴⁹ Романов К.К. «Святославов Крест» в г. Юрьеве Польском // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в императорской Археологической Комиссии 1886 I/II 1911. Санкт-Петербург, 1911. С. 210.

⁵⁰ Halle F.W. Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal. Russische Romanik. Berlin-Wien-Zürich: E. Wasmuth, 1929. P. 65.

⁵¹ Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. 188 с.

⁵² Столетов А.В. Георгиевский собор города Юрьева-Польского XIII века и его реконструкция // Из истории реставрации памятников культуры. Москва: Советская Россия, 1974.

Столетов А.В. Рецензия на кн.: Вагнер Г.К. «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (г. Юрьев-Польский)». Москва, 1964 // Советская археология. 1967. №2. С. 268-276.

⁵³ Вагнер Г.К. По поводу рецензии А.В. Столетова // Советская археология. 1967. №2. С. 276-278.

Если же второй ярус западного притвора служил ризницей, то есть хранилищем особо ценных предметов, как полагает Кавельмахер, то вопрос о трифорийном окне (версия Вагнера) или о наружной двери в притвор (версия Столетова) сам собой решается в пользу отсутствия каких-либо проёмов в центре тимпана, и тем самым его пространство полностью освобождается для композиции Распятия (рис. 9д).

Подчеркнём, что все камни Распятия сохранились практически полностью, за исключением камней с изображением птичьих голов, а при падении с большой высоты такое вряд ли возможно. Кавельмахер, вслед за С.Г. Щербовым⁵⁴, объяснял хорошую сохранность камней Распятия тем, что Ермолин разобрал второй ярус западного притвора, по-видимому, несильно пострадавший, но восстанавливать притвор в первоначальных габаритах не стал, так как иначе пришлось бы восстанавливать в прежних размерах весь собор, что было для него по всей видимости неисполнимо⁵⁵.

Поскольку Ермолин, разобрав второй ярус западного притвора, не восстановил его, он поставил Распятие в центральную закомару «укороченного» по высоте западного фасада четверика в следующей компоновке: «Распятие с Предстоящими», Бог Отец, и, возможно, серафим и два херувима, которые сейчас находятся в кладке XVIII в. Ко всей этой композиции были присоединены фигуры двух святителей (см. Таблицу). Остальных персонажей Ермолин разместил в кладке южного фасада четверика, как и двух больших архангелов с пилястр.

В пользу того, что композиция Распятия находилась в тимпане западного притвора, свидетельствуют два угловых камня на пилястрах этого притвора с изображением херувимов с жезлами в правой руке на западной (лицевой) стороне и серафимов на боковых сторонах. Композиционно это единое целое с серафимами и херувимами в предлагаемой нами сюжетной композиции тимпана. Оба камня находятся *in situ*, другого места на фасадах собора им нет. По тем же соображениям следует присоединить к композиции Распятия рельефы двух больших архангелов. Один из них, с архангелом, смотрящим вправо, вставлен Ермолиным на юго-западный угол четверика, а другой, с архангелом, смотрящим влево – на западный фасад. Барановский в своей реконструкции ставит их на пилястры западного притвора на основании того, что на боковой стороне камня с изображением архангела, располагающегося сейчас на западном фасаде, имеется резьба, уходящая в глубь стены⁵⁶, то есть, это тоже угловой камень, а его ширина соответствует ширине пилястры западного притвора. Щербов⁵⁷, Вагнер⁵⁸ и Столетов⁵⁹ приняли гипотезу Барановского. Таким образом, расположенные на пилястрах серафимы и херувимы и два архангела являются элементами общей сюжетной композиции западного притвора, то есть Распятия (рис. 9), и другого места им нет, так как других подобных пилястр не было.

С церковным расколом 1552-1655 гг. на Руси можно связать судьбу изображений упомянутых выше херувимов на пилястрах западного притвора, держащих в руке,

⁵⁴ Щербов С.Г. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (XIII век): диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.00. Москва, 1953. С. 62.

⁵⁵ То, что Ермолин не намеревался восстановить разрозненные при разрушении и разборке собора композиции, говорят, например, камни «Преображения Господня», которые поставили в кладку в непосредственной близости друг от друга, но перепутали. Их совместимость очевидна даже сегодня по характерному контуру мандорлы Христа.

⁵⁶ Архив ГНИМА им. А.В. Щусева. Ф. 14. Оп. 11. Д. 73.

⁵⁷ Щербов С.Г. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (XIII век): диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.00. Москва, 1953. С. 62.

⁵⁸ Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. Москва: Наука, 1964. С. 86.

⁵⁹ ГАВО. Ф. Р-8нтд. Оп. 1. Д. 303. Л. 17.

предположительно, стилизованные орудия Страстей – губки и копья⁶⁰. Основанием для того служат: форма навершия жезлов⁶¹ в руках херувимов (рис. 10а,б) и насечки на стволе, имитирующие, по всей видимости, тростник или иссоп (Мф. 27:48; Ин. 19:29) (в отличие от гладких стволов жезлов с четырёхконечным крестиком в квадрате наверху (рис. 10в), которые несут шесть херувимов на фасадах собора). Кроме того, оба херувима на пилястрах западного притвора держат жезл в правой руке, что нарушает симметрию, являющуюся основным композиционным приёмом. Возможно, что это нарушение симметрии неслучайно, а оба херувима своими жезлами указывают направление движения, то есть направо после выхода из западных дверей церкви – вероятно, в связи с тем, что крестный ход шёл «пóсолонь» (букв. «по солнцу»). Такое направление движения процессии согласуется со «старым» обрядом, который был отменён реформами патриарха Никона 1652-1653 гг. и решением Большого Московского собора 1666-1667 гг., изменившим направление крестного хода «посолонь» на противоположное, то есть налево, что стало одной из причин раскола Русской православной церкви. Георгиевский собор, таким образом, продолжает нести на своих стенах свидетельство старого обряда.

а)

б)

в)

г)

д)

Рис. 10. Орудия страстей: а) деталь левого херувима с губкой на тростнике в правой руке, видны насечки на стволе; б) деталь правого херувима с копьём в правой руке; в) деталь херувима с южного фасада, держащего жезл с гладким древком и квадратным навершием с крестом; г) южный фасад Георгиевского собора с пристройкой к западному притвору (фрагмент карты города перв. пол. XVIII в.); д) Георгиевский собор с пристроенной колокольней 1781 г. фото И.Ф. Барщевского (1886)

⁶⁰ Замена жезлов-рипид в руках ангелов на орудия Страстей встречается нередко – например, на новгородской иконе «Поклонение Кресту» (рис. 7е).

⁶¹ М.Г. Гладкая увидела в этом «древко лабарума с начертанным на нём мерным рядом насечек-врезов в виде кавычек (запятых), имитацией некоего текста» [22, с.392].

Тем, что херувимы первоначально указывали направление крестного хода «посолонь», можно объяснить также появление перед западным притвором сначала временной крытой паперти в XVII в. (см. Таблицу и рис. 10г) и постройку новой колокольни в 1781 г. (рис. 10д), которую в 1920-х гг. разобрал Барановский, заменив шатровую колокольню, просуществовавшую всего менее ста лет. Столь монументальное сооружение возвели вплотную к фасаду западного притвора вряд ли из-за ветхости относительно нестарой постройки. Колокольня закрыла собой херувимов на пилястрах западного притвора и тем самым – память о старом обряде крестного хода «посолонь».

VI. Тема Новозаветной Троицы в композиции Распятия

Дошедшее до наших дней «Распятие с предстоящими», т.н. «Святославов Крест», Георгиевского собора в Юрьеве-Польском уникально для всего христианского мира, а в православии – это единственная известная монументальная скульптура Распятия в наружном рельефном декоре собора. Даже в сложнейшей иконографической программе резьбы Георгиевского собора Распятие выделяется своей невероятной смысловой насыщенностью; в своё время это была самая значимая икона над главным входом в собор.

Вагнер пишет: «Хотя на первый взгляд Распятие и воспроизводит обычную византийскую схему, оно отличается очень сложными особенностями. Например, вверху креста изображена необычная для этого места Этимасия»^{62,63}.

Традиционно, Этимасия служит «Престолом Уготованным» Второго Пришествия Христа для свершения Страшного Суда. В данной композиции Этимасия, возможно, ещё и символизирует Троицу: престол олицетворяет Бога Отца, книга Евангелия – Христа, а голубь символизирует Святой Дух⁶⁴ (рис. 10а-в). Две пальмовые ветви, поднимающиеся вверх от основания боковых поручней Престола, возможно, подчёркивают триумф Христа, а павлины вверху символизируют Его бессмертие, обновление и воскресение.

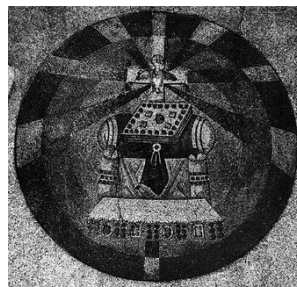
Ещё более усложняя эту иконографию, над Этимасией, как мы предполагаем, находился рельеф с изображением Бога Отца в облаках, окружённого серафимами и херувимами. Вместе с сидящим на Евангелии голубем, символизирующим Святой Дух, и распятым на кресте Христом это образовывало изображение Новозаветной Святой Троицы. Тем самым создавался ещё один слой восприятия, придавая всей картине необычайную глубину.

а)

б)

в)

⁶² Вагнер Г.К. Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М.: Искусство, 1966. С. 50.

⁶³ Известен Херсонесский крест, датируемый началом XIII в., на котором Этимасия венчает Распятие [23].

⁶⁴ Г. Шиллер: «В разрушенном сегодня храме Коймесиса в Никее была мозаика VIII в., на которой был изображен голубь над книгой Евангелия, находящейся на троне, в вертикальном положении посреди светового креста, из которого восемь разноцветных лучей проникали в синий внешний край Глориолы, окружающей трон <...> вероятно, здесь на престоле можно увидеть символ Троицы: как престол славы <...> он будет относиться к Богу Отцу, как <...> книга <...> к Христу и как <...> голубь – к Святому Духу в этой интерпретации». [Schiller G. Ikonographie der christlichen Kunst. Bd. 3: Die Auferstehung und Erhöhung Christi. Gutersloh: Mohn, 1971. P. 197] (рис. 10в).

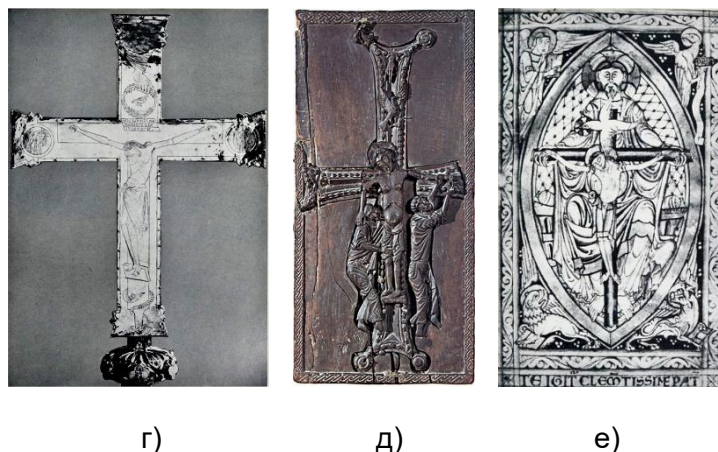

Рис. 11. Этимасия и примеры совмещения иконографии Распятия и Троицы: а) б) Этимасия на Распятии Георгиевского собора; в) Этимасия как символ Троицы, мозаика храма Коймесис, Никея (VIII в.); Первые примеры совмещения Распятия и Троицы: г) Обратная сторона Креста Лотаря из сокровищницы Ахенского собора, Ахен, Германия (930); д) Снятие с Креста, Византия (976); е) Престол Благодати: Миссал Камбре, Франция (1120)

Таким образом, в композиции «Распятие с предстоящими» Георгиевского собора объединяются несколько иконографических сюжетов, значение и взаимосвязь которых усиливаются благодаря собственной символике Креста⁶⁵. Это же было замечено Ю.А. Фёдоровым и в киотных крестах старообрядцев [24].

Примером подобной иконографической программы является иконография иконы «Устюжское Благовещение» (1120-1130) из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде, где в сцене Благовещения перекрещиваются образы Христа – Ветхого Денми с Младенцем Эммануилом, где «очевидна ассоциация с Распятием» и с образом Святой Троицы [9].

Сама идея соединения Распятия с символическими изображениями Бога Отца и Святого Духа и создание тем самым образа Троицы в сочетании с образом жертвенной Смерти Христа на Кресте могла прийти как из Западной Европы, так и из Византии. Согласно Г. Шиллер, первый пример такого соединения – оборотная сторона креста Лотаря (930), где над Распятием изображена рука Бога, держащая венок, а внутри венка – голубь как символ Святого Духа (рис. 11г); позже рука Бога была заменена фигурой Бога Отца. В Западной Европе сочетание этой темы с Распятием широко распространилось в виде так называемого «Престола Благодати» – вначале на миниатюрах литургических книг и рельефах портативных распятий⁶⁶, а затем в монументальной живописи и скульптуре⁶⁷.

⁶⁵ Рельеф Распятия создан по принципу иконы: здесь нет трёхмерного пространства, и господствует другой иконографический принцип – переход к многомерному пространству вечности, отображение духовности абстрактными методами, системой символов.

⁶⁶ Г. Шиллер: «Самым ранним из сохранившихся примеров является миссал начала XII в. из Камбре. Миниатюра в миссале Камбре изображает Бога Отца восседающим на троне в мандорле. За головой у него крест-нимб; <...>. Обеими руками Он держит Крест Сына. Голубь символизирует Святого Духа и поэтому также носит крестообразный нимб; <...>. В этой миниатюре сходятся несколько идей: Бог Отец принял жертву Своего Сына; Он ещё раз принял в Свою славу Сына, умершего на Кресте за человечество; и Он показывает Его человечеству как средство искупления, посредством которого они будут искуплены...» [Schiller, G. Iconography of Christian art. Vol. 2. London: Lund Humphries, 1972. P. 122] [Schiller, G. Iconography of Christian art. Vol. 2. London: Lund Humphries, 1972. Илл. 411, 409] (рис. 11е).

⁶⁷ Пример – фреска Trinité verticale de Masaccio, à Santa Maria Novella.; скульптура-Gnadenstuhl; Gertraudenhospital Berlin, Anfang 16. Jht.; Märkisches Museum Berlin.

Иконография, близкая «Престолу благодати», называемая «Христос распятый в Лоне Отчем» появилась на короткое время и на Руси в XVI в. Сама же идея Новозаветной Троицы – Бога Отца, Святого Духа в виде голубя и Бога Сына в иконографическом типе Спаса Эммануила – воплощалась с XIV в. на иконах «Отечество» и «Единородный Сыне»⁶⁸. Эта иконография была запрещена на Большом Московском соборе 1666-1667 гг.⁶⁹

В Византии идея объединения Троицы и Распятия также была известна уже в X в., например, на деревянном распятии «Снятие с Креста» X в. из монастыря Авуц Тар, на котором над распятым Христом изображены Десница Божия и Святой Дух [25, с. 116] (рис. 11д).

Отметим, что в Армянской апостольской церкви есть пример подобной сложной иконографии. В монастырском комплексе Нораванк (кон. XIII в.) тимпан окна, расположенного над дверью, ведущей в гавит храма, украшен барельефом с изображением Бога Отца в образе Ветхого Денми, правой рукой благословляющего небольшое «Распятие с предстоящими» (рис. 2з), а в левой держащего главу Адама [25, с.116]. Присутствие в композиции голубя в крещатом нимбе [26, с.10] позволяет называть этот рельеф «Нораванкская Троица». Заслуживает особого внимания также композиция на тему Новозаветной Троицы в тимпане храма XIV в. монастыря Святого Варфоломея в Васпуракане⁷⁰ (рис. 2г).

В Георгиевском соборе, построенном в 1230-1234 гг., эти идеи получили максимальное развитие. Особое внимание создателей храма к идее триединства Бога подчёркивается, в частности, тем, что на соборе имеется еще одна Троица – Ветхозаветная⁷¹, которая сохранилась почти полностью; в древности она располагалась, по некоторым гипотезам, на Троицком приделе, служившем впоследствии усыпальницей юрьевских князей⁷². Таким образом, по замыслу авторов иконографической программы скульптурного декора собора⁷³ в ней объединились идеи Ветхого и Нового Заветов: имеются изображения сразу трёх Троиц – Ветхозаветной и двух Новозаветных.

Две Троицы – Ветхозаветная и Новозаветная – впоследствии изображались вместе и на киотных крестах старообрядцев-поповцев, продолжая иконографическую традицию совмещения Распятия и Троицы.

⁶⁸ Кондаков Н.П. Русская икона. Прага: Seminarium kondakovianum, 1928-1933. Т. IV, с. 278-279.

⁶⁹ Н.В. Покровский: «Запрещение это, впрочем, несмотря на его решительный характер, не имело соответствующих практических последствий. Как до собора, так и после него русские живописцы изображали Бога Отца в виде старца и на иконах, и в стенописях...» [Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник / ОЛДП; Вып. 2. Санкт-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 106].

⁷⁰ Изображение темы Новозаветной Троицы в тимпане западного фасада храма в Васпуракане: Бог Отец держит в правой руке младенца Христа (Спас Эммануил), а на его левом локте сидит голубь Святого Духа, XIV в. [3, илл. 123].

⁷¹ «Св. Троица ветхозаветная: три ангела сидят за прямоугольным столом, на котором поставлены сосуды с яствами. По одну сторону стола Авраам с блюдом в руках, по другую – Сарра с тремя хлебами <...> композиции эти унаследованы русскими мастерами от византийцев, начало их восходит, по крайней мере, к VI в.» [Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник / ОЛДП; Н. В. Покровского. Вып. 2. Санкт-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 100].

«Св. Троица, или Отечество [Новозаветная]: изображён Бог Отец в виде старца, <...> в восьмиугольном нимбе, с благословляющею десницей. В недрах Его Сын Божий Эммануил <...>, с благословляющими руками; над главой Сына Божия – Св. Дух в виде голубя» [Покровский Н.В. Сийский иконописный подлинник / ОЛДП; Вып. 2. Санкт-Петербург: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 104-106].

⁷² Точная дата постройки Троицкого придела неизвестна – при жизни Святослава III Всеволодовича или уже после его смерти (1252) [29], и был ли он украшен рельефами, тоже неизвестно.

⁷³ Вероятнее всего, создание композиции «Распятия» руководил и был её идейным вдохновителем епископ Митрофан (в сане: 1227-1238), погибший вместе с княжеской семьёй в Успенском соборе 7 февраля 1238 г. при нашествии Батыя. Несомненна и роль великих владими́ро-суздальских князей Всеволодовичей в разработке этой программы.

Заключение

Итак, подводя итог вышесказанному, ещё раз подчеркнём, что композиция «Распятие с предстоящими», первоначально расположенная над главным западным входом в Георгиевский собор как надвратная икона, является самой важной, самой сложной, центральной композицией иконографической программы всего Георгиевского собора.

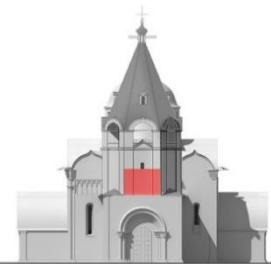

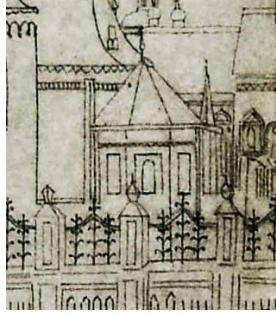

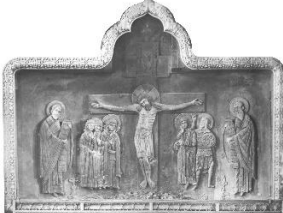
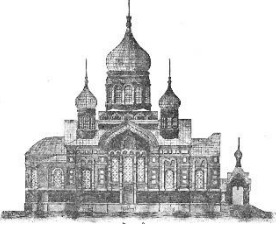
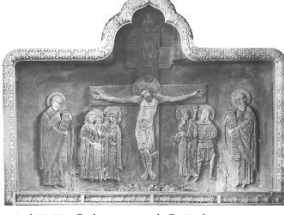

Идея объединения двух главных тем христианства, а именно трёх ипостасей Бога и жертвенности Христа, в Новозаветной Троице в виде Бога Отца, Святого Духа и распятого Христа, была, возможно (по нашим предположениям), первой на Руси. Эта идея нашла свое продолжение в киотных крестах старообрядцев-поповцев. Расположение Распятия над главным западным входом Георгиевского собора уникально для православного мира и может в дальнейшем стать ключом к пониманию всей иконографической программы храма.

Если наша гипотеза верна или по крайней мере вероятна, то её подтверждение внесёт существенный вклад в двухсотлетние попытки разгадать первоначальный облик Георгиевского собора XIII в., а значит, следует проверить её археологически. К сожалению, комплексные исследования прекратились со смертью Столетова почти шестьдесят лет назад. В настоящее время благодаря изучению и систематизации всего исследовательского материала по Георгиевскому собору, включая ранее не известные архивные материалы Барановского и Столетова имеется достаточно данных, чтобы составить программу археологических изысканий для проверки этих предположений.

Эта программа позволит пересмотреть сам подход к реставрации собора, которая в настоящий момент ведётся без разработанного Генерального проекта реставрации [27, с.93] и сводится в последние десятилетия лишь к необоснованной научно консервации всех многовековых наслоений (в том числе возникших в ходе ремонтов XX в., не имеющих ни исторической, ни художественной ценности [28]), на некогда самом прекрасном и значимом шедевре всей русской архитектуры и монументального искусства.

Таблица. 1. Хронология перемещения «Распятия с Предстоящими» Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и трансформация иконографии в результате перемещений (красным цветом выделено гипотетическое место расположения сюжетной композиции на фасаде Георгиевского собора)

Дата	Место размещения (гипотеза)	Иконография (гипотеза)
<p>1234</p> 	<p>Тимпан западного притвора собора</p>	 <p>$4(P) + 2(A) + 1(BO) + 10(XC) =$ 17 камней</p>
<p>1471</p> 	<p>Центральная закомара западного фасада; на южном фасаде – серафимы и херувимы, ангелы.</p>	 <p>$4(P) + 1(BO) + 3(XC) + 2(CB) =$ 10 камней</p>

<p>1650-е гг.⁷⁴</p> 	<p>Западный фасад шатровой колокольни над западным притвором.</p>	 <p>$4(P) + 2(СВ) = 6$ камней</p>
 <p>1781–1810-е</p>	<p>Внутри часовни Креста при соборе</p>	 <p>$4(P) + 2(СВ) = 6$ камней</p>
 <p>1809/1823–1913</p>	<p>Внутри Крестовоздвиженского придела⁷⁵</p>	 <p>$4(P) + 1(ГБО) + 2(СВ) = 7$ камней⁷⁶</p>
 <p>1913–1920-е</p>	<p>В стене у иконостаса Троицкого собора 1908–1913 гг.</p>	 <p>$4(P) + 1(ГБО) + 2(СВ) = 7$ камней</p>
 <p>1923/1929–2025</p>	<p>Лапидарий в интерьере Георгиевского собора</p>	 <p>$4(P) = 4$ камня⁷⁷</p>

Условные обозначения: P – Распятие; БО – Бог Отец; А – ангелы; ХС – херувимы и серафимы; СВ – святители; ГБО – гипсовый Бог Отец

⁷⁴ В 1652-1667 гг. прошли реформы патриарха Никона и Большой Московский собор, приведшие к Великому расколу Русской православной церкви.

⁷⁵ Бог Отец – в кладке апсиды тёплого Троицкого храма

⁷⁶ Изображение т.н. «Святославова креста» в киоте взято с фотографии И.Ф. Барщевского.

⁷⁷ От камня с фигурой Христа, вероятно, позже был отделён маленький фрагмент, поэтому в настоящее время композиция Распятия состоит фактически из пяти камней.

Авторы выражают глубокую признательность доценту Ереванского государственного университета, кандидату искусствоведения З. А. Акопян за консультации по архитектуре Армении VI-XIV вв. и З. Кожановой за помощь в редакции текста статьи.

Источники иллюстраций

Рис. 1 а) URL: <https://www.monestirs.cat/monst/annex/fran/llenq/cgeli00.htm> (дата обращения: 29.10.2024); б) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f0/Carpi%2C_Sagra_Lunetta.JPG (дата обращения: 29.10.2024); в) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/35/Santa_Maria_de_Siurana_-_Portalada.JPG (дата обращения: 29.10.2024); г) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/23/Johanniskirche_Schw%C3%A4bisch_Gm%C3%BCnd_Portal_Tympanon.jpg (дата обращения: 29.10.2024).

Рис. 2 а) фото А. А. Карташовой; б) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b3/Nikortsminda_%2819%29.jpg (дата обращения: 29.10.2024); в) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9b/Trabzon_Hagia_Sophia_Decoration_exterior_4891.jpg (дата обращения: 30.10.2024); г) URL: https://ic.pics.livejournal.com/maximus101/19795028/587478/587478_original.jpg (дата обращения: 30.10.2024); д) URL: <https://www.flickr.com/photos/askrobotov/51168418371/in/photostream/> (дата обращения: 30.10.2024); е) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/cb/Amenaprkich_khatchkar%2C_Haghpat_monastery.jpg (дата обращения: 30.10.2024); ж) [1]; з) URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/21/513_Noravank_Sculpture_entr%C3%A9e_%C3%A9glise_Sainte-M%3%A8re_de_Dieu.JPG (дата обращения: 30.10.2024).

Рис. 3 а) URL: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=1017 (дата обращения: 30.10.2024); б) URL: <https://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=8925> (дата обращения: 30.10.2024); в) URL: https://middleages.totalarch.com/frescoes_savior_nereditsa (дата обращения: 30.10.2024); г) URL: http://temples.ru/show_picture.php?PictureID=155055 (дата обращения: 30.10.2024).

Рис. 4. URL: https://middleages.totalarch.com/sites/default/files/gallery/treasures_mediaeval_russia_108.jpg (дата обращения: 30.10.2024) в авторской интерпретации.

Рис. 5 а) [6]; б) в) ортофотоплан ФГУП ЦНРПМ; г) [8]; д) [6]; е) ГАВО. Ф. Р-8нтд. Оп. 1. Д. 303. Л. 20.

Рис. 6 а) URL: http://temples.ru/show_picture.php?PictureID=141837 (дата обращения: 30.10.2024); б) Архив ГНИМА им. А. В. Щусева. Ф. 14. Оп. 11. Д. 82. Л. 25об.; в) URL: https://middleages.totalarch.com/sites/default/files/gallery/treasures_mediaeval_russia_108.jpg (дата обращения: 30.10.2024) в авторской интерпретации; г) URL: <https://www.olevs.ru/images/kresty/R12.3.jpg> (дата обращения: 30.10.2024); д) URL: <https://www.olevs.ru/images/kresty/R11.1.jpg> (дата обращения: 30.10.2024).

Рис. 7 а) б) ортофотоплан ФГУП ЦНРПМ (в авторской интерпретации); в)–д) ортофотоплан ФГУП ЦНРПМ; е) URL: <https://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=529> (дата обращения: 30.10.2024); ж) URL: <https://www.1939.ru/starinniy-bronzoviy-krest-raspyatie-hristovo-s-predstoyashimi-svyatimi-i-heruvimami-russkoe-mednoe-lite-xviii-vek> (дата обращения: 30.10.2024); з) URL: <https://www.olevs.ru/images/kresty/R15.2.jpg> (дата обращения: 30.10.2024); и) URL: <https://ru.pinterest.com/pin/xiii--322288917097954803/> (дата обращения: 11.01.2025).

Рис. 8. Иллюстрация авторов.

Рис. 9. а) [4, С.13]; б) ГАВО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 387. Л. 2; в) [4, С. 12]; г) ГАВО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 387. Л. 2; д) Иллюстрация авторов.

Рис. 10 а) [8]; б) URL: https://middleages.totalarch.com/sites/default/files/gallery/treasures_mediaeval_russia_108.jpg (дата обращения: 30.10.2024); в) URL: https://static.wixstatic.com/media/37d0c7_a72957b8bae341619a12bfbd26d35c20~mv2_d_2000

[_2648_s_2.jpg/v1/fill/w_534.h_706.al_c.q_85.usm_0.66_1.00_0.01.enc_auto/Hetoimasia.jpg](#) (дата обращения: 30.10.2024); г) [57]; д) URL: <https://www.sacredtradition.am/pic/p090004.jpg> (дата обращения: 30.10.2024); е) [57]; ж) URL: <https://i.pinimg.com/originals/7f/14/9b/7f149bb6d92a06275c88bd6a1342aee2.jpg> (дата обращения: 30.10.2024); з) ортофотоплан ФГУП ЦНРПМ; и) URL: https://www.off-travel.ru/fotofile/albums/borisoglebskjuriev18/1024_00030.jpg (дата обращения: 06.11.2024); к) URL: <https://sun9-23.userapi.com/impf/c846121/v846121030/1bfbce/54prcXZcAYw.jpg?size=604x592&quality=96&sign=036a758b6097addfcd5b6f9dff4a73db&type=album> (дата обращения: 30.10.2024); л) URL: https://pastvu.com/_p/a/g/h/p/ghp5i90or3bm70tjvy.jpg (дата обращения: 30.10.2024).

Список источников

1. Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture, 800 to 1200. New Heaven and London: Yale University Press, 1978. 522 p.
2. Хундадзе Р. Средневековая рельефная скульптура // Православная энциклопедия. Москва: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2014.
3. Thierry J.-M. Armenian Art / Transl. by C. Dars. New York, 1989.
4. Аветисян Т. Церковь Ованеса Мкртича Ганзасарского монастыря и её скульптурная программа // Армянский гуманитарный вестник. 2023. №1(10). С. 224-248.
5. Казарян Г.В. Храм в Гандзасаре. Архитектура и рельефы: автореферат дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04. Москва, 2010. 28 с.
6. Лазарев В.Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. Москва: Искусство, 2000. 304 с.
7. Сарабьянов В.Д. Страстной цикл Софии Киевской и иконография страстей Господних в византийском искусстве IX–XI вв. // Византийский временник. 2010. Т. 69(94). С. 279-298.
8. Семенова Е.С. Страстной цикл росписей Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове. Иконография и содержание // Искусство христианского мира. 2007. Вып. 10. С. 218-230.
9. Сарабьянов В.Д. Живопись середины 1120-х – начала 1160-х годов // История русского искусства. В 22 т. Т. 2, Ч. 1: Искусство 20-60-х годов XI века. Москва: Государственный институт искусствознания, 2012. С. 158-335.
10. Лившиц Л.И. Живопись второй половины – конца XII века // История русского искусства. В 22 т. Т. 2, Ч. 2: Искусство второй половины XII века. Москва: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 140-305.
11. Овчинников А.Н. Суздальские золотые врата. Москва: Искусство, 1978. 36 с.
12. Лившиц Л.И. Белокаменная резьба Северо-Восточной Руси // История русского искусства. В 22 т. Т. 2, Ч. 2: Искусство второй половины XII века. Москва: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 354-431.
13. Скворцов А.И. Белокаменное зодчество. Владимир: Транзит-ИКС, 2012. 349 с.
14. Шаров-Делоне С.А. Люди и камни Северо-восточной Руси. XII век: комментарии к двум книгам Н.Н. Воронина об архитектуре Северо-восточной Руси. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Добросвет: МЦНМО, сор. 2017. 960 с.

15. Иоаннисян О.М. Зодчество второй половины XII века // История русского искусства. В 22 т. Т. 2, Ч. 2: Искусство второй половины XII века. Москва: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 16-139.
16. Морозов М.Р. Исследования Георгиевского собора в Юрьев-Польском 2010-х гг. как основа для получения представлений о композиционной структуре и генезисе памятника / М.Р. Морозов, С.А. Карташов, В.Н. Титов // Наука, образование и экспериментальное проектирование – 2018. Труды МАрХИ: Материалы международной научно-практической конференции 9–13 апреля 2018 г. Москва, 2018. С. 70-73.
17. Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.04. Москва, 2006. 255 с.
18. Карташова А.А. Аспекты строительной истории белокаменных соборов Нижегородского кремля / А.А. Карташова, С.А. Карташов, М.Р. Морозов // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №4(57). С. 48-69. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/03_kartashova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-4-48-69
19. Кавельмахер В.В. Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьев-Польском (К вопросу о так называемом Святославовом кресте) // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. Санкт-Петербург, 1997. С. 185-197.
20. Гуслицкий сборник [ред.-сост. Михайлов С.С.]. Владимир: Транзит-Икс, 2010. 158 с.
21. Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня. Сб. статей / Сост., науч. ред. и вступит. ст. С.В. Гнутовой. Москва: Издательство Московской Патриархии: Издательство «Древлехранилище», 2005.
22. Гладкая М.С. Памятник победы: собор св. Георгия Победоносца в Юрьев-Польском. Каталог белокаменных рельефов. Владимир: Транзит-ИКС, 2024. 527 с.
23. Пуцко В.Г. Бронзовый киотный крест из Херсонеса (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.) // Византийский временник. 1999. Т. 58(83). С. 165-171.
24. Федоров Ю.А. Образ Креста. История и символика православных нагрудных крестов. Санкт-Петербург, 2000. 109 с.
25. Der Nersessian S. Deux tympan sculptés Arméniens datant de 1321 // Cahiers archéologiques. Fin de l'antiquité et Moyen Âge. 1976. Vol. 25. P. 109-122.
26. Донабедян П.З. Сюжетные барельефы архитектурных памятников Вайоц-дзора XIII–XIV вв.: автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.04. Ленинград, 1980.
27. Пруцын О.И. Архитектурно-историческая среда / О.И. Пруцын, Б. Рымашевский, В. Борусевич; под ред. О.И. Пруцына. Совмест. изд. СССР-ПНР. Москва: Стройиздат, 1990. 408 с.
28. Бранди Ч. Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации / под ред. Дж. Базиле; Пер. А. Близнякова; Пред. А. Работкевича [и др.]. Флоренция: Nardini Editore, 2011. 272 с.
29. Заграевский С.В. Вопросы архитектурной истории и реконструкции Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Москва: Алев-В, 2008. 33 с.

References

1. Conant K.J. Carolingian and Romanesque architecture, 800 to 1200. New Heaven and London: Yale University Press, 1978, 522 p.
2. Hundadze R. *Srednevekovaja rel'efnaja skul'ptura* [Medieval relief sculpture]. Pravoslavna jenciklopedija. Moscow: Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavna jenciklopedija», 2014.
3. Thierry J.-M. *Armenian Art* / Transl. by C. Dars. New York, 1989.
4. Avetisjan T. *Cerkov' Ovanesa Mkrtycha Gandzasarskogo monastyrja i ejo skul'pturnaja programma* [Church of Hovhannes Mkrtych of Gandzasar Monastery and its sculptural program]. Armjanskij gumanitarnyj vestnik, 2023, no. 1(10). Moscow – Yerevan, pp. 224-248.
5. Kazarian G.V. *Hram v Gandzasare. Arhitektura i rel'efy* [Church in Gandzasar. Architecture and reliefs (Cand. Dis. Thesis)]. Moscow, 2010, 28 p.
6. Lazarev V.N. *Iskusstvo Drevnej Rusi. Mozaiki i freski* [Art of Ancient Rus'. Mosaics and Frescoes]. Moscow, 2000, 304 p.
7. Sarabianov V.D. *Strastnoj cikl Sofii Kievskoj i ikonografija strastej Gospodnih v vizantijskom iskusstve IX–XI vv.* [The Passion Cycle of Saint Sophia of Kyiv and the Iconography of the Passion of the Lord in Byzantine Art of the 9th–11th Centuries]. Vizantijskij vremennik, 2010, vol. 69(94), pp. 279-298.
8. Semenova E.S. *Strastnoj cikl rospisej Spaso-Preobrazhenskogo sobora Mirozhskogo monastyrja v Pskove. Ikonografija i sodержanie* [Passion Cycle of Paintings of the Transfiguration Cathedral of the Mirozhsky Monastery in Pskov. Iconography and Contents]. Iskusstvo hristianskogo mira, 2007, Issue 10, pp. 218-230.
9. Sarabianov V.D. *Zhivopis' serediny 1120-h – nachala 1160-h godov* [Painting mid 1120s - early 1160s]. Istorija russkogo iskusstva: in 22 vol., 2012, vol. 2, part 1, pp. 158-335.
10. Livshits L.I. *Zhivopis' vtoroj poloviny – konca XII veka* [Painting of the second half – end of the 12th century]. Istorija russkogo iskusstva: in 22 vol. Vol. 2, part 2: Iskusstvo vtoroj poloviny XII veka. Moscow, 2015, pp. 140-305.
11. Ovchinnikov A.N. *Suzdal'skie zlatye vrata* [Suzdal Golden Gates]. Moscow, 1978, 36 p.
12. Livshits L.I. *Belokamennaja rez'ba Severo-Vostochnoj Rusi* [White stone carving of North-Eastern Rus']. Istorija russkogo iskusstva : in 22 vol. Vol. 2, Part 2: Iskusstvo vtoroj poloviny XII veka. Moscow, 2015, pp. 354-431.
13. Skvortsov A.I. *Belokamennoe zodchestvo* [White stone architecture]. Vladimir, 2012, 349 p.
14. Sharov-Delaunay S.A. *Ljudi i kamni Severo-vostochnoj Rusi. XII vek : komentarii k dvum knigam N. N. Voronina ob arhitekture Severo-vostochnoj Rusi. 2-e izd., ispr. i dop* [People and Stones of North-Eastern Rus'. 12th Century: Comments on Two Books by N.N. Voronin on the Architecture of North-Eastern Rus'. 2nd ed., corrected and supplemented]. Moscow, 2017, 960 p.
15. Ioannisian O.M. *Zodchestvo vtoroj poloviny XII veka* [Architecture of the second half of the 12th century]. Istorija russkogo iskusstva: in 22 vol. Vol. 2, Part 2: Iskusstvo vtoroj poloviny XII veka. Moscow, 2015, pp. 16-139.
16. Morozov M.R., Kartashov S.A., Titov V.N. *Issledovanija Georgievskogo sobora v Jur'ev-Pol'skom 2010-h gg. kak osnova dlja poluchenija predstavlenij o kompozicionnoj strukture i genezise pamjatnika* [Research of St. George's Cathedral in Yuriev-Polsky in the 2010s as

- a basis for obtaining ideas about the compositional structure and genesis of the monument]. Nauka, obrazovanie i jeksperimental'noe proektirovanie – 2018. Trudy MARHI: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 9–13 aprelja 2018 g. Moscow, 2018, pp. 70-73.
17. Gladkaja M.S. *Rel'efy Dmitrievskogo sobora vo Vladimire: opyt kompleksnogo issledovanija* [Reliefs of the Cathedral of St. Demetrius in Vladimir: an attempt at a comprehensive study (Cand. Dis)]. Moscow, 2006, 255 p.
 18. Kartashova A.A., Kartashov S.A., Morozov M.R. Aspects of the Nizhny Novgorod kremlin white-stone cathedrals building history. Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №4(57). pp. 48-69. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/03_kartashova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-4-48-69
 19. Kawelmacher W.W. *Kraeugol'nyj kamen' iz lapidarija Georgievskogo sobora v Jur'ev-Pol'skom (K voprosu o tak nazyvaemom Svjatoslavovom kreste)* [Cornerstone from the lapidarium of St. George's Cathedral in Yuriev-Polsky (On the issue of the so-called Svyatoslav's Cross)]. Saint-Petersburg, 1997, pp. 185-197.
 20. Guslicy collection. Vladimir, 2010, 158 p.
 21. *Stavrograficheskiy sbornik. Kn. III: Krest kak lichnaja svjatynja. Sb. statej* [Stavrographical collection. Book III: The Cross as a personal shrine. Collection of articles]. Moscow, 2005.
 22. Gladkaja M.S. *Pamjatnik pobedy : sobor sv. Georgija Pobedonosca v Jur'ev-Pol'skom. Katalog belokamennyh rel'efov* [The Monument of Victory : St. George's Cathedral in Yuriev-Polsky. Catalogue of white-stone reliefs.]. Vladimir, 2024, 527 p.
 23. Putsko V. G. *Bronzovyj kiotnyj krest iz Hersonesa (Vizantijsko-kievskaja metalloplastika nachala XIII v.)* [Bronze icon-case cross from Chersonesos (Byzantine-Kievan metalwork of the early 13th century)]. Vizantijskij vremennik, 1999, vol. 58(83), pp. 165-171.
 24. Fyodorov Ju.A. *Obraz Kresta. Istorija i simbolika pravoslavnyh nagrudnyh krestov* [The Image of the Cross. History and Symbolism of Orthodox Pectoral Crosses]. Saint-Petersburg, 2000, 109 p.
 25. Der Nersessian S. Deux tympanes sculptés Arméniens datant de 1321. Cahiers archéologiques. Fin de l'antiquité et Moyen Âge, 1976, vol. 25, pp. 109-122.
 26. Donabedjan P.Z. *Sjuzhetnye barel'efy arhitekturnyh pamjatnikov Vajoc-dzora XIII–XIV vv.* [Narrative bas-reliefs of architectural monuments of Vayots Dzor of the 13th-14th centuries (Cand. Dis. Thesis)]. Leningrad, 1980.
 27. Prutsyn O.I., Rymashevskij B., Borusevich V. *Arhitekturno-istoricheskaja sreda* [Architectural and historical environment]. Moscow, 1990, 408 p.
 28. Brandi C. *Teorija restavracii i drugie raboty po temam ohrany, konservacii i restavracii* [Theory of restoration and other works on the topics of protection, conservation and restoration]. Florence, 2011, 272 p.
 29. Zagraevsky S.W. *Voprosy arhitekturnoj istorii i rekonstrukcii Georgievskogo sobora v Jur'ev-Pol'skom* [Questions of architectural history and reconstruction of St. George's Cathedral in Yuriev-Polsky]. Moscow, 2008, 33 p.

ОБ АВТОРАХ**Карташов Сергей Андреевич**

Архитектор-реставратор, скульптор, художник, член Союза московских архитекторов, Москва, Россия

armsk@list.ru

Карташова Антонина Андреевна

Независимый исследователь, художник, Москва, Россия

tonja.kartasova@gmail.com

Морозов Михаил Романович

Магистр архитектуры, ассистент кафедры «Рисунок», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; член Союза московских архитекторов (СМА)

morozovmiki@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS**Kartashov Sergey A.**

Architect-Restorer, Artist and Sculptor, Member of Union of Moscow Architects, Moscow, Russia

armsk@list.ru

Kartashova Antonina A.

Independent Scholar, Painter, Moscow, Russia

tonja.kartasova@gmail.com

Morozov Mikhail R.

Master of Architecture, Assistant of the Drawing Department, Moscow Architectural Institute (State Academy), Member of Union of Moscow Architects, Moscow, Russia

morozovmiki@yandex.ru

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

Научная статья

УДК/UDC 728.2:711.523-168(470.43-25)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-134-146

EDN: LSSUSR

Перспективы интеграции жилой и деловой функций в центральной части Самары**Валерия Михайловна Терентьева¹**Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
v.terenteva@markhi.ru

Аннотация. Статья акцентирует внимание на необходимости регенерации исторического центра Самары, что включает адаптацию застройки к современным реалиям, создание комфортных и социально активных пространств, а также решение экономических вопросов, в том числе развитие малого бизнеса. В статье приведены результаты опроса жителей города и анализа социально-экономического потенциала городской среды. Рассматриваются преимущества многофункциональных жилых комплексов с деловой функцией как одного из составляющих комплексного развития исторической среды и стимулирования развития городских территорий.

Ключевые слова: Самара, городская среда, многофункциональные жилые комплексы, деловая функция, исторический центр, социально-экономический анализ

Для цитирования: Терентьева В.М. Перспективы интеграции жилой и деловой функций в центральной части Самары // Architecture and Modern Information Technologies. 2024.

№2(67). С. 134-146. URL: https://markhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/07_terentyeva.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-134-146. EDN: LSSUSR

ARCHITECTURE OF BUILDINGS AND STRUCTURES

Original article

Prospects for the integration of residential and business functions in the central part of Samara**Valeriia M. Terentyeva¹**Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
v.terenteva@markhi.ru

Abstract. The article highlights the necessity of regenerating Samara's historic center, which includes adapting the urban fabric to modern realities, creating comfortable and socially active spaces, and addressing economic issues, including the development of small businesses. The study presents the results of a citywide survey and an analysis of the socio-economic potential of the urban environment. The advantages of mixed-use residential complexes incorporating business functions are examined as a key component of the comprehensive development of the historic environment and a catalyst for urban area growth.

Keywords: Samara, urban environment, mixed-use residential complexes, business function, historic center, socio-economic analysis

For citation: Terentyeva V.M. Prospects for the integration of residential and business functions in the central part of Samara. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 134-146.

¹ © Терентьева В.М., 2025

Стратегия планирования устойчивой архитектурно-планировочной структуры города подразумевает комплексный подход, учитывающий ряд принципиальных составляющих: сбалансированная плотность и высотность застройки, многофункциональная среда, эффективная улично-дорожная сеть, структура озеленения. Основываясь на общих позициях, следует учитывать региональные особенности, которые включают в себя уникальный исторический контекст и специфические социально-экономические условия. В частности, взаимодействие старой и новой архитектуры является одной из важнейших составляющих современного города. Сложность этого взаимодействия заключается не только в стилевом аспекте, но и в различных подходах к приспособлению исторической застройки к современным социально-экономическим условиям.

Проблема сосуществования исторической и современной застройки в центральной части Самары все более обостряется с каждым годом. Самара обладает богатым и разнообразным архитектурным наследием и представляет культурно-пространственную биполярность, сложившуюся в результате совмещения купеческой и промышленной среды. Переход от централизованной плановой экономики к рыночной системе, начатый в конце XX века, открыл новые возможности для развития частного бизнеса и недвижимости. Это дало импульс к быстрому росту строительной индустрии и застройке свободных территорий, однако, недостаточность регулирования и контроля за новыми проектами со временем привели к хаотичной застройке в историческом центре.

Устойчивое развитие города не исчерпывается экологическими показателями, а представляет собой совокупность мероприятий по созданию качественной городской среды. Говоря о городском планировании, В.Л. Глазычев выделяет три основные ветви, на взаимопроникновении которых строится успешное устойчивое развитие города:

- внешняя форма города, варианты решения его композиционной структуры и образного строя;
- городская инфраструктура, включающая вопросы экономики, управления и деvelopeмента;
- социальный аспект, подразумевающий влияние городского планирования на жизнь горожан [1].

В предлагаемой статье рассматриваются возможности применения многофункциональных офисно-жилых комплексов как одного из элементов устойчивого развития исторического центра Самары с учетом баланса между сохранением исторического наследия и необходимостью его адаптации к современным потребностям городской жизни на основе актуальных для города социально-экономических реалий.

В 2019 году центральной части Самары был присвоен статус исторического поселения, регламентирующий требования к новому строительству (рис. 1). Для эффективной работы статуса исторического поселения необходима разработка единого мастерплана плана развития, основанного на специфическом морфотипе и масштабе застройки. В частности, для оптимального функционирования центра города требуется разработка единой стратегии развития исторических кварталов, подразумевающей сочетание старой и новой застройки в рамках, определенных не только регламентными ограничениями, но и архитектурно-градостроительными принципами.

Рис. 1. Граница исторического поселения и исторические жилые кварталы г. Самары

Основываясь на анализе исторического формирования центральной части Самары, можно оценить проблемы текущего состояния городской среды (рис. 2, рис. 3):

1. *Потеря исторической идентичности.* Хаотичное строительство многоэтажных зданий в центре города нарушило визуальную целостность и масштабность исторической среды. Вместо гармоничного сосуществования старой и новой архитектуры наблюдается конфликт между историческими зданиями и новыми высотными комплексами, часто не соответствующими культурно-историческому контексту. Такое сочетание создает визуальный и функциональный диссонанс, снижая туристическую привлекательность и качество городской среды.

2. *Ухудшение состояния исторической застройки.* Многие исторические здания и памятники архитектуры в центре Самары пришли в аварийное состояние из-за недостаточного обслуживания, неэффективного регулирования и отсутствия системной реставрации. Это угрожает дальнейшим разрушением культурного наследия и утратой ценных архитектурных объектов.

3. *Нехватка общественных пространств и инфраструктуры.* Исторические кварталы характеризуются замкнутой планировкой, отсутствием сквозных проездов и проходов, что затрудняет передвижение в центре города. Недостаточное количество современных общественных пространств, пешеходных улиц, а также проблемы с парковкой создают неудобства для жителей и снижают качество жизни.

Учитывая уникальную историческую архитектуру центральной части города, следует говорить о необходимости преемственности в новых архитектурных решениях, задающей определенные композиционно-пространственные векторы развития новой застройки. Поэтому одной из составляющих комплексного решения перечисленных проблем является адаптация исторической застройки к современным городским реалиям путем реконструкции и перепрофилирования некоторых исторических зданий, а также встраивания в структуру центра города тактичных по отношению к историческому контексту малоэтажных объектов, поддерживающих масштаб исторической застройки. Многофункциональные офисно-жилые комплексы в данном контексте будут способствовать созданию комфортной городской среды, социально активных пространств в центре города, в том числе включению пространств для развития малого бизнеса, как реакции на современные экономические условия.

Рис. 2. Общий вид г. Самары

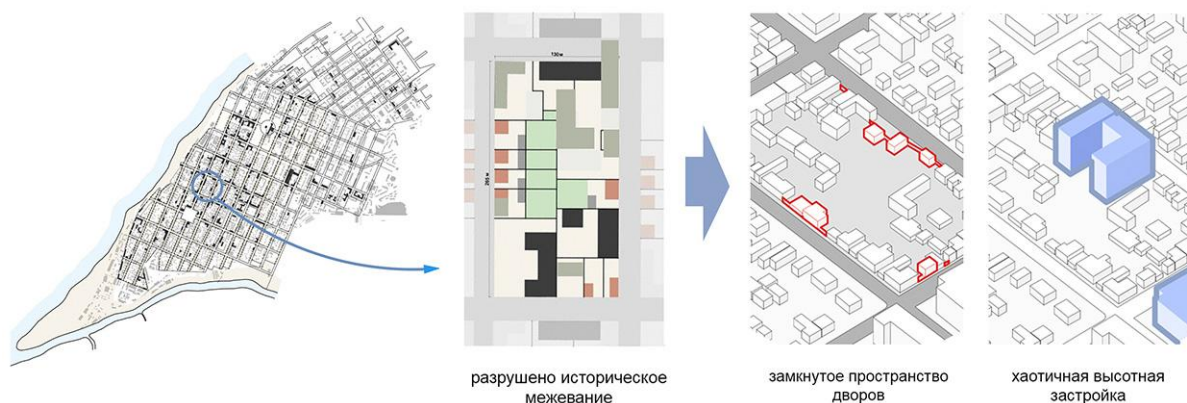

Рис. 3. Проблемы исторических кварталов центра Самары

Развитие многофункциональных комплексов с деловой функцией в центре Самары также отвечает концепции устойчивого развития современного города, которая подразумевает эффективное использование внутригородских территориальных ресурсов в противовес растеканию города на свободные периферийные территории. К настоящему моменту оформились очевидные предпосылки для развития комплексов такого формата как в экономической, так и в социальной сферах (рис. 4).

В настоящий момент исторические кварталы Самары являются нераскрытым территориальным потенциалом для развития многофункциональной застройки. Сегодня они представляют собой преимущественно замкнутые образования без сквозных проездов и проходов, с большим количеством незаконной беспорядочной застройки. Традиционная схема размещения зданий с разрывами, открывающими вид во двор, по периметру квартала превратилась в сплошной фронт застройки, значительную часть которой составляют заброшенные полуразрушенные дома. В настоящее время доступ к

внутренним дворовым участкам осуществляется посредством проездных арок, связь внутреннего пространства кварталов с городом сведена к минимуму.

стабильная экономика

острый дефицит небольших и качественных офисных площадей

приоритет малого и среднего бизнеса

отсутствие стратегических решений по преобразованию исторической части тормозит экономическое развитие города

гибридный формат рабочей деятельности

поиск уникальных решений для элитного жилья и жилья для творческих людей

Рис. 4. Социально-экономические предпосылки для развития формата многофункциональных офисно-жилых комплексов в центральной части Самары

Проблема исторических жилых кварталов, как одной из уникальных градостроительных характеристик города, широко обсуждается в последние годы. Например, в 2019 году архитекторы Евгения Репина и Сергей Малахов в сотрудничестве с коллегами из Нидерландов осуществили полевое изучение сотен дворовых пространств в историческом центре Самары и провели ряд интервью с местными жителями. Эта работа привела к созданию книги «Самарский двор». Анализ полученных авторами данных помогает лучше понять социальный запрос именно в «глубине» исторического центра Самары [3].

Исторические кварталы обладают рядом преимуществ, таких как наличие зеленых территорий и комфортный масштаб. По мере роста городов и увеличения темпа жизни горожан становится актуальным формирование микропространств города с высокой функциональной насыщенностью. Дворы являются своеобразными «метапространствами», где, в частности, создаются благоприятные условия для возникновения соседских сообществ. Люди не хотят покидать свои дома из-за привлекательной атмосферы малоэтажной городской среды. Дворы представляют собой сложносочиненное пространство, способное адаптироваться под требования современной жизни [3]. «Каждый из региональных городов-центров должен иметь собственное сердце, где может осуществляться культурный диалог» [1, с.132]. Таким «сердцем» Самары являются исторические жилые кварталы, включающие в себя основные памятники истории города, но при этом открытые для новых преобразований.

Многие исторические кварталы до сих пор сохраняют застройку времен купеческих усадеб, где во дворах находились дома для хозяев и прислуги, конюшни, флигели, погреба и подвалы. После революции большинство помещений были преобразованы в жилые, однако следы старой структуры сохранились. Здесь сосуществуют тихие дворики, деревянные дома, что формирует своеобразный симбиоз городской и деревенской жизни.

Для формулировки адекватных актуальным требованиям архитектурно-градостроительных решений регенерации исторической среды центра Самары был проведен многофакторный анализ города, с акцентом на социальных и экономических аспектах, включающий, помимо изучения открытых информационных источников, проведенные автором опросы жителей города, представителей власти, инвесторов и архитекторов.

Согласно проведенному SWOT-анализу Самары, среди сильных сторон в экономическом аспекте можно выделить²:

1. Выгодное географическое положение, способствующее развитию конкурентной экономики.
2. Экономика города разнообразна и диверсифицирована, с развитым промышленным комплексом, где занимают большую долю высокотехнологичные производства.
3. Малый и средний бизнес находится в стадии активного развития.
4. За последние годы было замечено положительное развитие в сфере жилищного строительства. С 2016 года наблюдается постепенный рост средней площади жилья на душу населения, что является хорошей тенденцией.

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) является одним из основных приоритетов администрации городского округа Самара. МСП играет важную роль в социально-экономической жизни города, способствуя созданию новых рабочих мест, обеспечению занятости населения, повышению его доходов, стимулированию предпринимательской активности горожан, а также значительно увеличивает экономический и бюджетный потенциал городского округа.

Сектор малых и средних предприятий (СМСП) в городском округе Самара проявляет разнонаправленную динамику роста. Численность малых и микропредприятий сокращается, тогда как численность средних предприятий и особенно индивидуальных предпринимателей увеличивается на 9,4%. С начала 2020 года на территории городского округа Самара был введен специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», и более 46 тысяч граждан зарегистрировались как самозанятые и начали свою деятельность. В течение 2021 года количество самозанятых увеличилось более чем в два раза. Распределение самозанятых по возрастам представлено так: до 20 лет составляют 4,1%, от 20 до 35 лет – 51%, от 35 до 65 лет – 44%, и старше 65 лет – 0,9%³.

В отличие от крупных городов-миллионников, доля креативных индустрий в секторе МСП городского округа Самара относительно невысока. По экспертным оценкам⁴, креативные индустрии занимают менее 8% от общего числа организаций. Процент работников, задействованных в креативных секторах, достигает 9,4%. Наибольшую популярность в креативных отраслях занимают такие направления, как дизайнерская деятельность, программирование, маркетинг, фотоискусство и др.

В контексте развития малого бизнеса туризм становится отдельной сферой экономики, и его активное развитие приносит позитивные результаты для сопутствующих бизнес-направлений, повышая привлекательность города. Самара – это город с широкими возможностями в сфере туризма, включая отдых на курортах, культурное обогащение, деловые поездки, участие в мероприятиях, спортивный туризм, оздоровительные программы, творческие исследования, речные путешествия, религиозные паломничества и изучение кулинарных традиций. Популярность туристических и санаторно-курортных услуг значительна и среди местных жителей, а также среди жителей Самарской области и соседних регионов.

² Стратегия развития Самары до 2025 года. URL: www.Samara2025.ru (дата обращения 15.05.2024).

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 142.

Мотивацией для развития новых предприятий малого бизнеса, в том числе и в креативной сфере, стало введение в 2022 году экономических санкций против России со стороны стран, не поддерживающих дружеские отношения, а также произошел отток некоторых западных компаний с российского рынка, что сформировало новую тенденцию к импортозамещению и создало реальные перспективы для развития отечественных товаров и услуг.

Однако, как показывает анализ, уровень обеспечения инфраструктурой актуальных направлений пока недостаточен. К слабым сторонам и угрожающим факторам можно отнести:

1. Туристическая инфраструктура недостаточно развита и сосредоточена преимущественно в старом городе.
2. Историческая застройка в центре города ограничивает возможности строительства подземных построек, таких как парковки.
3. Недостаточная доля современных культурно-досуговых пространств и важных градообразующих объектов.
4. Социальная инфраструктура развивается медленнее, чем жилищное строительство.
5. Интенсивное автомобильное движение и неадекватность дорожной инфраструктуры для удовлетворения современных и перспективных требований города Самары.
6. Пешеходная и велосипедная инфраструктура недостаточно развита.
7. Объекты инженерной инфраструктуры приходят в упадок с течением времени. Соответственно расходы на содержание инфраструктуры, благоустройство и городскую среду будут увеличиваться.
8. Необходимость замены инженерных коммуникаций для возможности возведения новых комплексов.
9. Существует опасность потери архитектурного наследия и ценных объектов, формирующих городскую среду, прежде всего на территории исторического поселения.

Перечисленные позиции говорят о необходимости качественного пересмотра развития городской среды в пользу уплотнения системы пешеходных маршрутов и применения многофункциональной застройки, предлагающей широкие возможности для реализации потенциала города – от туристической инфраструктуры до городских сообществ жителей, объединенных культурно-деловой активностью. Это подтверждается также и потенциальными возможностями, выявленными в ходе анализа.

В числе других, среди возможностей, непосредственно связанных с архитектурно-градостроительной сферой, стоит отметить:

1. Создание инновационных кластеров в определенных территориях, включая кластеры IT-индустрии и креативных индустрий.
2. Продвижение туристического потенциала за счет создания привлекательных городских общественных пространств, включающих в себя объекты исторического наследия.
3. Возможность перепрофилирования зданий в историческом центре города для коммерческих и образовательных целей.
4. Дисбаланс между высоким числом предприятий малого и среднего бизнеса и ограниченными и количеством доступных и качественных офисных площадей открывает возможности для внедрения новых типологий застройки, учитывающих актуальные потребности малого бизнеса.
5. Разработка архитектурно-градостроительных регламентов развития городской среды при наличии статуса исторического поселения с учетом масштаба и морфотипа исторической застройки.

Основываясь на полученных данных, можно полагать, что большая часть представителей СМСП готова к современным архитектурным решениям офисных пространств в составе жилых комплексов [5]. Во-первых, молодая возрастная группа требует гибких решений в организации рабочего процесса. Во-вторых, сегмент отраслей, востребованных в сфере туризма, может быть представлен непосредственно в историческом центре. В-третьих, развитие кластерных пространств в составе многофункциональных комплексов

способствуют развитию креативных индустрий благодаря своей социальной направленности, т.к. люди из разных сфер жизни и работы находятся в тесном взаимодействии друг с другом, что создает новые возможности для формирования сообществ, обмена идеями и развития тесных профессиональных связей (рис. 5).

Проведенный опрос жителей показал негативное отношение к новой высотной застройке в историческом центре. Жители не выступают за консервацию исторических объектов, поддерживая пути развития застройки, не нарушающие сложившийся масштаб города. Приведем некоторые из вопросов, заданных жителям Самары.

Вопрос 1. «Как вы оцениваете состояние исторического центра Самары?».

- Анна, 25 лет: «Ужасная хаотичная застройка многоквартирными домами, переделка исторических зданий в офисы и муниципальные учреждения. В историческом центре, в связи с этим необходимость в тысячах парковочных мест, которых нет. В результате, с туристической точки зрения – непривлекательно, для жителей – неудобно»;

- Полина, 20 лет: «Исторический центр сам по себе красивый, но старые дома постоянно нужно обновлять, чтобы они не теряли своего красивого вида и были визитной карточкой города. Кроме того, в центре очень много аварийного жилья, разрушенного, полуснесенного, от которого чаще всего исходит неприятный запах. Если реконструкция невозможна, то такие здания необходимо расселять и сносить, потому что если Самара славится своим центром, то это нужно поддерживать всеми возможными способами»;

- Анастасия, 45 лет: «Плохо, разрушенные деревянные дома без коммуникаций, аварийное жилье, которое соседствует с беспорядочной точечной застройкой многоэтажками. Нет единого стиля, дома с исторической ценностью ветшают и разрушаются, самобытность слабо поддерживается»;

- Михаил, 48 лет: «Мне не очень нравится строительство высоток в историческом центре, тем более что большинство из них «приткнули» на очень маленьких клочках земли (к примеру, ЖК «На Вилоновской», «Вип хаус», «Бест хаус»). Состояние некоторых старых домов также оставляет желать лучшего, но, как правило, это происходит из-за особенностей проживающих в них людей (не хотят съезжать и т.д.). Радует появление в историческом центре ЖК, которые не выбиваются из облика исторического центра (к примеру, ЖК «Преображенский двор»). Радует появление в историческом центре оборудованных скверов и парков, а также отреставрированных зданий».

Рис. 5. Статистические данные и обусловленность многофункциональных офисно-жилых комплексов для центра Самары

По итогам ответов можно судить об острой необходимости реставрации исторических зданий, тактичной реконструкции исторического центра с сохранением масштаба и атмосферы исторической застройки. Жители выступают против современного высотного строительства, им важна атмосфера самарских дворов, которой можно было бы «делиться» с туристами. При этом респондентами положительно отмечены современные жилые комплексы, которые были построены с учетом исторического контекста. Соответственно, жители заинтересованы не только в обновлении существующей застройки, но и в современной аутентичной архитектуре. Благоустройством исторического центра довольно большинство респондентов. Озеленение – действительно сильная сторона исторического центра города.

Вопрос 2. «Каких заведений не хватает в историческом центре?»

При ответах на этот вопрос 17% жителей выделили досуговые центры для молодежи, 8-10% – точки дополнительного образования, культурные учреждения (театры, цирки, музеи и т.п.) современного формата, коворкинги, общественные пространства (кафе, рестораны, магазины и т.п.), по 5-6% отметили офисные пространства для индивидуальных предпринимателей и самозанятых, небольшие театральные мастерские, библиотеки, офисные пространства для компаний. Остальные опрошенные определили для себя центры временного пребывания детей, специализированные школы, дошкольные заведения и общеобразовательные учреждения, как недостающие.

Вопрос 3. «Планируете ли вы переезжать из центра в другие районы города?» был обращен непосредственно к жителям исторического центра.

- Александр, 31 год: «Симпатичный внешний облик исторического центра Самары. Мне нравится бывать в данной части города и приятно наблюдать за архитектурой прошлого. Есть некоторые места, которые отторгают, это старые деревянные со скосившимися крышами и стенами, требующие реставрации дома»;

- Валентина, 56 лет: «На данный момент я не планирую переезжать из центра в другие районы города. Центр Самары обладает уникальной атмосферой и множеством преимуществ, которые делают его идеальным местом для жизни. Больше всего мне нравится гулять вечерами по набережной Волги. И, живя в исторических кварталах, я всегда в центре событий. Здесь часто проводятся различные культурные и общественные мероприятия, фестивали и концерты»;

- Иван, 44 года: «Я всерьез задумываюсь о переезде из исторического центра. Найти парковочное место в центре – это настоящая проблема. Иногда приходится тратить много времени на поиск свободного места, что очень неудобно. Множество зданий в центре старые и требуют ремонта. Инфраструктура тоже оставляет желать лучшего – старые трубы, проблемы с водоснабжением и электроснабжением случаются довольно часто»;

- Игорь, 22 года: «Честно говоря, я не планирую переезжать из центра в другие районы города. Как молодой и активный студент, я нахожу центр Самары идеальным местом для жизни. Мой университет находится в центре города, поэтому мне удобно добираться до занятий. В центре всегда кипит жизнь. Здесь множество кафе, баров, клубов и культурных заведений, где можно весело провести время с друзьями и завести новые знакомства».

Внутри исторических жилых кварталов на данный момент сохраняются сообщества, где люди объединяются для совместного использования инфраструктуры и совместного проведения времени. Жители исторической части города испытывают глубокую привязанность и чувство ответственности за свою жилую среду. Переезд в высотные дома для них не представляет интереса. Жители центра активно создают некапитальные постройки, такие как беседки, навесы, сараи и гаражи, строят пристройки, делают капитальные строительные работы во внутренних дворах и по красным линиям. Они обустривают зоны для пикников и детские игровые площадки, а также занимаются озеленением территории. Поэтому сохранение сообщества жителей – также одна из ключевых задач реконструкции исторических кварталов.

По вопросу развития центра города было запрошено мнение архитекторов Самары. Большинство из них выделили как метод реконструкции исторического центра строительство жилых комплексов малой и средней этажности с упором на развитие культурной идентичности города, а также развитие сетки пешеходных маршрутов внутри исторических кварталов. По мнению некоторых архитекторов сейчас жители все больше ценят камерность жилых пространств, сформированных домами средней этажности. Такая тенденция задает верный вектор для развития города. Однако, архитекторы отмечают, что на данный момент утвержденный в Самаре статус исторического поселения работает не в полной мере, отсутствие принятых архитектурных и градостроительных регламентов отталкивает крупных инвесторов, которые так необходимы в условиях затратной реконструкции исторических кварталов с отсутствующими инженерными коммуникациями.

Один из опрошенных молодых архитекторов Александр, 29 лет, прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Сохранение исторического облика города крайне важно из-за перспективы его возможной утраты из-за стремления застройщиков к получению прибыли через строительство недорогих, однотипных высоток на окраинах без уникального архитектурного решения и продажи квартир в них по завышенным ценам из-за расположения. В центральной части города предлагается ввести плату за парковку. Также необходимо законодательно установить целевое использование зданий, запретив их превращение в склады, производственные площадки или крупные торговые центры, с переориентацией на образовательные, развлекательные функции и предоставление услуг жителям».

Потенциальным инвесторам, которые проживают в Самаре, также были заданы вопросы по теме исследования. С позиций жителей города в историческом центре они хотели бы видеть сбалансированную среду, в которой было бы место и историческим, и современным зданиям. «Я бы хотел видеть исторический центр Самары современным, с архитектурой малой и средней этажности. Не хватает инфраструктуры в парках, общественных территориях. Мы готовы способствовать развитию, но необходимы меры поддержки... Предоставление свободных земельных участков, бесплатное подключение к сетям, понятные правила и регламенты для застройки» – комментирует один из опрошенных потенциальных инвесторов Дмитрий, 44 года.

По итогам опросов можно резюмировать запросы жителей Самары:

1. Сохранение атмосферы исторических жилых кварталов центра Самары.
2. Развитие общественных пространств современного формата, камерных жилых образований различной типологии.
3. Формирование архитектурных и градостроительных регламентов проектирования в исторических кварталах.
4. Регенерация заброшенных и неиспользуемых территорий, замена ветхих зданий многофункциональными жилыми комплексами малой и средней этажности.
6. Решение проблемы недостатка парковочных мест.
7. Наличие арендного жилья для минимизации маятниковой миграции.

Проведенным опросом среди жителей Самары, в частности жителей центра города, подтверждается социальный запрос на многофункциональные комплексы с деловой функцией. В опросе для жителей приняли участие чуть менее 100 человек, большая часть респондентов представляет возрастную группу от 18 до 35 лет, работающих в коммерческих компаниях. 70% опрошенных работают или проводят свой досуг в историческом центре, но лишь 23% живут в нем. При этом 80% посещают исторический центр каждый день.

Учитывая ресурсный потенциал исторических кварталов, с архитектурно-градостроительных позиций следует сфокусировать внимание на развитии стратегически важных участков городской ткани, создании сети пешеходных маршрутов, объединяющих своими направлениями сеть городских общественных пространств. Наряду с этим нельзя допускать превращения центра города в общественно-деловую среду – следует сохранять

и развивать жилую функцию. Таким образом, регенерация городской среды исторического центра Самары требует стратегического подхода, основанного на внедрении различных типов многофункциональной застройки, одним из которых может стать многофункциональный офисно-жилой комплекс. При интеграции в историческую среду такого рода комплексы, включающие в себя как исторические здания, так и современную тактичную застройку, смогут формировать в городской среде устойчивые точки меняющейся социальной активности, что будет способствовать укреплению адаптивного самоуправления, которое, согласно В.Л. Глазычеву, позволяет своевременно и адекватно реагировать на проявление тех свойств и требований, которые невозможно изначально запланировать [1] (рис. 6).

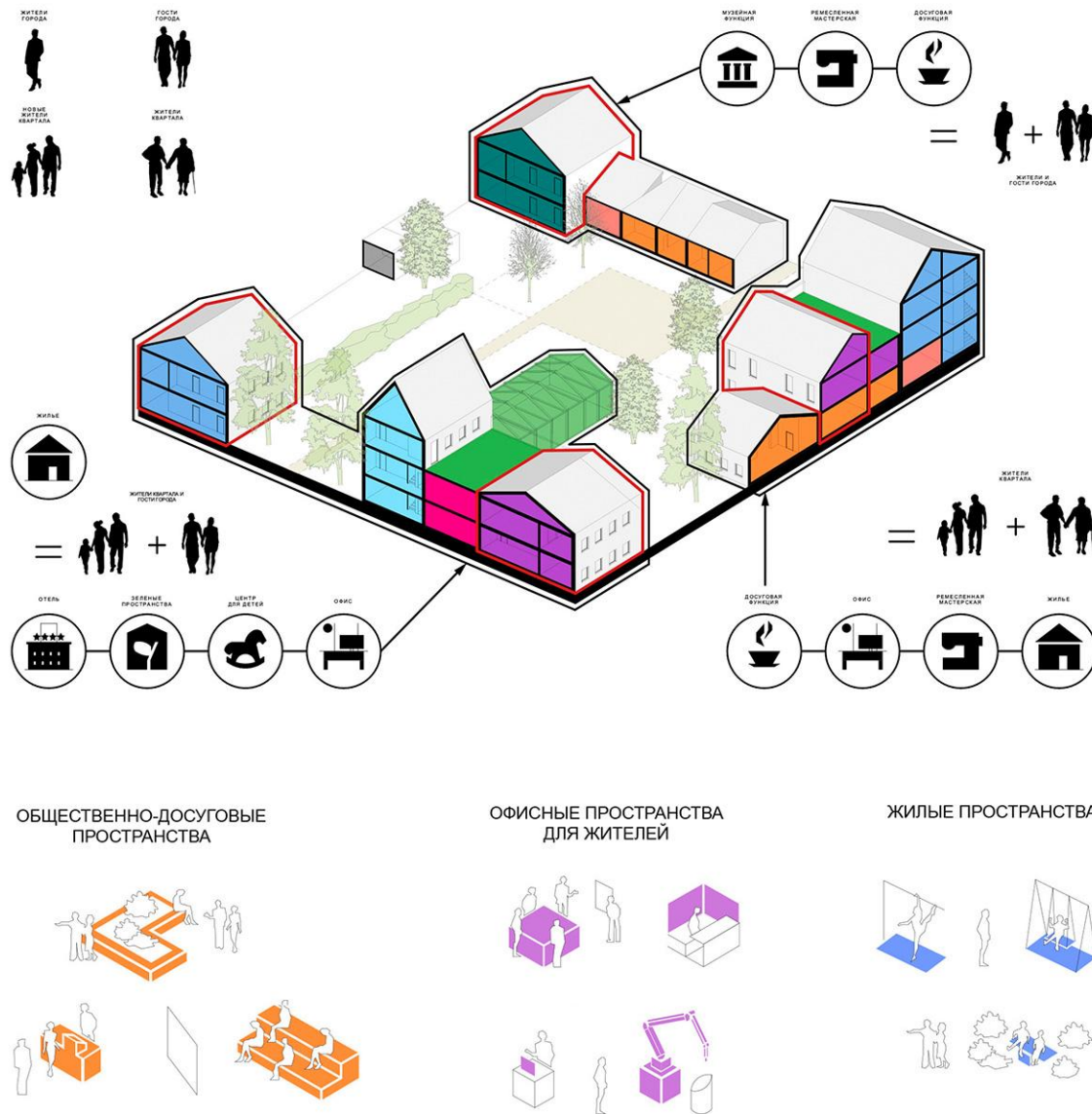

Рис. 6. Функциональная гибкость многофункциональных офисно-жилых комплексов

С градостроительных позиций многофункциональные офисно-жилые комплексы обоснованы рядом преимуществ [5]:

1. В зависимости от необходимой градостроительной роли комплекс может отвечать различным функциональным программам, построенным на сочетании общественных и частных пространств.
2. Объемно-планировочное комбинирование офисных и жилых зон комплекса может быть организовано как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях – это позволяет

рационально использовать ресурсы городской среды, что особенно значимо для исторических кварталов, где в разной степени ограничена площадь для новой застройки.

3. Интеграция многофункциональных жилых комплексов с деловой функцией в историческую застройку способствует развитию сети пешеходных маршрутов, формирует удобную доступную среду для жителей и предотвращает ежедневные маятниковые миграции жителей.

4. Сочетание жилой и общественно-деловой функций позволит создать насыщенные досуговыми и деловыми функциями социальные городские пространства, сочетающие в себе различные виды активностей – от создания условий для общения жителей до социокультурных досуговых центров.

В заключении можно резюмировать, что внедрение многофункциональных комплексов, объединяющих жилые и деловые функции, в историческую застройку Самары позволит оптимизировать ресурсы городского пространства, создать точки пересечения социальных и экономических интересов. Развитие многофункциональных жилых комплексов с бизнес-функциями становится все более популярным в связи с новыми стратегиями городского планирования, основанными на преобладании многофункциональной и адаптивной городской среды, а также сменой образа жизни в городе в пользу возможности сближения жилья и места работы. Создание малоэтажных жилых и офисных комплексов с общественными пространствами будет способствовать оживлению и стимулированию активности жителей, улучшая социально-экономический фон центральной части города.

Источники иллюстраций

Рис.1, 3-6. Изображения выполнены автором статьи.

Рис. 2. URL: <https://drugoiqorod.ru/centr-limitation/> (дата обращения 11.02.2025)

Список источников

1. Глазычев В.Л. Политическая экономия города. Москва, 2011. 260 с. ISBN: 978-5-7749-0529-4
2. Чебан А.Н. Исторические и современные методы сохранения деревянного зодчества / А.Н. Чебан, А.П. Мячин // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №4(65). С. 134-145. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/09_cheban.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-134-145
3. Шиманн Й. Самарский двор / Йорн Шиманн, Отто Вейрс, Лариса Арарипе Рэнд, Евгения Репина, Сергей Малахов, Александр Гниломедов. Екатеринбург: TATLIN, 2020. 448 с.
4. Колгашкина В. А. Общественно-жилые комплексы с интегрированной деловой составляющей: дис. ... канд. арх. : 05.23.21 / Колгашкина Вера Алексеевна. Москва, 2015. 177 с.
5. Танеева Е.Ш. Формирование зональных многофункциональных комплексов: на примере г. Москвы: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Танеева Екатерина Шамильевна. Москва, 2006. 177 с.

References

1. Glazychev V.L. Political Economy of the City / V.L. Glazychev. Moskva, 2011. 260 s. ISBN: 978-5-7749-0529-4

2. Cheban A.N., Machin A.P. Historical and modern methods of preservation of wooden architecture. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023, no. 4(65), pp. 134-145. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/09_cheban.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-134-145
3. Schiemann J., Weirs O., Rand L.A., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A. *Samarskij dvor* [The Samarsky yard]. Yekaterinburg, TATLIN, 2020, 448 p.
4. Kolgashkina V.A. *Obshhestvenno-zhilye komplekсы s integrirovannoj delovoj sostavljajushhej (kand. dis.)* [Public-Residential Complexes with Integrated Business Component (Cand. Dis)]. Moscow, 2015, 177 p.
5. Taneeva E.S. *Formirovanie zonal'nyh mnogofunkcional'nyh komplekсов: na primere g. Moskvy (kand. dis.)* [Formation of Zonal Multifunctional Complexes: The Case of Moscow (Cand. Dis)]. Moscow, 2006, 177 p.

ОБ АВТОРЕ

Терентьева Валерия Михайловна

Аспирант кафедры «Архитектура жилых зданий», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

v.terenteva@markhi.ru

ABOUT THE AUTHOR

Terentyeva Valeriia M.

Postgraduate Student, Department of Architecture of Residential Buildings, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

v.terenteva@markhi.ru

ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья

УДК/UDC 725.1:656.21:711.7

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-147-157

EDN: NMBIRH

Предпосылки формирования архитектуры надпутевых строений в рамках региональных программ комплексного развития территорий

Геннадий Вадимович Океанов¹

Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт
промышленных зданий и сооружений, Москва, Россия
g.oceanov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме архитектурного формирования надпутевых строений в полосе отвода железных дорог. Предложена фрактальная модель, позволяющая проектировать надпутевые пространства и здания, исходя из условия компенсации противоречий, сложившихся в сложном и затесненном городском пространстве. Совокупность элементов надпутевых строений рассматривается как субкластер, обособленная часть территориально-планировочной структуры поселений. Дополнена и уточнена классификация, разработанная по типу надмостовых зданий. Сформулированы предпосылки формирования архитектуры надпутевых строений, в рамках региональных программ комплексного развития территорий.

Ключевые слова: надпутевое строение, надпутевое пространство, надмостовое здание, многофункциональное здание, общественное пространство

Для цитирования: Океанов Г.В. Предпосылки формирования архитектуры надпутевых строений в рамках региональных программ комплексного развития территорий // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 147-157. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/08_oceanov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-147-157. EDN: NMBIRH

Финансирование: исследование выполнено в рамках Государственного задания на выполнения работ федеральным автономным учреждением «Федеральный центр нормирования, стандартизации и технической оценки соответствия в строительстве», за счет средств федерального бюджета.

CREATIVE CONCEPTS IN ARCHITECTURE

Original article

Prerequisites for the formation of overtrack architecture within regional comprehensive development programs

Gennadij V. Okeanov¹

Central Research and Design and Experimental Institute of Industrial Buildings and Structures,
Moscow, Russia
g.oceanov@yandex.ru

Abstract. This article addresses the architectural development of overtrack structures within railway right-of-way zones. A fractal model is proposed to facilitate the design of overtrack spaces and buildings, aiming to resolve conflicts inherent in dense and complex urban environments. The set of elements comprising overtrack structures is considered a subcluster,

¹ © Океанов Г.В., 2025

representing a distinct part of the territorial and planning structure of settlements. The classification of overbridge buildings has been expanded and refined. The article formulates the prerequisites for the formation of overtrack architecture within the framework of regional comprehensive development programs.

Keywords: overtrack structure, overtrack space, overbridge building, multifunctional building, public space

For citation: Okeanov G.V. Prerequisites for the formation of overtrack architecture within regional comprehensive development programs. Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 147-157.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/08_okeanov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-147-157. EDN: NMBIRH

Funding: The research was conducted as part of the State Assignment for work carried out by the federal autonomous institution «Federal Center for Regulation, Standardization, and Technical Conformity Assessment in Construction», funded by the federal budget.

Задача ревитализации районов плотной застройки исторически сформировавшихся поселений требует высвобождения земельных участков для формирования нового коммерческого и социального пространства, размещения современных градостроительных кластеров, улучшения связанности ранее разобщенных территорий. Эффективным способом вовлечения в оборот новых территорий является надпутевое строительство, в границах полосы отвода железных дорог над железнодорожными путями, позволяющее разместить необходимые для обеспечения устойчивого развития населенных пунктов объекты общественно-делового, жилого и многофункционального назначения.

Вопрос о возможности формирования кластеров в полосе отвода железных дорог возникает при определении функционального назначения формируемой территории и застройки. Относя задачи обеспечения досуга, отдыха и развлечений к области социальной инфраструктуры, уместно говорить о потребности формирования рекреационных зон и общественно-культурных центров. Не предполагая здесь строительства специализированных образовательных учреждений, необходимо предусматривать возможность проведения разного рода образовательных и обучающих мероприятий, в том числе, обеспечивающих переподготовку и повышение квалификации, на постоянной или разовой основе. Интеграция помещений и пространств, предназначенных для производственной и научной деятельности, обеспечивает приложение труда по месту проживания населения, и может определять приоритеты объемно-планировочных решений многофункциональных зданий в составе надпутевых строений.

Наличие четырех основных взаимосвязанных элементов позволяет предполагать возможность формирования субкластеров в надпутевом пространстве, как интегральной части монолитных, так и обособленных дисперсных систем планировочной структуры поселений, обладающих фрактальными свойствами, и активно взаимодействующих с городским окружением посредством функциональных связей [1]. А.В. Панфилов отмечает применимость фрактальной модели городского пространства для исследования субкластерной структуры, в рамках равновесной тектологической системы [2].

Тектологическая теория А.А. Богданова предполагает, что последовательное накопление противоречий приводит к снижению устойчивости системы, в частности, городской среды; рациональная интеграция элементов, в нашем случае, субкластеров в надпутевом пространстве, способствует уравниванию системы, путем взаимной компенсации противоречий [3]. Критерий равновесия предлагается использовать при анализе градостроительной ситуации, разработке территориально-планировочных и объемно-пространственных решений надпутевого строительства.

Для оценки перспектив надпутевого строительства необходим комплексный анализ градостроительной ситуации, учитывающий стесненные и сложные условия. Д.С. Седов отмечает строительство в густонаселенных районах сложившейся застройки, осложненных рельефом и неблагоприятным климатом, в основе приведенных выше понятий [4]. Наличие железнодорожных путей с соответствующей инфраструктурой еще более усложняет ситуацию членением и замысловатой конфигурацией земельных участков, обилием инженерных и транспортных коммуникаций, что приводит к дефициту места для застройки зданиями общественного назначения благоустроенных территорий общего пользования.

Исходя из концепции устойчивого развития в архитектуре, существенное внимание следует уделять историческим, культурным и экологическим особенностям территории в полосе отвода железных дорог, ограничивающие планировочные изменения и новое строительство. Хорошим примером архитектурного качества и степени влияния на городское планирование служит Малое кольцо Московской железной дороги, построенное по единой концепции П. Рашевского, протяженностью 145 км, соединяющее все десять магистральных направлений, ограничивающее столицу в пределах Камер-Коллежского вала, включающее более 190 зданий и сооружений, возведенных в стиле русского модерна под руководством выдающихся архитекторов своего времени А. Померанцева, Н. Марковникова, И. Рыбина². Стилистическое единство, композиционная завершенность и целостность планировочного решения исторических железнодорожных путей и соответствующей инфраструктуры [5] позволяют говорить о сохранении ансамблевого подхода при архитектурном формировании новых объектов в полосе отвода.

Иная ситуация сложилась в отношении грузовых дворов, сортировочных станций и парков отстоя вагонов, занимающих до 4% территории столицы России. Н.А. Ларина приводит слова заместителя мэра Москвы по транспорту М.С. Ликсутова о неэффективности железнодорожной системы, обрабатывающей 65% транзитных грузов, не нужных городу. Можно декларировать наличие порядка 850 га территории, подлежащей высвобождению, в результате оптимизации системы железнодорожного транспорта и надпутевого строительства, требующей комплексной реорганизации системы перевозок, переноса грузопереработки в область, развития и адаптации улично-дорожной сети [6].

Сложные и стесненные условия требуют предпроектной оценки градостроительной ситуации, с учетом внешних факторов и обстоятельств места: планировочной структуры, рельефа, существующей застройки, состояния улично-дорожной сети, транспортной и пешеходной доступности, историко-культурной ценности территории. Д.К. Лейкина отмечает, что обоснованные требования нормативных документов или задания на проектирование, в отношении строительства и благоустройства в сложных условиях, должны быть дополнены средствами или методами, предотвращающими влияние негативных факторов городской среды, посредством надпутевого строительства, для компенсации сложившихся противоречий [7].

К числу факторов, определяющих стесненные условия в районе предполагаемого надпутевого строительства, следует отнести: интенсивное транспортное и пешеходное движение; сложившуюся застройку с развитой сетью подземных коммуникаций, наряду с охраняемым природным ландшафтом или благоустроенной территорией; превышение площади застройки более, чем на 20%, при наличии пространственных ограничений по габариту [7, с.35]. В то же время, интенсивное движение обеспечивает общественный интерес к новым объектам, а особые условия определяют пространственную идентификацию места, как неизменную составляющую коммерческого успеха проекта [8].

Очевидно, что действующая нормативная документация не обеспечивает достаточно требований для обоснования надпутевого строительства, в виде обособленного

² История Малого кольца Московской железной дороги. Досье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/3609046> (дата обращения: 25.12.2024).

субкластера. Анализ ситуации приводит к выводу о необходимости разработки его концепции в рамках комплексной программы развития территории, на основании градостроительного регламента³, учитывающего существующие противоречия, и предлагающего способ их компенсации. В случае обоснованности нестандартных решений, соответствующих требованиям безопасности и общественным интересам, на основе критерия равновесия, необходимо предусмотреть механизм отступления от действующих норм. Требования к пространственной организации и объемно-планировочному решению надпутевых строений, в составе субкластера, следует устанавливать заданием на проектирование, определяющим его функциональные связи, как факторы воздействия городского окружения.

Насущной задачей оптимизации нормативной и правовой документации, обеспечивающей проектирование надпутевых строений, является их нормативное определение, как объекта капитального строительства, расположенное в границах полосы отвода железных дорог и находящееся над железнодорожными путями и объектами инфраструктуры железнодорожного транспорта. Данное определение позволяет объединить несколько земельных участков в границах смежных территориальных зон, с учетом особенностей их расположения и перспектив развития, а также возможности территориального сочетания различных видов использования земельных участков жилого, общественно-делового, производственного, рекреационного и иных видов использования земельных участков, с установлением единого градостроительного регламента⁴.

Существенным дополнением действующих документов в области стандартизации будет включение положения о целесообразности повышения эффективности использования территорий железных дорог и улучшении связанности разобщенных территорий населенных пунктов, посредством надпутевых строений (объектов надпутевого строительства) общественно-делового, жилого и многофункционального назначения, с пешеходными зонами, в границах полосы отвода железных дорог над железнодорожными путями⁵.

Основой для заключения о целесообразности использования надпутевых строений для сокращения или ликвидации коммуникационных инженерных и транспортных разрывов, путем создания дополнительных связей, возможного размещения объектов общественно-делового и жилого назначения, в том числе реинтеграции и ревитализации архитектурно-исторических объектов железнодорожной инфраструктуры, реорганизации неэффективно используемых территорий и их сокращения, служит исследование научных публикаций, проектной документации и результатов натурных исследований, выполненных специалистами ЦНИИПромзданий в процессе научно-исследовательской работы по теме: «Проведение анализа и подготовка предложений к объемно-планировочным и инженерно-техническим решениям объектов общественно-делового, жилого и многофункционального назначения в границах полосы отвода железных дорог над железнодорожными путями».

Очевидные аналогии позволяют опираться на предложенную ранее классификацию зданий-мостов [9], основанную на величине пролетов и конструктивных особенностях пролетного строения и надпролетного здания. Однако, для характеристики объемно-планировочного решения надпутевого строения удобнее использовать определение

³ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. от 13.06.2023).

⁴ Предложение по дополнению Земельного Кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) ЦНИИПромзданий от 2024 г.

⁵ Предложение по дополнению СП 42.13330.2016. «Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*» ЦНИИПромзданий от 2024 г.

рабочей области по топологическому признаку⁶, характерному для параметрического моделирования [10]. Работая с объемным надпутевым строением, возводимым на устоях, в полосе отвода железной дороги, и опорах в межпутевом пространстве, мы формируем платформу – основание; сводя пространство к двумерному топологическому многообразию, имеем дело с плитой – поверхностью; формируя сложную систему зданий и сооружений, композиционно взаимосвязанных, но конструктивно обособленных, принимаем необходимость устройства проемов – порталов.

Портал – надпутевое здание различного назначения, не имеющее конструктивной связи с пролетным строением железнодорожных путей, проходящим сквозь него. Помимо разрешения стесненных условий, данная схема позволяет устраивать транспортные развязки на сложнопересеченном рельефе с большим перепадом высот, как в жилом доме над станцией Лицзыба монорельсовой дорогой в Чунцине⁷ (рис. 1). Уникальная зарубежная практика не получила развития в России, в первую очередь, по причине высокой стоимости строительства. Очевидными особенностями портала являются выход участка застройки за пределы полосы отвода, система развитых вертикальных и разноуровневых горизонтальных транспортных коммуникаций, большепролетные конструкции в составе зданий и линейных объектов. Ограничение пролета железнодорожной эстакады, обусловленное расположением опор вне контура здания, требует их пересечения по кратчайшей траектории, препятствуя сложным композиционным решениям.

Рис. 1. Станция Лицзыба в Чунцине

Плита – одноэтажное пролетное строение, без надпутевого здания, или с временным (мобильным) зданием. Это оптимальное решение для развития транспортной и пешеходной коммуникации, за счет связывания ранее изолированных территорий по обе стороны железной дороги, формирования благоустроенных пешеходных зон и рекреации. Плита устраивается над железнодорожными путями, расположенными в выемках, с опорами в полосе отвода железной дороги, сборной балочной, сборно-монолитной или монолитной конструкции. Наглядным примером надпутевого строения этого класса

⁶ Creating a New Topology. URL: <https://docs.oracle.com/middleware/1221/core/OPATC/GUID-4B70D004-E0DA-420F-9A6B-D53CB7B5A682.htm#OPATC-GUID-4B70D004-E0DA-420F-9A6B-D53CB7B5A682> (дата обращения: 08.12.2024).

⁷ Liziba station. URL: https://stroi.mos.ru/photo_lines/novyi-putieprovod-chieriez-mtsk-oblieghchit-vyiezd-iz-promzony-friezier (дата обращения: 08.12.2024).

служит парк Терезиенхох в Мюнхене⁸ (рис. 2). Развитие класса достигается дополнением грунтовых откосов выемки продольными фермами, служащими основанием покрытию, уложенному поперек железнодорожных путей, как это сделано в Висячих садах Сантс на крыше виадука в Барселоне⁹ (рис. 3). Выведение наземных павильонов станций железной дороги и метрополитена на поверхность плиты позволяет использовать ее в структуре транспортно-пересадочных узлов, например, на площади Гагарина в Москве, при этом выходя за границы полосы отвода.

Рис. 2. Парк Терезиенхох над железнодорожными путями в Мюнхене

Рис. 3. Висячие сады Сантс в Барселоне

Платформа – пролетное строение со зданием (зданиями) различной этажности, общественно-делового, жилого или многофункционального назначения, транспортными и

⁸ Green-Roofed Urban Park Springs Up Atop a Railway Deck in Munich. URL: <https://inhabitat.com/green-roofed-urban-park-springs-up-atop-a-railway-deck-in-munich/> (дата обращения: 08.12.2024).

⁹ Raised Gardens of Sants. URL: <https://www.archdaily.com/801120/raised-gardens-of-sants-in-barcelona-sergi-godia-plus-ana-molino-architects> (дата обращения: 08.12.2024).

пешеходными коммуникациями, благоустроенной территорией для рекреации, имеющее общую систему опор в полосе отвода железной дороги, и на прилегающей территории. Главная особенность платформы – распределение транспортных и пешеходных потоков в разных уровнях. В некоторых случаях, например, комплексе Центрального вокзала Майами¹⁰, платформу можно представить как систему эстакад над пешеходной зоной в уровне земли, с интегрированными многофункциональными зданиями (рис. 4). Колоссальный комплекс на платформе Дворы Гудзона в Нью-Йорке¹¹ возведен на площади 11 га, над грузовой железнодорожной станцией, с опорами, размещенными в межпутевом пространстве. Между высотными зданиями, объединенными многоэтажным стилобатом, сформировано общественное пространство, разбиты бульвары и парки (рис. 5).

Рис. 4. Центральный вокзал в Майами

Рис. 5. Дворы Гудзона в Нью-Йорке

¹⁰ Brightline Miami Central. URL: <https://www.som.com/projects/brightline/> (дата обращения: 08.12.2024).

¹¹ Hudson Yards. URL: <https://www.archdaily.com/930101/the-public-square-and-gardens-at-hudson-yards-nelson-byrd-woltz-landscape-architects> (дата обращения: 08.12.2024).

Конструктивное и объемно-планировочное решения надпутевого строения согласуются, как правило, методом наложения, по координационным линиям, совмещенным с проектными линиями продольного профиля железнодорожных путей, с учетом путевого развития, искусственных сооружений, инженерных коммуникаций. Критерием качества решения служит соблюдение габарита приближения строений¹².

Увеличение масштаба надпутевых строений, для обеспечения возможности возведения зданий общественно-делового, жилого или многофункционального назначения в их составе, достигается рациональной схемой опор, формируемой в процессе переукладки железнодорожных путей, в основе пространственных структур с выделенными главными элементами: фермами, арками или вантовыми конструкциями. В пролетах между главными элементами устраивается монолитное железобетонное или сталежелезобетонное перекрытие надпутевых зданий, благоустроенной территории общего пользования – общественного пространства, элементов улично-дорожной сети. В большинстве случаев, надпутевые здания проектируются как пространственная структура коробчатого сечения со сквозными фермами в основе продольных стен.

Планировочные, функциональные, конструктивные требования к надпутевым зданиям устанавливаются с учетом предполагаемого назначения и общепринятой типологии, на основе действующих нормативов. Анализ существующих объектов в полосе отвода железных дорог показал целесообразность возведения многофункциональных зданий, с благоустроенным общественным пространством на прилегающей территории, предусматривающих развитие социальной, транспортной и коммунальной инфраструктур города. Строительство специализированных гражданских зданий допустимо, при наличии специфических требований дальнейшего уплотнения застройки, или необходимости формирования локальных общественно-деловых центров. Насущной необходимостью обеспечения нормативных требований проектирования является получение достоверных данных о параметрах негативных воздействий источников шума, вибрации, электромагнитного поля, загазованности в полосе отвода железных дорог, с последующей разработкой практических рекомендаций по их уменьшению и компенсации.

Проведенное исследование подтвердило возможность и эффективность формирования надпутевых строений, преимущественно платформенного типа, как обособленных субкластеров, жизнеспособность которых обеспечивается взаимодействием с окружающей городской средой на основе предложенного критерия равновесия. Исходя из цели устранения противоречий в сложных и стесненных градостроительных условиях, представляется необходимым решить задачи: функционального обоснования надпутевого строительства, предотвращая деградацию существующей инфраструктуры при замещении новыми объектами; рационального развития коммуникаций в районе строительства при формировании транспортно-планировочного каркаса, включающего субкластеры надпутевых строений, съезды с магистральных дорог общегородского значения, транспортно-пересадочные узлы, автомобильные стоянки достаточной вместимости; формирования транспортно-пешеходных развязок в разных уровнях, с непосредственным выходом к городским достопримечательностям, общественно-деловым центрам, транспортно-пересадочным узлам, пешеходным пространствам и коммуникациям¹³, оборудованных, при необходимости, вертикальным транспортом.

Проектирование объектов общественно-делового, жилого и многофункционального назначения в границах полосы отвода железных дорог над железнодорожными путями следует относить к индивидуальному проектированию, и осуществлять с учетом пофакторных особенностей существующей градостроительной ситуации, в соответствии

¹² ГОСТ 9238-2013 «Габариты железнодорожного подвижного состава и приближения строений».

¹³ СП 396.1325800.2018 «Улицы и дороги населенных пунктов. Правила градостроительного проектирования».

с которыми должны формироваться технические требования для каждого вида объекта проектирования. Необходимость использования земельных участков различных правообладателей для возведения объектов надпутевого строительства требует выделения территориальных зон, где установлены соответствующие градостроительные регламенты, в рамках программ комплексного развития территорий.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL:

https://en.wikipedia.org/wiki/Liziba_station#/media/File:%E6%9D%8E%E5%AD%90%E5%9D%9D%E7%AB%99%E8%BD%BB%E8%BD%A8%E7%A9%BF%E6%A5%BC_0023.png (дата обращения: 02.02. 2025).

Рис. 2. URL: <https://inhabitat.com/green-roofed-urban-park-springs-up-atop-a-railway-deck-in-munich/> (дата обращения: 02.02. 2025).

Рис. 3. URL: <https://www.area-arch.it/en/jardines-elevados-de-sants-barcelona/> (дата обращения: 02.02. 2025).

Рис. 4. Lucas Blair Simpson © SOM URL: <https://www.som.com/projects/brightline/> (дата обращения: 02.02. 2025).

Рис.5. URL: <https://archi.ru/projects/world/14626/bashnya-15-hudson-yards> (дата обращения: 02.02. 2025).

Список источников

1. Тарасова Ю.И. Территориальный кластер в градостроительном планировании России / Ю.И. Тарасова, А.В. Киншт // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 22-34. DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-4-22-34. EDN XPBGFE.
2. Панфилов А.В. Кластерная модель развития города // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2016, №9. С.83-90. URL: <http://dspace.bstu.ru/bitstream/123456789/1341/1/14.%20Панфилов.pdf> (дата обращения: 25.12. 2024). EDN WLSVDJ.
3. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Москва: Академический проект, 2020. 712 с.
4. Седов Д.С. Факторы стесненности в условиях плотной городской застройки // Вестник Московского государственного строительного университета. 2010. № 4. С. 171-174. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15644648_10455605.pdf (дата обращения: 25.12.2024). EDN NEJDSH.
5. Малиновская Е.И. Архитектурно-исторические резервы для развития города Москвы на прирельсовых территориях / Е.И. Малиновская, Т.Р. Забалуева // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 268-271. URL: <https://innovazia.ru/upload/iblock/d07/№4%202021.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).
6. Ларина Н.А. Железнодорожные территории – перспективы для развития города Москвы // Architecture and Modern Information Technologies. 2014. № 3(28). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2014/3kvart14/larina/abstract.php> (дата обращения: 25.12. 2024). EDN QWHBAR.
7. Лейкина Д.К. Сложные градостроительные условия в нормативной базе по градостроительству / Д.К. Лейкина, О.Ю. Лептюхова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2024. №3(62). С. 33-38. DOI 10.25628/UNIIP.2024.62.3.006 URL: https://academvestnik.ru/wp-content/uploads/2024/10/06_3-2024_62.pdf (дата обращения: 25.12.2024). EDN BOUTRN.

8. Океанов Г.В. Идентификация общественного пространства // Academia. Архитектура и строительство. 2024. №4. С. 103-112. URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2024-4-102-109> (дата обращения: 25.12.2024). EDN HFTUAL.
9. Скиба С.Л. Объемно-планировочные системы зданий-мостов / С.Л. Скиба, Т.Р. Забалуева // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 1(50). С. 165-179. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/1kvart20/PDF/11_skiba.pdf (дата обращения: 25.12.2024). DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15011. EDN XUZFRG.
10. Лейкина Д.К. Тектоника параметрической поверхности / Д.К. Лейкина, Г.В. Океанов, С.Р. Мамедова // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №3(68). С. 313-326. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/20_lejkina.pdf (дата обращения: 25.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-313-326. EDN JXDPLP.

References

1. Tarasova Y.I., Kinsht A.V. *Territorial"nyi klaster v gradostroi tel"nom planirovanii Rossii* [Territorial cluster in urban planning of Russia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture, 2019, no. 4, pp. 22–34. DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-4-22-34
2. Panfilov A.V. The cluster model of development of the city. Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov. 2016, no. 9, pp. 83-90. Available at: <http://dspace.bstu.ru/bitstream/123456789/1341/1/14.%20Панфилов.pdf>
3. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshhaya organizacionnaya nauka [Tectology. Universal Organizational science]. Moscow, 2020, 712 p.
4. Sedov D.S. Straitened factors of development in towns in the constrained conditions. Vestnik MGSU, 2010, no. 4, pp. 171-174. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15644648_10455605.pdf
5. Malinovskaya E.I., Zabalueva T.R. Architectural and historical reserves for the development of the city of Moscow in the railroad areas. Innovation & Investment, 2021, no. 4, pp. 268-271. Available at: <https://innovazia.ru/upload/iblock/d07/№4%202021.pdf>
6. Larina N.A. Railway area – prospects for development of Moscow. Architecture and Modern Information Technologies, no. 3(28), 2014. Available at: <https://marhi.ru/AMIT/2014/3kvart14/larina/abstract.php>
7. Lejkina D.K., Leptyukhova O.Yu. Complex urban planning conditions in the normative framework of urban planning. Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN, 2024, no. 3(62), pp. 33-38. Available at: https://academvestnik.ru/wp-content/uploads/2024/10/06_3-2024_62.pdf DOI 10.25628/UNIIP.2024.62.3.006
8. Okeanov G.V. Public Space Identification. Academia. Architecture and construction, 2024, no. 4, pp. 103-112. Available at: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2024-4-102-109>
9. Skiba S., Zabalueva T. Habitable Bridges Spatial-Planning Systems. Architecture and Modern Information Technologies, 2020, no. 1(50), pp. 165–179. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/1kvart20/PDF/11_skiba.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15011
10. Lejkina D.K., Okeanov G.V., Mamedova S.R. Parametric surface tectonics. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 3(68), pp. 313-326. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/20_lejkina.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-313-326

ОБ АВТОРЕ**Океанов Геннадий Вадимович**

Кандидат архитектуры, главный специалист ЦНИИПромзданий, Москва, Россия;
член Союза Московских Архитекторов

g.oceanov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR**Oceanov Gennady V.**

PhD in Architecture, Chief Specialist of TsNIIPromzdaniy, Moscow, Russia;
Member of the Union of Moscow Architects

g.oceanov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.13(470.61)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-158-172

EDN: OHQYEH

**Асимметрия системы расселения Ростовской области –
постановка проблемы****Оксана Евгеньевна Садковская¹**

Государственное автономное учреждение Ростовской области «Региональный научно-исследовательский и проектный институт градостроительства», Ростов-на-Дону, Россия
ok_sadkovskaya@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена постановке проблемы асимметрии системы расселения и оценке ее влияния на территориальное планирование в регионе. Объект изучения – система расселения на территории Ростовской области. Предлагается понятие асимметрии в градостроительстве. Проводится параллель между понятиями типов симметрии в различных науках. Симметрия и асимметрия рассматриваются как философские категории, применение которых способствовало построению научных теорий разных областей знаний, а также поднят вопрос о применении этих категорий в территориальном планировании с целью совершенствования сложившихся подходов и методов. Основные характеристики асимметрии системы расселения объединены в две большие группы дисбалансов – прерывистость освоенности территории и социальная асинхронность. В эти две основные группы входит ряд пространственных характеристик территории и социальных процессов, прогрессирование которых будет сдерживать развитие страны, реализацию национальных целей и снижать эффективность государственных программ развития территории.

Ключевые слова: Ростовская область, симметрия и асимметрия системы расселения, административно-территориальное устройство, границы, документы территориального планирования

Для цитирования: Садковская О.Е. Асимметрия системы расселения Ростовской области – постановка проблемы // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 158-172. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/09_sadkovskaya.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-158-172. EDN: OHQYEH

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

**Asymmetry of the settlement system in the Rostov region:
problem statement****Oksana E. Sadkovskaya¹**

Public Independent Institution of the Rostov Region «Regional Research and Design Institute of Town Planning», Rostov-on-Don, Russia
ok_sadkovskaya@mail.ru

Abstract. This article addresses the problem of settlement system asymmetry and its impact on territorial planning in the region. The study focuses on the settlement system of the Rostov Region. The concept of asymmetry in urban planning is defined, and parallels are drawn between different types of symmetry across various scientific disciplines. Symmetry and

¹ © Садковская О.Е., 2025

asymmetry are considered as philosophical categories that have contributed to the development of scientific theories in multiple fields. The article also discusses the application of these categories in territorial planning to improve existing approaches and methods. The main characteristics of settlement system asymmetry are grouped into two major imbalances: discontinuity in land development and social asynchrony. These two broad categories encompass a range of spatial characteristics and social processes, whose progression may hinder national development, the achievement of strategic goals, and the effectiveness of state programs for territorial growth.

Keywords: Rostov Region, symmetry and asymmetry of the settlement system, administrative-territorial structure, boundaries, territorial planning documents

For citation: Sadkovskaya O.E. Asymmetry of the settlement system in the Rostov region: problem statement. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 158-172. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/09_sadkovskaya.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-158-172. EDN: OHQYEH

Понятие симметрии в философии и естественных науках и научный подход к применению понятия в градостроительстве

Симметрия и асимметрия – категории в философии, точных, гуманитарных и естественных науках, эстетике и др. В философии науки этим категориям уделено немало внимания. По мере развития методологии научного познания, знаний о физическом мире развивалось и само понятие симметрии. Адаптация идей из других наук, связанных с симметрией и асимметрией применительно к ситуации в градостроительстве, в т.ч. в территориальном планировании, есть важнейшая методологическая ориентация исследования. *Задача – выявить понятия симметрии и асимметрии в градостроительстве как методологему синтеза знания в области территориального планирования* [1].

Авторы в области философии науки [2] выделяют значительное количество видов симметрии, приведем некоторые из них: спиральная, трансляционная (переносная), поворотная и симметрия подобия, криволинейная, билатеральная, винтовая, комбинированная, обобщенная и вторичная симметрия; и связанные с ними флуктуирующая и биохимическая асимметрия и т.д. В конце XX `века новые виды симметрии продолжали открывать, примером тому могут быть работы в области физики и математики: Р. Пенроуза (апериодические мозаики), Д. Шехтмана (квазикристаллы) [3], симметричное уравнение П. Дирака (математическое подтверждение существования антиматерии – позитрон), диаграммы перенормировки Р. Фейнмана для квантовой электродинамики, идея симметрии материи и антиматерии и мн. др. Возможно, в будущем еще будут открывать новые виды и законы симметрии.

Многообразие использования категорий симметрии и асимметрии в различных науках говорит об универсальности этого инструмента познания, что позволяет рассмотреть возможность использования этих категорий в градостроительстве и территориальном планировании, учитывая особенности этой области знаний. В первую очередь рассмотрим понятие асимметрии применительно к градостроительству. Для применения в области территориального планирования важно применение не конкретных видов симметрии, а самого принципа симметрии.

Ю.Н. Абдулкадыров [1] проанализировал становление категории симметрии, начиная с античного периода, принципы симметрии в механистической картине мира, вплоть до построения объединенной физической теории – единой теории поля. Автор [1] рассматривает принцип симметрии как метод познания, который может быть применим к различным направлениям науки, и характер его применения будет зависеть от области конкретной науки. Также он [1] утверждает, что симметрия и асимметрия выступают в «диалектическом единстве» и являются началом правил логического упорядочивания

знаний о физическом мире. Особую важность для научного познания, по мнению Ю.Н. Абдулкадырова, имеют принципы нарушения и восстановления симметрии.

Симметрия является универсальным научным инструментом, который применим в различных областях знаний. Подобно тому, как в физике принцип симметрии открыл возможности разработки объединенных теорий (единой теории поля, CP симметрии материи и антиматерии и др.), предположительно и в градостроительстве принцип симметрии может обобщить подходы при разработке всех стадий градостроительной документации, программ инфраструктурного развития и теоретических моделей в градостроительстве.

Под **симметрией в градостроительстве** предлагается понимать комплекс территориальных особенностей, имеющих антропогенный характер и применяемых градостроительных механизмов, которые при разработке градостроительной документации способствуют принятию **оптимальных пространственных решений** (основанных на градостроительной логике развития территории). Реализация парадигмы симметрии в градостроительстве возможна через нормативы градостроительного проектирования, административно-территориальное устройство и др. механизмы развития и упорядочивания территорий.

Симметрия в градостроительстве связана не столько с пространственным развитием элементов планировочной структуры (а также применением известных видов симметрий), сколько с симметрией систем обслуживания, административно-территориального устройства, кадастрового устройства, конфигураций градостроительных границ различных типов [4, 5], уровня комфорта, экологического благополучия и др. Калибровка симметрии системы расселения связана с достижением состояния градостроительной документации, при котором возможно успешное программирование развития всех частей системы расселения, как городских, так и сельских территорий.

Справедливо отметить, что симметрия, в т. ч. пространственная – важное композиционное средство в градостроительстве, в планировочной организации территории. Доказательством тому являются генеральные планы многих новых столичных городов (Бразилиа, Барселона, Канберра и мн. др.) и градостроительных ансамблей.

В данной статье градостроительная симметрия понимается как теоретический подход в градостроительном проектировании, направленный на преодоление градостроительной асимметрии, которая с особой силой проявила себя в период после распада СССР [4, 5]. Стремительные изменения, обоснованные новыми федеральными границами, введением Градостроительного и Земельного кодексов, появлением частной собственности на землю, введением закона о местном самоуправлении и мн. др., значительно повлияли на градостроительную практику. По прошествии нескольких десятилетий после распада СССР необходимы теоретические обобщения, актуальные с учетом изменений в технологиях градостроительного проектирования, возможностей геоинформационных баз данных, а также все большей централизации процесса принятия решений в области территориального планирования.

Соответственно, под **асимметрией в градостроительстве** (далее асимметрия) предлагается понимать комплекс территориальных особенностей, имеющих антропогенный характер, и применяемых градостроительных механизмов, которые при разработке градостроительной документации приводят к **«вынужденным» пространственным решениям** (часто противоречащим градостроительной логике развития территории), в связи с невозможностью реализации оптимального пространственного развития.

Асимметрия системы расселения – проблема (препятствие) для благополучного пространственного развития страны. Это комплексная проблема, которая возникает в масштабе государства, характерна для уровня региона, его муниципального образования и даже населенного пункта [6, 7]. Асимметрия имеет пространственно-временное

выражение: прерывистость освоенности (застроенности) территории и социальную асинхронность и порождается множественными дисбалансами различной природы, возникшими в процессе исторического развития на территории региона.

Примерами таких дисбалансов и противоречий являются:

- изрезанные конфигурации границ муниципальных образований, которые препятствуют выстраиванию системы культурно-бытового обслуживания, установлению компактных границ населенного пункта, формированию оптимальных траекторий линейных объектов и пр.;
- административно-территориальное устройство, основанное на формах организации аграрного общества, не учитывающее современные демографические и социальные особенности (например, в Ростовской области границы муниципальных районов унаследовали конфигурации прежних границ земель колхозов и совхозов без учета современных требований к удобству расселения и обслуживания);
- отсутствие в некоторых регионах территорий в муниципальной собственности, пригодных для гармоничного пространственного развития, обеспечения социальных интересов, т. е. все ценные с точки зрения градостроительного развития территории находятся в частной собственности;
- поляризация населения в региональных агломерациях и убывание сельских населенных пунктов;
- наличие экстремально малых населенных пунктов (менее 50 жителей) и, хуже того, населенных пунктов с нулевой численностью населения;
- приоритетная (по воле застройщиков) перед объектами социальной инфраструктуры реализация объектов жилищного строительства;
- стремительное освоение новых площадок при отсутствии градостроительной реконструкции;
- территориальный рост населённых пунктов в интересах девелоперов, сопровождающийся бессистемным переводом земель сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов.

Это неполный перечень особенностей территориального развития, порождающих асимметрию в градостроительстве, тем не менее, дающий общее представление о негативном влиянии их на территориальное планирование и комфортность городских и сельских территорий. Документы территориального планирования и нормативы градостроительного проектирования могут содержать решения, которые усугубляют асимметрию в градостроительстве, а именно необоснованно оптимистичные прогнозы демографического роста, бессистемные и частые внесения изменений и др.

Градостроительная асимметрия негативно влияет на пространственное развитие территории, так как усиливает имеющиеся дисбалансы и порождает новые, затрудняет синхронизацию развития территорий разных муниципальных образований, имеет накопительный эффект. Как отмечал Ю.Н. Абдулкадыров [1], роль принципа симметрии в научном познании: *«... нарушенные симметрии должны обязательно восстановиться, что означает важность в научном познании не только метода нарушения симметрии, но и метода ее восстановления».*

В последнее время внедряются новые виды комплексной градостроительной документации и механизмы развития территорий (единый документ территориального планирования, мастер-план в трактовке Минстроя РФ, комплексное развитие территорий с учетом новых изменений). Комплексные документы территориального планирования и инструменты развития могут способствовать преодолению сложившихся градостроительных асимметрий в регионах. Введение понятия «муниципальный округ»² в 2019 году является важным ресурсом для преобразования административно-территориального устройства для некоторых регионов и отдельных муниципальных образований. Все эти нововведения

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 01.05.2019 N 87-ФЗ.

требуют теоретического осмысления в части использования их в пространственном развитии страны с позиции преодоления сложившейся градостроительной асимметрии, т. е. восстановления градостроительной симметрии.

Восстановление градостроительной симметрии – теоретический подход в градостроительном проектировании, направленный на преодоление градостроительных асимметрий в документах территориального планирования и достижение оптимальных пространственных решений с использованием различных методов и стратегий (рост, стабилизация, сжатие, калибровка, компенсация, перераспределение и др.), комплексных инструментов градостроительного развития территорий (единый документ территориального планирования, мастер-план, комплексное развитие территории и др.), местных нормативов градостроительного проектирования и др.³

Конечно же, необходимо адаптировать принципы симметрии под задачи градостроительного развития, но, учитывая пространственные особенности нашей страны, это сложная задача. Достижение симметрии в имеющихся условиях важно для преодоления «вынужденности» и неэффективности уже принятых градостроительных решений. Уникальное пространство РФ, обладающее свободой, масштабом, протяженностью, непрерывностью, требует своего уникального пути пространственного развития, преодоления асимметрии. В настоящем исследовании проблема асимметрии раскрывается на примере Ростовской области.

Актуальность исследования

В 2024 году сформирована новая концепция стратегии пространственного развития РФ (далее концепция СПР РФ 2030) до 2030 года и с перспективой до 2036 года, представленная на сайте Правительства РФ, в которой предложена классификация опорных населенных пунктов (далее ОНП): Новые точки роста, Стратегические населенные пункты, Элементы городских агломераций и административных центров и иные населенные пункты, включая сельские, выполняющие функции опорных (рис. 1).

Согласно опубликованным данным по концепции Новой стратегии пространственного развития РФ до 2030 года, поставлены задачи, направленные на децентрализацию и более равномерное развитие территорий. В пространственном отношении особой важностью отличается стремление к дифференциации социально-экономического развития территорий, к повышению устойчивости системы расселения и к самостоятельности субъектов и муниципальных образований при решении локальных пространственных задач.

Согласно положениям Указа о национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, подписанном Президентом РФ от 07.05.2024 г., установлены целевые показатели и задачи, выполнение которых будет характеризовать достижение национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни». В рамках настоящего исследования важно отметить следующие целевые показатели – улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30% к 2030 году и на 60% к 2036 году и устойчивое сокращение непригодного для проживания жилищного фонда.

Можно сделать вывод, что в отношении пространственного развития государственная политика стремится к выстраиванию системы расселения, ориентированной на сохранение проживающего населения в регионах, в малых формах расселения. Для этого важно преодоление сложившейся градостроительной асимметрии через новые подходы в территориальном планировании с учетом положений новой Стратегии пространственного развития РФ, в том числе развитие ОНП и прилегающих к ним территорий. Как городские агломерации, так и ОНП с прилегающими к ним территориями являются важной частью

³ Методы и подходы восстановления градостроительной симметрии в различных документах территориального планирования будут рассмотрены в последующих публикациях автора.

СПР РФ-2030, их регулирующая возможность состоит в преодолении необходимости принятия «вынужденных» градостроительных решений.

Классификация опорных населенных пунктов

Категория опорных населенных пунктов	Задачи	Количество населенных пунктов
1. Новые точки роста	* опережающее развитие инфраструктуры и строительство жилья (в т. ч. для удержания и привлечения кадров)	187 населенных пунктов
2. Стратегические населенные пункты, обеспечивающие безопасность государства и обслуживающие критическую инфраструктуру, наукограды	* обеспечение достаточного качества жизни для удержания населения в городах	212 населенных пунктов
3. Городские агломерации и административные центры субъектов РФ, не входящие в агломерации	* повышение эффективности экономики за счет роста концентрации и развития межрегиональных связей	76 городских агломераций (+112 основных населенных пунктов на территории, прилегающей к ядру)
4. Иные населенные пункты, включая сельские, выполняющие функции опорных	* развитие опорной сети транспортной инфраструктуры * обеспечение энергетической и социальной инфраструктурой, жильем	23 центра субъектов РФ вне агломераций 1709 населенных пунктов

Критерии и перечень населенных пунктов по категориям **отработан со всеми регионами и ФОИВ** (> 1 000 предложений регионов получено)

ИТОГО 2319 населенных пунктов

Рис. 1. Классификация населенных пунктов, согласно концепции СПР РФ 2030

Проблема

В условиях сложившейся системы расселения и административно-территориального устройства задачи достижения национальных целей, исполнения показателей улучшения качества среды усложняются еще больше. Выдвигается гипотеза, что национальные цели соответствуют современным представлениям о качестве жизни, но их реализация будет проблематична на региональном уровне вследствие проблем сложившейся системы расселения, связанных с градостроительной асимметрией.

В целях реализации национальных целей на уровне региона, его муниципальных образований, важно подготовить сбалансированный комплекс градостроительной документации, стратегий социально-экономического развития, сформировать программные кейсы развития территории, рассмотреть комплексно проблемы, возникающие вследствие особенностей административно-территориального устройства, развивать возможности межмуниципального взаимодействия. Для этого необходимо выстроить значимые градостроительные и общенаучные обоснования развития определенных мест в комплексе градостроительной документации, которые обеспечат импульс развития прилегающих к этим местам территорий. Государственная политика, связанная с децентрализацией, стремится к гармоничному развитию страны. А значит, важно понимать проблему и природу градостроительных асимметрий на уровне отдельных регионов и муниципальных образований.

Рассмотрим подробно некоторые дисбалансы системы расселения (рис. 2), характерные для Ростовской области, которые привели к асимметрии:

1. Прерывистость освоения – пространственный дисбаланс, который выражается в следующем:

– исторически сложившиеся конфигурации границ административно-территориального устройства, отражающие пространственные процессы прошлых формаций [6];

- выраженная поляризация населения вокруг административного центра и низкоплотное заселение территории на удалении от центра региона [8];
- сложившееся неравновесное соотношение между площадями земель муниципальной и частной собственности [6, 8, 9];
- неравномерные расстояния между населенными пунктами, от расположенных вплотную друг к другу, до удаленных от центра района более чем на час по транспортно-временной доступности [10];
- неравномерно развитая транспортная сеть между населенными пунктами [6, 7, 12];
- около 500 экстремально малых населенных пунктов: в Ростовской области столько населенных пунктов с числом жителей до 50-и человек, а 67 из них – с нулевой численностью населения) [7].

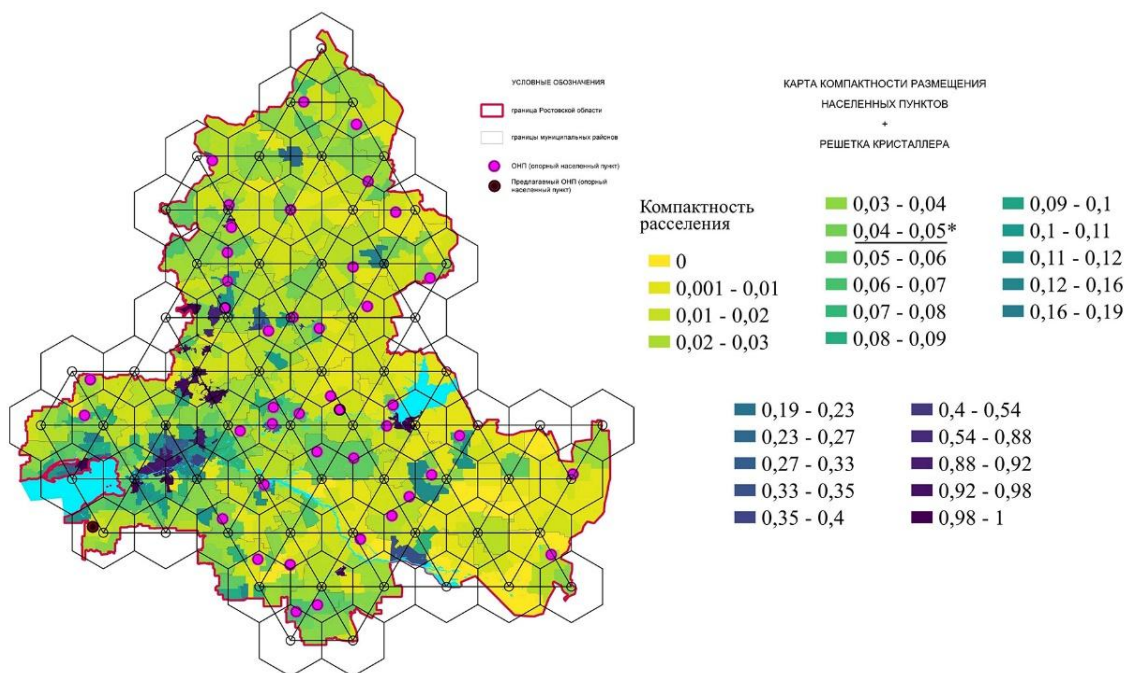

Рис. 2. Асимметрия системы расселения Ростовской области

2. Асинхронность – дисбаланс, вызванный тем, что в границах одного региона и даже муниципального образования отдельные части общества проживают разные этапы развития, что выражено в следующих явлениях:

- выраженной разнице в уровне комфорта среды населенных пунктов, между сельскими и городскими населенными пунктами [11];
- наличии городов и населенных пунктов, образ жизни в которых существенно различается, в одних близок к постиндустриальному, а в других соответствует аграрному обществу [7];
- неравномерности доступности и обеспеченности современными и качественными услугами [10];
- разным уровне качества стратегического планирования, отсутствии синхронности [7, 9, 10];
- отсутствию регионального подхода к разработке местных нормативов градостроительного проектирования, несогласованность размещения объектов местного значения [4].
- разным уровне качества градостроительной документации, отсутствию единого подхода на уровне региона [7, 9, 10].

Рассмотрим, как эти дисбалансы проявили себя в градостроительной документации Ростовской области.

Влияние асимметрии на качество градостроительной документации

Сегодня ставится важная задача – программирование развития территорий. В РФ разработано значительное количество федеральных проектов для развития территорий, регионы стараются привлечь к себе как можно большее количество государственных программ. Задача государства при отборе территорий для реализации национальных проектов – определить обоснованные территории для дальнейшего финансирования, где эффект от реализации того или иного мероприятия будет действительно сильным, даст импульс развитию окружению. Программирование территории требует определенной подготовленности документов территориального планирования, на которые негативно влияют возникающие градостроительные асимметрии.

Для программирования территорий крайне важно понимание возникновения градостроительной симметрии и асимметрии. Чтобы воспользоваться этими категориями, нужны понятные инструменты, предлагается использовать границы различных типов (населенных пунктов, территориальных зон, функциональных зон и др.), установление которых является важной составной частью градостроительного проектирования. Если каждый элемент системы расселения будет иметь установленные границы со своими параметрами и программными мероприятиями, тогда градостроительная симметрия и асимметрия, как важные характеристики системы расселения, позволят оценить результаты планирования, а также выявить возможности совершенствования проектного решения.

Рассмотрим вопрос эффективности территориального планирования при разработке градостроительной документации в Ростовской области с учетом исторически сложившегося административно-территориального устройства. Генеральные планы городских округов, схемы территориального планирования районов, поселений опираются на административно-территориальное устройство. Оно крайне важно для пространственного планирования территории, ведь на его основе происходит определение границ функциональных и территориальных зон, размещение объектов местного значения, градостроительное нормирование (МНГП). При этом административно-территориальное устройство сложилось исторически, в течение XX века имело множественные преобразования, важно, что никакого научного обоснования с точки зрения территориального планирования оно не имеет. Сегодняшнее административно-территориальное устройство в количестве 55 муниципальных образований установилось с 90-х годов XX столетия и является историческим продолжением аграрного устройства области.

Кроме административно-территориального устройства, важным фактором является и сложившееся землепользование, при котором около 74% территории РО находится в собственности граждан и юридических лиц (следует отметить, что по этому показателю РО является лидером и значительно опережает другие регионы РФ, согласно данным государственного (национального) доклада Росреестра о состоянии и использовании земель в 2023 году)⁴. Оставшиеся 26% (или 2639.1 тыс. га) в государственной и муниципальной собственности, и далеко не все подходят для градостроительной деятельности. В эти территории обоснованно входят земли лесного фонда (244.7 тыс. га), водного фонда (217.3 тыс. га), земли ООПТ (11.7 тыс. га) и неудобья.

Немалую долю из 26% занимают и земли промышленности и иного назначения, на которых расположены автомобильные дороги общего пользования. Таким образом, территории, которые имеют ограничения для реализации градостроительного развития по форме собственности и категории, составляют не менее 80% от площади всей области.

⁴ Национальный доклад Росреестра о состоянии и использовании земель. URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 14.11.2024).

Оставшиеся же 20% территорий зачастую не обладают значимым градостроительным потенциалом или потенциалом развития экологического каркаса области.

Градостроительное планирование в таких условиях принимает вынужденный характер, пространственное развитие населенных пунктов, определение траекторий линейных объектов, границ населенных пунктов, территориальных зон зачастую не могут иметь оптимальную конфигурацию. Нередко в генеральных планах городских округов, населенных пунктов границы имеют причудливую форму, не отвечающую закономерностям градостроительного развития. Сегодняшнее кадастровое устройство РО является достаточно зрелым и последствия ранее принятых решений уже проявляются при пространственном развитии. В таких условиях соблюдение интересов всех жителей значительно усложняется, зачастую генеральный план становится инструментарием развития частных интересов в большей мере, нежели общественных.

Все населенные пункты РО окружены земельными участками, которые находятся в частной собственности, что в значительной мере влияет на пространственное развитие и зачастую является непреодолимым препятствием для выстраивания гармоничной градостроительной композиции. Муниципальные земли, которые могли бы использоваться для развития территории, в ряде случаев не достаточны для реализации полномочий муниципалитетов в области градостроительства.

Уже эти два фактора оказывают существенное влияние на градостроительную политику от определения границ населенных пунктов до размещения объектов местного значения и вызывают значительные асимметрии градостроительного развития. Это влияет на качество градостроительных решений, которые носят вынужденный характер. В итоге для реализации утверждается не самый эффективный вариант развития территории. Этот эффект со временем будет только усиливаться. Для компенсации этого негативного эффекта есть механизм – городские агломерации, при делимитации границ которых тоже опираются на административно-территориальное устройство и землеустройство, но все же городские агломерации имеют значительно больший ресурс межмуниципального взаимодействия для преодоления асимметрии.

Рассмотрим влияние указанных выше асимметрий на качество документации территориального планирования в Ростовской области.

СТП муниципального района – сложности асимметрии

Этот документ территориального планирования опирается на стратегию социально-экономического развития района и региональный закон о территориально-административном устройстве субъекта⁵. Одним из значимых результатов СТП муниципального района для дальнейшего формирования долгосрочных планов развития является перечень ОМЗ (с проектными параметрами объекта) и карта размещения ОМЗ районного уровня. К ОМЗ муниципального района относятся: автомобильные дороги местного значения, объекты образования, физической культуры и спорта, утилизации отходов, электро- и энергоснабжения⁶.

Размещение этих объектов предусматривается на население, проживающее в границах муниципального района. Такой подход очень удобен, если сложилось оптимальное административно-территориальное устройство и взаиморасположение населенных пунктов симметрично относительно административного центра. Однако на практике мы имеем несколько иную ситуацию. Конфигурация административных границ района и геометрическое расположение его центра (как правило, опорного населенного пункта) не всегда оптимизированы. Форма района может быть очень разнообразной, вытянутой,

⁵ Областной закон Ростовской области от 25.07.2005 N 340-ЗС (ред. от 26.04.2022) «Об административно-территориальном устройстве Ростовской области» (принят ЗС РО 07.07.2005).

⁶ Ч. 3 ст. 19, ГрК РФ

изогнутой и др., а административный центр может располагаться не в геометрическом центре, а непосредственно у границы. Кроме этих особенностей, изрезанность границ муниципальных районов создает эффект прорастания одного района в другой, когда жителям одного района удобнее получать социальные услуги в другом районе (рис. 3). В таком случае есть сложности с размещением ОМЗ, а также определением их вместимости.

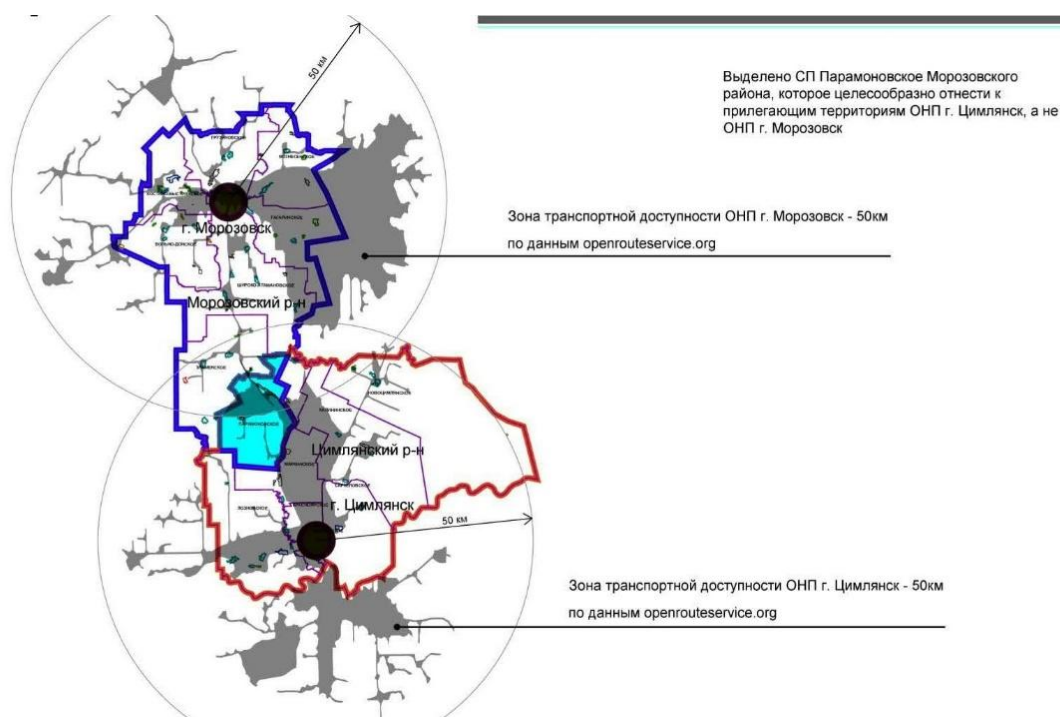

Рис. 3. Прорастание одного района в другой, изрезанность границ муниципального образования

Учитывая указанные выше риски нерационального и недостаточно обоснованного размещения ОМЗ при разработке СТП муниципального района РО, возможно, в отдельных случаях, имеет смысл оптимизировать административно-территориальное устройство области, искать формы межмуниципального взаимодействия, так как форма района и характер землеустройства имеют критическое значение для решения некоторых градостроительных вопросов.

Генеральный план городского округа – сложности асимметрии

При разработке генерального плана городского округа важными результатами являются перечень (с основными характеристиками объекта) и схема размещения ОМЗ, проектные границы населенного пункта, конфигурации границ функциональных зон. Эти важные выводные положения документа территориального планирования городского округа, которые решают пространственные задачи, зависят от границ муниципального образования и внутреннего землепользования, которые складывались без учета интересов пространственного развития муниципальных образований.

Интересным примером асимметрии является МО городской округ город Каменск-Шахтинский РО. Граница округа подобна «щупальцам», извивающимся между землями другого муниципального образования. На рисунке 4 приведен фрагмент кадастровой карты Росреестра с границами ГО г. Каменск-Шахтинский.

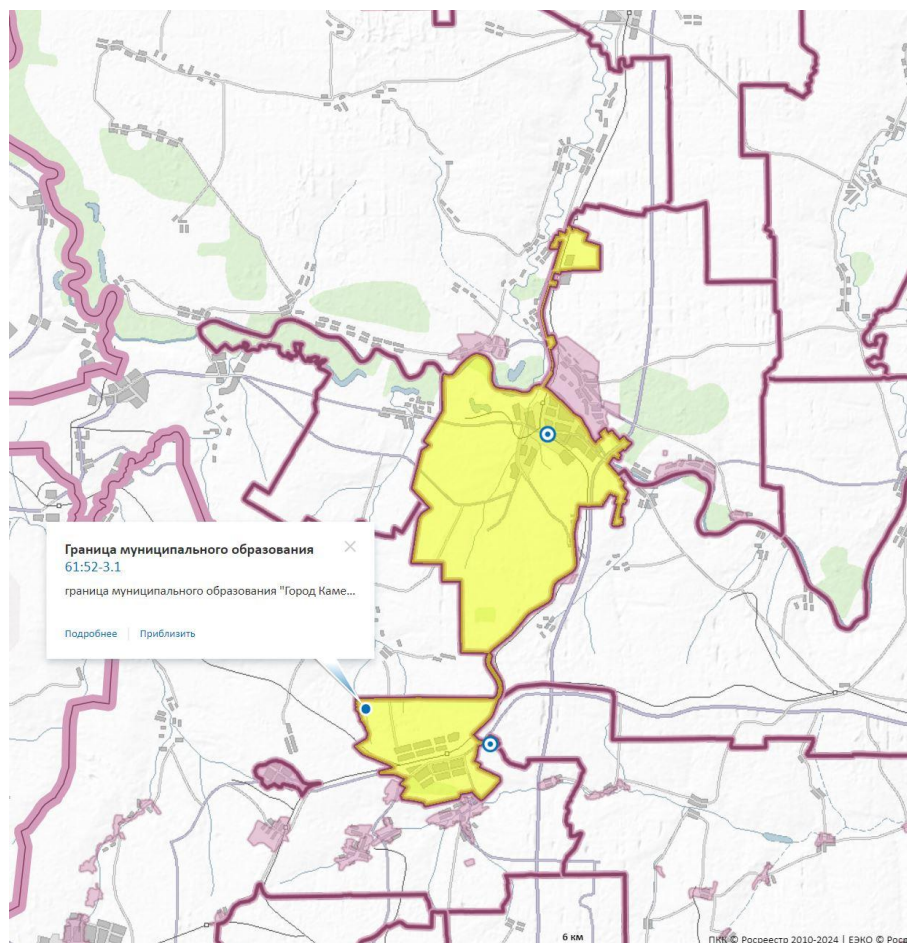

Рис. 4. Карта границ МО г. Каменск-Шахтинск по данным сайта Росреестр (контур населенного пункта выделен желтым)

Генеральный план городского и сельского поселения – сложности асимметрии

Важными разделами генерального плана городских и сельских поселений является размещение ОМЗ и их перечень с основными характеристиками, границы населенных пунктов и границы функциональных зон. Поселения являются частью районов и вопросы размещения объектов в области физической культуры и массового спорта, образования, здравоохранения, обработки, утилизации, обезвреживания, размещения твердых коммунальных отходов решаются на уровне муниципального района, но учитываются на уровне поселения⁷.

В связи со сложным землеустройством, недостатком подходящих земель в муниципальной собственности, для решения вопросов местного самоуправления приходится применять не самые оптимизированные решения. В результате образуются границы населенных пунктов, а, следовательно, и функциональных зон, траектории линейных объектов – странной, лишенной градостроительной логики формы. Приведены примеры границ населенных пунктов – станция Ольгинская и хутор Махин (рис. 5, 6). Эти примеры иллюстрируют градостроительную асимметрию, вынужденность конфигураций границ населенных пунктов. Рельеф территории, а также иные пространственные факторы не оказывают влияние на характер развития перспективной застройки.

Таким образом, градостроительная асимметрия имеет значительное влияние на принятие градостроительных решений. Чем большее количество асимметрий характерны для

⁷ Т. 23, ГрК РФ

территории, тем более «вынужденное» градостроительное решение формируется. Вынужденность градостроительного решения характеризуется – нерациональностью, причудливостью геометрических форм, слабой градостроительной логикой и др.

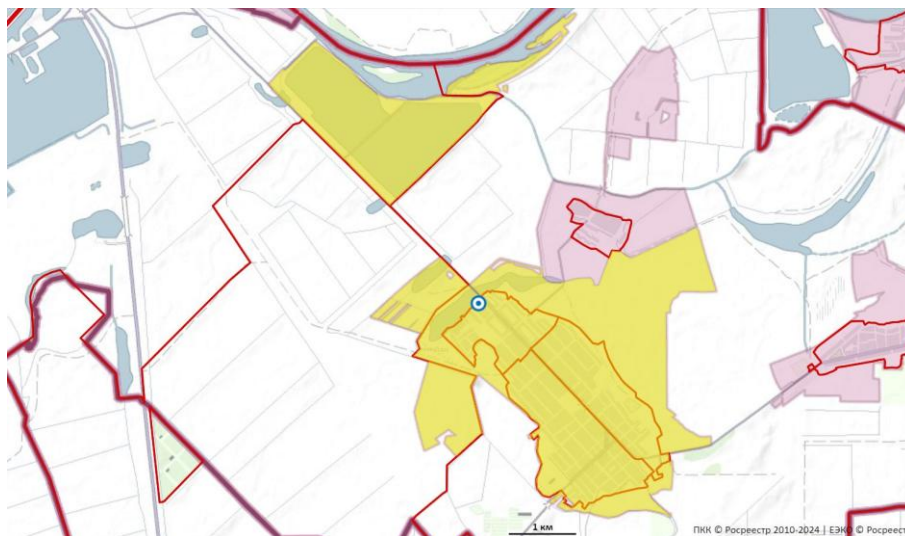

Рис. 5. Граница населенного пункта станица Ольгинская Ольгинского сельского поселения Аксайского района Ростовской области по данным сайта Росреестр (контур населенного пункта выделен желтым)

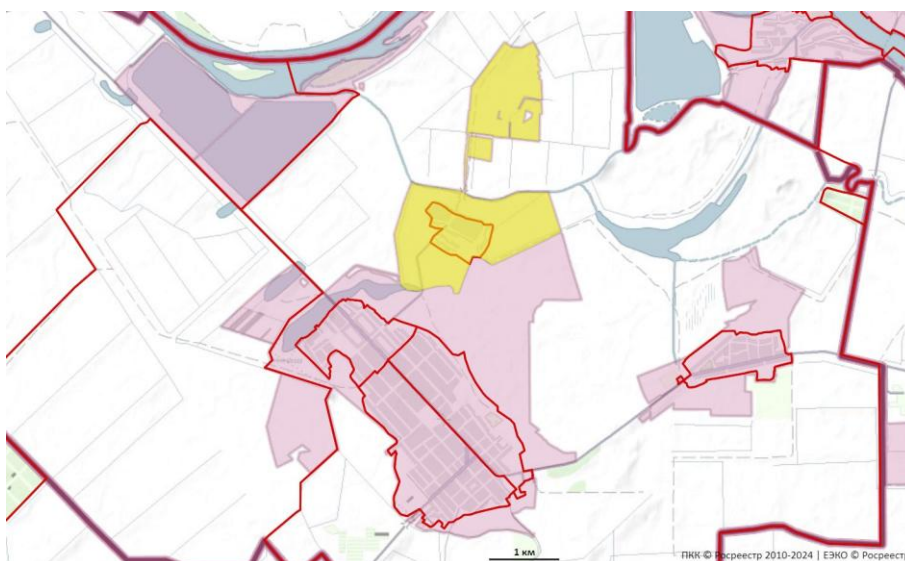

Рис. 6. Граница населенного пункта хутор Махин Ольгинского сельского поселения Аксайского района Ростовской области по данным сайта Росреестр (контур населенного пункта выделен желтым)

Заключение

В статье были рассмотрены примеры «вынужденных» градостроительных решений на примере Ростовской области, пространственные характеристики которых имеют слабую градостроительную обоснованность. Таких примеров в региональной практике территориального планирования немало. Действующие документы территориального планирования содержат массу «вынужденных» градостроительных решений, противоречащих принципам планировочной организации.

Государство нацелено на ускорение темпов строительства, множество «вынужденных» градостроительных решений могут получить реализацию, что усилит асимметрию системы расселения Ростовской области. В этой связи предложены некоторые рекомендации, которые могут стать основой для выстраивания градостроительной симметрии системы расселения Ростовской области:

- научно-обоснованная оптимизация границ административно-территориального устройства;
- градостроительное нормирование с учетом преодоления асимметрии (калибровка, перенормировка расчетных показателей);
- выстраивание межмуниципального взаимодействия с учетом установленных градостроительных нормативов, способствующих формированию симметричных (оптимальных) решений в документах территориального планирования;
- управляемое пространственное сжатие в целях достижения градостроительной симметрии;
- СТП района, генеральные планы городского округа, поселения, должны носить более директивный характер и быть основой для формирования и обоснования долгосрочных планов развития (возможно, для некоторых МО целесообразна передача полномочий в области разработки документов территориального планирования в субъект);
- выстраивание более сложной системы ступеней социального обслуживания, учитывающей асимметрию системы расселения;
- применение градостроительных механизмов, способствующих преодолению «вынужденности» градостроительных решений, в том числе комплексного развития территорий;
- принятие решений о разработке новых видов градостроительной документации – единого документа территориального планирования, мастер-плана городского округа (в соответствии с проектом внесения изменений в Градостроительный кодекс на основе предложений Минстроя РФ), так как эти документы могут разрабатываться в границах двух и более муниципальных образований, тем самым усиливая межмуниципальное взаимодействие.

Пространственное взаимодействие населенных пунктов связано с особенностями и закономерностями размещения объектов местного и регионального значения на территории, в т. ч.: социальных и коммунальных объектов, объектов транспортной инфраструктуры, экологозащитных мероприятий, объектов безопасности, эвакуации и т. д. Пространственное взаимодействие населенных пунктов является ресурсом достижения градостроительной симметрии. Достижение оптимальных градостроительных решений в сложившейся практике Ростовской области – важная региональная задача формирования единого подхода в градостроительном проектировании.

Более подробное и обоснованное исследование способов достижения градостроительной симметрии при территориальном планировании является целью дальнейшего исследования.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL:

https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/koncepciya_strat_eqii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

Рис. 2, 3. Рисунок автора.

Рис. 4-6. URL: <https://pkk.rosreestr.ru> (дата обращения: 14.11.2024).

Список источников

1. Абдулкадыров Ю.Н. Роль принципа симметрии в научном познании: автореф. дис. ... д-р. философских наук: 09.00.08. Москва, 1997. 34 с.

2. Хисматуллина Ю.Р. Симметрия, асимметрия и диссимметрия в структуре и развитии живой материи: автореф. дис. ... канд. философских наук: 09.00.08. Саратов, 2005. 20 с.
3. Стейнхардт П. Невозможность второго рода. Невероятные поиски новой формы вещества / пер. с англ. А. Сергеева. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. 416 с.
4. Мазаев А.Г. Градостроительная лимология – новый раздел в градостроительной теории / А.Г. Мазаев, Г.В. Мазаев // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РАССН. 2020. №1. С. 10-15.
5. Мазаев Г.В. Градостроительная лимология в системе смежных наук // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РАССН. 2020. №4. С. 11-16.
6. Садковская О.Е. Пространственное взаимодействие населенных пунктов в Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №3(68). С. 298-312. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/19_sadkovskaya.pdf (дата обращения: 14.11.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-298-312
7. Садковская О.Е. Опорные населенные пункты на территории Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2023 №4(65). С. 215-235. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/15_sadkovskaya.pdf (дата обращения: 14.11.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-215-235
8. Садковская О.Е. «Новая градостроительная политика» на территории Ростовской области // Архитектон: известия вузов. 2023. №4(84). URL: http://archvuz.ru/2023_4/13/ (дата обращения: 16.11.2024).
9. Садковская О.Е. Регулирование градостроительной деятельности на территории городов Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. №3(52). С. 173-192. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/3kvart20/PDF/09_sadkovskaya.pdf (дата обращения: 14.11.2024). DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15209
10. Садковская О.Е. Центры межмуниципального обслуживания Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №1(62). С. 183-196. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/1kvart23/PDF/11_sadkovskaya.pdf (дата обращения: 14.11.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-183-196
11. Садковская, О.Е. Региональная адаптация малоэтажной модели Стандарта комплексного развития территории // Архитектон: известия вузов. 2023. №1(81). URL: http://archvuz.ru/2023_1/19/ (дата обращения: 16.11.2024).
12. Косенкова Ю.Л. Понимание границ городского пространства в российском градостроительстве: от 1920-х к 2020-м // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 3. С. 88-96. DOI: 10.22337/2077-9038-2023-3-88-96

References

1. Abdulkadyrov Yu.N. *Rol' principa simmetrii v nauchnom poznanii* [The role of the principle of symmetry in scientific knowledge (Cand. Dis. Thesis)]. Moscow, 1997, 34 p.
2. Hismatullina Yu.R. *Simmetriya, asimmetriya i dissimmetriya v strukture i razvitii zhivoj materii (avtoref. kand. dis.)* [Symmetry, asymmetry and dissymmetry in the structure and development of living matter (Cand. Dis. Thesis)]. Saratov, 2005, 20 p.
3. Stejnhardt P. *Nevozmozhnost' vtorogo roda. Neveroyatnye poiski novoj formy veshchestva* [Impossibility of the second kind. Incredible search for new form of substance]. Moscow, 2022, 416 p.

4. Mazaev A.G., Mazaev G.V. *Gradostroitel'naya limologiya – novyj razdel v gradostroitel'noj teorii* [Urban limology - a new section in urban planning theory]. Academic Bulletin of Uralniiproekt RAASN, 2020, pp. 10-15.
5. Mazaev G.V. *Gradostroitel'naya limologiya v sisteme smezhnyh nauk* [Urban limology in the system of related sciences]. Academic Bulletin of Uralniiproekt RAASN, 2020, pp. 11-16.
6. Sadkovskaya O. Spatial interaction of settlements in the Rostov region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2024, no. 3(68), pp. 298-312. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/19_sadkovskaya.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-298-312
7. Sadkovskaya O.E. Basic settlements in the Rostov region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023, no. 4(65), pp. 215-235. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/15_sadkovskaya.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-215-235
8. Sadkovskaya, O.Ye. "New urban planning policy" in the Rostov region. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2023, no.4(84). Available at: http://archvuz.ru/en/2023_4/13/
9. Sadkovskaya O. The Regulation of Urban Development in the Cities of Rostov Region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2020, no. 3(52), pp. 173-192. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/3kvart20/PDF/09_sadkovskaya.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15209
10. Sadkovskaya O.E. Intermunicipal service centers of the Rostov region, 2023, no. 1(62), pp. 183-196. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/1kvart23/PDF/11_sadkovskaya.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-183-196
11. Sadkovskaya O.Ye. Regional adaptation of the low-rise model of the integrated territorial development standard. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2023, no.1(81). Available at: http://archvuz.ru/en/2023_1/19/
12. Kosenkova Yu.L. Conception of Boundaries of Urban Space in Russian Urban Planning: from the 1920s to the 2020s. *Academia. Architecture and Construction*, 2023, no. 3, pp. 88-96.

ОБ АВТОРЕ

Садковская Оксана Евгеньевна

Кандидат архитектуры, заместитель директора по научной работе, ГАУ РО «Региональный научно-исследовательский и проектный институт градостроительства», Ростов-на-Дону, Россия
ok_sadkovskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sadkovskaya Oksana E.

PhD in Architecture, Deputy Director for Scientific Work, «Regional Research and Design Institute of Town Planning», Rostov-on-Don, Russia
ok_sadkovskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.1

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-173-188

EDN: OJRIRF

Архитектурно-пространственное проектирование как вид градостроительной деятельности и инструмент эффективного планирования развития территорий**Анна Николаевна Береговских¹**ООО «Институт территориального планирования «Град», Омск, Россия
aberegovskih@itpgrad.ru

Аннотация. Сложный мир требует наращивания научного потенциала во всех сферах социального, культурного и экономического развития, особенно важным и ответственным блоком системы жизнеустройства является планирование комплексного и устойчивого развития территорий – основы государственного управления, главенствующей целью которого неизменно при любой властной конструкции является повышение качества жизни населения страны. Статья посвящена исследованию текущего состояния дел в сферах градостроительного проектирования и планирования развития территорий, выявлению наиболее проблемных вопросов и подготовке предложений по совершенствованию, оформлению, уточнению места и роли архитектурно-пространственного проектирования в системе градостроительной деятельности через закрепление базовых, смысловых, содержательных положений понятиями и их определениями.

Ключевые слова: градостроительная деятельность, градостроительная документация, архитектурно-пространственное проектирование, мастер-план, планирование развития территорий

Для цитирования: Береговских А.Н. Архитектурно-пространственное проектирование как вид градостроительной деятельности и инструмент эффективного планирования развития территорий // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 173-188. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/10_beregovskikh.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-173-188. EDN: OJRIRF

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

Architectural and spatial design as a form of urban planning activity and a tool for effective territorial development planning**Anna N. Beregovskikh¹**Institute of Territorial Planning «Grad» LLC, Omsk, Russia
aberegovskih@itpgrad.ru

Abstract. In a complex world, the need for expanding scientific potential in all areas of social, cultural, and economic development is crucial. One of the most significant and responsible components of the life-support system is the planning of comprehensive and sustainable territorial development—an essential foundation of state governance, whose primary goal, regardless of the political structure, is to improve the quality of life for the population. This article examines the current state of urban planning and territorial development, identifies key challenges, and

¹ © Береговских А.Н., 2025

proposes improvements. It also aims to clarify the role and position of architectural and spatial design within the broader urban planning system by defining and solidifying its fundamental conceptual framework and key terminologies.

Keywords: urban planning activity, urban planning documentation, architectural and spatial design, master plan, territorial development planning

For citation: Beregovskikh A.N. Architectural and spatial design as a form of urban planning activity and a tool for effective territorial development planning. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no. 1(70), pp. 173-188.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/10_beregovskikh.pdf

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-173-188. EDN: OJRIRF

Введение

Любая профессиональная деятельность строится на научно обоснованной методологии, фундаментом которой является терминология, свод понятий и их определений, формирующих, очерчивающих, объясняющих предметную область профессии. Градостроительная деятельность в ее современной трактовке, предьявленной законодателем, «страдает» недооформленностью, недосказанностью, противоречиями и даже явными конфликтами.

ГрК РФ определяет градостроительную деятельность как «деятельность по развитию территорий, в том числе городов и иных поселений, осуществляемую в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции, сноса объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений, комплексного развития территорий и их благоустройства»². Содержание градостроительной деятельности включает в себя все процессы, связанные с планированием, проектированием, строительством, эксплуатацией и ликвидацией построенного. Деятельность охватывает множество участников: чиновников, проектировщиков, строителей, коммунальщиков и многих других.

Согласно утвержденному приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.01.2023 № 27н профессиональному стандарту градостроитель осуществляет деятельность по «развитию территорий, в том числе городов и иных поселений в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории»³. Целью деятельности градостроителя стандарт определил организацию, подготовку и утверждение документов территориального планирования, градостроительного зонирования, нормативов градостроительного проектирования и документации по планировке территории.

Таким образом, к градостроителям стандарт относит только градостроителей-проектировщиков и градостроителей-заказчиков (представителей государственных и муниципальных органов власти, уполномоченных в сфере архитектуры и градостроительства) проектов нормативов градостроительного проектирования, документов территориального планирования, градостроительного зонирования и документации по планировке территории, существенно ограничивая их деятельность. Например, мастер-планы и концепции пространственного развития стандарт не относит к профессиональным компетенциям градостроителей. В ряде регионов и городов России такие документы уже разрабатывают организации, не имеющие в штате ни архитекторов,

² Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023), ст. 1.

³ Об утверждении профессионального стандарта «Градостроитель»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 января 2023 г. № 27н.

ни инженеров градостроительной направленности, а заказчиками выступают не органы власти, уполномоченные в сфере архитектуры и градостроительства.

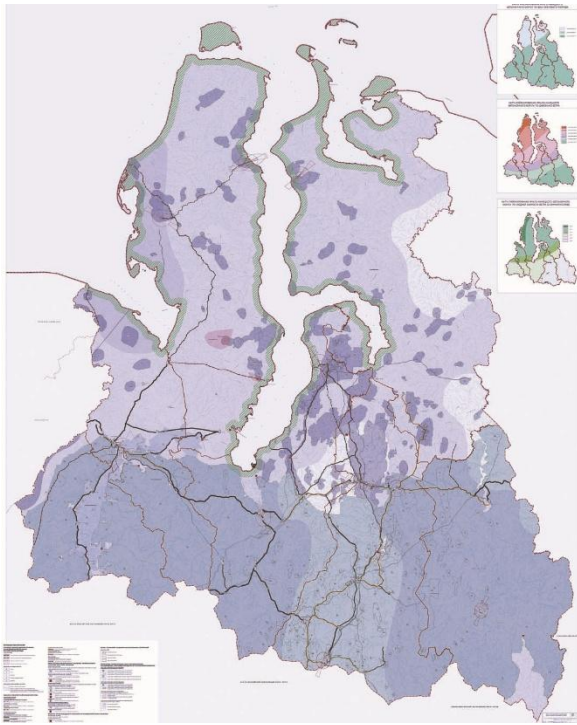
Мы наблюдаем системные ошибки в понятиях, формирующих, определяющих профессию: 1) отсутствие содержательной цели как самой градостроительной деятельности, так и деятельности градостроителей (цель – разработка определенного, закрытого перечня проектов документов); 2) определение понятия через самого себя. И кодекс, и стандарт пронизаны таким подходом: градостроители – это те, кто занимается градостроительством; функциональное зонирование – это зонирование, установленное генеральным планом; территориальное зонирование – это зонирование, установленное правилами землепользования и застройки. И так далее... Отсутствие целей архитектурно-пространственного планирования, неопределенность назначения и смысла каждого из объектов планирования, неучет влияния планируемых объектов друг на друга и недооценка зависимостей объектов друг от друга привели к последовательному упрощению решений, а комплексность развития территорий из стратегического целеполагания (принципы устойчивого развития) мутировала в организационно-правовой механизм реновации локальных территорий. Исключение из документа, формирующего, институционализирующего градостроительную деятельность, вопросов стратегического планирования, прогнозирования и целеполагания повлекли за собой проблемы пространственной организации урбанизированных территорий, надвигающиеся и уже происходящие процессы разрушения экосистем, утрату ценностей жизнеустройства и сбалансированности пространственной организации территориального развития [11, 9].

Выхолащивание, обеднение, ограниченность и примитивизм – это характеристики современного градостроительства в представлении действующего законодательства, низведшего градостроителей с пьедестала высокой государственной ответственности за культурное пространство страны [4] до задачи строительства квадратных метров жилья с минимальным сопутствующим инфраструктурным набором элементарных услуг как можно больше, дешевле и быстрее⁴.

В противовес применяемым на законных основаниях инструментам (территориальное планирование, градостроительное зонирование, планировка территорий) (рис. 1) в течение двух-трех последних лет достаточно успешно и ярко проявил себя новый неинституционализованный инструмент планирования – мастер-план. Не зажатый в законодательные тиски мастер-план «всколыхнул» всю градостроительную деятельность и активизировал все профессиональное сообщество.

Мастер-планирование при поддержке правительства страны и федеральных институтов развития стремительно вышло на первые позиции, множество наработанных практик в разных регионах от Дальнего Востока до Кавказа, разного масштаба и различных подходов создали отличные условия для проведения комплексных исследований и выработки научно обоснованной методологии в целях перехода на новый инновационный путь комплексного планирования развития территорий на основе архитектурно-пространственного проектирования с применением новейших цифровых и гуманитарных технологий. Но руководящие силы пошли традиционным путем, вместо организации глубокой, тщательной, многовариантной научной проработки дано поручение о срочной интеграции мастер-плана в законодательство о градостроительной деятельности.

⁴ Видеозапись круглого стола «Кристалл роста строительной отрасли: как строить больше, быстрее, дешевле» в рамках Восточного экономического форума – 2024. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2024-delovaya-programma-na-puti-k-novoy-reforme-stroitelnoy-otrasli-v-rossii/translation/#> (дата обращения: 31.10.2024).

a)

б)

в)

г)

д)

Рис. 1. Законодательно установленные виды градостроительной документации: а) схема территориального планирования ЯНАО; б) генеральный план г. Омска; в) фрагмент правил землепользования и застройки г. Уссурийска; г) проект планировки территории элемента планировочной структуры г. Тюмени; д) проект межевания территории элемента планировочной структуры г. Тюмени

О совершенствовании планирования развития территорий на современном этапе

Институты территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территорий очевидно не справились с главной государственной задачей. Президентом страны 7 ноября 2023 г. было дано поручение о разработке и утверждении единых требований к структуре и содержанию мастер-планов развития городов, квалификационных требований к их разработчикам, а также об обеспечении интеграции мастер-планов в российское градостроительное законодательство⁵.

Минэкономразвития России утвердило приказом № 273 от 6 мая 2024 г. Методические рекомендации по разработке документов территориального планирования муниципального уровня, в которых определило место мастер-планов в составе материалов по обоснованию генеральных планов⁶. В методических рекомендациях понятия «концепция пространственного развития» и «мастер-план» отождествлены, назначение концепций (мастер-планов) – определить приоритеты социально-экономического и пространственного развития, ключевые отрасли, территории и проекты для инвестиций, базовые показатели, решения по планировочной структуре, основы архитектурно-пространственной композиции. Разработка концепций (мастер-планов) рекомендуется при отсутствии стратегий социально-экономического развития. И это очень спорный момент, так как большинство муниципальных стратегий не содержат положений о пространственном развитии, но в наличии существуют. Вызывает сомнение и то, что утверждаемая часть генерального плана осталась неизменной (только функциональное зонирование, размещение планируемых объектов местного значения, границы населенных пунктов). Такое решение, безусловно, нельзя считать за выполненное поручение президента, оно лишь легализовало реализуемый и ранее подход многих высокопрофессиональных и государственно-ответственных заказчиков и проектировщиков к подготовке материалов по обоснованию генеральных планов.

⁵ Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития дальневосточных городов от 7 ноября 2023 г. № Пр-2217 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72690> (дата обращения: 28.10.2024).

⁶ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений (проектов внесения изменений в такие документы): приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 6 мая 2024 г. № 273.

На заседании комиссии Государственного Совета РФ по направлению «Инфраструктура для жизни», прошедшего 30 сентября 2024 г. под руководством Председателя Комиссии, Раиса Республики Татарстан Рустама Минниханова при участии Заместителя Председателя Правительства РФ Марата Хуснуллина, при обсуждении хода подготовки, структуры и ключевых параметров формируемого национального проекта «Инфраструктура для жизни», которым предусмотрено улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30% к 2030 году и мероприятия по разработке 200 мастер-планов, продекларировано, что проекты нормативно-правовых актов уже подготовлены и закрепление понятия «мастер-план» в федеральном законодательстве состоится до конца текущего года⁷.

В интервью ТААС 3 октября 2024 г. в рамках Международного форума и выставки 100+TechnoBuild первый заместитель министра строительства и ЖКХ РФ Александр Ломакин в своем выступлении подтвердил, что до конца 2024 года планируется закрепить понятие мастер-плана законодательно. «Мы сделаем его совмещенным стратегическим документом градостроительного развития и социально-экономического роста», – сказал заместитель министра⁸.

Действительно, Минстрой России 2 октября 2024 года направил в федеральные органы исполнительной власти и федеральные институты развития законопроект, разработанный во исполнение названного выше поручения, в котором предложено заменить статью ГрК РФ 28.1, дав ей название «Единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования (мастер-план) поселения, муниципального образования, городского округа»⁹. Единым документом (мастер-планом) согласно законопроекту признается генеральный план, который содержит: положения о развитии территории; положение о территориальном планировании; карту или карты зонирования территории; эскизы архитектурно-градостроительного облика планируемых к размещению объектов местного значения; предложения по изменению границ территориальных зон и градостроительных регламентов; предложения по размещению объектов регионального значения и соответствующему внесению изменений в региональные схемы территориального планирования; план мероприятий реализации мастер-плана развития территорий.

Законопроектом определено пять целей подготовки и утверждения мастер-плана, изложим их в сокращенном виде, сохраняя главные смыслы: повышение эффективности использования территорий, в том числе формирование комфортной городской среды, создание мест обслуживания и мест приложения труда; обеспечение развития транспортной, социальной, инженерной инфраструктур, благоустройства территорий, повышение транспортной доступности инфраструктуры; формирование единой градостроительной политики применительно к территориям соседствующих муниципальных образований; создание условий для достижения показателей и реализации мероприятий, предусмотренных национальными проектами и государственными программами; обеспечение развития туристских территорий.

Содержание мастер-плана, заменяющего «единый документ», существенно расширено, значительным комплементарным дополнением можно считать положения, включающие

⁷ На заседании комиссии Госсовета РФ по направлению «Инфраструктура для жизни» обсудили параметры нового национального проекта // Сайт Минстроя России. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/na-zasedanii-komissii-gossoveta-rf-po-napravleniyu-infrastruktura-dlya-zhizni-obsudili-parametry-nov/> (дата обращения: 30.10.2024).

⁸ Первый замглавы Минстроя: идея опорных пунктов в РФ не значит, что жизнь будет только там // Сайт Минстроя России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/pervyy-zamglavy-minstroya-ideya-opornykh-punktov-v-rf-ne-znachit-cto-zhizn-budet-tolko-tam/> (дата обращения: 30.10.2024).

⁹ Проект федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации» (ID проекта: 02/04/11-24/00152224152224) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152224> (дата обращения: 06.11.2024).

план развития территории и план его реализации, синхронизированный с периодичностью бюджетного планирования, муниципальными программами и показателями достижения стратегических целей социально-экономического развития. По сути, это возврат плана реализации генерального плана, упраздненного из ГрК РФ в 2011 году разрушительным законом ФЗ-41¹⁰. А вот главная, утверждаемая часть мастер-плана, заменившего единый документ (ранее заменивший генеральный план), опять осталась неизменной: положение о территориальном планировании содержит все те же сведения о планируемых к размещению объектах местного значения и планируемых объектах регионального и федерального значения, основанных на ранее принятых соответствующими документами территориального планирования вышестоящих уровней власти решениях; на картах зонирования территории отображаются все те же объекты, что и были предусмотрены для единого документа. Единственным дополнением к традиционному набору решений относятся эскизы архитектурно-градостроительного облика планируемых к размещению объектов местного значения, отображающие характеристики и цветовые решения объектов капитального строительства. Эскизы должны подлежать учету при подготовке требований к архитектурно-градостроительному облику объектов капитального строительства, указанных в градостроительном регламенте. Но этого крайне недостаточно! Необходимо строить архитектурно-пространственные модели территорий, на основе которых возможно разрабатывать объемно-пространственный регламент, необходимый для формирования качественной городской среды [6, 7]. Если законопроект будет принят в подобном виде, это значит, что комплексное архитектурно-пространственное проектирование вновь будет приостановлено на неопределенное время.

О месте и роли архитектурно-пространственного проектирования в системе градостроительной деятельности

Можно предположить, что территориальное планирование, градостроительное зонирование и планировка территорий осуществляются посредством градостроительного проектирования. И эта версия подтверждается уже устоявшимся понятием «градостроительная документация», к которой традиционно относят документы территориального планирования, документы градостроительного зонирования и документацию по планировке территорий.

В состав документов территориального планирования входят федеральные, региональные и муниципальные схемы территориального планирования и генеральные планы. К документам градостроительного зонирования относятся правила землепользования и застройки. К документации по планировке территорий относятся проекты планировки и межевания территорий. Для каждого из названных видов действуют нормативы градостроительного проектирования, что позволяет сделать вывод о том, что каждый вид требует градостроительного проектирования, в том числе и сами нормативы градостроительного проектирования требуют градостроительного проектирования. И действительно, контракты заключаются на разработку *проектов* нормативов градостроительного проектирования, *проектов* схем территориального планирования, *проектов* генеральных планов, *проектов* планировки и межевания. Статус документов приобретает после утверждения *проектов* нормативов градостроительного проектирования, *проектов* схем территориального планирования и *проектов* генеральных планов, а вот *проекты* планировки и межевания территорий и после утверждения остаются *проектами*, утвержденными проектами. Почему? Логичного объяснения нет. Чем отличается документ от документации? Почему на федеральном и региональном уровне документ территориального планирования интерпретирован в *схему*, а на уровне муниципального образования в *план*? Разобраться в сути предьявленных кодексом наименований «документы», «документация», «схемы», «планы», «правила» и «проекты» в рамках статьи не представляется возможным. Здесь мы только дополнительно обращаем

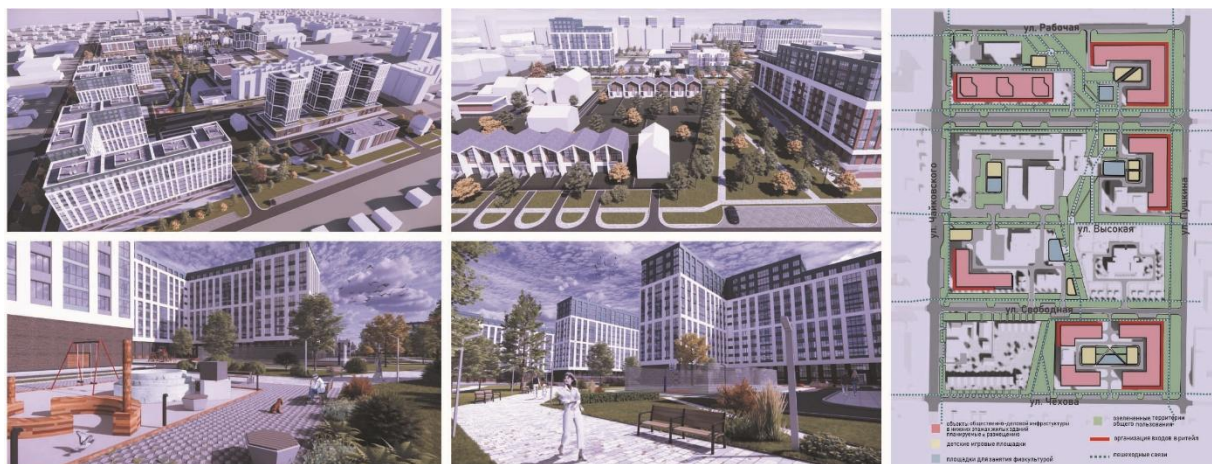
¹⁰ О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части вопросов территориального планирования: Федеральный закон от 20.03.2011 № 41-ФЗ.

внимание на назревшую необходимость системной переработки всего комплекса руководящих документов, начать которую нужно с разработки профессиональной концепции.

Положение осложняется и тем обстоятельством, что перечень установленных видов градостроительной документации ограничен, но по основным содержательным признакам к нему можно отнести стратегические и локальные мастер-планы, концепции пространственного развития, комплексные планы инфраструктурного развития, проекты благоустройства общественных пространств и многие другие проекты, результатами которых являются решения по архитектурно-пространственному планированию и регулированию развития территорий. Известно, что во многих регионах широко распространены практики разработки уникальных проектов, целью которых определено повышение качества городской среды, комплексное инфраструктурное развитие, озеленение, формирование общественных пространств и стрит-ритейла, создание современных многофункциональных общественных центров, гостевых городских маршрутов и многие другие проекты (рис. 2). Причиной приведенных «несовершенств» можно предположить отсутствие научно обоснованной концепции создания системы градостроительного планирования, разработать которую должны были профессиональные градостроители в качестве методологической основы формирования нормативно-правовой, нормативно-технической и методической базы [8].

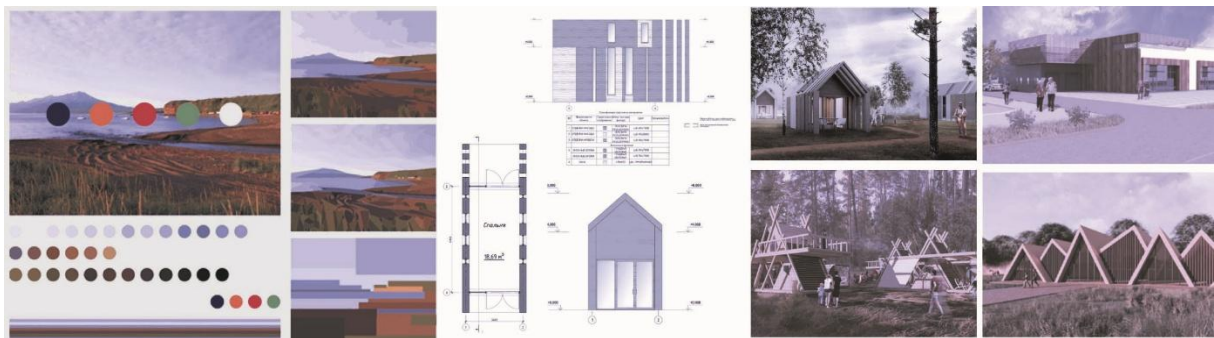
a)

b)

в)

г)

Рис. 2. Различные виды архитектурно-пространственных проектов: а) мастер-план г. Холмска; б) мастер-план территории, подлежащей КРТ, г. Благовещенск; в) архитектурная концепция обустройства гостевого маршрута г. Лабитнанги – п. Харп; г) стандарт архитектурно-художественного облика общественно-деловой и жилой застройки Курильских островов

Для выстраивания логики совершенствования градостроительной деятельности и ее институционализации целесообразно внести корректировки в базовое понятие, закладывающее основу для всей терминологической матрицы градостроительной деятельности. Не разрушая позицию законодателя, которая заключается в том, что градостроительная деятельность включает в себя все виды деятельности, результаты которых фиксируют, координируют и контролируют разные фазы жизненного цикла объекта капитального строительства (от замысла до ликвидации), попробуем сформулировать определение более системно. Градостроительная деятельность – это деятельность, направленная на комплексное и устойчивое социально-экономическое развитие территорий и создание благоприятной среды жизнедеятельности, включает в себя: управление развитием территорий; архитектурно-пространственное проектирование; архитектурно-строительное проектирование; строительство, реконструкцию, капитальный ремонт и снос объектов капитального строительства; благоустройство территорий.

Предложенное определение достаточно четко позиционирует архитектурно-пространственное проектирование, к результатам которого будут отнесены все документы, утверждающие решения по: стратегическим приоритетам, целям и задачам пространственного развития; пространственным каркасам (социокультурному, транспортно-планировочному, природно-экологическому, экономическому) и политикам градостроительных преобразований; стандартам инфраструктурного жизнеобеспечения; планируемому размещению объектов транспортной, социальной, коммунальной, энергетической, жилищной, промышленной, туристической, административно-деловой

инфраструктур; определению планировочной структуры, зон и линий градостроительного регулирования; установлению требований к архитектурно-градостроительному облику зданий и сооружений; установлению требований к планировочной организации и параметрам территорий различного функционального назначения. Такое определение концентрируется на смыслах, а не на формальных названиях документов, тем самым оставляя возможности для инноваций, для новых прогрессивных идей, для перехода к проектированию комплексных архитектурно-пространственных проектов в формате цифровых информационных моделей. Такой проект можно назвать мастер-планом, если доработать законопроект, предлагаемый Минстроем в рамках исполнения поручения президента об интеграции мастер-плана в законодательство о градостроительной деятельности.

Такой подход меняет приоритеты, отдавая главенствующую роль не формализованному документу (документации), а решениям, направленным на достижение целей комплексного и устойчивого социально-экономического развития и создание благоприятной среды жизнедеятельности, утверждающим объекты планирования и/или регулирования, совокупность которых формирует условия для архитектурно-строительного проектирования в границах земельных участков. Так передается эстафета от архитектурно-пространственного проектирования к архитектурно-строительному проектированию, от него – к строительству объекта и далее к его эксплуатации.

Преимуществом предлагаемого подхода является вариативность при определении заказчиком состава и содержания архитектурно-пространственного проекта развития региона, муниципального образования, города, поселка или локальной территории, требующей комплексной трансформации или небольших преобразований. Средствами архитектурно-пространственного проектирования решается главная задача создания благоприятной среды жизнедеятельности, формирования культурного пространства с учетом природных особенностей (климата, рельефа, геологии, водных и лесных ресурсов), местной идентичности, традиций и финансово-экономических возможностей.

Ключевое слово в контексте архитектурно-пространственного планирования – план. План развития территориального объекта. План является инструментом управления развитием территорий и подлежит целенаправленной и последовательной реализации через другие инструменты, используемые при осуществлении других видов градостроительной деятельности: архитектурно-строительное проектирование; строительство, реконструкцию, капитальный ремонт и снос объектов капитального строительства; благоустройство территорий. К категории архитектурно-пространственного проектирования могут быть отнесены проекты следующих планов: стратегические мастер-планы территорий (стратегии пространственного развития); генеральные планы землепользования и застройки территорий; комплексные (локальные, ведомственные) планы инфраструктурного развития территории; детальные планы развития и межевания территорий (предлагается переименовать проекты планировки и межевания территорий и расширить их содержание за счет включения моделей архитектурно-пространственной организации территорий и объемно-пространственного регламента) [1].

Содержание архитектурно-пространственного проекта

Архитектурно-пространственное планирование – это комплекс взаимно согласованных решений, направленных на достижение целей комплексного социально-экономического и устойчивого развития территорий Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, агломераций, городов и других территорий. Цели определяются органами государственной и муниципальной власти исходя из приоритетных направлений, ценностных ориентиров, предпочтений общественных институтов, бизнес-сообществ и граждан.

В зависимости от множества условий: стратегических приоритетов, определенных национальными проектами; демографического и инвестиционного прогнозов;

административно-территориального устройства; размеров территории и численности населения; природных и климатических особенностей; культурных традиций и ценностей; состояния жилищного фонда, транспортной, социальной и коммунальной инфраструктуры – формулируются задачи и конкретизируется содержание архитектурно-пространственного проекта. Для повышения эффективности управления развитием территорий, улучшения качества и взаимной согласованности решений разработка архитектурно-пространственного проекта может быть организована в виде комплексного проекта, содержащего компоненты (части, разделы проекта): стратегический мастер-план; генеральный план землепользования и застройки; комплексный план инфраструктурного развития; детальные планы развития и межевания отдельных территорий первоочередного освоения или преобразования.

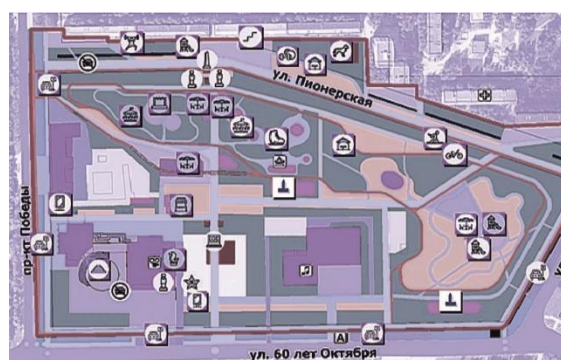
Преимущества комплексного проекта уже не раз доказывались автором статьи [3] и подтверждались успехами и наградами реализованных проектов ИТП «Град»¹¹. Бесспорными достоинствами комплексного проекта в сравнении с разработкой отдельных проектов в разное время и разными разработчиками являются:

- высокое качество решений за счет применения полной, актуальной и юридически значимой базы данных о современном состоянии и использовании территорий, о принятых решениях и выданных разрешениях, о действующих правах и ограничениях использования территорий;
- оптимальная скорость разработки проекта за счет целесообразной последовательности принятия решений: вначале социокультурные ценности, приоритеты, цели и задачи, затем целевые показатели, пространственные каркасы и градостроительные политики, планировочная структура и организация территории, зонирование и установление красных линий, параметры развития элементов планировочной структуры, регламент использования земельных участков, требования к архитектурно-градостроительному облику и благоустройству, уточнение мест размещения социально значимых объектов и комплексов, включая локальные общественные центры;
- гарантия взаимной согласованности всех решений и их эффективное использование в управленческой и инвестиционной деятельности, а также адаптивность проекта к текущим изменениям за счет его создания в виде цифровой информационной модели по единой системе требований к цифровому описанию объектов планирования и регулирования.

Наименование проекта не имеет большого значения, комплексный проект развития города может быть назван мастер-планом и включать в себя весь комплекс решений, необходимых для эффективного развития городского культурного пространства, для повышения инфраструктурного качества среды жизнеустройства, для привлечения в городские проекты талантливых инициативных людей и внебюджетных инвестиций (рис. 3).

а)

б)

¹¹ См., напр.: Определены победители IV Национального конкурса «ПРОФ-ИТ. Инновация» // «ПРОФ-ИТ.Инновация». URL: <https://prof-it.d-russia.ru/novosti/opredeleny-pobediteli-iv-natsionalnogo-konkursa-prof-it-innovatsiya> (дата обращения: 28.10.2024); На ЦИПР-2023 подвели итоги премии CIPR DIGITAL // ЦИПР. URL: <https://cipr.ru/news/na-cipr-2023-podveli-itogi-premii-cipr-digital/> (дата обращения: 28.10.2024).

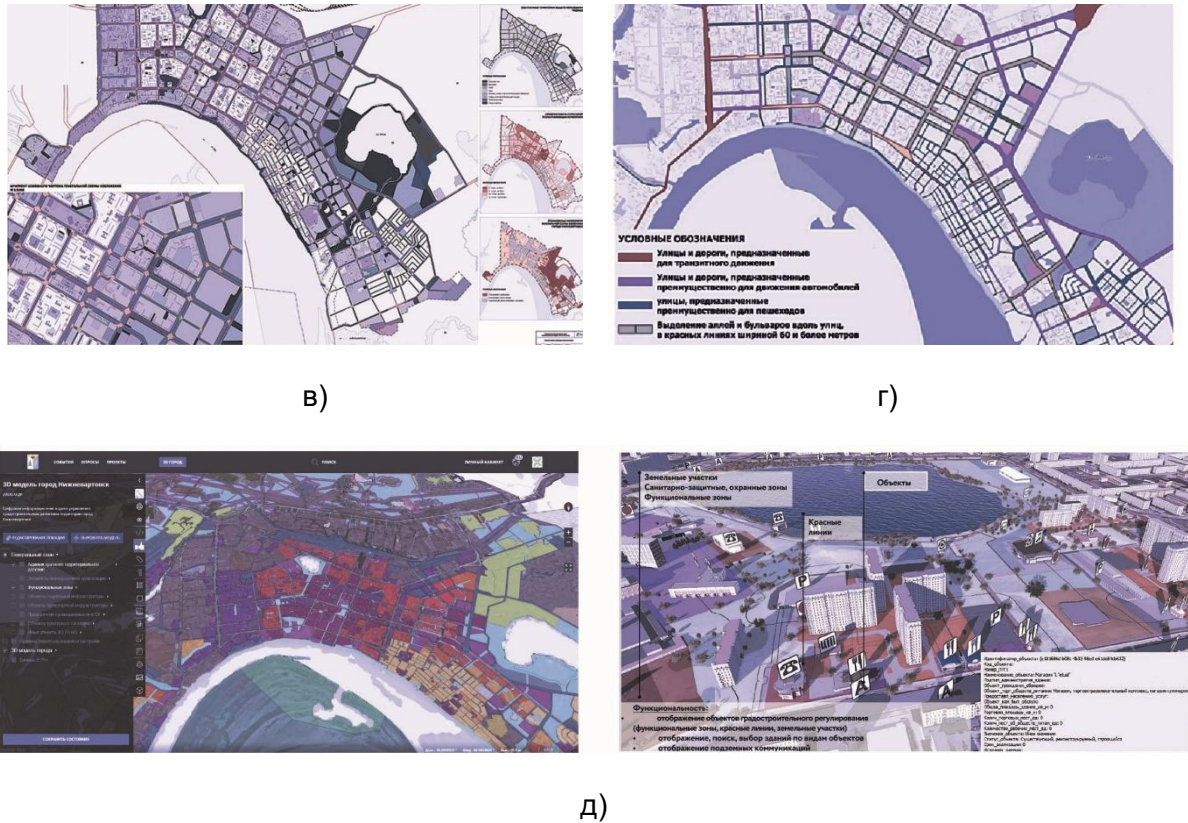

Рис. 3. Комплексный архитектурно-пространственный проект создания цифровой информационной модели управления развитием территории города Нижневартовска: а) схема расположения Нижневартовской агломерации в ХМАО – Югре; б) мастер-план развития общественных пространств в центральной части города; в) генеральный план города; г) проект планировки территории улично-дорожной сети; д) цифровая информационная модель управления развитием территории (ЦИМ УРТ). 3D-портал

Принципиальную важность при реализации комплексного подхода имеют стандарты для основных группформирующих объектов архитектурно-пространственного планирования и градостроительного регулирования, включая классификацию этих объектов и правила их цифрового описания. В то же время перечни объектов планирования и регулирования не должны быть закрытыми, современный мир меняется быстро, организация жизнедеятельных процессов трансформируется в зависимости от множества внешних вызовов и внутренних обстоятельств, меняется транспортное поведение, меняется понимание понятия «рабочее место», сегодня даже образование может быть получено по оригинальным сценариям, кардинально отличным от традиционных, вчерашних. Все это влияет на оценку человеком качества городской среды.

Аналогично негативному влиянию на качество градостроительной деятельности в целом жесткой фиксации названий видов градостроительной документации, такое же негативное влияние оказывает отсутствие единой классификации базовых объектов градостроительного (архитектурно-пространственного) планирования и регулирования, для которых стандарты также необходимы как для кирпичей, из которых можно творить бесконечное количество уникальных объектов. К таким «классическим», необходимым всегда, при любом политическом устройстве, при любых сменах парадигм жизнеустройства можно отнести объекты стратегического и тактического планирования и градостроительного регулирования.

К объектам стратегического планирования относятся объекты пространственных каркасов (транспортно-планировочного, природно-экологического, социокультурного,

экономического), объекты планировочной структуры (оси, центры, планировочные массивы, планировочные районы), объекты макрозонирования (укрупненные функциональные зоны, зоны политик градостроительного преобразования), другие объекты стратегического характера. К объектам тактического планирования относятся планируемые к размещению объекты транспортной, социальной, коммунальной, энергетической, рекреационной, туристической и иной инфраструктуры федерального, регионального и местного значения, объекты капитального строительства производственного, жилого и коммерческого назначения (инвестиционные объекты), образуемые и изменяемые земельные участки. К объектам градостроительного регулирования относятся границы населенных пунктов, зоны с особыми условиями использования территорий, охранные зоны объектов культурного наследия, особо охраняемые природные территории, территориальные зоны, элементы планировочной структуры, красные линии и зоны отступа от них, зоны планируемого размещения объектов капитального строительства, зоны действия публичных сервитутов и прочие подобные объекты. К объектам градостроительного регулирования косвенно можно отнести территории с особым режимом хозяйствования (особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, зоны территориального развития, закрытые административно-территориальные образования и т. п., обуславливающие, как правило, некие налоговые и административные преференции или, напротив, ужесточающие отдельные административные режимы).

Применение стандартов к объектам планирования и регулирования обеспечит выход на новый уровень проектирования в формате цифровых информационных моделей управления развитием территорий (ЦИМ УРТ) [2], позволит в «умном» формате в едином информационном пространстве [10] проектировать и создавать «умные города» и «умные» системы расселения [5].

Выводы

Архитектурно-пространственное проектирование – это основополагающий государственно-ответственный вид градостроительной деятельности, результаты которого призваны обеспечить эффективность управления развитием территорий в целях комплексного пространственного и социально-экономического развития страны, регионов, городов и других территорий посредством планирования, регулирования, информирования, предоставления государственных и муниципальных услуг. Это главный инструмент инфраструктурного и инвестиционного планирования развития страны, регионов, городов и других территорий. Это инструмент регулирования градостроительных и земельно-имущественных отношений, обеспечивающий баланс между общественным благом и частным интересом. Результаты архитектурно-пространственного проектирования отвечают за культурное пространство страны в целом и формируют условия для архитектурно-строительного проектирования зданий и их ансамблей.

Современное цифровое общество требует перехода от традиционного градостроительного проектирования и управления развитием территорий к цифровому информационному моделированию архитектурно-пространственных образов и градостроительных регламентов на основе данных, методов и технологий.

Для формирования полноценной нормативно-правовой, нормативно-технической и методической базы необходима научно обоснованная профессиональная концепция совершенствования системы архитектурно-пространственного проектирования, разработанная совместными усилиями градостроителей – ученых и практиков.

Источники иллюстраций

Рис. 1-3. Иллюстрации составлены автором статьи.

Список источников

1. Береговских А.Н. Градостроительное проектирование как интеллектуальный базис системы управления развитием территорий // Вестник МГСУ. 2024. № 19 (8). С. 1248-1259.
2. Береговских А.Н. Концептуальные основы создания цифровой информационной модели управления развитием территорий // Вестник Евразийской науки. 2024. Т 16. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/02SAVN224.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
3. Береговских А.Н. Преимущества разработки комплексных проектов градостроительного развития городов и агломераций // Вестник Евразийской науки. 2024. Т 16. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/84SAVN324.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
4. Боков А.В. Культурное пространство. Москва: TATLIN, 2024. 192 с.
5. Есаулов Г.В. «Умный» город в цифровой экономике // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 4. С. 68-74. URL: <https://aac.raasn.ru/index.php/aac/issue/view/6/Academia.%20Architecture%20and%20Construction.%20%20No4%2C%202017> (дата обращения: 25.10.2024).
6. Крашенинников А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды: монография. Москва: КУРС, 2020. 210 с.
7. Крашенинников А.В. Градостроительные условия саморазвития городских территорий / А.В. Крашенинников, М.О. Абрамова // Фундаментальные поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2022-2023 годы: Научные труды РААСН в 2-х томах. Том 1. Москва: АСВ, 2024. С. 391-400.
8. Моисеев Ю.М. Формирование городских пространств: парадигмы планирования и результаты развития // Наука, образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов. Труды международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Москва: МАРХИ, 2023. С. 292-293.
9. Раев Ю.В. Стратегическое планирование: современное состояние и концептуальные основы формирования целостной модели регулирования пространственного и социально-экономического развития страны // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 2. С. 124-131. URL: <https://aac.raasn.ru/index.php/aac/article/view/612/471> DOI: 10.22337/2077-9038-2024-2-124-131
10. Трухачев С.Ю. Особенности и тенденции использования интеллектуальных систем в области управления российскими городами / С.Ю. Трухачев, Е.О. Хитёва // Фундаментальные поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2022-2023 годы: Научные труды РААСН в 2-х томах. Том I. Москва: АСВ, 2024. С. 591-599.
11. Шубенков М.В. Концепция устойчивого развития урбанизированных территорий // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №4(65). С. 169-179. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/12_shubenkov.pdf (дата обращения: 25.10.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-169-179

References

1. Beregovskih A.N. *Gradostroitel'noe proektirovanie kak intellektual'nyj bazis sistemy upravlenija razvitiem territorij* [Urban planning design as the intellectual basis of the territorial development management system]. Vestnik MGSU, 2024, no.19 (8), pp. 1248-1259.
2. Conceptual foundations for the creation of a digital information model for managing the development of territories. The Eurasian Scientific Journal. 2024;16(2): 02SAVN224. Available at: <https://esj.today/PDF/02SAVN224.pdf>
3. Beregovskikh A.N. Advantages of developing integrated urban development projects for cities and agglomerations. The Eurasian Scientific Journal. 2024;16(3): 84SAVN324. Available at: <https://esj.today/PDF/84SAVN324.pdf>
4. Bokov A.V. *Kul'turnoe prostranstvo* [Cultural space]. Moscow, 2024, 192 p.
5. Esaulov G.V. Smart city in digital economy. Academia. Architecture and construction, 2017, no. 4, pp. 68-74. Available at: <https://aac.raasn.ru/index.php/aac/issue/view/6/Academia.%20Architecture%20and%20Construction.%20%20No4%2C%202017>
6. Krasheninnikov A.V. *Kognitivnaja urbanistika: arhetipy i prototipy gorodskoj sredy: monografija* [Cognitive urbanism: archetypes and prototypes of the urban environment: a monograph]. Moscow, 2020, 210 p.
7. Krasheninnikov A.V., Abramova M.O. *Gradostroitel'nye uslovija samorazvitija gorodskih territorij* [Urban planning conditions for the self-development of urban areas. Fundamental exploratory and applied research of the RAASN (Russian Academy of Architecture and Construction Sciences) on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2022-2023: Proceedings of the RAASN in 2 volumes, vol. I]. Moscow, 2024, pp. 391-400.
8. Moiseev Ju.M. *Formirovanie gorodskih prostranstv: paradigmy planirovanija i rezul'taty razvitija* [Shaping urban spaces: planning paradigms and development outcomes. Science, education and experimental design: report abstracts. Proceedings of the international scientific and practical conference of the teaching staff, young scientists and students]. Moscow, 2023, pp. 292-293.
9. Raev Ju.V. Strategic Planning: Modern Status and Conceptual Foundations for the Formation of a Spatial and Socio-Economic Holistic Regulation Model of the Country. Academia. Architecture and construction, 2024, no. 2, pp. 124-131. Available at: <https://aac.raasn.ru/index.php/aac/article/view/612/471> DOI: 10.22337/2077-9038-2024-2-124-131
10. Truhachev S.Ju., Hitjova E.O. *Osobennosti i tendencii ispol'zovanija intellektual'nyh sistem v oblasti upravlenija rossijskimi gorodami* [Features and trends in the use of intelligent systems in the field of management of Russian cities. Fundamental exploratory and applied research of the RAASN (Russian Academy of Architecture and Construction Sciences) on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2022-2023: Scientific works of the RAASN in 2 volumes. Proceedings of the RAASN in 2 volumes, vol. I]. Moscow, 2024, pp. 591-599.
11. Shubenkov M.V. The concept of sustainable development of urbanized territories. Architecture and Modern Information Technologies, 2023, no.4(65), pp. 169-179. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/12_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-169-179

ОБ АВТОРЕ**Береговских Анна Николаевна**

Руководитель ООО «Институт территориального планирования «Град», советник Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры (отделение в Москве); профессор Международной академии архитектуры, член Совета НП «Национальная гильдия градостроителей»; заведующая кафедрой «Градостроительство» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, Омск, Россия
aberegovskih@itpgrad.ru

ABOUT THE AUTHOR**Beregovskikh Anna N.**

CEO of the Institute of Territorial Planning «Grad» (LLC ITP «Grad»), Advisor to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Member-Correspondent of the International Academy of Architecture (Moscow Branch); Professor of the International Academy of Architecture; Member of the Council of NP «National Guild of Urban Planners»; Head of Department «Urban Planning» in Siberian State Highway University, Omsk, Russia
aberegovskih@itpgrad.ru

Статья поступила в редакцию 13.11.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 502:711.41(470.11-25)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-189-205

EDN: OMCCNM

Региональные особенности архитектурно-планировочной идентичности Архангельска в концепции «природа-культура-архитектура»**Вера Дмитриевна Акишева¹**Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
akish-vera@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию Архангельска, как старейшего поселения арктической зоны РФ. В работе отражены изменения функций города в геополитическом и экономическом контекстах государственной политики и влияние Архангельска, как центра на обширные территории Русского Севера. Автором рассмотрены идентичность города в концепции «природа-культура-архитектура», влияние природных и географических факторов на формирование облика с начала основания поселения, выбор строительного материала – дерева, функциональное использование которого прослеживается в многообразии применения всех отраслей хозяйствования. Автор затрагивает вопросы утраты качества городской среды, в связи с изменениями, связанными с распадом СССР. Проведенные исследования выявили единообразие природных факторов на Европейской территории арктической зоны РФ, что послужило основанием для поиска новых критериев оценки идентичности Архангельска: многослойность идентичности с наличием слоев, связанных с освоением Арктики, торговлей, обороной страны, многонациональностью города, судостроением и лесопилением.

Ключевые слова: Архангельск, архитектурно-планировочная идентичность города, деревянная архитектура, архитектурное и историческое наследие

Для цитирования: Акишева В.Д. Региональные особенности архитектурно-планировочной идентичности Архангельска в концепции «природа-культура-архитектура» // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 189-205.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/11_akisheva.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-189-205. EDN: OMCCNM

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

Regional features of the architectural and planning identity of Arkhangelsk within the «nature-culture-architecture» concept**Vera D. Akisheva¹**Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
akish-vera@yandex.ru

Abstract. This article explores the development of Arkhangelsk as the oldest settlement in the Arctic zone of the Russian Federation. It examines the evolving functions of the city in the geopolitical and economic contexts of state policy, as well as its influence as a regional center over vast areas of the Russian North. The authors analyze the city's identity through the «nature-culture-architecture» framework, emphasizing the impact of natural and geographical factors on

¹ © Акишева В.Д., 2025

its urban form since its founding. Particular attention is given to the choice of wood as the primary building material, reflecting its functional use across various economic sectors. The article also addresses the decline in urban environmental quality following the dissolution of the USSR. The study identifies the uniformity of natural factors across the European Arctic zone of Russia, prompting the search for new criteria to assess the identity of Arkhangelsk.

Keywords: Arkhangelsk, architectural and planning identity, wooden architecture, architectural and historical heritage

For citation: Akisheva V.D. Regional features of the architectural and planning identity of Arkhangelsk within the «nature-culture-architecture» concept. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no. 1(70), pp. 189-205.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/11_akisheva.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-189-205. EDN: OMCCHM

Введение

Пристальное внимание государственных органов к развитию Северного морского пути требует создания качественной городской среды в опорных пунктах АЗРФ. Данный фактор диктует комплексный подход к построению городского пространства.

В коллективном труде «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» под редакцией О.Б. Подвинцева идентичность опорных пунктов и всего макрорегиона строится на геополитическом значении территории, освоении Северного морского пути и важности городов в оборонном поясе страны. Общие аспекты развития поселений и влияние на них природных факторов и климатических условий создают предпосылки для разработки единой концепции идентичности и интеграции ее в применении к каждому населенному пункту на определенных условиях. Базовыми факторами авторы ставят конкуренцию между регионами, подчеркивая существующее внешнее стимулирование, и необходимость поиска ресурсной подосновы для создания качественной городской среды и оформления пространства городов и населенных пунктов [1, 2].

Поселения арктической зоны неоднородны, сравнительные характеристики позволяют определить общие тенденции и различия, выделить логистические и промышленные, научно-технические и историко-архитектурные критерии интегральной идентичности. Если первые относятся к урбанизации, и в основном их развитие зависит от государственного финансирования, то критерии, связанные с историко-архитектурным наследием и научно-технической базой могут стать подосновой создания идентичности. Первые – как реперные точки культурной и исторической многогранности территорий, а вторые – центры ее исследований. Подход к определению идентичности поселений макрорегиона, основная часть которых создана в XX веке, в существующей концепции: «природа-культура-архитектура» позволяют выявить единообразие развития:

- связь с водной артерией и Северным морским путем;
- климатические условия: полярная ночь и полярный день, снежные покровы;
- природные ландшафты тундры и тайги;
- культура малых народов, традиции, промыслы, язык и фольклор;
- традиционное жилье коренного населения;
- здания по типовым проектам, построенным в XX веке.

Сложнее обстоят дела с историческими городами АЗРФ. Здесь включаются многогранные аспекты формирования населенных пунктов на протяжении нескольких столетий. И на первый план выходит архитектурное наследие. Анадырская, Архангельская, Кемско-Беломорская и Салехардская агломерации, созданные в Российской империи как форпосты, города – крепости, торговые пункты в арктическом регионе создавались по воле государства, поселениям закладывались определенные функции, продиктованные геополитическими факторами. Такие поселения имеют общие черты с советскими арктическими городами, но в их образ добавляются исторические формы, на

художественном полотне множество разных мазков и слоев, и они в совокупности диктуют философию идентичности, как отдельных строений, имеющих историческую и культурную подоснову, так и развитие современных архитектурных ансамблей [1, 3, 4].

Являясь старейшим поселением арктической зоны, Архангельск столетия был административным центром Архангельской губернии, простирающейся от границ Финляндии и Норвегии до Печорской низменности, и включающей в себя острова и архипелаги арктического побережья. В своем труде об Архангельской губернии А.П. Энгельгардт в 1897 году впервые назвал эти земли «Русский Север»². Взаимное влияние города и обширных просторов губернии сформировало особый образ городского пространства, требующий детального изучения и исследований для выявления региональных особенностей архитектурно-планировочной идентичности Архангельска.

Архангельск – центр Европейской части арктической территории и столица «Русского Севера»

Архангельск один из первых городов арктической зоны, центр Архангелогородской губернии при Петре I, центр Архангельского наместничества, созданного Указом Екатерины II 26 марта 1784 года. Спустя 12 лет распоряжением Павла I переименованного в Архангельскую губернию, включающую в себя обширные территории арктических островов и архипелагов, материковых земель площадью 858 560,2 км².

Таким образом, будучи центром обширных территорий, Архангельск впитал в себя все многообразие культурных традиций Европейского Севера, является отражением исторических событий и центром научных изысканий. Архивные исследования, сравнительные схемы и карты Архангельской губернии позволяют доказать существенное взаимное влияние города – центра и обширных земель губернии, а также историческую связь Архангельска с современными агломерациями Кольского полуострова, республиками Карелии, Коми и Ненецкого автономного округа (рис. 1).

Рис. 1. Генеральная карта территорий Архангельской губернии. 1824 г.

Архангельск является сокровищницей архивных, исторических и фактологических материалов, которые приоткрывают завесу освоения арктических побережий и научных изысканий Российского государства с XVII по XX века, причин изменения функций

² Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897. 258 с.

населенных пунктов и влияния Архангельска на обширные подведомственные территории. Большой пласт материалов связан с деятельностью губернаторов, по инициативе которых шло развитие Русского Севера. Кроме того город – коллекция древностей для научных и исторических исследований³. На рубеже XIX по XX веков в нем уже существовало четыре музея: Епархиальное Древнехранилище, музей Архангельского Общества изучения Русского Севера, Рыбопромышленный музей и Архангельский городской публичный музей⁴.

Большой вклад в становление территорий губернии внес А.П. Энгельгардт (1893-1901). Его усилиями началось развитие Европейского Севера. Путешествия губернатора на Кольский полуостров, Новую Землю и Печорский край отражены в путевых заметках, очерках и отчетах⁵. Программа развития губернии, составленная Энгельгардтом, поддержанная на государственном уровне и министром финансов С.Ю. Витте, позволила заложить основы освоения территорий, начать строительство железных дорог⁶ и инженерных коммуникаций⁷.

Энгельгардту принадлежит идея создания зимнего дублера Архангельского порта в Екатерининской гавани на Кольском полуострове⁸. Город получил имя Александров на Мурмане (ныне Полярный), в честь императора Александра III. В 1899 году состоялось открытие, построенного за три года поселения. Здания, амбары, эллинги и жилые строения, в том числе церковь Святого Николая по проекту В. Васнецова рубили в Архангельске, морским сообщением перевозили на Кольский полуостров и на месте собирали мастера поморской плотницкой школы. Перевозка деревянных строений была отработана столетиями. Например, в 1764 году рубились дома, амбар и баню для создания на Шпицбергене поселка зимовки экспедиции В.Я. Чичагова. В 1872-1874 годах архангельский купец – почетный гражданин города – Е.А. Плотников по заказу великого князя Алексея Александровича срубил и перевез на границу с Норвегией, на р. Паз, деревянный храм Бориса и Глеба (арх. Д.В. Васильев) [5].

Дело Энгельгардта продолжил губернатор И.В. Сосновский (1907-1911), предложенный на должность П.А. Столыпиным. По мнению историков В.И. Стануевича и С.О. Шаляпина, деятельность И.В. Сосновского имела большое геополитическое значение, так как долгое время в начале XX века сохранялась вероятность потери северных территорий, и повтор ситуации с утратой Шпицбергена. Систематические обращения Сосновского к императору, в министерства и ведомства о развитии и заселении пустующих территорий русскими переселенцами позволили сохранить границы Архангельской губернии и не допустить колонизацию иностранцами Кольского полуострова и Новой земли [6]. Особенно в 1910 году, когда норвежцы попытались назвать архипелаг землей без хозяина. На границе с Норвегией уже к 1913 году появляются первые организованные пограничные посты⁹.

Обширная территория губернии требовала установления более близких связей с губернским центром, поэтому особенностью Архангельска во все времена является многочисленное количество представительств, ведомств и учреждений разных направлений: иностранные консульства, подворья северных монастырей, конторы пароходств, научных учреждений, природных заповедников и промышленных предприятий.

³ ГАО. Ф. р – 273. Оп. 1. Д. 352. Л. 44.

⁴ Каталог Архангельского Городского публичного музея. Архангельск: Губ. тип. 1905. С. 2.

⁵ Энгельгардт А.П. Краткий очерк путешествий архангельского губернатора А.П. Энгельгардта в 1894 году на Мурман, Новую Землю и в Печорский край. Архангельск: Арх. губ. тип., 1894. 31 с.

⁶ Энгельгардт А.П. Волго-Двинская железная дорога: экономическое и торговое значение для Севера России, восточных поволжских губерний, Вятского края и Западной Сибири. Архангельск: Типография губернского правления, 1893. 31 с.

⁷ Энгельгардт А.П. Очерк путешествий архангельского губернатора А.П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск: Арх. губ. тип., 1895. 128 с.

⁸ Энгельгардт А.П. Открытие города и порта «Александровск» при Екатерининской гавани на Мурмане 24 июня 1899 года и путешествие по Архангельской губернии Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича с 23 июня по 2 июля 1899 года. Архангельск: Арх. губ. тип., 1899. 78 с.

⁹ ГАО. Ф. и – 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 631. Л. 8 – 12.

Существенное влияние город, как краевой центр, оказывал на территории Северного края¹⁰ и Северной области¹¹. В XX веке губерния рядом постановлений ВЦИК и СНК РСФСР была административно разделена, появились новые автономные образования (рис. 2). Влияние Архангельска на близлежащие регионы уменьшилось, но сохранились культурные, научные, транспортные и инженерные связи. В современных границах область с центром в Архангельске сформирована 23 сентября 1937 года, ее площадь уменьшилась до 589 913 км² и в настоящее время включает в себя помимо материковой части острова и архипелага АЗРФ и самостоятельный субъект РФ – Ненецкий автономный округ. Является самой северной областью Европейской части России, крайняя точка – Земля Франца-Иосифа.

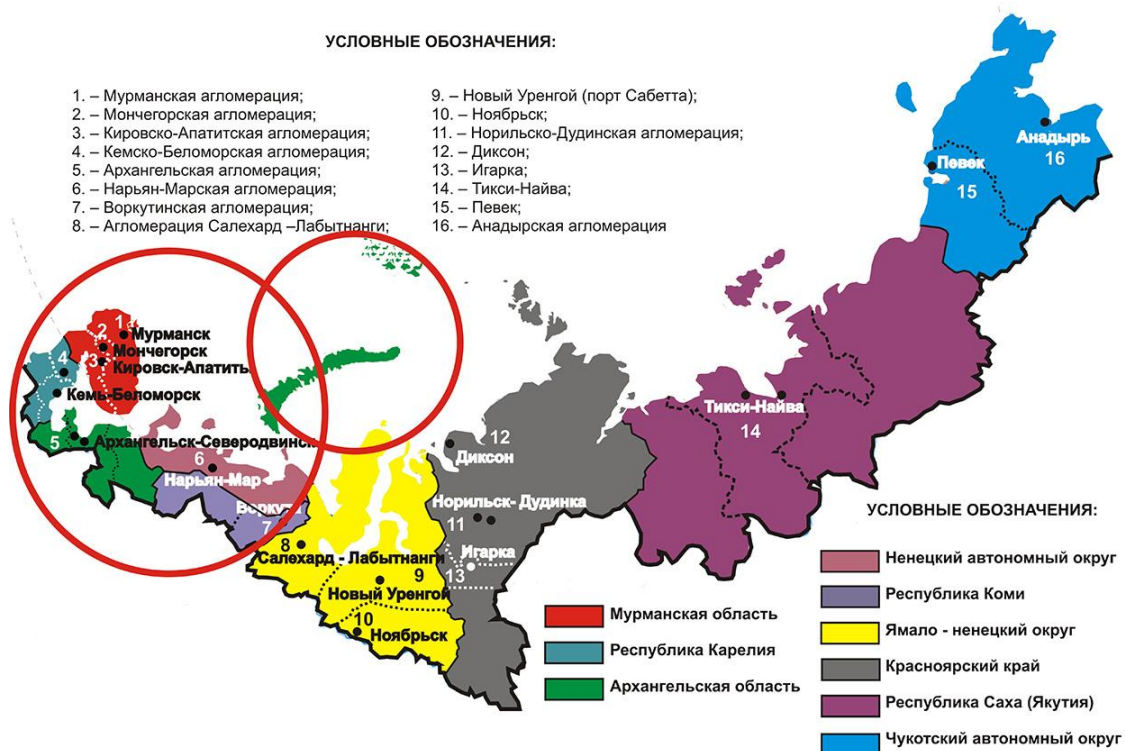

Рис. 2. Схема агломераций АЗРФ с указанием территорий, в том числе островных, ранее принадлежавших Архангельской губернии Российской империи, и преобразованных Постановлениями, Распоряжениями и Декретами ВЦИК и СНК РСФСР с 1918 по 1937 гг. в автономные административные образования

Город в историческом контексте концепции «природа-культура-архитектура»

Влияние природных условий и географическое положение города – в дельте Северной Двины – и близость к Белому морю создали, с одной стороны, благоприятные условия развития Архангельска. Город – первый международный порт, созданный для торговых

¹⁰ Северный край (1.10.1929. – 05.12.1936) образован постановлениями ВЦИК РСФСР от 14.01.1929 г. и 3.06.1929 г. В состав вошли Вологодская, Северо-Двинская губернии, Ненецкий автономный округ и автономная область Коми (Зырян), а также Архангельская губерния с островными арктическими территориями: Вайгач, Земля Франца-Иосифа, Колгуев, Матвеев, архипелаги Новая Земля и Соловецкие острова (особое Положение ВЦИК и СНК РСФСР от 27.03.1927) – По материалам ГААО: Гундакова Л.В., Хрушкая Л.Н., Шумилов Н.А. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII-XX веках. Справочник. Архангельск: ГААО, 1997. 413 с.

¹¹ Северная область (5.12.1936. – 23.09.1937.(с центром в Архангельске)) образована после принятия Конституции СССР на VIII чрезвычайном съезде Советов СССР. – по материалам ГААО: Гундакова Л.В., Хрушкая Л.Н., Шумилов Н.А. Указ. соч.

интересов государства, и северная крепость в обороне страны (1584). С другой, – топкие болота и сложные грунты долгое время не допускали качественного развития на материке, осложняли создание инженерной и транспортной инфраструктуры. При этом одновременно являлись защитой города от нападения неприятеля с востока. Западные и северные границы охраняла Северная Двина. Сложные фарватеры дельты и постоянно движущиеся под водой песчаные косы не позволяли подойти к поселению без профессионального лоцмана, знающего все причуды реки. До строительства железной дороги (1897) все коммуникации шли водным путем или санным по замерзшему руслу Северной Двины. В периоды осеннего ледостава и весенних ледоходов сообщение с городом прекращалось. Отсутствие транспортных магистралей с центром страны создало самобытный городской уклад жизни и ориентацию города на Европу, связь с которой, посредством морских коммуникаций и торговых интересов купечества была более тесной [7].

Существует и еще одна особенность, как заметил Ю.А. Барашков, биография Архангельска не совпадает с судьбой страны, бурное развитие города и его экономические подъемы проходили «в самые тяжелые периоды отечественной истории». Подтверждают данное заключение В.И. Станулевич и С.О. Шаляпин. Роль Архангельска возрастала в годы лихолетий. Как военный форпост, город на протяжении всего периода существования играл значительную роль. Архангельск – город воинской славы, он становился стратегически важным пунктом, развивался в военном, промышленном и инженерном отношении [6, 8].

Слой – «природа»

Во все времена богатства архангельской тайги были основным природным строительным материалом. Первый острог вокруг существующего деревянного Михайло-Архангельского монастыря был возведен за один год из круглого леса. Из дерева строили мосты, храмы, дома, магазины, сараи, заборы, мостовые и малые архитектурные формы. Старый Архангельск представлял собой конгломерат деревянного зодчества во всем своем разнообразии. С созданием здесь всесоюзной лесопилки, новые дома для пролетариата лесозаводов возводились из пиленого леса.

Местное население из дерева шило поморские суда, специфика которых, клинкерный набор досок, шарообразная форма днища и конструкций бортов, позволяла осваивать морские ледовые просторы в высоких широтах и проходить Мангазейский морской ход. Наличие качественного строительного материала и близость к морским коммуникациям послужили основой создания государевых верфей на Соломбальских островах дельты Северной Двины.

С 1693 года до середины XIX века в Архангельском адмиралтействе была построена большая часть всего парусного деревянного военного флота Российской империи. Льготы для кораблестроителей, выданные Петром I, позволили строить корабли на частных верфях, организовать первые судостроительные компании в России и торговать продукцией. В советское время на территории государевых верфей размещены судостроительные и судоремонтные предприятия. При всем разнообразии современного судостроения в агломерации «Большой Архангельск» (от атомного подводного до гражданского флота) в городе все еще сохраняется традиционное деревянное. Работают верфи, занимающиеся шитьем деревянных поморских кочей, шхун и карбасов (рис. 3а,б).

Внедрение электрических двигателей в лесопромышленное производство в конце XIX века положило начало масштабному развитию лесопиления и торговле архангельской доской, а в XX веке – созданию на Севере страны мощнейшего лесопромышленного комплекса с заводами – гигантами на 12 и 24 пилорамы [7]. Организованный в 1921 году трест «Северолес»¹² стал основным поставщиком валютных рублей молодой советской

¹² ГААО. ОДСПИ. Ф.п – 1. Оп. 1. Д. 2314. Л. 97 – 98.

республики, на средства, полученные от архангельского пиловочника, строились индустриальные предприятия страны¹³.

Связь с дикой природой Севера прослеживается в озеленении города. Разработанный в преддверии 50-летнего юбилея Советской власти научными сотрудниками АЛТИ дендрологический проект Архангельска включал в себя разнообразии зеленых зон: скверов, парков, бульваров, аллей и променадов. В озеленении города присутствуют сосна, лиственница, береза и рябина¹⁴. В XXI веке созданы именные рябиновые аллеи городов воинской славы, в честь защитников Отечества и березовая аллея побратимской дружбы.

а)

б)

Рис. 3. Поморские судостроительные традиции, как региональная идентичность города: а) Павильон «Оккерவில்» построен, работниками верфи «Товарищество поморского судостроения» и волонтерами – студентами САФУ с целью сохранения идей поморского судостроения и популяризации его в Архангельске. Главный объект – карбас «Юбиляр», старейшее сохранившееся судно Белого моря, такой тип поморских судов упоминается впервые в летописях Соловецкого монастыря в 1591 г. Фото 2023 г.; б) строительство 20-метровой поморской шхуны на верфи «Товарищество поморского судостроения». Фото 2024 г.

Таким образом, природные условия и географическое положение города сформировали поселение с многообразием функций: торговый центр, военная крепость, государевы верфи, освоение морских просторов Арктики и лесопильный центр Европейского Севера страны. Систематическая рубка леса создала экологическую проблему, привела к закрытию ряда лесопильных предприятий, не выдержавших конкуренции из-за сложной логистики привозного сырья и отмены молевого сплава.

Слой – «культура»

Культурный слой города многообразен, он впитал в себя все элементы народного и древнерусского искусства Архангельской губернии. Художественные смыслы Русского Севера отражены в традиционных поморских орнаментах росписей, одежде, тканых изделиях, а также ремеслах, резьбе по дереву и кости, знаменитых «северных письмах» и деревянной скульптуре древнерусского искусства. Элементы природы и животного мира в архангельском прянике – козуле. Сакральные символы Поморья – птицы. Символизируют чистоту и весеннее настроение, помогали поморам в арктических походах и освоении новых островов и архипелагов, как своеобразные навигационные знаки – летящие на Север, указывали, что где-то во льдах есть неизведанные земли. Изображения птиц можно

¹³ ГААО. ОДСПИ. Ф.п – 1. Оп. 1. Д. 2039. Л. 14 – 15.

¹⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф.п – 834. Оп. 3. Д. 508. Л. 153 – 154.

проследить от росписи кухонной утвари и тканых изделий, до образов ковшей, посуды, игрушки и функциональных конструкций поморских домов (рис. 4а). Традиционная щепная поморская птица – самый известный сакральный символ – приносит семейное счастье (рис. 4а,б). В советское время разнообразие ремесел вдохновили министерство местной промышленности РСФСР создать в Архангельске предприятие народных промыслов, получившее в 1968 году название «Беломорские узоры» [9,10,11].

Поморская культура, литература и искусство лаконично вписаны в облик Архангельска. Миниатюры крылатых кудесников, хранителей Севера, выполненные скульптором О. Сагономь, расположены в разных частях набережной. Образы защитников Архангельска, тесно связаны с историей города. Здесь купец – торговец солью, трескоед, держащий в руках главную рыбу Севера, дети с традиционной свистулькой и птицей счастья, и кудесник-геолог с алмазом в руках (рис. 4в).

Пешеходную улицу города украшает скульптура сказочного помора Сени Малины, стоят памятники Б.В. Шергину и С.Г. Писахову, произведения которых легли в основу многих сказочных мультфильмов и знакомы всем россиянам [3]. Имена писателей Н.К. Жернакова (трилогия «Краснотал»), Е.С. Коковина («Детство в Соломбале»), Ф.А. Абрамова (трилогия «Братья и сестры»), Ю.П. Германа («Россия молодая») отражены в топонимике города. Прославившая Архангельск за рубежом книга Евгении Фрезер «Дом над Двиной», переведена на 6 языков. Памятное место, где стоял отчий дом автора, в разрушенной Немецкой слободе, является местом паломничества российских и иностранных туристов.

Самому известному помору М.В. Ломоносову посвящены три монумента, старейший из которых скульптора И.П. Мартоса открыт в 1832 году. Имя Ломоносова носят округ, проспект, учебные и научные учреждения, театр и федеральный университет. Увлечение ученого производством мозаики годами позже отразилось на художественном оформлении Архангельска. В разнообразии тем, цветовых направлений и масштабности мозаики украшают город. В 2023 году, в подготовке к 440-летию (2024), на ротонде северной границы Петровского парка художниками С. Звягиным и А. Якименко создана мозаичная панорама старого города – вид Архангельска на гавань, причалы пристани Дальних экспедиций и мыс Пур-Наволоок (рис. 4г).

Рис. 4. Поморская идентичность города: а) продукция архангельского предприятия народных промыслов и ремесел «Беломорские узоры»; б) арт-объект на пр. Чумбарова – Лучинского в Архангельске. Поморская щепная птица; в) Крылатый хранитель Севера – торговец солью, установлен на Юрьевом взвозе Буяновой пристани – первом торговом причале Архангельска (склп. О. Сагономь). Фото 2023 г.; г) Мозаичная панорама «Архангельск – первый порт Российского государства» (худ. С. Звягин и А. Якименко). Фото 2024 г.

Слой – «архитектура»

С появлением первого градостроительного документа (1794), качественно продуманной планировки согласно положению на мысе Пур-Наволоок, город стал развиваться с учетом

полученного плана. В XIX веке имел ярко выраженные образования торгового, делового, духовного, военного, судостроительного и промышленного направления. Жилые кварталы на четырех проспектах, вверном расположении улиц, ориентированных на Северную Двину, были застроены усадебными комплексами. Поселение делилось на солдатскую, немецкую с мусульманскими кварталами, адмиралтейскую и другие слободки, где проживало население по занятиям и вероисповеданию.

Застройка велась в основном из дешевого природного материала. Деревянные строения во всем разнообразии стилей подражала каменному зодчеству, но большая часть дореволюционных жилых зданий имела типовой проект. Городской архангельский деревянный дом – это строение, чаще в два этажа, со знаменитым северным крыльцом – роялем, нечетным количеством оконных проемов по главному фасаду, вальмовой кровлей, разнообразными эркерами во вторых этажах и высоким цоколем. Украшением здания были ярко выраженные междуэтажный и карнизный пояса. А также деревянные резные обрамления оконных проемов и сложное членение на входных дверях. Особенностью городского дома – наличие отдельных входов для каждого этажа, четкая ориентация зданий по красной линии, вход с улицы и высокие заборы, ограждающие усадьбу от уличной суеты (рис. 5а,б) [8].

а)

б)

Рис. 5. Городские дома старого Архангельска: а) типовой проект городского архангельского деревянного дома; б) пешеходная улица старого Архангельска с деревянной застройкой. 2024 г.

Строительство домов в Немецкой слободе, постепенно внедряло новые веяния в архитектурный облик Архангельска. В городском ландшафте стали появляться строения с элементами заморских декоративных украшений. Следуя традициям архангельских немцев, горожане разбивали сады, сооружали пруды, беседки и зоны отдыха. На манер каменных строений деревянные дома штукатурились и декорировались лепниной [5, 8]. Старый Архангельск – город купеческий. Строительство зданий велось с учетом торговой привлекательности и выгоды хозяев. Поэтому все магазины, лавки, торговые ряды находились вдоль уличных магистралей, а самые лучшие магазины строились на набережной и Троицком проспекте. Особенностью этих улиц являлись дома на лавках и усадьбы с промышленными предприятиями. В торговом центре, по регулярному плану строительство осуществлялось только в камне, поэтому из-за дороговизны места, дома возводили единым фасадом, с развитием усадебного комплекса вглубь кварталов. Разновысотные здания, с брандмауэрными стенами к рубежу XIX-XX веков оформили речной фасад города. Каменные строения Архангельска составляли 15 % от общего числа построек. Застройка осуществлялась волнообразно, в зависимости от увеличения численности населения, в том числе по причине торговой привлекательности, военной необходимости, развития судостроения и транспортных магистралей.

Примером качественного возведенного архитектурного ансамбля можно назвать строительство сооружений Северной железной дороги. Еще в 1893 году, задумывая единый архитектурный ансамбль, С.И. Мамонтов отмечал, что на Севере «никаких радостей жизни нет», и именно поэтому «хорошее жилье – неизбежная, необходимая приманка для персонала». Архитекторы Л. Кекушев и И. Иванова-Шиц, выполняя поручение Мамонтова, создали на протяжении всей трассы комплекс строений из традиционного для Севера материала. Рубленные из леса по мотивам русского деревянного зодчества с элементами модерна вокзалы, жилые дома, мельницы, постоянные двory, пассажирские павильоны, инженерные водонапорные сооружения и будки стрелочников являлись примером ответственного отношения к качеству городской среды. Наиболее ярко художественный смысл ансамбля был выражен на конечной станции, где на берегу Северной Двины, во всем многообразии зданий городской инфраструктуры: от храма Преподобного Сергия Радонежского до дровяного сарая, проявилась архитектурная композиция северного модерна¹⁵.

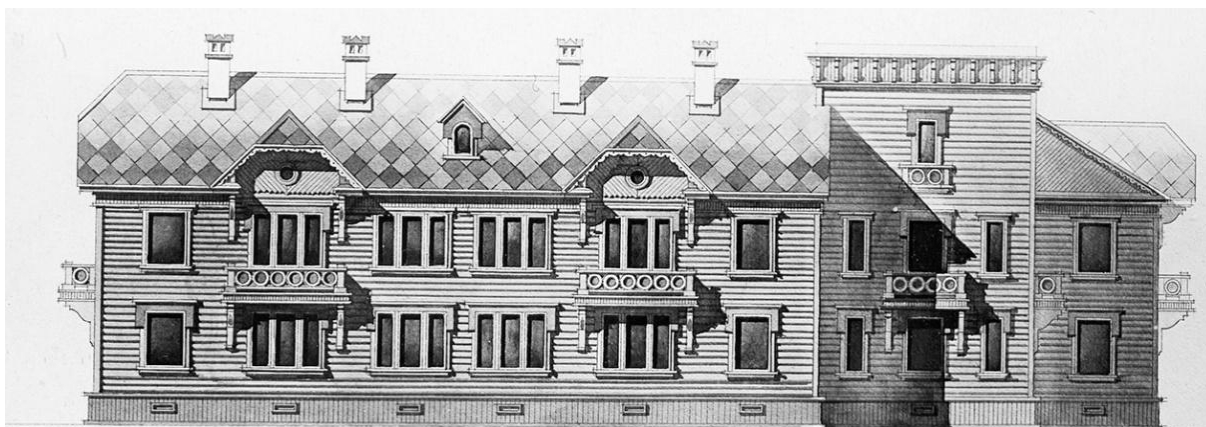
С 1921 года, развития лесопромышленного комплекса и индустриализации города, в ткань Архангельска постепенно вписываются дома советского домостроения. Деревянные здания, построенные для лесозаводов, представляли собой двух и трехэтажные сооружения квартирного типа [7, 8]. Первые дома имели яркие признаки конструктивизма, к 1930-м аскетизм стиля утратил актуальность, началось воплощение программы советской реконструкции классики. Данный аспект отразился и в проектах многоквартирных деревянных жилых домов. Декоративное вариативное убранство – это междуэтажные пояса, ложные колонны, расчленяющие фасад и украшающие углы зданий, вальмовая конструкция кровли, резные ставни, узорочье фронтонов. Дома воспринимались как монументально-весомые сооружения и имели продуманную планировку¹⁶ (рис. 6). Известный архангельский исследователь Ю.А. Барашков написал, что в то время Архангельск являлся самым большим деревянным городом, называясь «Столицей Дерева»¹⁷ [8].

Генеральный план 1963 года подразумевал полный отказ от деревянного строительства, появилась типовая каменная и панельная архитектура. Под снос шла историческая застройка, уничтожались не только деревянные, но и каменные сооружения. Архитектурный ансамбль старого Архангельска, где каркас составляли высотные доминанты городских сооружений, а ткань – деревянные обывательские строения во всем разнообразии архитектурных стилей, практически утрачен. Но при сложной градостроительной истории города в границах исторического центра сохранилось планировочное решение регулярного плана 1794 года, и композиционная ось – ул. Воскресенская, берущая начало от реки и градообразующего комплекса Гостиных Дворов, идет к железнодорожному вокзалу, пересекая город на всю глубину. В настоящее время исторический центр на 60 % состоит из типовых пяти и девятиэтажных домов. Два последних десятилетия стали строиться здания по особым проектам, авторы которых пытаются создать метафорический образ старого города. Точечная застройка не решает градостроительные вызовы Архангельска. С 1991 года, за более, чем 30 лет, был создан единственный архитектурный ансамбль на территории бывшего торгового центра города (мастерская М.А. Мамошина). Кроме того, ансамбль включает пешеходную деревянную набережную, конструкция которой вместе с сохранившимися старыми слипами причалов, отсылает к истории места – Юрьеву взвозу и Буяновой пристани – истории повседневности старого города.

¹⁵ Савичев В. Шестьсот верст шедевра // Северная магистраль. 2018. 25 мая. № 18; Духанина Г.Е. Неоконченная история / Г.Е. Духанина, С.А. Ефремова, А.А. Зубрий. Архангельск, 2013. 272 с.

¹⁶ ГААО ОДСПИ. Ф.п – 8704. Оп. 1. Д. 63. Л. 108 -120.

¹⁷ Барашков Ю.А. Архангельск – архитектурная биография. Архангельск, 1981. С. 3-4.

а)

б)

в)

г)

Рис. 6. Многоквартирные дома города, построенные в Архангельске в советский период: а) проект 12-ти квартирного углового дома с магазином, выполнен для поселка судоремонтного завода «Красная Кузница». 1935 г.; б, в) декоративное оформление деревянных жилых зданий в поселках лесозаводов Архангельска. 1930 – 1950 гг.; г) 12-ти квартирный жилой дом в квартале № 162 для Северного морского пароходства, 1953 г.

Реминисценцию деревянного строительства попробовали воплотить в двух городских сооружениях. С организацией экспериментального завода клееных конструкций ЭПЗ «Красный Октябрь» в 1981 году в городе появилось первое здание с применением деревянных клееных элементов¹⁸. Впервые в стране, на Дворце спорта профсоюзов, было выполнено 63-метровое арочное деревянное перекрытие. Кроме уникальных конструкций само здание украшено интересной резьбой по дереву – панно с деревянными бабочками самобытного северного художника И.П. Архипова. Клееные перекрытия городского рынка (1983) и раскрытие деревянных конструкций кровли в интерьере сооружения создали интересный образ торгового павильона. Витражное оформление под коньком ломаной кровли и свисающие масштабные люстры, метафорически создают ощущение открытого неба с кучевыми облаками (рис. 7а,б). Практика клееного деревянного строительства в 1990 годы была прекращена, завод закрыт из-за отсутствия рентабельности.

¹⁸ Салтыков Е. Далекое сделай близким: праздник открытия Дворца Спорта профсоюзов // Правда Севера. 1981. 28 апр. № 98. С. 1.

а)

б)

в)

г)

Рис. 7. Здания, построенные с применением клееных конструкций: а) дворец спорта профсоюзов, перекрытия ледовой арены (1981); б) применение клееных конструкций на здании городского рынка (1983); в) дворец спорта профсоюзов, главный фасад, вид с пл. Профсоюзов; г) городской крытый рынок, вид со стороны ул. Выучейского

Утрата качества городской среды

Архангельск при значительных преимуществах среди поселений АЗРФ имеет ряд градостроительных вызовов. В 1991-1993 годы, после передачи ведомственного фонда промышленных предприятий в муниципалитет, сложная экономическая обстановка, крайне низкий бюджет города отрицательно сказались на финансировании жилищных программ. В настоящее время Архангельск занимает отрицательное первое место по наличию некачественного жилья, основной конгломерат ветхих и аварийных деревянных строений находится в индустриальных районах. На начало текущего года зарегистрировано 1400 аварийных деревянных домов¹⁹. Усугубляет положение необходимость срочных капитальных ремонтов или сноса первых панельных зданий 1960 годов и высокая стоимость нового строительства.

Разрастание города в дельту Северной Двины создало еще одну особенность – экстенсивность планировочной структуры. Данный фактор формирует неблагоприятные и депрессивные районы, особенно на островах, не имеющих постоянной транспортной связи с центром, проблематика усиливается в связи с закрытием ряда предприятий лесопромышленного комплекса.

¹⁹ Данные департамента городского хозяйства г. Архангельска – Информация о количестве многоквартирных домов, признанных аварийными. URL: <https://www.arhcity.ru/?page=2205/5>

Из-за большой плотности застройки на материке программы переселения из аварийного и ветхого жилья осуществляются со значительными перекосами, точечная застройка в кварталах с деревянными строениями существенно усугубляет разрушение оснований деревянного жилого фонда, понижение уровня грунтовых вод пагубно влияет на свайные основания, увеличивая динамику аварийности деревянных зданий.

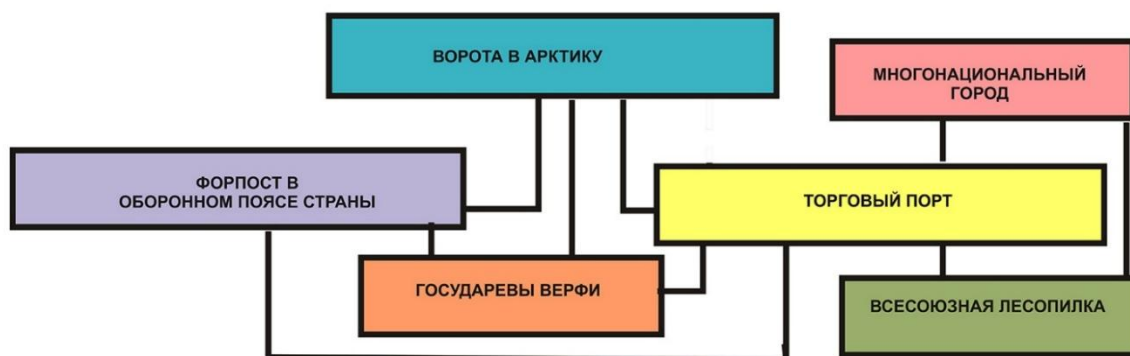
Значительной проблемой города в настоящее время являются разрушающиеся промышленные сооружения. Закрытие предприятий в разных сферах хозяйствования из-за работы на привозном сырье, создали депрессивные промышленные территории, разрушение зданий которых не только негативно влияют на облик города, но и опасны для населения.

Выявление потенциала дальнейших исследований

Следует отметить, что градостроительная история города, написанная столетиями при существенном стирании целых пластов архитектурного наследия в XX веке, все же позволяет выявить некоторые особенности Архангельска. Исследования идентичности города в разрезе «природа-культура-архитектура» не позволяют полноценно рассматривать аутентичность многогранного исторического наследия, так как Архангельску свойственны многие природные и культурные аспекты, как и другим поселениям Европейского Севера, поэтому выявляется необходимость поиска иных критериев идентичности исторического поселения. Кроме того, ярко прослеживается изменение функций города в геополитическом и экономическом контексте государственной политики. В художественную композицию архитектурного полотна вплетены слои разноплановых по функциям направлений развития:

- слой 1. – освоение Арктики и северный порт;
- слой 2. – первый торговый международный центр страны;
- слой 3. – город – крепость с военной историей;
- слой 4. – многонациональность Архангельска;
- слой 5. – архангельское адмиралтейство – государевы верфи;
- слой 6. – крупнейший лесопромышленный центр.

Многослойная идентичность Архангельска прослеживается в параллельных связях, переплетаясь между собой, слои сформировали конгломерат региональных особенностей многогранной архитектурно-планировочной идентичности и могут стать основными факторами новой архитектурной среды (рис. 8а,б).

а)

	1 1584-XVII	2 XVII -XVIII	3 XVIII - XIX	4 XIX - XX	5 с 1925 по н.в.
	рождение Архангельска, строительство острога вокруг Михайло-Архангельского монастыря, основанного в XIII.	расширение границ города, хаотичная застройка приводила к частым пожарам. В 1733 г. город был практически полностью уничтожен огнем	после опустошительного пожара Архангельску был выдан регулярный план, градостроительный документ предполагал четкий регламент каменной и деревянной застройки, которая формировала кварталы города, изменения по плану начали проявляться к середине, и окончательно сформировались к концу XIX в.	к началу XX в. город был сформирован на материке с центром на мысе Пур-Наволок и Соломбальских островах, присоединенных к городу в 1863г	индустриализация повлекла расширение городской черты, прироста с 1925 г. территориями лесозаводов и лесных прир. ных, город увеличился в 30 раз, ныне он расположен на берегах и островных территориях многоостровной дельты Северной Двины, имеет протяженность около 42 км при ширине до 25 км.
изменение регулярного/генерального плана Архангельска с 1864 по н.в.					
	деревянный город с крепостью был срублен из крупного леса одним городом, по Указу Ивана Грозного, после пожара Гостинные Дворы построили в камне в 1668-1684 гг.				
АРКТИКА					
1	В XV-XVIII вв. веда рыбный промысел и охоту на морского зверя, поморы постепенно осваивали острова и архипелаги Арктики, Мату, Грумант, локории арктические просторы Баренцева, Карского морей и современного Северного морского пути до устья сибирских рек и в Мангазее на р. Тез		Научное освоение Арктики Россией началось в XVIII веке, из Архангельска отправляются экспедиции для изучения побережья, промеров глубин, поиска прохода северным путем в Тихий океан. Важнейшим мероприятием стала Великая Северная экспедиция, позднее экспедиции К. Бэр, Ф. Литке, П. Платузова, М. Рейнеке, В. Русанова, Г. Седова и другие		В XX века, после прохода Северного морского пути ледокольным судном «А. Сибиряков» в одну навигацию, за 65 дней, государственная политика была направлена на комплексное исследование и освоение Арктики, ныне судно профессора Молчанова – база плавучего Арктического университета
ТОРГОВЛЯ					
2	в XVII в. Архангельск являлся центром торговли с иностранными государствами – сердцем экономики страны, здесь торговали амстердамскими атласом, венецианским бархатом, лондонским сукном, датскими одеялами, стальной посудой, а также вывозили пеньку и лучше в мирные страны для флота		в городе развивается торг, монастыри активно строят подворья с торговыми рядами, появляются обывательские жилые дома из застав, развивается торговля на Лынном и Скольском бунде, с пристани города отправляются суда со смолой, треской, матовым лесом в европейские страны, для развития торговли проводятся ярмарки, самая крупная - Маргаритинская		с внедрением электрических двигателей увеличивается лесопромышленное производство, полюбившее начало вековой лесопилки, увеличилось количества лесных бирж с географией поставок к концу XX в. в более чем 70 стран мира
МНОГОЭТАЖ.					
3	Начало развития Немецкой слободы относится к XVII в., когда ниже по течению Северной Двины от Гостинных Дворов стали появляться сначала временные, а позднее постоянные строения промышленного и гражданского назначения. Промышленное строительство было разрешено на период торговли, позднее годовые разрешения продлеваются, немцы принимали российское подданство, Немецкая слобода разрастается, к началу XX в. занимает территорию от Солдатской слободы в Кузнечике, разрастается на площадях между набережной и Обводным каналом и ул. Потешинской (ныне Свободы) и Парской (ныне Ф. Шубина)				первая мировая война и последующие за ней события значительно изменили отношение к экспорту из Немецкой слободы, привели к эмиграции, были закрыты консульства, в 1970 гг. Немецкая слобода была практически уничтожена
ФОРПОСТ					
4	первой крепостью города стал торгово-оборонный комплекс "Гостинные Дворы"	Новодинская крепость – первая в России каменная бастионная крепость и прообраз петербургской Петропавловской цитадели. Свою первую победу со шведами в Северной войне крепость одержала сразу после закладки, еще до официальной даты завершения строительства. Более 150 лет она стояла на страже арктических рубежей России.	в XIX в. в солдатской слободе были возведены Александроневские казармы, позднее названные казармами Восстания	Архангельск - база 10 армии ПВО, морских и летных подразделений, которые входили в состав СВ СССР	В 2009 году Архангельску присвоено звание – «Город воинской славы», стала воинской славы украсила набережную
ГОС.ВЕРФИ					
5		в 1693 году Петром I была заложена верфь, и спущено на воду первое судно. В 1704 году было организовано Архангельское Адмиралтейство. Первые годы здесь возводились только эльпинги для постройки кораблей и фрегатов. Чуть позднее сооружежи сухой док. На государевых верфях Архангельска построено 450 военных кораблей, в том числе знаменитые флагманы русского флота «Азов» и «Сильный»		Через доки заводов прошли ремонт и техническое обеспечение все ледокольные и транспортные суда полярных экспедиций	судоремонтные предприятия, находящиеся на месте Адмиралтейства, сейчас являются филиалом АО «ЦС «Балдревка»
ЛЕСОПИЛКА					
6			заводы, построенные после внедрения электрических двигателей в лесопильное производство, после 1921 г. вошли в состав треста «Северлес», расширение ПП, проектирование заводов-гигантов и пиломатериальных лесохимии, строительство промышленных предприятий лесной и лесохимической отрасли создали на Севере СССР с центром в Архангельске мощный индустриальный комплекс		

б)

Рис. 8. Схема многослойной идентичности Архангельска: а) схема параллельных связей слоев идентичности Архангельска; б) таблица функционального развития Архангельска с 1584 по н.в.

Исходя из вышесказанного, требуется дальнейшие исследования многослойности исторического и архитектурного наследия Архангельска, что поможет определить архитектурно-планировочную идентичность города, выявить основные ее аспекты, сформировать основные векторы дальнейшего развития художественного облика и его отражение в градостроительной документации.

Заключение

Являясь центром обширной Архангельской губернии и древнейшим населенным пунктом АЗРФ, Архангельск впитал в себя многие художественные образы, промыслы, многонациональные традиции Русского Севера. Взаимное влияние губернского центра и обширных территорий к началу XX века создало единый конгломерат традиций самой большой губернии на Европейском Севере. Административные преобразования первой половины XX века ослабили влияние Архангельска на подведомственные территории, сохранив при этом культурные, научные, инженерные и транспортные связи. Используя природные лесные богатства, Архангельск развивался, как деревянный город, применение дерева прослеживается во многих аспектах жизни: от строительства оборонных сооружений до судостроения и основного материала экспортной торговли. Отказ от традиционного строительного материала существенно искажил облик города, Архангельск потерял звание «столица Дерева». Экономические и политические изменения после распада СССР привели к ряду градостроительных вызовов, требующих решений в сфере жилищного строительства, перепрофилирования зданий промышленных предприятий, переселения горожан с островных территорий. Историко-архивные изыскания и изучение изменений геополитических функций Архангельска, позволили определить многогранность направлений развития города, выявить многослойность исторического наследия, требующего дополнительных исследований.

Источники иллюстраций

Рис. 1. АОКМ ОФ, URL: http://www.etomesto.ru/map-arhangel'sk_1813/

Рис. 2, 8 а,б. схемы выполнены Акишевой В.Д.

Рис. 3 а; 3 б; 4 б,в,г; 5б. фото В.Д. Акишевой.

Рис. 4 а. сайт ЗАО «Народные художественные промыслы «Беломорские узоры». URL: <https://nkhp.ru/assotsiatsiya/turisticheskie-vozmozhnosti-predpriyatij-nhp/belomorskie-uzoryi/>

Рис. 5 а. [1].

Рис. 6 а,б, 7 а,б. ГААО ОДСПИ. Ф.п - 8704 Оп. 1. Д. 63.

Рис. 7 в,г. фото из набора открыток СССР «Архангельск». 1989. Из-во «Плакат».

Список источников

1. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О. Б. Подвинцев. Москва: Новый хронограф, 2016. 208 с.
2. Шачин С.В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 121-131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.121
3. Благовидова Н.Г. Кластерный метод формирования устойчивых исторических поселений / Н.Г. Благовидова, Н.В. Юдина // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. №4(49). С. 183-200. URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/PDF/12_blagovidova.pdf (дата обращения: 25.09.2024). DOI: 10.24411/1998-4839-2019- 00013
4. Ефимов А.В. Феномен городской идентичности / А.В. Ефимов, А.П. Мина // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №1(54). С. 262–267. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/1kvart21/PDF/17_efimov.pdf (дата обращения: 25.09.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-262-267
5. Ефремова С.А. История строительства и реставрации усадьбы Е.К. Плотниковой в Архангельске. Записки реставратора. Архангельск: ОМ–Медиа, 2008. 192 с.

6. Станулевич В.И. «Русская Арктика: ситуативные реакции или плановое развитие?» / В.И. Станулевич, С.О. Шаляпин // Русская Арктика: Сборник документов / Сост., вступит. статья, комментарии. Архангельск: ООО «Издательские Проекты». 2017. 216 с.
7. Благовидова Н.Г. Региональные особенности планировочной структуры Архангельска / Н.Г. Благовидова, В.Д. Акишева // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №2(67). С. 191-203. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/2kvart24/PDF/14_blagovidova.pdf (дата обращения: 25.09.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-191-203
8. Барашков Ю.А. Когда Архангельск был деревянным. Архангельск: история и архитектура, традиции и быт Архангельска в первой половине XX века. Киров: ООО Кировская обл. тип. 2023. 290 с.
9. Кольцова Т.М. Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 1995. 212 с.
10. Миткевич М.В. Наследие Русского Севера // Третьяковская Галерея. 2006. № 3(12).
11. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера: монография / науч. Ред. Т.С. Злотникова; УрО РАН, ин-т экологических проблем Севера Архангельского научного центра. – Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.

References

1. Russian Arctic in Search of Integral Identity: Collective Monograph. Ed. O.B. Podvintsev. Moscow, 2016, 208 p.
2. Shachin S.V. On the Question of Arctic Identity: An Analysis of the History of the North and its Contemporary Issues from the Perspective of Dialectical Methodology. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 2019, no. 6, pp. 121-131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.12
3. Blagovidova N.G., Yudina N.V. Cluster Method for the Formation of Sustainable Historical Settlements. Architecture and Modern Information Technologies, 2019, no. 4(49), pp. 183-200. Available at: <https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/PDF/12blagovidova.pdf> DOI: 10.24411/1998-4839-2019-00013
4. Efimov A.V., Mina A.P. The Phenomenon of Urban Identity. Architecture and Modern Information Technologies, 2021, no.1(54), pp. 262-267. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/1kvart21/PDF/17_efimov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-262-267
5. Efremova S.A. The History of the Construction and Restoration of E.K. Plotnikova's Estate in Arkhangelsk. Restorer's Notes. Arkhangelsk, 2008, 192 p.
6. Stanulevich V.I., Shalyapin S.O. Russian Arctic: Situational Reactions or Planned Development? Russian Arctic: Collection of Documents. Arkhangelsk, 2017, 216 p.
7. Blagovidova N.G., Akisheva V.D. Regional Features of Arkhangelsk's Planning Structure / N.G. Blagovidova. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 2(67), pp. 191-203. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/2kvart24/PDF/14_blagovidova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-191-203

8. Barashkov Y.A. When Arkhangelsk was Wooden. Arkhangelsk: History and Architecture, Traditions and Everyday Life of Arkhangelsk in the First Half of the 20th Century. Kirov, 2023, 290 p.
9. Koltsova T.M. Carved Iconostases and Wooden Sculpture of the Russian North. Arkhangelsk, 1995, 212 p.
10. Mitkevich M.V. Heritage of the Russian North. Tretyakov Gallery, 2006, no. 3(12).
11. Permilovskaya A.B. Cultural Meanings of Folk Architecture of the Russian North: Monograph. Ed. T.S. Zlotnikova; Ural Branch of RAS, Institute of Environmental Problems of the North of Arkhangelsk Scientific Center. Yekaterinburg, 2013, 608 p.

ОБ АВТОРЕ

Акишева Вера Дмитриевна

Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

akish-vera@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Akischeva Vera D.

Postgraduate Student, Chair «Urban Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

akish-vera@yandex.ru

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.01

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-206-215

EDN: OPDKWW

**Эволюция методического аппарата теории центральных мест:
возможность применения к реальным системам расселения****Татьяна Сергеевна Магон¹**Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
tatianar95@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены существующие в настоящее время модификации теории центральных мест – экономико-географической теории, которая в последние годы получила значительное развитие благодаря отечественным исследователям. Автором проанализирована эволюция методического и аксиоматического аппарата, где особое внимание было уделено анализу авторских методик иерархического построения решетки для населенных пунктов разной численности населения. В итоге проведенного анализа делается вывод о возможности применения методических подходов теории центральных мест к систематизации существующих систем расселения, а также к установлению иерархии городов агломерации и макрорегионов на основе численности их населения.

Ключевые слова: теория центральных мест, градостроительство, система расселения, центральные функции, размытые центральные места

Для цитирования: Магон Т.С. Эволюция методического аппарата теории центральных мест: возможность применения к реальным системам расселения // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 206-215.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/12_magon.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-206-215. EDN: OPDKWW

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

**Evolution of the methodological framework of central place theory:
applicability to real settlement systems****Tatiana S. Magon¹**Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
tatianar95@mail.ru

Abstract. This article examines contemporary modifications of central place theory – an economic-geographical theory that has seen significant development in recent years, particularly through the contributions of domestic researchers. The author analyzes the evolution of its methodological and axiomatic framework, with a special focus on hierarchical grid construction methods for settlements of varying population sizes. Based on this analysis, the study concludes that the methodological approaches of central place theory can be applied to the systematization of existing settlement structures and to the establishment of hierarchical relationships among cities within agglomerations and macro-regions based on population size.

Keywords: central place theory, urban planning, settlement system, central functions, diffuse central places

¹ © Магон Т.С., 2025

For citation: Magon T.S. Evolution of the methodological framework of central place theory: applicability to real settlement systems. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no.1(70), pp. 206-215.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/12_magon.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-206-215. EDN: OPDKWW

Теория центральных мест, которую В.А. Шупер однажды назвал «одной из самых стройных и продуктивных географических теорий», уже многие годы вызывает интерес исследователей в области географических и экономических наук, но редко рассматривается градостроителями и планировщиками в качестве инструмента описания и прогнозирования развития реальных систем расселения. Методический аппарат классической теории центральных мест, созданной в 1933 году Вальтером Кристаллером (стоит отметить, что к схожим построениям в теории экономического ландшафта² также пришёл его современник Август Леш), до сегодняшнего момента значительно усовершенствовался, в основном благодаря отечественным исследователям. Интересен тот факт, что именно российские географы заинтересовались стройными построениями теории и стали глубоко исследовать непосредственно ее теоретический конструкт – за рубежом, в основном в азиатских странах³, вектор исследования в последние годы был направлен на анализ и попытки выстраивания существующих систем расселения по уровням иерархии посредством цифровых инструментов, исходя только из расстояния между населенными пунктами и численностью проживающего в них населения. В странах же Запада, по словам В.А. Шупера, теория центральных мест «вышла из моды» [1, с.8].

Работы отечественных исследователей интересны своими попытками установить объективные законы, определяющие развитие систем городского расселения. При этом интересен тот факт, что по мере развития конструкта теории центральных мест, численность населения то признавалась, то отвергалась в качестве основной опорной величины при построении пространственной модели. Внимательное рассмотрение поэтапной эволюции методического аппарата теории, а также выявление методик, подходящих для реальной градостроительной практики, становится особенно актуальным в контексте существующего в настоящее время импульса развития регионов России.

Классический вариант теории центральных мест В. Кристаллера

Классическая теория центральных мест была разработана Вальтером Кристаллером и представлена в 1933 году в его докторской диссертации. Основная идея теории заключалась в равномерном покрытии изотропного во всех отношениях пространства центральными местами разного уровня иерархии. Центральным местом называется населенный пункт, обладающий центральными функциями и удовлетворяющий потребности в товарах и услугах как проживающего в нем населения, так и жителей дополнительного района, где такие товары и услуги отсутствуют. По мере выстраивания иерархии населенных пунктов с их дополнительными районами образуется гексагональная решетка, в последствии получившая название «кристаллеровская». Кристаллеровская решётка может иметь разные конфигурации, которые определяются показателем K – числом дополнительных районов уровня иерархии ниже исследуемого, подчинённых одному центральному месту.

² Теория экономического ландшафта Августа Леша представляет собой территориальную организацию, направленную на обеспечение максимальной прибыли производителей в условиях экономического равновесия. Экономический ландшафт, как и у В. Кристаллера, представлен системой сопряжённых шестиугольных решёток с ячейками разного размера, которые являются основаниями конусов спроса.

³ Kiyohiro Ikeda. Hexagonal distributions of cities in Southern Germany and Eastern USA: Group-theoretic spectrum analysis / Ikeda Kiyohiro and Murota Kazuo and Takayama Yuki and Kamei Motohiro // Munich Personal RePEc Archive, 2017. №79085. p. 42. pic. 6. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/79085/> (дата обращения: 20.01.2025).

Если $K=3$, то центральные места находятся в углах решётки. При $K=4$ они располагаются в середине рёбер решётки. А при $K=7$ каждое центральное место подчиняется только одному вышестоящему (рис. 1). В первом случае конфигурация позволяет обслуживать территорию с помощью минимального количества центральных мест. Во втором случае обеспечивается кратчайшее сообщение между всеми центральными местами. Структура с $K=7$ воплощает административный принцип городского подчинения, так как каждое центральное место имеет только одно центральное место вышестоящего уровня⁴.

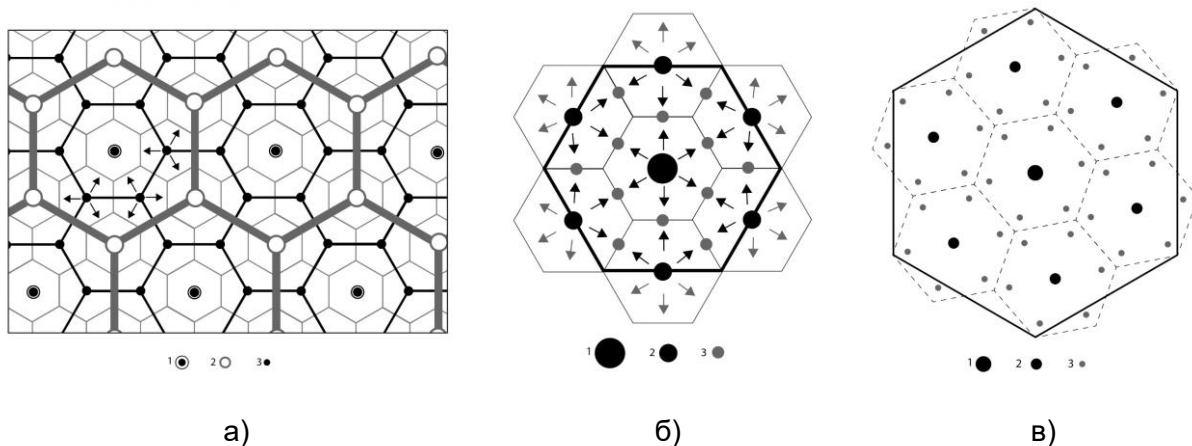

Рис. 1. Изображение кристаллеровской решетки с разным значением K : а) расположение центральных мест при $K=3$; б) расположение центральных мест при $K=4$; в) расположение центральных мест при $K=7$

Справедливой критикой в адрес классического варианта теории были упоминания о невозможности представлять реальные системы расселения в качестве точек в изотропном пространстве. Такое упрощение вызывает критические деформации для крупных городов и агломераций [2,3]. Опыт использования классического варианта теории центральных мест в анализе существующих систем расселения можно назвать где-то упрощенным и скорее эмпирическим, но в некоторых случаях он оказался успешным. Так, рассуждая о наличии кристаллеровских пространственных решеток с разным коэффициентом K , В.А. Шупер отмечает, например, случаи выпадения отдельных уровней иерархии, преимущественно 2-го уровня (Венгрия), или приводит в качестве примера регион Азиатской России, где, по его словам, система центральных мест еще только формируется и не имеет центральные места 1-го уровня. Касаемо Центрального федерального округа, Вячеслав Александрович также говорит об отсутствии в сложившейся столичной системе расселения центральных мест 2-го уровня, которые в ближайшие 15-20 лет появятся в виде «рассредоточенных центральных мест»: Ярославль – Кострома – Рыбинск; Владимир – Ковров – Иваново; Тула – Новомосковск – Калуга – Обнинск и Воронеж – Липецк – Елец⁵. Интересен тот факт, что к аналогичным выводам мы пришли в магистерской диссертации [4], где для 2-го уровня иерархии системы расселения московской агломерации были определены города Ярославль, Владимир, Тула, Калуга, а также Тверь и Рязань. Городам Рыбинску, Иваново, Обнинску, а также Клину, Сергиеву-Посаду, Орехово-Зуево, Коломне и Можайску был присвоен 3-й уровень иерархии, также для Обнинской агломерации дополнительно были определены 4-й и 5-й уровни.

Говоря о классическом варианте теории центральных мест В. Кристаллера с ее иерархическими построениями и идеей равномерного покрытия пространства шестиугольной решеткой, нельзя не упомянуть и другого немецкого ученого, Августа Леша,

⁴ Шупер В.А. Теория центральных мест // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-tsentral-nykh-mest-1b5eb3/?v=3763245> (дата обращения: 25.01.2025).

⁵ Там же.

современника Кристаллера. А. Леша считают основоположником теории экономического ландшафта, которая в основе своей содержит модель рыночного равновесия. Стоит отметить, что несмотря на внешнюю схожесть теорий В. Кристаллера и А. Леша, отождествлять и объединять их друг с другом, как справедливо отметил В.А. Шупер, некорректно ввиду различий в их аксиоматике.

В своей модели Август Леш сосредоточился на зонах сбыта предприятий, которые формируют сеть экономических районов в виде шестиугольной решетки с узлами в городах. И хотя А. Леш рассматривает методы формирования расселения (например, освоение новых городов, создание на начальном этапе формирования системы расселения каркаса из крупных городов и основных дорог, выбор столицы), его главный интерес все же связан с размещением производства относительно населения. В этом аспекте его концепция экономического ландшафта существенно отличается от «центральных мест» В. Кристаллера [5, с.73].

Релятивистский вариант теории центральных мест В.А. Шупера

Вячеслав Александрович Шупер, изучая теорию центральных мест в 80-е годы XX века, пришёл к выводу, что она неспособна объяснить развитие городских агломераций. В одной из своих статей⁶ он справедливо отмечает, что *«классическая теория ЦМ... не допускает каких-либо сгущений населения, ибо это приведет к неравномерности самой решетки»*, что может даже подставить под сомнение уравнение Бекманна-Парра⁷.

Поэтому для описания неравномерного распределения городского расселения классический вариант теории центральных мест был модернизирован, получив название «релятивистский вариант». Усовершенствованная теория центральных мест описывала расположение центральных мест в пространстве в зависимости от их людности, определяя тем самым чередование «тяжелых», как правило нечетных уровней иерархии, и «легких», четных уровней. Тяжелые уровни имели населенность выше теоретически предсказанной, легкие уровни – ниже. В.А. Шупер тем самым буквально «переворачивает» привычное определение образования агломераций, говоря, что *«образование крупных городских агломераций – результат не притяжения города-гиганта, а неравномерности сети городского расселения в регионе площадью 10^4 – 10^5 км²»*, где изостатическое равновесие системы достигается за счет сдвигания тяжелых уровней к границам региона, в то время как легкие уровни начинают тяготеть к главному центру, уравнивая систему⁸.

Размытые центральные места П.П. Эма

В продолжении и разворачивании идеи представления центральных мест уже не просто точками, а объектами, имеющими физическую и вполне измеримую *площадь*, продолжил свою работу Павел Павлович Эм. В своей диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата географических наук «Системы размытых центральных мест корейского полуострова» П.П. Эм анализировал структуру городов корейского полуострова на основе центральных функций с последующей экстраполяцией результатов, что являлось в его работе прогнозной составляющей развития системы расселения полуострова. При этом исследователь говорит о том, что города и городские агломерации крупны и неоднородны, ввиду чего вводится понятие «размытого центрального места», где *«...элементом системы развития центральных мест называется ограниченная область множества точек пространства»* [6, с.6]. Для построения модели берутся административно-территориальные единицы (например, районы), для которых вычисляется объём центральных функций.

⁶ Шупер В.А. Релятивистская теория центральных мест и расселение в постиндустриальную эпоху // География мирового развития. 2010. Выпуск 2. С. 177-194.

⁷ Уравнение Бекманна-Парра – выведенное из теории центральных мест математическое уравнение, описывающее соотношение населенности центральных мест смежных уровней.

⁸ Шупер В.А. Теория центральных мест // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-tsentral-nykh-mest-1b5eb3/?v=3763245> (дата обращения: 25.01.2025).

Нововведением получившейся модификации теории центральных мест становится уход от классического и релятивистского вариантов, где центральное место представлялось как точка в изотропном пространстве [3]. Более того, людность центрального места перестает быть основной величиной измерения, и на передний план впервые выходит понятие «центральной функции», являющейся интегральной суммой основных социально-экономических показателей городов.

В своих более поздних работах Павел Павлович уходит от конструкта центральных функций применимо к макротерриториям, обосновывая это тем, что *«высокоурбанизированные формы городского расселения не могут более представляться как единичные элементы системы ЦМ в силу их больших размеров и высокой степени внутренней неоднородности»* [7, с.35] и должны рассматриваться как самостоятельные системы центральных мест.

Величину центральных функций большого города П.П. Эм предлагает оценивать исходя из интегральной оценки ключевых социально-экономических показателей. Например, в одной из своих статей⁹ при анализе Москвы в качестве основных приводятся такие показатели, как плотность официально занятых работников (чел./км²), количество номеров в гостиницах (шт.), среднемесячная заработная плата (руб.), средняя нагрузка на 1 преподавателя общеобразовательного учреждения и др. Таким образом были сделаны попытки охватить максимальное количество ключевых социально-экономических аспектов, способных повлиять на привлекательность элемента системы для жителей других районов [7, с.37]. Далее для каждого показателя присваивались баллы, после чего ему определялось место в иерархичной системе центральных мест. Построенный на основе полученных результатов квазирельеф центральных функций наглядно иллюстрирует дифференциацию центральных мест в пространстве.

Такая методика, в основе которой лежит идея об иерархичном распределении центральных мест (в данном случае функций) в пространстве города (в районах Москвы), наглядно демонстрирует как наиболее привлекательные территории с максимальной концентрацией различных функций, так и территорий с минимальным количеством или с отсутствием объектов интереса для жителей. Для практического градостроительства такая методика может быть применима в качестве анализа востребованности тех или иных районов города.

Уточненная аксиоматика и методический аппарат теории центральных мест по Р.В. Дмитриеву

В 2023 году Руслан Васильевич Дмитриев опубликовал книгу¹⁰, посвященную теории центральных мест, в основу которой была заложена его докторская диссертация. С большим вниманием ко всем нюансам Р.В. Дмитриев уточняет аксиоматику и методический аппарат теории, а затем применяет их для анализа эволюции центральных мест на примере систем расселения Новой Зеландии, Эстонии, российского Дальнего Востока, Лесото, Йемена и Индии.

Этот труд можно назвать важной вехой в развитии теории центральных мест, так как в ней уточняются и подтверждаются критикующиеся ранее аксиомы, не позволявшие с уверенностью вводить теорию в практическое применение:

- подробно приводится обоснование существования изолированных решеток систем центральных мест (ранее принималось, что решетка возможна только в бесконечном пространстве, ввиду чего классическая и релятивистская теория центральных мест получала большое количество критики);

⁹ Эм П.П. Большой город как самостоятельная система центральных мест (на примере Москвы) // Региональные исследования. 2017. № 3(57). С. 34-42.

¹⁰ Дмитриев Р.В. Теория центральных мест: от статики к динамике. Москва: Институт Африки РАН, 2023. 204 с.

- основной опорной величиной для всех расчетов теории и выстраивания иерархии городов вновь принимается *численность населения* центрального места, отмечая при этом, что такое построение способно лишь запечатлеть «срез» сложившейся иерархии на конкретный момент времени;
- в основу построения модели эволюции систем расселения закладывается поэтапная смена параметра K , который в ранних вариантах теории принимался единым для всех уровней иерархии решетки.

Доказательство возможности существования изолированной в пространстве решетки (будь то административные границы государства, субъекта, или физически ограниченное пространство – остров, как в примере с Новой Зеландией) с выстраиваемыми уровнями иерархии очень важно для последующих исследований в области градостроительства, так как градостроители в первую очередь имеют дело с реальными системами расселения, находящимися в административных границах. [1, с.70].

В своей работе Р.В. Дмитриев концентрируется на иерархии городов по *численности населения*, а не по значимости выполняемых ими функций. Он объясняет это тем, что существует прямая связь между количеством жителей города и его ролью в социально-экономической и культурной жизни общества, как это было в работах П.П. Эма. Такая трактовка импонирует изначальной трактовке теории В. Кристаллера, где в его гексагональной решетке города разного уровня иерархии обозначаются пунсонами, размер которых был привязан к реальному размеру поселений. Таким образом основными характеристиками системы центральных мест, по мнению Р.В. Дмитриева, выступает их «масса», выражающаяся в численности проживающего в них населения, а также расстояние между городами. Однако стоит упомянуть, что при оценке реальных систем расселения «идеальные» соотношения численности населения по уровням иерархии в городах и расстояния между ними встречаются крайне редко, поэтому, как считает Р.В. Дмитриев, необходимо «моделировать», т.е. реальные свойства систем расселения заменять на таковые для систем центральных мест [1, с.27]. Такое построение возможно с помощью опорных таблиц [1, с.95]. Эта методика в значительной степени продвигает использование теоретического конструкта теории центральных мест в реальной градостроительной практике, и может, по нашему мнению, применяться в проектировании реальных систем расселения посредством анализа и выстраивания их изостатического состояния (равновесия и стабильности системы).

Что же касается выстраивания иерархии населенных пунктов в рамках теории, то ранее российские учёные использовали метод, при котором существующую систему расселения сопоставляли с идеальной. Для всех уровней иерархии в этой идеальной системе было установлено одинаковое значение K , не имея убедительного обоснования для выбора такого значения. Выбор конкретного значения K и последующая адаптация под него реальных систем расселения вызывает вопросы и может стать поводом для критики теории. В пример Р.В. Дмитриев приводит предыдущие модификации теории центральных мест, где исследователями при обосновании выбора значения K для той или иной системы расселения выбиралось такое значение, при котором результат обеспечивал наименьшее отклонение от идеальной модели [1, с.92]. В книге же приводится доказательство построения системы центральных мест, где заполнение каждого уровня решетки в процессе развития системы расселения подчинено определенным правилам, обусловленными в первую очередь сменой значения K . Таким образом впервые было описано динамическое состояние системы центральных мест – эволюция развития реальных систем расселения.

Таким образом, можно говорить о возможности в градостроительной практике распределения населенных пунктов по уровням иерархии, исходя только из статистических данных о численности населения, ввиду такового свойства самой теории центральных мест, доказанного и подробно проиллюстрированного Р.В. Дмитриевым [1, с.114].

Выводы

Теория центральных мест, первоначальный классический вариант которой был создан почти 100 лет назад В. Кристаллером, за последние годы трудов отечественных учёных получила серьезное развитие и усовершенствование своего аксиоматического и методического аппарата. На сегодняшний день можно выделить два относительно самостоятельных направления не только для дальнейших градостроительных исследований, но и для внедрения в практическую градостроительную деятельность: теория центральных мест, основным опорным элементом которой являются *центральные функции* (как было подробно описано П. Эмом в своих работах), и теория центральных мест, основным элементом которой является *численность населения* населенных пунктов (подробно раскрытая в работах В.А. Шупера, Р.В. Дмитриева и самого В. Кристаллера).

Несмотря на то, что направление, в основе которого лежат *центральные функции* интересно с позиции анализа городских территорий, по-нашему мнению именно применение методических подходов теории к структуризации существующего расселения, к установлению иерархии городов агломераций и макрорегионов на основе их *численности* в настоящее время особенно перспективно и актуально ввиду наличия большого количества задач по развитию регионов страны. С помощью добавления элементов теории центральных мест в применяемые сегодня методики проектирования систем расселения позволят усовершенствовать текущую градостроительную практику.

Например, в настоящее время Институт Генплана Москвы при разработке документов территориального планирования и мастер-планов городов и городских агломераций успешно применяет методику выстраивания перспективного положительного бюджетного сальдо для территориального образования, управляя пропорцией мест проживания и мест приложения труда на его территории, а также отраслевой структурой занятости населения¹¹. Количество прогнозируемых рабочих мест и прогнозируемая численность населения напрямую влияют на принимаемые архитектурно-градостроительные решения и выражаются в количестве квадратных метров застройки, которые архитектор-градостроитель должен запроектировать на территории города. При этом установление соотношения этих трех основных показателей, в глобальном плане определяющих дальнейшее развитие разрабатываемой территории, на сегодняшний момент требует многочисленных итераций подбора и корректировки до тех пор, пока не будет определена оптимальная пропорция.

Введение в существующую методику элементов теории центральных мест, на верхнем уровне позволяющую выстраивать уравновешенную систему расселения, распределяя населенные пункты по уровням иерархии, может позволить определять целевое количество мест приложения труда и отраслевую структуру занятости исходя из изостатического равновесия всей системы, переходя уже в дальнейшем на целевые параметры объемов новой застройки.

Таким образом, теория центральных мест в ее нынешнем развитии может стать дополнительным инструментом для работы с регионами России, обуславливающим принятие решений в стратегическом развитии территорий и установлении *оптимальных* параметров, обеспечивающих ее развитие. В этом случае мы переходим к определению «правильного» местоположения в пространстве города конкретной величины в единой системе расселения, при этом, как подтверждает своим исследованием Р.В. Дмитриев, теория центральных мест «...сама по себе позволяет исследователю распределить ЦМ по уровням иерархии только лишь с опорой на численность их населения», сохраняя при этом изостатическое равновесие всей системы.

¹¹ Кикава Н.П. Гармония экономической и градостроительной деятельности: [видео-лекция] / Николай Кикава // Институт Генплана Москвы. Лекторий. URL: <https://rutube.ru/video/c4bee6f378bb2edfeebc6009519c1d36/?t=6&r=plemwd> (дата обращения: 24.02.2025).

Источники иллюстраций

Рис.1 а-в) URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-tsentral-nykh-mest-1b5eb3/?v=3763245> (дата обращения: 04.02.2025).

Список источников

1. Дмитриев Р.В. Теория центральных мест: от статики к динамике. Москва: Институт Африки РАН, 2023. 204 с.
2. Шупер В.А. Релятивистская теория центральных мест и расселение в постиндустриальную эпоху // География мирового развития. Выпуск 2. 2010. С. 177-194.
3. Эм П.П. Размытость или релятивизм: сравнение подходов теории центральных мест (на примере Республики Корея) // География мирового развития. 2016. Выпуск 3. С. 267-283.
4. Рысева Т.С. «Теория центральных мест» как метод развития высокоурбанизированных систем расселения (на примере Московской агломерации): диссертация квалификация магистр по направлению подготовки 07.04.04 «Градостроительство». Москва: Московский архитектурный институт, 2020. 109 с.
5. Магон Т.С. Экономико-географические модели XX века как инструменты развития современных урбанизированных территорий в России: недостатки и возможности // Проблемы современной урбанизации: преемственность и новации. Сборник статей Международной конференции (Москва, МГУ, 22-23 марта 2022 г.). Москва: Геогр. ф-т МГУ, 2022. С. 71-77.
6. Эм П.П. Системы размытых центральных мест корейского полуострова: автореф. дис. ... канд. географ. наук.: 25.00.24. Москва, 2013. 26 с.
7. Эм П.П. Большой город как самостоятельная система центральных мест (на примере Москвы) // Региональные исследования. 2017. № 3(57). С. 34-42.
8. Магон Т.С. Пространственный подход к развитию высокоурбанизированных территорий (на примере Московской агломерации) // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №1(58). С. 188-194. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/1kvart22/PDF/12_magon.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-1-188-194
9. Шубенков М.В. Концепция устойчивого развития урбанизированных территорий // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №4(65). С. 169-179. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/12_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-169-179
10. Эм П.П. Методы изучения систем размытых центральных мест (на примере Республики Корея в начале XXI в.) // Известия РАН. Серия географическая. 2013. №1. С. 22-30.
11. Лёш А. Пространственная организация хозяйства; пер. с нем. В. Н. Стрелецкого; под ред. А.Г. Гранберга; Российская академия наук, Совет по изучению производительных сил. Москва: Наука, 2007. 662 с.
12. Christaller W. Central Places in Southern Germany. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1996. 230 p.

References

1. Dmitriev R.V. *Teorija central'nyh mest: ot statiki k dinamike* [Theory of central places: from statics to dynamics]. Moscow, 2023, 204 p.
2. Shuper V.A. *Reljativistskaja teorija central'nyh mest i rasselenie v postindustrial'nuju jepohu* [Relativistic Central Place Theory and Settlement in the Post-Industrial Era]. Moscow, 2010, pp. 177-194.
3. Em P.P. *Razmytost' ili reljativizm: sravnenie podhodov teorii central'nyh mest (na primere Respubliki Koreja)* [Fuzzy or Relativistic: Comparing Central Place Theory Approaches (Based on the Case of the Republic of Korea)]. Moscow, 2026, pp. 267-283.
4. Ryseva T.S. «*Teoriya tsentral'nykh mest*» kak metod razvitiya vysokourbanizirovannykh sistem rasseleniya (na primere Moskovskoy aglomeratsii) ["Theory of central places" as a method for the development of highly urbanized settlement systems (on the example of the Moscow agglomeration)]. Moscow, 2020, 109 p.
5. Magon T.S. *Ekonomiko-geograficheskie modeli XX veka kak instrumenty razvitiya sovremennyh urbanizirovannyh territorij v Rossii: nedostatki i vozmozhnosti* [Economic-geographical models of the XX century as tools for the development of modern urbanized territories in Russia: disadvantages and opportunities]. Moscow, 2022, pp. 71-77.
6. Em P.P. *Sistemy razmytyh central'nyh mest korejskogo poluostrova* [Systems of fuzzy central places of the Korean Peninsula]. Moscow, 2013, 26 p.
7. Em P.P. *Bol'shoj gorod kak samostojatel'naja sistema central'nyh mest (na primere Moskvy)* [Big city as a self-contained central place system (in case of Moscow)]. Moscow, 2017, pp. 34-42.
8. Magon T.S. Spatial approach to the development of highly urbanized territories (on the example of the Moscow agglomeration). *Architecture and Modern Information Technologies*, 2022, no. 1(58), pp. 188-194. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/1kvart22/PDF/12_magon.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-1-188-194
9. Shubenkov M.V. The concept of sustainable development of urbanized territories// *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023, no.4(65), pp. 169-179. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/12_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-169-179
10. Em P.P. *Metody izuchenija sistem razmytyh central'nyh mest (na primere Respubliki Koreja v nachale XXI v.)* [Methods for studying systems of fuzzy central places (the case of the Republic of Korea in the early 21st century)]. Moscow, 2013, pp. 22-30.
11. Lyosh A. *Prostranstvennaya organizaciya hozyajstva* [Spatial organization of the economy] Moscow, 2007, 662p.
12. Christaller W. *Central Places in Southern Germany*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1996. 230 p.

ОБ АВТОРЕ**Магон Татьяна Сергеевна**

Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт
(государственная академия), Москва, Россия

tatianaR95@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR**Magon Tatiana S.**

Postgraduate Student of the Department of Urban Planning, Moscow Architectural Institute
(State Academy), Moscow, Russia

tatianaR95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 719:711.554-165(410)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-216-237

EDN: PBTSKD

Охрана архитектурного наследия в рамках реновационных проектов в Великобритании**Дмитрий Витальевич Калмыков¹**

ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

ved.niitnn@gmail.com

Аннотация. В рамках изучения британского опыта реализации крупных реновационных проектов конверсии городских территорий, вопрос сохранения исторического и культурного архитектурного наследия всегда стоит достаточно остро. В статье рассмотрены аспекты охраны культурного и архитектурного наследия в Великобритании, исторические предпосылки и развитие охранного законодательства и практики, критерии отбора и принципы сохранения архитектурного наследия, а также приведены примеры трансформации знаковых исторических промышленных объектов Великобритании, имеющих национальное историческое и архитектурное значение.

Ключевые слова: реновация городских территорий, охрана архитектурного и культурного наследия промышленной революции Великобритании, охранный реестр объектов защиты, охранные категории, планировка и перепланировка, трастовые фонды для управления объектами наследия

Для цитирования: Калмыков Д.В. Охрана архитектурного наследия в рамках реновационных проектов в Великобритании // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 216-237.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/13_kalmykov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-216-237. EDN: PBTSKD

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

Preservation of Architectural Heritage in Urban Renewal Projects in the United Kingdom**Dmitry V. Kalmykov¹**

Federal State Budget Institution «TsNIIP Ministry of Russia», Moscow, Russia

ved.niitnn@gmail.com

Abstract. In the context of studying the British experience in implementing large-scale urban renewal projects, the issue of preserving historical and cultural architectural heritage remains highly relevant. This article examines the aspects of heritage protection in the UK, including the historical background, the development of preservation legislation and practices, criteria for selection, and principles for maintaining architectural heritage. Additionally, it presents case studies of the transformation of iconic historical industrial sites in the UK that hold national historical and architectural significance.

Keywords: urban renewal, preservation of architectural and cultural heritage of the British Industrial Revolution, heritage protection register, preservation categories, planning and redevelopment, heritage trusts

¹ © Калмыков Д.В., 2025

For citation: Kalmykov D.V. Preservation of Architectural Heritage in Urban Renewal Projects in the United Kingdom. Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). pp. 216-237. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/13_kalmykov.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-216-237. EDN: PBTSKD

Введение

В рамках изучения британского опыта реализации крупных реновационных проектов конверсии городских территорий нельзя обойти вопрос сохранения исторического и культурного архитектурного наследия. Среди знаковых исторических объектов, подвергшихся трансформации, но сохранивших свой первоначальный исторический облик, следует отметить открытые в 1846 году Королевские Доки Альберта (Royal Albert Dock) [1] в Ливерпуле и комплекс электростанции Баттерси (Battersea Power Station) [2] в Лондоне. Королевские Доки имеют высший (первый) охранный статус (Grade I listed) [3], а электростанция – второй (Grade II listed). В статье рассматриваются аспекты охраны культурного и архитектурного наследия в Великобритании, исторические предпосылки, критерии отбора и принципы сохранения наследия. Ключевые моменты и значимые даты в области охранных инициатив и охранного законодательства Великобритании в целом и по регионам представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Ключевые моменты в области охранных инициатив и охранного законодательства Великобритании, по регионам

Год/ регион	Англия	Уэльс	Шотландия	Северная Ирландия
1882	Принятие Закона об охране античных памятников (Ancient Monuments Protection Act 1882)			
1895	Создание Национального трастового фонда сохранения исторических достопримечательностей и природной красоты (National Trust)			
1926			Создание первой природоохранной благотворительной организации Association for the Protection of Rural Scotland (APRS)	
1931			Создание трастового фонда сохранения Шотландии (National Trust for Scotland for Places of Historic Interest or Natural Beauty)	
1936			Проведение обследования 103 шотландских городов и деревень с ранжированием по категориям А, В, С	
1942	Создание комиссии из 300 архитекторов Королевского института Британских Архитекторов и Общества по защите античных зданий для определения архитектурной ценности разрушенных и поврежденных зданий, а также необходимости и целесообразности их восстановления			

1947	Принятие закона «О городском и сельском планировании» (Town and Country Planning Act 1947) для Англии и Уэльса		Принятие закона «О городском и сельском планировании Шотландии» (Town and Country Planning (Scotland) Act 1947)	
1972				Принятие «Порядка планирования Северной Ирландии» (Planning (Northern Ireland) Order 1972).
1980	Принятие Закона о национальном наследии (National Heritage Act 1980), Утверждение Мемориального фонда национального наследия (National Heritage), Определение порядка взаимоотношений в вопросах передачи и управления собственностью в вопросах сохранения национального наследия			
1983	Принятие закона о создании Агентства по сохранению наследия (English Heritage, National Heritage Act 1983)			
1984		Создание Службы исторической среды «Cadw» (Уэльс)		
1990	Утверждение нового закона о городской и сельской застройке (Town and Country Planning Act 1990)			
1990	Создание реестра объектов наследия, находящихся на грани утраты ('Heritage at Risk' Register)			
1991			Создание Агентства сохранения наследия Шотландии (Historic Scotland)	Принятие Порядка планировки Северной Ирландии (Planning (Northern Ireland) Order 1991) Создание службы окружающей среды и наследия (Environment and Heritage Service)
1991-1994				Составление полного перечня подлежащих охране объектов наследия Северной Ирландии
2003	Публикация доклада о Правительственной инициативе реформирования законодательства о сохранении наследия (Government's Heritage Protection Reform (HPR) report)			

2004	Публикация доклада о пересмотре законодательства о сохранении наследия (HPR decision report «Review of Heritage Protection: The Way Forward»)			
2007	Публикация открытого правительственного доклада «Охрана наследия в 21 веке» (White Paper «Heritage Protection for the 21st Century»)			
2008				Реорганизация Environment and Heritage Service в Агентство окружающей среды Северной Ирландии
2008	Обсуждение нового законопроекта «Об охране наследия» (Draft Heritage Protection Bill and White Paper: Heritage Protection for the 21st Century)			
2010	Начало работы по гармонизации всех подзаконных и регламентирующих актов в области планировки и охраны объектов наследия в один руководящий документ Условия национальной планировочной политики (National Planning Policy Framework 2012)			
2015			Создание вневедомственного Агентства исторической среды Шотландии (Historic Environment Scotland (HES))	
2024	Публикация последней редакции Условий национальной планировочной политики (National Planning Policy Framework)			

Тема опыта Великобритании в области создания национальной законодательной системы охраны объектов исторического и культурного наследия, а также принципы функционирования системы охраны и применимость в различных градостроительных ситуациях в отечественной науке описана в работах Горячевой А.В., Шемякиной В.А., Белозор А.Ф., Мироновой Т.Н., Литвиновой О.Г., Тюрина Е.А., Савиновой Е.Н., Пожидаева С.А., Рыжкова О.В., Егоровой Т.Е., Саликова Е.А., Петрикова К.А., Комиссарова В.В., Гусевой М.А. В то же время, остаются незанятые лакуны для исследования проблематики охраны наследия применительно к конкретным задачам и градостроительным ситуациям. Определение ключевых этапов формирования и эволюции сложившихся механизмов охраны и задействованных институтов, порядка взаимодействия государства, местного самоуправления и собственников позволяет выявить наиболее отличительные черты такой системы охраны в целях дальнейшей имплементации наилучшего опыта в современной ситуации.

В современном этапе исторического развития на территории Великобритании охрана культурного и архитектурного наследия выстроена по региональному принципу и в соответствии с общими принципами отбора объектов культурного и архитектурного наследия, определяемыми рекомендациями Министерства информации, культуры и спорта (Principles of Selection for Listing Buildings 2018, Department of Media, Culture and Sport. November 2018). Классификационные подходы и определения в регионах могут различаться. Ответственными органами являются:

- в Англии – Английская комиссия по сохранению исторических зданий и памятников (Historic Buildings and Monuments Commission for England (Historic England), до 2015 года – English Heritage);
- в Уэльсе – Служба исторической среды «Cadw»;
- в Шотландии – Комитет исторической среды Шотландии (Historic Environment Scotland);
- в Северной Ирландии – Агентство окружающей среды Северной Ирландии (Northern Ireland Environment Agency).

В рамках упомянутой выше методологии, здания и сооружения, получившие соответствующий охранный статус, не могут быть снесены, перестроены или переделаны без соответствующего разрешения со стороны местных ответственных контролирующих органов (planning authorities) и консультаций с соответствующими вышеперечисленными региональными структурами. В Англии и Уэльсе дополнительно необходимо проведение публичных слушаний² при условии полного или частичного сноса объекта (комплекса объектов). В отдельных случаях предусмотрено проведение внутренних разрешительных процедур для религиозных организаций в отношении сооружений, используемых для проведения богослужений и оправления религиозных треб. Невыполнение требований охранный статуса и проведение ремонтных, строительных, реконструкционных работ или частичный/полный снос охраняемых объектов без оформления соответствующей разрешительной документации, равно как существенное повреждение объектов при проведении иных типов работ влечет за собой уголовную ответственность физических и/или юридических лиц. Выполнение согласованных видов работ на охранных объектах с присвоенным высоким или высшим охранным статусом требует применения аутентичных инструментов и техник, и использования наиболее релевантных периоду материалов и технологий. В соответствии с требованиями Директивы о подготовке и предоставлении заявок по охраняемым объектам культурного и архитектурного наследия 2015 (Arrangements for handling heritage applications Direction 2015, Ministry of Housing, Communities & Local Government, 24 March 2015)³.

Помимо исторических зданий и сооружений, британское законодательство и охранный практика относят к охраняемым объектам культурного и архитектурного наследия: античные структуры, ландшафты, парки, памятники, военные мемориалы и места боевой славы. Кроме того, охранный статус может быть получен иными объектами, имеющими важное значение для британской истории или культуры. Наиболее ярким примером такого «нетипичного» охранный объекта можно назвать пешеходный переход на ул. Abbey Road, вошедший в историю благодаря обложке альбома группы «Битлз» (Zebra crossing with belisha beacons, mid C20, Abbey Road, реестровая запись 1396390), охранный статус получила и сама студия звукозаписи Abbey Road (Abbey Road Studios, реестровая запись 1393688). Отличительной особенностью правоприменения является то, что запрос на включение объектов наследия в охранный реестр может быть подготовлен и направлен на рассмотрение любым физическим лицом или организацией, в том числе без согласования с собственником объекта.

Становление и принципы охраны архитектурного наследия в Великобритании

Вопросы охраны культурного и архитектурного наследия в Великобритании получили высокую приоритетность во второй половине – конце XIX столетия. Предпосылки создания первой законодательной основы охранный механизма подробно рассмотрены Горячевой А.В. [4]. В 1882 году, впервые был принят Закон об охране античных памятников (Ancient Monuments Protection Act 1882). Данный закон ограничивал свободу действий собственников, на чьих землях находились древние объекты, по изменению облика или конструкции и запрещал уничтожение объектов. В перечень принятого закона вошло 68 объектов, относящихся к историческим периодам от неолита до IX столетия. Среди наиболее известных из которых можно назвать Стоунхендж (Stonehenge), Замок Кэдбери (Cadbury Castle) и крепостной холм Old Sarum (рис. 1). Большинство позиций в перечне составляли доисторические монументы, находившиеся, в том числе, под угрозой уничтожения в период бурного роста городских территорий и промышленности викторианской эпохи.

² A to Z Listed Buildings, Listed Building Surveyors. 1st Associated Ltd. 21 November 2014.

³ Здесь и далее: официальная электронная законодательная база Великобритании, раздел планирования. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga> (дата обращения: 12.12.2024).

а)

б)

в)

Рис. 1. Античные памятники, охраняемые Законом 1882 года: а) Стоунхендж (Stonehenge); б) замок Кэдбери (Cadbury Castle); в) крепостной холм Old Sarum

Принятый закон включил в себя четыре ключевых аспекта всей охранной системы Великобритании. Первый аспект – четкий перечень объектов охраны. Второй аспект – определение государственного ведомства, ответственного за сохранение объектов и взаимодействие с землевладельцами, на чьей территории они находились – офис Министра труда и общественных зданий (Commissioner of Works and Public Buildings). Третий аспект – определение и фиксация государственного участия в финансировании охранных мероприятий и восстановительных работ. В соответствии со статьей 2 Закона, работы по сохранению и восстановлению перечисленных объектов наследия должны выполняться за счет средств государственного казначейства (Treasury) по согласованию Министра труда. Четвертый аспект – введение уголовной ответственности за намеренную порчу охраняемых объектов наследия (статья 6 Закона предусматривала штраф до 5 фунтов стерлингов на устранение ущерба и тюремное заключение до 1 месяца с возможностью присуждения общественных работ). В отношении собственников земельных участков, на чьей территории располагались объекты наследия, за намеренную их порчу предусматривалась процедура отчуждения в пользу государства.

В 1895 году был создан Национальный трастовый фонд сохранения исторических достопримечательностей и природной красоты (National Trust) [5]. Основатели траста – Октавия Хилл (Octavia Hill), адвокат Сэр Роберт Хантер (Sir Robert Hunter) и священник Хардвик Драммонд Раунсли (Hardwicke Drummond Rawnsley). С момента основания трастовый фонд занимается сохранением объектов исторического, культурного и архитектурного наследия, управлением землями и объектами собственности. В первые три десятилетия работы траста объекты наследия приобретались на пожертвования и в дар. Траст действовал на территории всей Великобритании до 1931 года, в настоящее время – только на территории Англии, Уэльса и Северной Ирландии.

Следующее обращение к вопросу сохранения архитектурного наследия прослеживается в Шотландии. В 1926 году создается первая природоохранная благотворительная организация – Ассоциация защиты Шотландской глубинки (Association for the Protection of Rural Scotland, APRS, с 2023 года – Action to Protect Rural Scotland), чьей целью было сохранение природных ландшафтов сельской Шотландии. В 1931 году, со-основателем APRS сэром Джоном Стирлингом Мвксвеллом (Sir John Stirling-Maxwell) был создан трастовый фонд сохранения Шотландии (National Trust for Scotland или National Trust for Scotland for Places of Historic Interest or Natural Beauty) [6]. В 1936 году по указанию Пэра Шотландии Джона Крайтона-Стюарта, 4-го Маркиза Бютэ (John Crichton-Stuart, 4th Marquess of Bute), бывшего активным членом фонд сохранения Шотландии, архитектором Яном Линсдеем (Ian Gordon Lindsay) было проведено обследование 103 шотландских городов и деревень на предмет идентификации объектов и комплексов, представляющих культурную, историческую и/или архитектурную ценность с ранжированием по категориям А, В и С.

Массированные бомбардировки британских городов германской авиацией с самого начала Второй мировой войны привели к серьезным повреждениям значительного количества исторических архитектурных объектов. Весной 1942 года, когда регулярность бомбардировок сошла «на нет» по причине переброски основных немецких сил на восточный фронт, перед британцами встала необходимость восстановления разрушенных районов и городов. На деньги британского казначейства была создана комиссия из 300 архитекторов Королевского института Британских Архитекторов (Royal Institute of British Architects) и Общества по защите античных зданий (Society for the Protection of Ancient Buildings), в задачу которой входило определение архитектурной ценности разрушенных и поврежденных зданий, а также необходимости и целесообразности их восстановления⁴. Прделанная работа послужила основой включения охранных реестров (Listing) в законодательную базу. В 1947 году принимаются законы для регионов Англия и Уэльс – «О городском и сельском планировании» (Town and Country Planning Act 1947) и Шотландский закон «О городском и сельском планировании Шотландии» (Town and Country Planning (Scotland) Act 1947). Именно этот этап описывается Горячевой А.В. как начало новой практической охранной эры в стране [7]. Включение охранного статуса в региональное законодательство Северной Ирландии произошло значительно позже – только в 1972 году, когда был принят «Порядок планирования Северной Ирландии» (Planning (Northern Ireland) Order 1972)⁵.

На рубеже 1970-1980-х годов вопросы сохранения культурного и исторического наследия приобретают национальный характер. Экономические реформы, проводимые правительством под руководством М. Тэтчер⁶ (Margaret Hilda Thatcher), подразумевали значительную перестройку отраслевого состава экономики страны, закрытие производств, создание новых экономических и хозяйственных связей и необходимость развития инфраструктуры для новых экономических драйверов: девелопинга, торговли и логистики. Все эти факторы рассматривались как предпосылки для полного уничтожения «непригодной» инфраструктуры. В 1980 году подписывается Закон о национальном наследии (National Heritage Act 1980), которым был утвержден Мемориальный фонд национального наследия (National Heritage) и определены порядки взаимоотношений в вопросах передачи и управления собственностью в вопросах сохранения национального наследия. Триггером к созданию нового закона послужил скандал со сносом шинной фабрики Firestone в районе Брентфорт, Лондон (рис. 2) построенной в 1928-1929 годах по проекту архитектурного бюро Wallis, Gilbert and Partners и являвшейся ярким примером промышленной архитектуры арт-деко. Снос был осуществлен компанией – владельцем в

⁴ Cruickshank D. Targets of enemy bombers and our own demolition men // Independent, 27 August 1995. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/art/news/targets-of-enemy-bombers-and-our-own-demolition-men-1598384.html> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ Здесь и далее: официальная электронная законодательная база Великобритании, раздел Северной Ирландии. URL: <https://www.legislation.gov.uk/nisi> (дата обращения: 12.12.2024).

⁶ Margaret Thatcher Foundation. URL: <https://www.margarethatcher.org/essential> (дата обращения: 12.12.2024).

период августовских банковских выходных в связи с информацией о возможности скорого включения здания фабрики в реестр охраняемых объектов наследия, как памятника архитектуры. В результате скандала, правительством был сформирован перечень объектов наследия, в отношении которых было запрещено проведение каких-либо работ до придания им соответствующего охранного статуса⁷, а Министерством окружающей среды, в чьем ведении находились объекты наследия, была инициирована полная инвентаризация охраняемых объектов.

Рис. 2. Шинная фабрика Firestone в 1934 году, вид со стороны Grewt West Road

В 1983 году был принят закон о создании Агентства по сохранению наследия (English Heritage, National Heritage Act 1983) – вневедомственного государственного органа, которому были предоставлены широкие полномочия по управлению памятниками и исторической застроенной средой Англии. Создание специализированного агентства позволило, в том числе, систематизировать и типизировать значительное количество памятников и исторических объектов по категориям, включая выделение объектов промышленного наследия [8]. В 1984 году Великобритания ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО⁸ «Об охране всемирного культурного и природного наследия» [9]. том же 1984 году создается Служба исторической среды «Cadw» в Уэльсе, которой передаются полномочия по управлению и защите объектов наследия. В Шотландии в 1991 году было создано Агентство сохранения наследия Шотландии (Historic Scotland), подотчетное кабинету министров.

Тренд на усиление контроля над сохранением исторических сооружений и исторического облика территорий пришелся на начало девяностых годов прошлого века. В 1990 году утверждается новый закон о городской и сельской застройке (Town and Country Planning Act 1990), что значительно усилило контроль над получением разрешений на строительство и реконструкцию в целом, и в отношении охраняемых объектов в частности. Ужесточения преимущественно коснулись вопросов сохранения аутентичности, исторического и архитектурного наследия. Одновременно, тем же законом в Англии и Уэльсе уровень принятия решений по вопросам охранного статуса повышается до уровня Государственного Секретаря Великобритании. Также был создан реестр объектов наследия, находящихся на грани утраты ('Heritage at Risk' Register). В 1991 году в Северной Ирландии принимается Порядок планировки (Planning (Northern Ireland) Order 1991). Этим же актом (статья 42) ответственному государственному органу – Службе окружающей среды и наследия⁹ (Environment and Heritage Service) поручено составление полного перечня зданий и сооружений, имеющих особую архитектурную или

⁷ Young J. A notable dozen are added to the nation's listed buildings. The Times, 15 October, 1980, p. 4.

⁸ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принята 16.11.1972 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage (дата обращения: 12.12.2024).

⁹ С 2008 года – Агентство окружающей среды Северной Ирландии (Northern Ireland Environment Agency).

историческую ценность (special architectural or historic interest). Полная ревизия подлежащих охране объектов наследия Северной Ирландии была закончена в 1994 году [10]. В конце XX века в борьбе за сохранение исторического и культурного наследия защитные меры были значительно усилены и ужесточены требования к владельцам объектов по их сохранению и поддержанию, включая требования к производству ремонтно-восстановительных и иных работ. Понижения охранной категории или вывод из охранного перечня были максимально затруднены. В таких условиях многие собственники объектов стали неспособны поддерживать их в соответствующем состоянии, что в том числе приводило к их упадку, при этом не все были готовы передавать свою собственность в национальные и региональные трасты или привлекать дополнительное стороннее финансирование для проведения поддерживающих или ремонтно-восстановительных работ.

Процесс пересмотра требований охранного законодательства был начат в начале XXI века с публикации в 2003 году доклада о Правительственной инициативе реформирования законодательства о сохранении наследия (Government's Heritage Protection Reform (HPR) report). В 2004 году был представлен доклад «О пересмотре законодательства о сохранении наследия» (HPR decision report «Review of Heritage Protection: The Way Forward»). В 2007 году был подготовлен открытый правительственный доклад Охрана наследия в 21 веке (White Paper «Heritage Protection for the 21st Century»). В 2008 году был представлен новый законопроект и «Об охране наследия», включивший в себя ранее опубликованный открытый доклад (Draft Heritage Protection Bill and White Paper: Heritage Protection for the 21st Century). Процесс согласования позиций и подходов с различными организациями и общественными группами, трастами, благотворительными фондами, участвующими в сохранении наследия, и English Heritage заняли длительное время. В 2010 году был поставлен вопрос о гармонизации всех подзаконных и регламентирующих актов в области планировки и охраны объектов наследия в один руководящий документ Условия национальной планировочной политики (National Planning Policy Framework 2012), который был утвержден и опубликован только в 2012 году с изменениями 2018, 2019 и 2021 годов.

В 2015 году в Шотландии было создано вневедомственное Агентство исторической среды Шотландии (Historic Environment Scotland, HES), вобравшее в себя Historic Scotland и Королевскую комиссию по охране античных и исторических сооружений Шотландии (Royal Commission on the Ancient and Historical Monuments of Scotland). В рамках расширенных полномочий новому Агентству в трастовое управление было передано более 300 объектов собственности национального достояния, в числе которых Эдинбургский замок и Форт Джордж.

Категории охраняемых объектов в Великобритании и критерии их отбора

На территории Великобритании к объектам охраняемого наследия (heritage assets) относятся единичные и групповые объекты, сельские и городские территории, формирующие историческую среду и имеющие археологическое, историческое, архитектурное или культурное значение. Для определения таких объектов в настоящее время используется рекомендованная классификация Министерства культуры, информации и спорта в редакции 2023 года (Guidance for custodians on how to deal with commemorative heritage assets that have become contested. Department of Culture, Media and Sport, 5 October 2023). Охранный статус присваивается объектам на основании внесения в региональные охраняемые реестры, в которые может быть внесен фактически любой материальный объект, среда или территория, начиная от замков, зданий и сооружений, имеющих историческое или архитектурное значение, до дорожных указателей, телефонных будок. Например, реестр Historic England включает в себя 44 категории типов объектов наследия, по каждой из которых разработана отдельная методология определения ценности: 20 – для зданий и сооружений, 18 – для археологических объектов, 4 – для рукотворных ландшафтов и по одной для полей сражений и кораблей. Далее в статье будут рассмотрены категории охранного статуса

объектов наследия по регионам. Сопоставление охранных категорий представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Категории охранного статуса в Великобритании, по регионам, в порядке убывания значимости

Категория/ регион	Англия	Уэльс	Шотландия	Северная Ирландия
1	Первая (высшая) – Grade I – здания и сооружения исключительной важности (категория «А» – в реестрах англиканской церкви до 1977 года ¹⁰)		«А» (Category A) – объекты особой исторической или архитектурной ценности, являющиеся беспрецедентными примерами определенного периода, стиля или типа	«А» (Grade A) – особые объекты региональной важности, включая значимые здания и сооружения и образцы определенного периода, типа или стиля с наименьшими изменениями или модификациями
2	Вторая прим (высокая) – Grade II* – здания и сооружения высокой важности (категория «В» – в реестрах англиканской церкви до 1977 года)		«В» (Category B) – объекты, обладающие особой исторической или архитектурной ценностью и являющиеся хорошими примерами определенного периода, стиля или типа	«В+» (Grade B+) – особые объекты, которые могли быть отнесены к категории «А», но имеют незначительные изъяны или модификации. К этой категории также относятся объекты категории «В1», обладающие исключительными особенностями или интерьерами
3	Вторая – Grade II – здания и сооружения специализированной важности (категория «С» – в реестрах англиканской церкви до 1977 года)		«С» (Category C) – объекты, обладающие особой исторической или архитектурной ценностью и являющиеся репрезентативными примерами определенного периода, стиля или типа	«В1» (Grade B1) – объекты местного значения или хорошие примеры определенного периода или стиля. Допускается определенное количество переделок; «В2» (Grade B2) – объекты, отвечающие базовым критериям исторической или культурной значимости. Часто применяется к объектам или территориям охраны «групповой ценности»
4	третья (Grade III) – только до 1970 года, упразднена ¹¹			

Необходимо отметить, что в Северной Ирландии, в отличие от других регионов Великобритании, классификация охранного статуса не закреплена законодательно и ведется в соответствии с региональной методологией¹² Департамента по делам сообществ Северной Ирландии.

В британском законодательстве и правоприменительной практике используются различные юридические термины для зданий, сооружений и отдельных объектов охраны и признания «созданной исторической среды» (built historic environment) в рамках

¹⁰ В отношении некоторых зданий и сооружений, реестровые документы которых не переоформлялись.

¹¹ Упразднена по причине расхождений в принципах идентификации и способах охранения.

¹² Finding a listed building, Northern Ireland Department for Communities.

процедур определения наследия (Heritage designation) и в целях формализации юридического защитного статуса при внесении в охранные реестры. Для зданий и сооружений используется термин «listed», для древних монументов – «scheduled», для затонувших кораблей – «protected», для полей сражений, садов и парковых ансамблей – «registered». Статус «judged» присваивается для объектов, не внесенных в охранные реестры, но имеющих существенное значение. Обычно такой статус присваивается объектам, требующим дополнительных охранных мероприятий на этапе до включения в реестры.

К базовым критериям, позволяющим отнести объект к охранным категориям, относятся: архитектурная ценность, историческая значимость, историческая взаимосвязь со значимыми событиями или персонами. Объекты, не имеющие собственной значимости, могут быть включены в охранный реестр в составе групп (group value), формирующих архитектурный ансамбль, исторический маршрут [11] или при условии наличия иных объединяющих признаков. При этом зоны или территории, содержащие множество объектов, при включении в реестр в статусе «групповой ценности» часто получают более низкий охранный статус консервационной зоны (conservation area) [12].

В Великобритании выработан целый ряд специальных критериев для определения значимости и категории охранный статус для зданий и сооружений, при этом утверждение охранный статус возможно на основании одного или одновременно нескольких критериев:

- возраст и уникальность объекта;
- эстетические параметры объекта;
- принцип селективности;
- национальное и/или историческое значение;
- структурная целостность и/или состояние.

При рассмотрении критерия возраста и уникальности объекта, согласно принятой методологии и с учетом полуторавековой практики можно выделить следующие аспекты. Все объекты до 1700 года постройки (создания), содержащие значительную часть оригинальной структуры или отделки, включались в реестры автоматически. Большинство объектов, датируемых между 1700 и 1840 годами, уже включены в охранные реестры в пятидесятые, восьмидесятые и девяностые года XX века. Объекты, датируемые после 1840 года, подлежат отбору, а датируемые после 1945 года – предметному и тщательному отбору. Объекты возрастом менее 30 лет могут попасть в охранный реестр при условии их уникальности и прекрасного поддерживаемого состояния.

При оценке эстетических параметров учитывается уникальность или единичность объектов с высокой эстетикой, кроме того, в реестр могут быть включены обычные или типовые здания и сооружения в привязке к городской территории или земельному участку, если они отражают определенный аспект социальной или экономической истории Великобритании.

При выборе критерия селективности под охранный статус подпадают только наиболее репрезентативные или значимые объекты при условии, если сохранилось большое количество объектов одного типа.

Критерий национального значения применяется в отношении ярких примеров региональной или национальной архитектуры, или локализованной отрасли технического прогресса. Безусловно данный критерий применяется в отношении мест и территорий исторической значимости, полей битв, мест, связанных с историческими личностями.

Критерий структурной целостности и/или состояния редко учитывается при определении охранный статус, но может быть использован в качестве дополнительного при выборе той или иной охранный категории.

Любые здания и сооружения постройки до 1948 года находящиеся в пределах памятника архитектуры признаются частью памятника архитектуры с присвоением соответствующей категорией охранного статуса.

Месторасположение памятника архитектуры в пределах городских территорий определяется как «среда, в которой реализуется наследие» (the surroundings in which a heritage is experienced). Такая «среда реализации наследия» может оказывать существенное влияние на получение прилегающими городскими территориями охранного статуса консервационной зоны, а также на рассмотрение различных планировочных и градостроительных заявок в рамках реконструкции или реновации территорий или возведения отдельных объектов в непосредственной близости от охраняемого объекта.

Охранный статус может быть присвоен и части здания или сооружения (к примеру – элементу фасада или отделки) по критерию архитектурной или исторической ценности, в таком случае охранный статус распространяется полностью на весь объект без исключений.

При присвоении охранного статуса зданиям и сооружениям такой статус распространяется не только на структуру или внешний архитектурный облик и оформление, но и на внутреннее оформление интерьеров, отделку, фурнитуру и иные объекты внутри охраняемой зоны, в том числе объекты, не имеющие жесткой фиксации (мебель, статуи, элементы паркового декора и так далее). В таком случае перечень свойств и элементов охраняемого объекта может быть внесен в соответствующий реестр.

В отношении промышленных зданий и сооружений Английской комиссией по сохранению исторических зданий и памятников в 2017 году выпущен специальный бюллетень Industrial Buildings Listing Selection Guide 2017, определяющий особые критерии отбора объектов индустриального наследия. Данный документ специфицирует основные категории объектов промышленной архитектуры и определяет правила обращения промышленными объектами в руинированном состоянии и релевантными местами археологических раскопок. Существуют отдельные бюллетени для отбора и категоризации архитектурных объектов, тесно связанных с промышленной революцией, такие как: транспорт (включая таможенные посты, каналы, шлюзы, железные дороги и железнодорожную инфраструктуру), морские и военно-морские постройки (доки, верфи, склады), а также общежития (Domestic 1).

После скандала со сносом шинной фабрики Firestone во избежание повторения эксцессов с объектами наследия, был выработан механизм, позволяющий местным органам выносить временное Уведомление о сохранении здания (Building Preservation Notice, BPN). Данное уведомление выдается сроком до 6 месяцев, в течение которых запрещается снос или модификация объекта с нарушением его исторического характера. Уведомление о сохранении здания может быть выдано по запросу любого лица или организации, в том числе не являющегося собственником объекта. При этом во избежание неправомерного использования механизма уведомлений о сохранении зданий, в том числе в целях конкурентной борьбы, для собственников производственных объектов предусмотрен механизм получения сертификата иммунитета от охранного статуса (Certificate of Immunity from Listing, Col). Такой иммунитет запрашивается владельцем бизнеса у Государственного Секретаря в отношении промышленного или офисного здания, используемого по прямому назначению.

Модернизация, перестройка, реновация охраняемых объектов допускается только после согласования проекта и получения соответствующего разрешения местных ответственных органов в соответствии с принципами использования памятников архитектуры «надлежащим и жизнеспособным образом» (appropriate and viable use). Выполнение несогласованных работ в отношении охраняемых объектов влечет за собой уголовную ответственность как в отношении лиц и организаций, выполняющих такие работы, так и в отношении владельцев. Кроме того, собственника могут обязать

восстановить первоначальный облик и структуру объекта за свой счет. При выполнении работ в отношении охраняемых объектов первой (высшей) категории в большинстве случаев при согласовании разрешительной документации на выполнение работ применяются требования использования аутентичных материалов, технологий и инструментов, в том числе при подготовке и обработке отдельных конструктивных элементов или отделки. Такие требования обычно предъявляются к объектам исключительной исторической или архитектурной ценности. При выполнении работ на объектах второй категории допускается применение современных технологий и инструментов при максимальном сохранении аутентичного облика.

В Англии и Уэльсе управление памятниками архитектуры и ответственность за их сохранность находится в ведении местных органов планирования и Министерства по делам сообществ и местного самоуправления (Department for Communities and Local Government). Важно отметить разделение полномочий с Министерством культуры, информации и спорта, которое отвечает за внесение объектов наследия в охранный реестр. В Уэльсе органы планирования дополнительно обязаны согласовать заявку на модернизацию или перестройку охраняемого объекта со Службой исторической среды «Cadw» (отказ в перепланировке может быть выдан и без уведомления Cadw). В Шотландии, местные органы планирования должны согласовывать заявки на перепланировку с Historic Environment Scotland при обязательном участии третьей независимой стороны. Historic Environment Scotland выдает рекомендацию от имени Кабинета министров Шотландии.

Знаковые примеры промышленных охраняемых объектов наследия и реновационных проектов в Великобритании

В Великобритании существует целый ряд объектов промышленной архитектуры, имеющих охранный статус первой (высшей) категории. К объектам наиболее ранней эпохи можно отнести охраняемую с 1956 года индустриальную деревню Эббидейл (Abbeydale Industrial Hamlet), ведущую свою историю с середины XIII столетия. Основная часть сохранившихся каменных строений относится к 1777-1876 годам постройки, среди важных объектов охраны – кузнечный наклонный механический молот с приводом от водяного колеса 1785 года. Среди охраняемых объектов промышленной архитектуры первой (высшей) категории, которые впервые были внесены в охранный реестр в послевоенный период, можно отметить построенную в 1771 году первую в мире хлопкопрядильную фабрику с водяным приводом Cromford Mill в графстве Дербишир (охранный статус с 1950 года, внесена в список всемирного наследия Юнеско); и приливную мельницу Woodbridge Tide Mill в графстве Саффолк (охранный статус с 1951 года), впервые упоминаемую в письменных источниках конца XII столетия, основной комплекс нынешних сооружений относится к XVIII-XIX векам, при этом мельница и в настоящее время функционирует по прямому назначению.

Отдельно среди промышленной архитектуры первой (высшей) категории защиты необходимо выделить объекты «эры пара»: хлопкопрядильную фабрику Temple Works в графстве Йоркшир (охранный статус с 1950 года), построенную в 1836-1840 годах стиле «Египетского возрождения» инженером Джеймсом Комби (James Coombe), художником Дэвидом Робертсом (David Roberts) и архитектором Йозефом Бономи Янгером (Joseph Bonomi the Younger); насосную станцию Crossness Pumping Station в Лондоне (охранный статус с 1970 года), бывшую станцию перекачки сточных вод, построенную в 1859-1865 годах по проекту инженера Йозефа Базалье (Sir Joseph Bazalgette) и архитектора Чарльза Генри Драйвера (Charles Henry Driver). Здание насосной станции украшено высокохудожественным орнаментным чугунным литьем работы Николаса Певснера (Nikolaus Pevsner), представляющим собой один из лучших образцов чугунного литья викторианской эпохи. Все вышеперечисленные объекты имеют музейный статус и открыты для посещения. Охраняемые промышленные архитектурные объекты первой (высшей) категории, в основном внесены в реестр в период 50-х и 70-х годов XX века и

сохраняются в максимально аутентичном виде к рассматриваемому индустриальному периоду.

Пожалуй, единственными и самым крупным охраняемым объектом первой (высшей) категории, подвергнутым полной смене основного профиля и ставшим одним из ключевых центров притяжения, стали построенные в 1841-1846 годах Королевские Доки Альберта (Royal Albert Dock), названные в честь открывшего их принца Альберта – революционная для своего времени замкнутая логистическая система, спроектированная инженерами-строителями Джесси Хартли (Jessey Hartley) и Филипом Хардвиком (Philip Hardwick) и оказавшая значительное влияние как на развитие логистики, так и на развитие строительных технологий [13].

Впервые было выполнено объединение доковой и складской инфраструктуры – корабли непосредственно швартовались к складскому зданию и погрузочно-разгрузочные работы исключали промежуточную перевалку к причальной стенке. Впервые 5-этажные складские корпуса были выполнены из камня и металлических несущих конструкций и полностью исключали применение дерева в структурных элементах, что для своего времени было новейшим инженерным достижением и делало строения самыми пожаробезопасными. В 1848 году впервые в мире, на территории Albert Dock были установлены гидравлические портовые краны. Комплекс Albert Dock включал в себя таможенный пост, сборы и пошлины взимались при перемещении товаров за пределы доков, а склады имели статус таможенных, что было инновационным решением для своего времени. Все вышеописанные нововведения и новшества стали определяющими факторами для отнесения Albert Dock к объектам охраняемого архитектурного и культурного наследия промышленной революции.

Доки получили значительные повреждения от авианалетов во время Второй мировой войны, и оператором доков рассматривался вопрос их сноса ввиду нехватки средств на полноценную реконструкцию. В 1952 году с учетом большого архитектурного и инженерного значения Albert Dock получил охранный статус первой (высшей) категории, что не дало владельцам произвести снос строений для последующей застройки на их месте другой портовой инфраструктуры или многофункциональной застройки, хотя такая инициатива продвигалась вплоть до конца 60-х годов XX столетия. В 1972 году доки были окончательно закрыты для коммерческого использования, шлюзы были открыты и бассейн дока быстро заполнился илом. В течение следующего почти десятилетия заброшенный Albert Dock, бывший когда-то символом технологического прогресса, олицетворял собой общий экономический упадок в промышленности Великобритании.

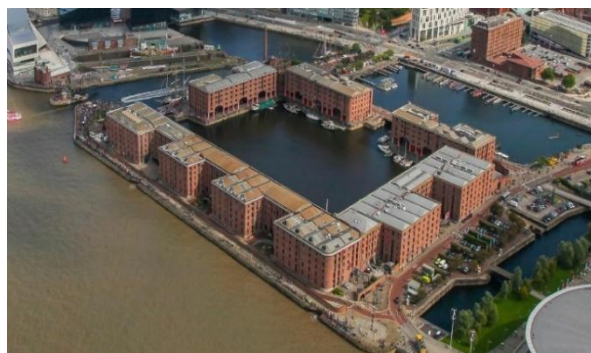
После нескольких неудачных попыток продвинуть различные проекты реконструкции доков. В 1974 году было сформировано графство Мерсисайд, включившее в себя низовья реки Мерси и Ливерпульскую агломерацию. Вновь созданный Совет Графства (Merseyside County Council, MCC) выступил с инициативой сохранения и преумножения культурного и архитектурного наследия, которая включала в себя планы по переустройству одного из городских символов – Albert Dock [14]. В 1981 году была создана Корпорация развития Мерсисайда (Merseyside Development Corporation, MDC), решение об утверждении которой прошло через британский парламент совместно с London Docklands Development Corporation (LDDC), создававшейся для целей полной реконструкции Лондонского Доклендса. MDC были переданы широкие полномочия в области принятия планировочных решений и согласований. Создание MDC было частью инициативы правительства Тетчер по комплексной реконструкции и перестройки 324 гектар прибрежной территории и доков Ливерпульского порта. В этих целях было предусмотрено государственное финансирование на реконструкцию транспортной сети и прилегающих к порту инженерных коммуникаций и инфраструктуры. Все эти меры должны были способствовать привлечению частных инвестиций в проект реновации порта.

В сентябре 1983 года было подписано соглашение с лондонской компанией о создании Albert Dock Company в целях реновации дока с сохранением общего архитектурного ансамбля, внешнего архитектурного оформления и конструктивных элементов в соответствии с правилами обращения с охраняемыми архитектурными объектами первой (высшей) категории. Первой частью работ по реконструкции дока стала очистка бассейна от ила и отложений, замена шлюзовых ворот и восстановление мостовых конструкций. Внешние стены строений были отремонтированы или восстановлены. Скорости восстановительных работ способствовало и то, что фундамент и несущие конструкции складов, не смотря даже на повреждения от немецких бомбардировок, находились в хорошем состоянии. Этот факт еще раз подтвердил историческую, архитектурную и инженерную значимость объекта, эксплуатировавшегося уже более 150 лет. К проведению трансатлантической парусной регаты исторических парусников 1984 Cutty Sark Tall Ship Race была восстановлена северо-восточная часть комплекса, получившая название Edward Pavilion, а в 1986 году была закончена реконструкция южного и юго-восточного крыла, получивших названия Britannia pavilion и Atlantic pavilion. На территорию Albert Dock переехал Морской музей Мерсисайда (Merseyside Maritime Museum). Реконструкция западного крыла, названного Colonnades, была закончена в 1988 году. В нижних этажах разместились магазины, а в мезонине – офисные помещения. Часть комплекса была отдана под апартаменты. Работы по реновации комплекса продолжались в течение девяностых годов XX века, на площадях комплекса разместилось два отеля, телевещательная сеть Telewest (Virgin Media), последние пустующие площади были введены в строй только в 2003 году (рис. 3). В 2018 году Доки Альберта дополнительно получили королевский охранный статус и к их названию добавился префикс Royal.

В рамках проводимых реновационных работ, в соответствии с требованиями к объектам высшей охранной категории, были полностью сохранены оригинальные структурные элементы – кирпичные стены, литые чугунные колонны, выполненные в греческом стиле, несущие кованые стальные балки и конструкции перекрытий. Недостающая часть пострадавшего от немецких бомбежек Atlantic pavilion достроена с использованием идентичных материалов. Внешнее оформление выполнено с максимальным сохранением аутентичного облика начала двадцатого века. Ввиду изначально сугубо утилитарного назначения доков, не имевших особой внутренней отделки, структурные элементы и кирпичная кладка стен и сводчатых потолков предоставили широкие возможности для декорирования внутренних помещений для их нового целевого использования (рис. 3 в, г). Оригинальные грузоподъемные механизмы были сохранены на своих местах и использованы в качестве элемента внешнего декора (рис. 3 д). Отлитые из чугуна оконные переплеты восстановлены, а также воссозданы из легких сплавов. Для соответствия современным нормам теплоэффективности и ресурсосбережения с внутренней стороны устроено дополнительное остекление (рис. 3 г, д). Отдельного упоминания заслуживает сохранение большей части оригинальной самонесущей предварительно-напряженной крыши с выгнутыми скатами из кованого железа на тавровых балках с коваными расчалками (рис. 3 е).

а)

б)

в)

г)

д)

е)

Рис. 3. Королевские Доки Альберта (Royal Albert Dock), Ливерпуль: а) в 1980 году до реконструкции; б) в 2010 году после реконструкции; в) интерьер ресторана в Edward Pavilion; г) внутренняя отделка жилых апартаментов Colonnades Apartments; д) использование оригинальной кран-балки и подъемных механизмов в качестве элемента внешнего декора; е) несущие конструкции оригинальной крыши

Реестровые охраняемые объекты второй прим и второй категорий представлены гораздо более широким перечнем объектов различного назначения, в отношении которых применимо изменение целевого назначения, в том числе в целях сохранения самих объектов. Среди наиболее известных и наглядных таких объектов хотелось бы отдельно отметить упомянутую в начале статьи электростанцию Баттерси (Battersea Power Station) на южном берегу Темзы в Лондоне.

Крупнейшая для своего времени угольная электростанция была построена в 30-х годах XX столетия (блок «А» в 1929-1935 годах, блок «В» в 1937-1941/1955 годах) Лондонской энергетической компанией (London Power Company) по проекту Леонарда Пирса (Sir Leonard Pearce). Архитектурный облик был создан Тэо Халлидаем (J. Theo Halliday) и Жилем Гилбертом Скоттом (Giles Gilbert Scott). Электростанция является одним из крупнейших кирпичных зданий в мире и великолепным образцом промышленной архитектуры в стиле арт-деко. Четырехтрубный гигант стал своеобразной иконой промышленной архитектуры и объектом, определившим облик южного берега Лондона на многие десятилетия вперед. Блок «А» был выведен из эксплуатации в 1975 году. После скандала с шинной фабрикой Firestone в районе Brentford и с принятием Закона о национальном наследии (National Heritage Act 1980) весь комплекс электростанции получает вторую охранную категорию (Grade II) как объект уникальной архитектуры. Полностью станция была закрыта в 1983 году.

Именно охранный статус уберег электростанцию от сноса в период преобразований во времена правительства Тетчер, в рамках которых полностью изменился облик

лондонского Доклендса¹³, при этом тот же охранный статус не позволял найти столь грандиозному сооружению нового рационального применения в городской среде. В 1987 году была демонтирована крыша в рамках несостоявшегося проекта превращения комплекса в тематический парк. Комплекс электростанции фигурировал в опубликованном, и упомянутом выше, открытом правительственным докладе «Охрана наследия в 21 веке» и в том же 2007 году его охранный статус был повышен до второй прим категории (Grade II*). Более трех десятилетий комплекс электростанции Баттерси пустовал, что привело к значительным структурным нарушениям и грозило обрушением конструкций. 30 лет предпринимались различные неуспешные попытки продвижения проектов реконструкции электростанции и вплоть до 2012 года. Тогда было подписано соглашение с малазийской инвестиционной группой и утвержден проект перестройки электростанции в многофункциональный комплекс с апартаментами, офисными помещениями, магазинами и ресторанами, по примеру успешно реализованного проекта конверсии Королевских Доков Альберта в Ливерпуле.

В 2022 году электростанция Баттерси вновь открыла свои двери для посетителей и арендаторов и стала еще одним центром посещаемости Лондона. В ходе реализации конверсионного проекта были максимально сохранены оригинальные стены, элементы конструкций и внешнего декоративного оформления, восстановлены окна машинного зала (рис. 4 д). Главные контрольные залы с оригинальным оборудованием отреставрированы и используются для проведения мероприятий, в главном контрольном зале «А» восстановлен уникальный стеклянный потолок в стиле арт-деко (рис. 4 в). Ряд механизмов, оборудования и оригинальные кран-балки использованы в качестве элементов внутреннего оформления (рис. 4 г, д). В северной трубе блока «А» устроена панорамная смотровая площадка в виде поднимающейся над трубой стеклянной кабины лифта с полным полусферическим обзором «Lift 109». Охранные требования второй категории не подразумевают восстановления максимальной аутентичности объекта, при этом внутреннее оформление максимально выдержано в индустриальной стилистике с элементами арт-деко, но сформировано под современные требования к торгово-развлекательным объектам. Проект реконструкции включил в себя не только модернизацию в границах основного здания, но и строительство различного типа жилья и инфраструктуры на земельном участке в 17 гектар, а также продление Северной ветки лондонского метро и строительство двух новых станций Nine Elms и Battersea Power Station для обеспечения транспортной доступности. На рисунке 4 е представлен план территории развития.

а)

б)

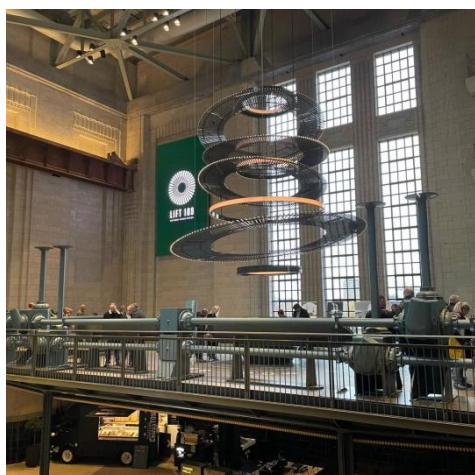
¹³ Подробно рассматривалось в статье Конверсия городских территорий, опыт Великобритании / Д.В. Калмыков // Градостроительство. 2023. № 5-6(87-88). С. 38-46. EDN YRYSII.

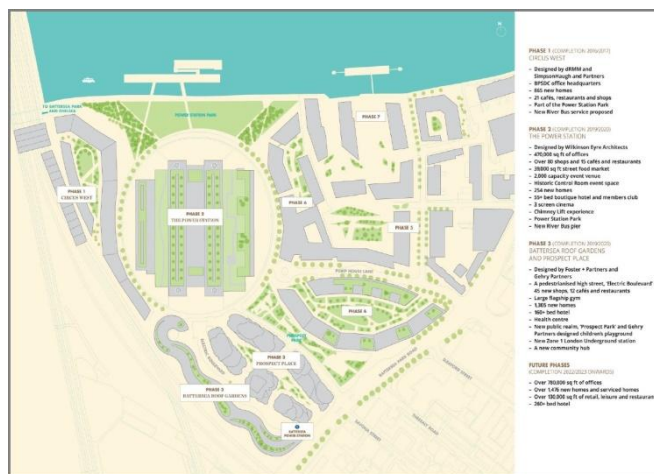
в)

г)

д)

е)

Рис. 4. Электростанция Баттерси (Battersea Power Station), Лондон: а) в 2008 году до реконструкции; б) в 2022 году после реконструкции; в) главный контрольный зал «А»; г) торговая галерея и кран-балка; д) панорамные окна машинного зала и механизмы; е) план развития территории

Заключение

Великобритания прошла долгий путь длинной в полтора столетия в отношении формирования национальной практики и подходов к сохранению архитектурного, культурного и исторического наследия. В структуре взаимодействия вовлеченных в процесс сохранения наследия и охраны объектов исключительной и высокой важности, в первую очередь обращает на себя внимание широкая вовлеченность общественных и неправительственных организаций, которые, с самого начала, и были основными инициаторами движения за сохранение национального наследия.

Важной отличительной чертой британской системы сохранения объектов культурного наследия является трастовая форма управления, большинство значимых объектов на территории Англии и Шотландии – дворцы, замки, парковые ансамбли, часть церквей, включая действующие – управляются трастами, такими как English Heritage, National Trust, National Trust for Scotland и другими [15]. В задачи трастов входит рациональное управление имуществом и сохранение наследия, при этом у самих трастов существует внутренняя запретительная процедура в отношении отчуждения объектов наследия. Основой бюджета таких трастов являются, в первую очередь, государственные ассигнования в форме грантов, также трасты принимают пожертвования и формируют доходную составляющую бюджетов за счет членских взносов, платы за входные билеты

за посещение объектов и сдачи объектов в аренду для проведения торжественных или иных мероприятий.

Другой отличительной чертой британской системы является разделение зон ответственности [16]. В первую очередь, методологическое сопровождение и внесение в охранный реестр осуществляется ведомством, не отвечающим за дальнейшую охрану наследия, а вопросы исключения их охранный перечень вынесены через сквозную согласовательную процедуру на высокий правительственный уровень.

Третьей отличительной чертой можно определить тот факт, что непосредственную ответственность за сохранение объектов архитектурного наследия в части выдачи планировочных разрешений (planning permissions) несут местные муниципальные органы управления, при этом первичное звено отчетности и контроля выстроено через общественные организации и фонды сохранения наследия. Такая схема значительно снижает риски «аппаратного» решения вопросов о перестройке памятников архитектуры без сохранения их культурной или исторической значимости, а тем более их сносе.

Четвертой отличительной особенностью британской системы охраны памятников архитектуры является наличие и приоритет уголовной ответственности за действия, ведущие к повреждению, несогласованному изменению или утрате охраняемых объектов наследия, как для физических лиц, так и для организаций. Такая мера ответственности может применяться и к непосредственным исполнителям, и к собственникам.

Реализация конверсионных проектов в отношении охраняемых объектов в составе городских и сельских территорий является сложным процессом не только и не столько в отношении оформления разрешительной и планировочной документации, сколько в отношении принятия правильной концепции [17] развития и привлечения соответствующих финансовых ресурсов и необходимых компетенций для реализации проекта. Такой процесс может растянуться не на одно десятилетие. В то же время, приоритетом при конверсии или реновации таких объектов, в соответствии с охранными требованиями, является максимальное сохранение аутентичного облика и подлинных элементов конструкции, декора, убранства и наполнения.

В целом, изучение британского опыта и подходов в области охраны объектов архитектурного и исторического наследия должно способствовать совершенствованию отечественных охранных механизмов, в том числе в целях сохранения объектов промышленной и производственной структуры и формирования особого культурно-исторического облика городов и городских территорий промышленного профиля.

Источники иллюстраций

Рис. 1 а-в) Google Earth, 2024 г.

Рис. 2. Историческое общество Бренфорда и Чисвика (Brentford & Chiswick Local History Society). URL: <https://brentfordandchiswicklhs.org.uk/journal-2-1981/the-firestone-factory> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 3 а, б) портал Royal Albert Dock. URL: <https://albertdock.com/history> (дата обращения: 01.12.2024).; в) Gusto Restaurants Ltd. URL: <https://gustorestaurants.com/restaurants/liverpool> (дата обращения: 01.12.2024); г) Reeds Rains Limited. URL:

<https://www.reedsrains.co.uk/property/flat-for-sale-the-colonnades-albert-dock-l3-id-liv230618?searchId=5758fc9e521e4cf2e71fe87645620a58&offset=10> (дата обращения: 01.12.2024); д) Holiday Inn Express Liverpool. URL:

<https://www.ihg.com/holidayinnexpress/hotels/us/en/liverpool/lplad/hoteldetail> (дата обращения: 01.12.2024); е) Institute of Historic Building Conservation. URL: https://www.designingbuildings.co.uk/wiki/The_iron_roof_at_the_Albert_Dock (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 4 а) Architecture Today, Built Environment and Architecture Media Ltd. URL: <https://architecturetoday.co.uk/battersea-powerstation-wilkinsonseyre> (дата обращения:

01.12.2024); б, в, д, е) портал Battersea Power Station, Battersea Project Land Company Limited. URL: <https://batterseapowerstation.co.uk> (дата обращения: 01.12.2024); г) Charlie Round-Turner, Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/markfaithfull/2023/10/13/one-year-on-battersea-power-station-remains-uks-new-kid-on-the-block> (дата обращения: 01.12.2024).

Список источников

1. Jones R. The Albert Dock, Liverpool. RJ Associates, 2004. 95 p. ISBN 0-9511703-4-1
2. Watts P. Up in Smoke: The Failed Dreams of Battersea Power Station. Paradise Road, 2016. 272 p. ISBN 9780993570209
3. Hughes Q. Liverpool: City of Architecture. 2nd Edition. The Bluecoat Press, 1999. 176 p. ISBN 978-1872568218.
4. Горячева А.В. О формировании законодательной системы охраны архитектурного наследия в Великобритании в XX веке // Современная архитектура мира. 2019. № 2(13). С. 253-270. DOI 10.25995/NIITIAG.2020.13.2.030
5. Литвинова О.Г. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия / О.Г. Литвинова, Л.С. Романова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. № 1(22). С. 74-92.
6. Культурное наследие как инструмент внутренней и внешней политики Великобритании, Германии и Японии / О.В. Рыжков, Т.Е. Егорова, Е.А. Саликов, К.А. Петриков // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 4(73). С. 31-70. DOI 10.52311/2079-3359_2022_4_31
7. Горячева А.В. Эволюция законодательства в области сохранения архитектурного наследия. Италия и Великобритания // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №4(61). С. 201-211. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/13_goryacheva.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-201-211
8. Горячева А.В. Охрана культурного наследия в законодательстве и научной методике Великобритании второй половины XX века // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Евпатория, 30-31 мая 2019 года. Евпатория: Ариал, 2019. С. 79-88.
9. Белозор А.Ф. Малый исторический город как объект культурного наследия // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 5. С. 622-631. DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-622-631
10. Тюрин Е.А. Особенности реализации общebritанской культуроохранной политики в Англии, Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии / Е.А. Тюрин, А.С. Пожидаев // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 76-92. DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-5-76-92
11. Миронова Т.Н. Исторические и региональные аспекты сохранения наследия. Москва: Московский гуманитарный университет, 2014. 272 с. ISBN 978-5-906768-10-0.
12. Mynors Ch. Listed Buildings, Conservation Areas and Monuments. 4rd edition. London: Sweet & Maxwell, 2006. 874 p.
13. Chrimes M. Civil Engineering 1839-1889: A Photographic History. Alan Sutton Publishing, 1991. 181 p. ISBN 1-84015-008-4

14. Liverpool 800: Culture, Character and History / ed. J. Belchem. Liverpool: Liverpool University Press, 2006. 532 p. ISBN 1-84631-035-0
15. Тюрин Е.А. Государственные и общественные механизмы реализации политики охраны историко-культурного наследия в Шотландии / Е.А. Тюрин, Е.Н. Савинова, А. С. Пожидаев // Власть. 2019. Т. 27, № 6. С. 282-290. DOI 10.31171/vlast.v27i6.6865
16. Гусева М.А. Охрана и реконструкция средневековых городов: отечественные реалии и зарубежный опыт / М.А. Гусева, В.В. Комиссаров // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 90-96. DOI 10.46726/И.2021.4.9
17. Шемякина В.А. Новые зарубежные города XXI века. Новые видения // Наука, образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, Москва, 03-07 апреля 2017 года. Том 1. Москва: Московский архитектурный институт (Государственная Академия), 2017. С. 325-327.

References

1. Jones R. The Albert Dock, Liverpool, RJ Associates Ltd, 2004, 95 p. ISBN 0-9511703-4-1
2. Watts P. Up in Smoke: The Failed Dreams of Battersea Power Station, Paradise Road, 2016, 272 p. ISBN 9780993570209
3. Hughes Q. Liverpool: City of Architecture, 2nd Edition, The Bluecoat Press, 1999, 176 p. ISBN 978-1872568218
4. Goryacheva A.V. On the formation of a legislative system for the protection of architectural heritage in the UK in the twentieth century. Contemporary world's architecture, 2019, no. 2(13), pp. 253-270 DOI 10.25995/NIITIAG.2020.13.2.030
5. Litvinova O.G., Romanova L.S. Foreign experience of the conservation of history-cultural heritage. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Journal of construction and architecture, 2009, no. 1(22), pp. 74-92.
6. Ryzhkov O.V., Egorova T.E., Salikov E.A., Petrikov K.A. Cultural heritage as an instrument of the United Kingdom's, Germany's, and Japan's internal and foreign policies. National strategy issues, 2022, no. 4(73), pp. 31-70 DOI 10.52311/2079-3359_2022_4_31.
7. Goryacheva A.V. The evolution of legislation in the field of conservation of architectural heritage. Italy and UK. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 4(61), pp. 201–211. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/13_goryacheva.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022- 4-201-211
8. Goryacheva A.V. *Ohrana kul'turnogo nasledija v zakonodatel'stve i nauchnoj metodike Velikobritanii vtoroj poloviny XX veka* [Protection of cultural heritage in the legislation and scientific methodology of Great Britain in the second half of the twentieth century. Current issues of protection and use of the cultural heritage of Crimea: Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Evpatoria, May 30-31 2019]. Evpatoria, 2019, pp. 79-88.
9. Belozor A.F. Small historical town as an object of cultural heritage. Observatory of Culture, 2018, v. 15, no. 5, pp. 622-631 DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-622-631
10. Tyurin E.A., Pozhidaev A.S. Peculiarities of implementation of the British cultural protection policy in England, Scotland, Wales and Northern Ireland. Central Russian Journal of Social Sciences, 2019, v. 14, no. 5, pp. 76-92 DOI 10.22394/2071-2367-2019-14-5-76-92

11. Mironova T.N. *Istoricheskie i regional'nye aspekty sohraneniya nasledija* [Historical and regional aspects of heritage conservation]. Moscow, 2014, 272 p. ISBN 978-5-906768-10-0
12. Mynors Ch. *Listed Buildings, Conservation Areas and Monuments*, 4rd edition. London, 2006, 874 p.
13. Chrimes M. *Civil Engineering 1839–1889: A Photographic History*. Alan Sutton Publishing, 1991, 181 p. ISBN 1-84015-008-4
14. Belchem J. (ed.) *Liverpool 800: Culture, Character and History*. Liverpool, 2006, 532 p. ISBN 1-84631-035-0
15. Tyurin E.A., Savinova E.N., Pozhidaev A.S. State and public mechanisms for the implementation of the historical and cultural heritage protection policy in Scotland. *The Authority*, 2019, v. 27, no. 6, pp. 282-290 DOI 10.31171/vlast.v27i6.6865
16. Guseva M.A., Komissarov V.V. Protection and reconstruction of medieval cities: domestic realities and foreign experience. *Ivanovo State University Bulletin. Series: the Humanities*, 2021, no. 4, pp. 90-96 DOI 10.46726/H.2021.4.9
17. Shemyakina V.A. New foreign cities of the XXI century. *New Vision. Nauka, obrazovanie i jeksperimental'noe proektirovanie: tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, professorsko-prepodavatel'skogo sostava, molodyh uchenyh i studentov, Moskva, 03–07 aprelja 2017 goda* [Science, education and experimental design: abstracts of reports of the international scientific and practical conference, faculty, young scientists and students, Moscow, April 03–07, 2017. Volume 1]. Moscow, 2017, pp. 325-327.

ОБ АВТОРЕ

Калмыков Дмитрий Витальевич

Аспирант, ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия

ved.niitnn@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kalmykov Dmitry V.

Postgraduate Student, Federal State Budget Institution «TsNIIP Ministry of Russia», Moscow, Russia

ved.niitnn@gmail.com

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.113(100)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-238-261

EDN: PJCTZO

Принципы унификации градостроительных документов в мировой практике

Сергей Иванович Лутченко^{1✉}, Яна Сергеевна Комелева²

¹Комитета Градостроительной политики Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия

²Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

¹serg.lutchenko@yandex.ru ²yana.komeleva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу методических документов в области территориального планирования, которые в последние годы активно разрабатываются как в России, так и за рубежом. В рамках исследования рассматриваются восемь документов, представляющих различные страны и отличающихся по уровню обязательности и по подходу к проблеме, однако каждый из них отражает принципы унификации и стремление к формированию устойчивого будущего в контексте национальных стратегий развития. Анализ осуществлялся с учетом общих критериев, что позволило выявить положительные и отрицательные стороны представленных документов. Результатом данного исследования является классификация используемых в мировой практике руководств, которая может быть использована для унификации градостроительных приемов и принципов при планировании или проектировании на территории Российской Федерации, способствуя более эффективному и гармоничному развитию территорий.

Ключевые слова: стандарт комплексного развития территорий, градостроительство, градостроительные стандарты, территориальное планирование, жилищное строительство, общественное пространство, транспортная инфраструктура, застроенная территория, населенный пункт

Для цитирования: Лутченко С.И. Принципы унификации градостроительных документов в мировой практике / С.И. Лутченко, Я.С. Комелева // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 238-261. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvar25/PDF/14_lutchenko.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-238-261. EDN: PJCTZO

Principles of urban planning document standardization in global practice

Sergey I. Lutchenko^{1✉}, Yana S. Komeleva²

¹Committee of Urban Planning Policy of the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia

²ITMO University, St. Petersburg, Russia

¹serg.lutchenko@yandex.ru ²yana.komeleva@gmail.com

Abstract. This article presents a comparative analysis of methodological documents in the field of territorial planning, which have been actively developed in recent years both in Russia and abroad. The study examines eight documents representing different countries, each varying in terms of legal obligation and approach to the issue. However, all of them reflect principles of standardization and a commitment to building a sustainable future in line with national development strategies. The analysis was conducted using common evaluation criteria, allowing

for the identification of both strengths and weaknesses of the selected documents. The result of this study is a classification of guidelines used in global practice, which can be utilized to unify urban planning techniques and principles when planning or designing in the Russian Federation, contributing to more efficient and harmonious territorial development.

Keywords: comprehensive territorial development standard, urban planning, urban planning standards, territorial planning, housing construction, public space, transport infrastructure, built-up area, settlement

For citation: Lutchenko S.I., Komeleva Y.S. Principles of urban planning document standardization in global practice. Architecture and modern information technologies. 2025. №1(70). С. 238-261. URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/14_lutchenko.pdf
DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-238-261. EDN: PJCTZO

Введение

Территориальное планирование представляет собой ключевой инструмент для управления развитием муниципальных образований, обеспечивая гармоничное сосуществование социально-экономических и культурных процессов. В условиях быстро меняющегося мира, где урбанизация и социальные проблемы становятся все более актуальными, необходимость в эффективных и продуманных подходах к планированию территорий становится неоспоримой.

Научная новизна исследования заключается в сравнении градостроительных документов разного типа, применяемых в различных странах и регионах, для определения характерных современных тенденций и выявления лучших подходов в развитии территории. Настоящий анализ направлен на систематизацию существующих знаний и практических реализаций, в нем рассматриваются теоретические основы и практические примеры, которые отвечают запросу на формирование устойчивой среды для жизни современного человека.

В нынешнее время, когда строительство происходит с невиданной ранее скоростью, контроль за каждым зданием, его визуальной составляющей и контекстом места становится сложной задачей. В связи с чем государственные структуры стремятся к унификации градостроительных требований к документации, разрабатывая руководства, стандарты и дизайн-коды, которые устанавливают критерии, требования и определяют параметры для проектирования и строительства. Подобные руководства призваны оптимизировать архитектурно-строительный процесс, а также должны упрощать связь между органами государственной власти и застройщиками.

Приемы стандартизации в архитектуре и территориальном планировании начали развиваться задолго до современности, уходя корнями в античные времена. Уже в Древнем Риме и Греции были заложены основы унифицированного проектирования, когда применялись определенные пропорции и стили для создания гармоничного городского пространства. С течением времени, в Средние века и эпоху Возрождения, стандартизация продолжала развиваться, отражая потребности общества и тенденции своего века. Ранние подходы к унификации помогли сформировать представления о градостроительстве, которые мы наблюдаем и сегодня.

Исторические примеры стандартизации можно найти повсеместно, в различных уголках мира. В средневековых немецких городах, таких как Николаифиртель и Бамберг, архитектурные решения были унифицированы, что способствовало созданию гармоничного облика кварталов. Подобные принципы можно увидеть в Париже, в Латинском квартале, архитектура представлена разными стилями, но при этом имеет одинаковые пропорции и элементы, за счет которых был сформирован согласованный внешний вид района. Ярким примером также являются города-сады, Летчворт в Англии или Амалиенау в Калининграде, они продемонстрировали, как стандартизированные подходы могут улучшить качество жизни, обеспечивая удобные и эстетически привлекательные

жилые пространства. В России, во времена Николая I, были внедрены стандартизированные типы зданий, что стало основой для формирования архитектурной идентичности того времени и способствовало упорядочению городской и сельской застройки.

Однако унификация в XX веке переросла в типизацию, которая прочно вошла в использование с Постановлением КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Четкие стандарты и параметры привели к копированию, а оно, в свою очередь, к негативным последствиям в советском строительстве. В результате, мы получили микрорайоны, кварталы и так называемые «хрущевки», которые, хоть и были экономически выгодными, но не отвечали потребностям и ожиданиям людей, живущих в них. Унификация, переросшая в типизацию, привела к тому, что индивидуальность и разнообразие в архитектуре уступили место однообразию и отсутствию комфорта.

Нынешние темпы строительства ориентированы на ускорение, в связи с чем возвращаются в обиход градостроительные стандарты и унификация. Однако, чтобы стандарты не привели к повторению ошибок прошлого, необходимо использовать универсальный язык для проектировщиков и администрации. Изучение градостроительных руководств поможет выделить критерии для оптимизации процессов развития территории, а также для достижения баланса между унификацией и контекстом места.

Далее по тексту приводятся исследуемые документы, которые сопровождаются схемами, наглядно отражающими принципы/векторы развития жилищного строительства, улично-дорожной сети и социальной стороны проектирования.

Мэр Лондона. Руководства по планированию Лондона (Mayor of London. London Plan Guidance (LPG))³

Страна, город: Англия, Лондон. Год: 2023. Орган: Мэрия Лондона.

Для реализации «Лондонского плана»⁴, принятого в 2021 году, были разработаны руководства и схемы планирования, которые служат инструментами для практической реализации стратегии и целей, изложенных в основном документе. Хотя руководства не обладают обязательной юридической силой и не могут изменять основную политику «Лондонского плана», они играют значимую роль в градостроительном процессе.

В 2023 году мэрия Лондона представила новое руководство по проектированию, известное как «Characterisation and Growth Strategy» (Характеристика и стратегия роста). Документ включает четыре новых раздела, направленных на поддержку строительства качественных жилых и общественных пространств. Каждый из разделов содержит рекомендации, которые помогают реализовать политику «Лондонского плана» 2021 года, охватывая ключевые понятия, такие как форма и характер городской среды (Политика D1), оптимизация пропускной способности участков проектирования (Политика D3), стандарты качества жилья (Политика D6), высотные здания (Политика D9) и использование малых участков (Политика H2).

Главная задача руководств – осуществление Лондонского плана 2021. Они дополняют основной документ на уровне муниципальных образований и способствуют достижению основных целей, установленных в рамках этого плана, обеспечивая более структурированный и эффективный подход к развитию городской инфраструктуры.

³ Greater London Authority. London Plan Guidance. Characterisation and Growth Strategy / Greater London Authority. London: 2023. 45 с.

⁴ Greater London Authority. The London Plan Guidance. The spatial development / Greater London Authority. London: 2021. 542 с.

Область применения ограничена Лондоном, Англия. Руководства действуют до разработки следующего Лондонского плана, т.е. 20-25 лет от момента вступления в силу.

В «Characterisation and Growth Strategy» (Характеристика и стратегия роста) содержатся дополнительные указания для органов планирования, которые помогают оценить характер территории и разработать план развития (рис. 1). Документ заменяет предыдущее руководство по дополнительному планированию, детализируя процесс выявления необходимых изменений для частей района и согласования указанных изменений с существующей застройкой. Руководство «Small Site Design Codes»⁵ (Дизайн-коды небольших участков) предназначено для помощи органам планирования в реализации политики «Лондонского плана», касающейся малых по площади участков. Приводятся понятные рекомендации для участков менее 0,25 гектара. Руководство, посвященное успешному варианту использования территории, «Optimising Site Capacity: A Design-led Approach»⁶ (Оптимизация потенциала участка: подход, основанный на проектировании), рассматривает параметры проектирования и инструменты для оценки вместимости участка, что позволяет учитывать различные факторы, влияющие на использование территории. Дополнительная книга «Housing Design Standards»⁷ (Стандарты проектирования жилья) объединяет требования к проектированию жилых единиц, предлагая новые нормы, направленные на повышение качества жилых комплексов и создание более комфортной городской среды.

Рис. 1. Иерархия руководств LPG

К основным принципам, которые активно прослеживаются в руководствах, можно отнести увеличение плотности застройки, освоение малых по площади участков, возможность создания временного, а также доступного жилья. То есть рассматриваемые руководства имеют вектор на увеличение плотности населения, что представляет собой стратегическую цель Лондонского плана 2021.

На схеме (рис. 2) представлены характерные положения для каждой из рассматриваемых категорий. Для жилого сектора направленность на уплотнение застройки и увеличение плотности населения; социальный сектор ориентирован на близость социальных объектов, а также на формирования общественных пространств с необходимой «зеленой зоной»; уличный каркас рассматривается, как единой общественное пространство, параметры которого зависят от типологии. Руководства LPG предполагают соучаствующее проектирование, как способ создания качественного района с учетом пожеланий местного населения. Абстрактная форма говорит об отсутствии четких параметров в документе.

⁵ Greater London Authority. London Plan Guidance. Small Site Design Codes. London: 2023.

⁶ Greater London Authority. London Plan Guidance. Optimising Site Capacity: A Design-led Approach. London: 2023.

⁷ Greater London Authority. London Plan Guidance. Housing Design Standards. London: 2023.

Mayor of London. London Plan Guidance.

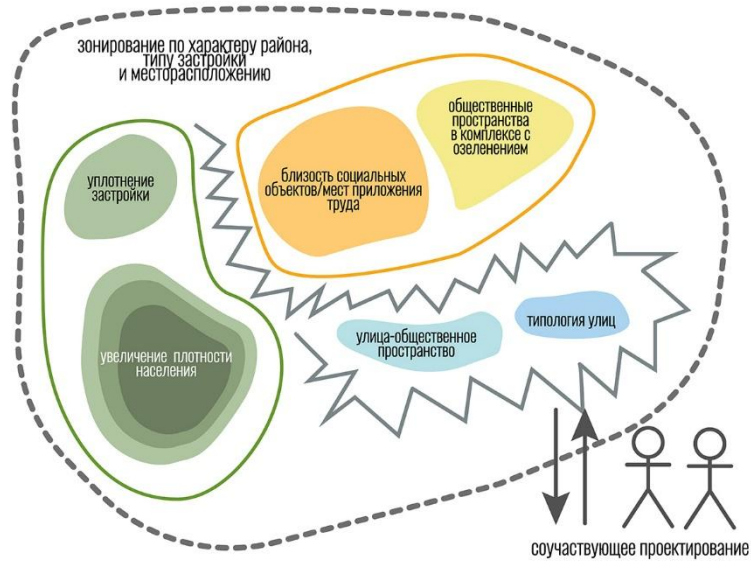

Рис. 2. Иллюстрация основных положений LPG

Руководства LPG представляют собой важный инструмент для органов планирования, застройщиков и местных властей, способствуя реализации стратегий «Лондонского плана» и обеспечивая высокое качество городской застройки.

Принцип унификации рассмотренного документа не только направляет практическую деятельность в области градостроительства, но и способствует более тесному взаимодействию между различными заинтересованными сторонами, что является ключевым фактором для успешной реализации градостроительных практик в Лондоне.

Градостроительный стандарт ДОМ.РФ

Страна: Россия. Год: 2019. Орган: Минстрой России (ДОМ.РФ, КБ Стрелка) разработан по поручению Председателя Правительства РФ.

Стандарт комплексного развития территорий – это руководство, направленное на развитие многофункциональной и жилой застройки в зависимости от потребностей населения и сценария развития населенного пункта.

Главная задача Стандарта – улучшение качества жизни россиян за счет улучшения нормативно-правовой базы по развитию жилого сектора в сфере градостроительства и архитектурного проектирования.

Область применения Стандарта обусловлена границами Российской Федерации в территориальном плане, жилой и многофункциональной застройкой в функциональном.

Стандарт состоит из восьми книг, сгруппированных в два блока (рис. 3). Первый блок представлен шестью книгами, среди которых два каталога, он определяет подходы к улучшению качества городской среды, в том числе планировочные решения для жилой и многофункциональной застройки. Книги рассматривают темы, касающиеся градостроительства и развития городских территорий (принципы комплексного развития, формирование новой застройки, благоустройство открытых пространств и др.). Второй блок охватывает организационную часть вместе с финансовыми процессами по реализации предложенных решений.

О СТАНДАРТЕ КОМПЛЕКСНОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

КНИГИ СТАНДАРТА

Рис. 3. Книги градостроительного Стандарта ДОМ.РФ

Краткое содержание книг демонстрирует широкий спектр тем, охватываемых Стандартом. Книга 1⁸ описывает принципы комплексного развития городских территорий, включая цели и параметры застройки. Книга 2⁹ фокусируется на развитии застроенных территорий и методах регулирования их характеристик. Книга 3¹⁰ предлагает рекомендации по освоению свободных территорий и созданию мастер-планов. Книга 4¹¹ рассматривает благоустройство открытых пространств, а книга 5¹² описывает процесс разработки проектов и вовлечения жителей. Книги 6¹³, 7¹⁴ и 8¹⁵ предоставляют методики реализации проектов и каталоги архитектурно-планировочных решений и материалов для благоустройства. Комплексный подход способствует созданию более гармоничной и функциональной городской среды.

В Стандарте выделяются шесть основных принципов развития территорий с жилой и многофункциональной застройкой, среди которых функциональное разнообразие, плотность застройки и человеческий масштаб, связанность и комфорт перемещений, безопасность и здоровье населения, соответствие жилья потребностям горожан, а также гибкость и адаптивность к изменениям.

⁸ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Книга 1. Свод принципов комплексного развития городских территорий. Москва, 2019.

⁹ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Книга 2. Стандарт развития застроенных территорий. Москва, 2019. 232 с.

¹⁰ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Книга 3. Стандарт освоения свободных территорий. Москва, 2019. 284 с.

¹¹ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Книга 4. Стандарт формирования облика города. Москва, 2019. 386 с.

¹² ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Книга 5. Руководство по разработке проектов. Москва, 2019. 296 с.

¹³ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Книга 6. Руководство по реализации проектов. Москва, 2019. 216 с.

¹⁴ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Каталог элементов и узлов открытых пространств. Москва, 2019. 434 с.

¹⁵ ДОМ.РФ, КБ Стрелка. Каталог принципиальных архитектурно-планировочных решений. Жилые дома. Москва, 2019. 274 с.

Четкие геометрические формы, отраженные на схеме (рис. 4), говорят о конкретных параметрах, используемых в документе. В области жилищного строительства Стандарт предлагает использовать четкий алгоритм, согласно сценарию развития, особое внимание уделяется освоению незастроенной территории. Социальный сектор отражен в книге по формированию облика города, где представлены общественные пространства в виде «паттернов», которые можно с легкостью применить на любой территории. Для улично-дорожной сети, как и для жилого сектора, сформирован ряд параметров для создания комфортного пространства, также учитывает общественный транспорт. Необходимо отметить, что Стандарт использует соучастующее проектирование для вовлечения граждан в процесс освоения территории.

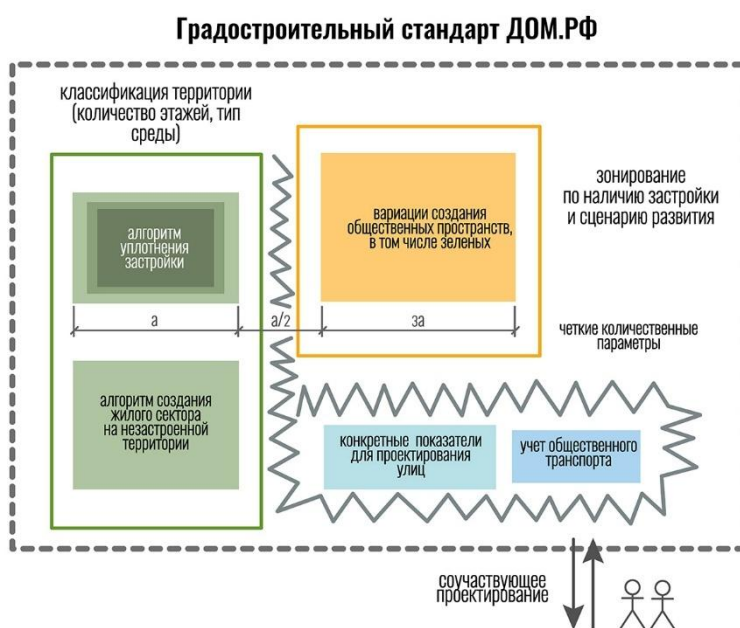

Рис. 4. Иллюстрация основных положений градостроительного Стандарта ДОМ.РФ

Принцип унификации, применяемый в указанном Стандарте, систематизирует и упрощает существующие подходы к развитию городских пространств, предлагает конкретные решения, соответствующие современным требованиям общества. Формирует четкие параметры для новой застройки, исходя из существующих нормативных документов. Позволяет ускорить процесс проектирования любого населенного пункта России. Он основан на количественном анализе типовых городов. Обеспечивает комплексный подход к решению актуальных задач: от принципов комплексного развития до практических рекомендаций по проектированию и реализации. Каждая книга дополняет предыдущую и направлена на создание гармоничной и функциональной городской среды.

Руководство городского проектирования (Urban design manual)¹⁶

Страна: Ирландия. Год: 2009. Орган: Департамент жилищного строительства, местного самоуправления и культурного наследия.

«Urban Design Manual» (Руководство городского проектирования) Ирландии представляет собой теоретический документ с иллюстративной базой, который является дополнением руководства Департамента «Устойчивое жилое развитие в городских районах», документы созданы для совместного чтения. В «Urban Design Manual» собраны реальные и

¹⁶ SGL Planning & Design Inc. Urban design manual. City Building & Placemaking Guidelines. Brantford: 2020.

иллюстративные примеры решения поставленных проблем. Руководство сосредоточено на создании хорошо спроектированных районов, которые выдержат испытание временем.

Департамент ориентирован на улучшение качества жилого сектора и процесса его проектирования в границах страны. В связи с чем руководство содержит реализованные проекты (в Ирландии и за ее пределами) в качестве примера к дальнейшему формированию подобных устойчивых районов. Основная цель руководства – предоставить градостроителям информацию, необходимую для улучшения качества проектирования и функциональности застройки.

В географическом плане применение руководства подразумевается на территории Ирландии. Документ предназначен для использования планировщиками, застройщиками, архитекторами и учеными, также открыт для общественности, которая проявляет интерес к развитию территорий населенного пункта.

Руководство рассматривает 12 проблемных тем, к каждой из которых подготовлен ряд спорных вопросов и пути их решения. Критерии структурированы на три раздела – район, участок и дом, вопросы рассматриваются в последовательности проектирования, т.е. от общего к частному.

Основные принципы: контекст места, эффективность в использовании ресурсов, адаптивность к изменениям, связь района с городом, отличительные черты для формирования ощущения места, уединение и удобство, инклюзивность пространства и зданий, безопасная и привлекательная парковка, разнообразие видов деятельности в границах района, безопасность общественных пространств, детальное проектирование.

Руководство Ирландии ориентировано на масштаб района и меньше. На схеме (рис. 5) отображены основные положения, поднимающиеся в документе. Жилые кварталы предлагается делать смешанного типа (с местами приложения труда, разные социальные группы). Здания должны быть адаптивными к изменениям, инклюзивными. Рассматривается возможность увеличения плотности застройки квартала путем использования внутреннего пространства. Общественные пространства должны быть приурочены к группе домов, что обеспечит их просматриваемость (безопасность) и доступность. Улично-дорожная сеть должна проектироваться на перспективу, поскольку, согласно Руководству, доступность (возможность добраться) относится к критериям устойчивости. В документе также говорится о естественном контроле скорости путем грамотного проектирования.

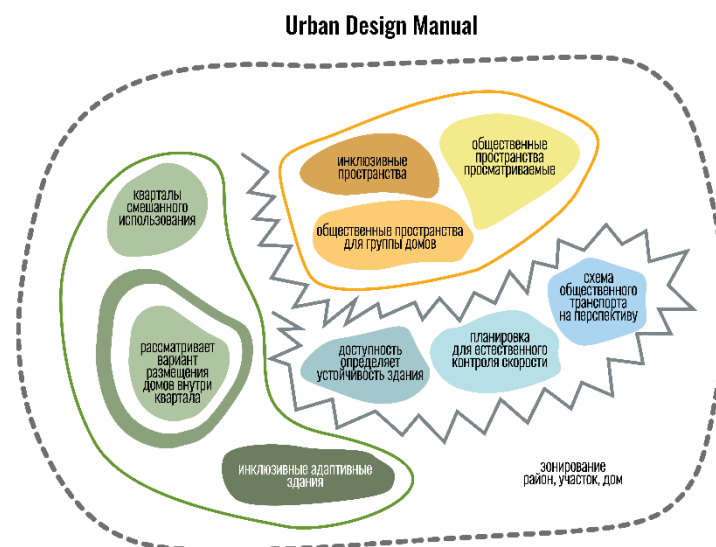

Рис. 5. Иллюстрация основных положений руководства Ирландии

Принцип унификации «Urban Design Manual» – дополнительный документ основного руководства, справочный материал для проектировщиков/градостроителей, направленный на устойчивое развития районов Ирландии. Данный принцип иллюстрирует примеры эффективных подходов для улучшения жилого сектора, охватывает разномасштабные проблемы (на уровне района, участка проектирования и самого здания). Важно подчеркнуть, что документ ориентирован на инклюзивность, адаптивность, что делает его и по сей день актуальным.

Места для жизни. Руководство проектирования жилых единиц (Places to live. Residential design guide)¹⁷

Страна, регион, город: Уэльс, Суонси. Год: 2014. Орган: Комитет по управлению и контролю за развитием.

«Places to live. Residential design guide» (Места для жизни. Руководство проектирования жилых единиц) руководство ориентируется на формирование новой качественной застройки Уэльса. Положения, описанные в документе, определены Советом города и графства Суонси, они предназначались в том числе для оценки заявок на новое проектирование в области жилого сектора.

Руководство направлено на достижение стратегической цели Уэльса, то есть на создание качественной жилой среды, с помощью применения принципов городского проектирования к новым жилым районам. Документ обращает внимание градостроителей на человека и создание «мест для жизни».

«Places to live. Residential design guide» предназначен для городских районов Суонси, допускает применение на сельских и пригородных территориях графства. Актуален для всех новых жилых единиц, хоть и рассматривает в большей части масштаб района. Документ разработан для использования проектировщиками, собственниками земель и застройщиками.

Руководство разделено на 4 части: использование (поднимаются вопросы районов), структура территории (изучение составляющих района), форма (про здания и все что касается их использования), детали (качество и характер). Методический документ сформирован в последовательности проектирования, от стратегических целей до деталей. Каждый пункт состоит из принципов, которые следует учесть в процессе формирования жилой застройки.

Принципы, изложенные в руководстве Уэльса: человек во главе проектирования (т.е. в первую очередь учитывается комфорт человека), формирование идентичности места (на основе контекста территории или с помощью архитектурно-градостроительных приемов), создание устойчивых мест (смешанное использование, короткие расстояния, приоритет пешим прогулкам над использованием автомобиля, безопасность, поощрение здорового образа жизни, создание устойчивых зданий), улучшение качества (от планировки до реализации).

Смотря на иллюстрации (рис.5, рис. 6) очевидно влияние Руководства Ирландии на формирование Руководства г. Суонси Уэльса. На схеме (рис. 6), помимо уже знакомых цветовых решений (жилье, социальный сектор, уличный каркас), можно заметить дополнительную категорию – зеленые пространства. В пропорциональном соотношении большее внимание уделено жилому сектору, нацеленному на увеличение плотности населения, создание смешанных кварталов, инклюзивность, использование активных фасадов в качестве инструмента проектировщика. Общественные пространства ориентированы на увеличение безопасности зачет просматриваемости места, также выведен некий алгоритм расчета их площади. Предполагается, что новые районы Суонси,

¹⁷ City and county of Swansea. Places to live. Residential design guide. Swansea: 2014.

для которых разработано данное руководство, будут обеспечены все необходимым, что в свою очередь сократит пользование личным автомобилем. В отличие от предыдущих документов г. Суонси акцентирует внимание на сохранении природной идентичности места, его ландшафтов, видов, как визитной карточки региона. Также предлагается устройство садов, огородов для местных жителей, что поощряет здоровый образ жизни и поддерживает культурный код.

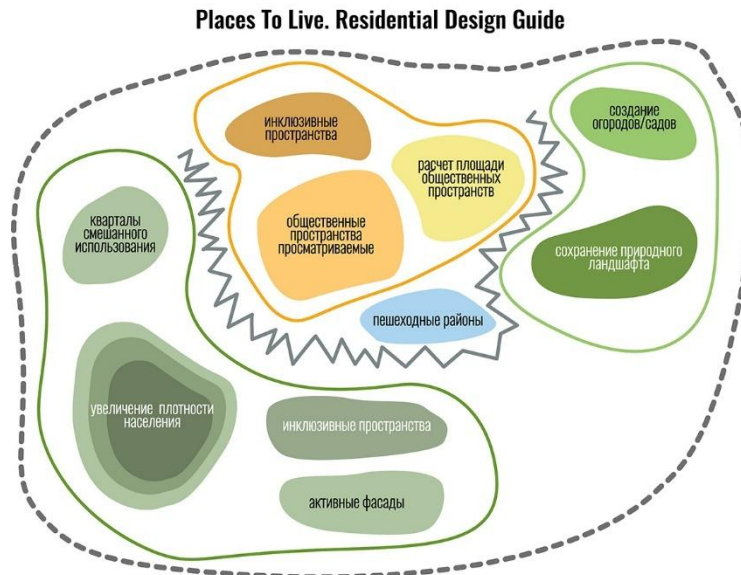

Рис. 6. Иллюстрация основных положений руководства проектирования жилых единиц

Принцип унификации «Places to live. Residential design guide» создан для достижения национальной цели по улучшению качества жизни. Руководство является инструментом для связи Совета Суонси и градостроителей, проектирующих в границах графства. Несмотря на отсутствие юридической силы, предписывающей обязательное применение, предполагалось его использование для оценки новой застройки (оценки по рассматриваемым критериям). В документе описываются принципы улучшения жилой среды и приводятся примеры возможной реализации. Подчеркивается главенствующая роль человека и идентичность места при проектировании. Документ имеет «зачатки» для создания инклюзивных пространств, что было ново для года его формирования.

Руководство по проектированию новых жилых районов (Design guide new residential areas)¹⁸

Страна, город: Шотландия, Глазго. Год: 2013. Орган: Совет города Глазго.

«Design guide new residential areas» представляет собой краткий документ, основное внимание в котором уделяется проектированию улиц, как залого формирования качественных жилых массивов. Руководство по проектированию новых жилых территорий Глазго разработано междисциплинарной командой, включающей Комитет развития и Комитет землепользования и окружающей среды.

Основная цель заключается в обеспечении качественного развития системы улиц, как основы для формирования будущих районов. В руководстве изложен последовательный подход к проектированию, а также основные требования Совета Глазго, касаемые планирования и проектирования дорог.

¹⁸ Development and Regeneration Services Land and Environment Services. Design guide new residential areas. Glasgow: 2013.

Границы применения руководства обозначены городом Глазго. Временной промежуток рассматривается протяженностью в 5 лет с момента формирования документа, за который предполагалась реализация порядка 3500 новых домов.

Руководство делится на 4 этапа, согласно процессу проектирования, включающих основные принципы развития, оценку территории, разработку стратегии и концептуального проекта, формирование детального плана.

В документе рассматриваются темы организации общественных мест, передвижения в границах участка и системы открытых пространств. Выделяются шесть основных принципов: размещение; движение транспорта и людей, проектирование для движения; формирование систем дренажа; учет и управление рисками наводнений; интеграция открытых пространств, учет ландшафта; разработка стратегии парковок.

По иллюстрации к Руководству г. Глазго (рис. 7) можно определить его направленность, а именно развитие улично-дорожной сети. В документе рассматриваются многофункциональные улицы, каркас района и его проницаемость, согласованный подход к развитию общественного транспорта, создание велосипедных маршрутов, а также предлагается стратегия парковки. Поднимается тема интегрирования общественных пространств и «зеленой» составляющей, элементов благоустройства в уличный каркас.

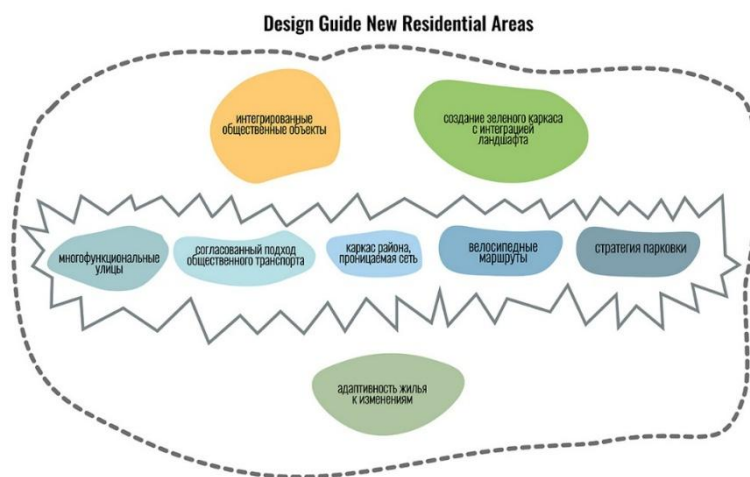

Рис. 7. Иллюстрация основных положений руководства по проектированию г. Глазго

Руководство разработано с целью ускорения и упрощения формирования уличного каркаса для последующего проектирования новых жилых массивов. Объединяет требования Совета Глазго и параметры документа «Проектирование улиц».

В основе «Design guide new residential areas» лежит принцип унификации, согласно которому качественный жилой сектор напрямую зависит от системы улиц, соответственно для обеспечения необходимого количества жилых единиц нужно в первую очередь создать эффективную улично-дорожную сеть.

Рекомендации по проектированию для жилых исторических районов (Design guidelines for residential historic districts)¹⁹

Страна, город: США, Бойсе. Год: 2011. Орган: Комитет по историческому сохранению города Бойсе.

¹⁹ Mckibben and Cooper, Maguire T., LEED-AP, Kushlan D., AICP, Winter & Company. Design Guidelines for Residential Historic Districts. Boise: 2013.

«Design guidelines for residential historic districts» представляет собой руководство по архитектурному проектированию для города Бойсе в США, который имеет историческую значимость для страны. В его границах сосредоточено несколько подобных районов. Большая часть исторической застройки находится в собственности, что вызывает трудности по сохранению зданий у Комитета, а также проблемы у владельцев, которые хотят внести изменения.

Администрация города определила привлекательность исторической застройки, как одну и причин увеличения численности населения, что обязывает поддерживать ОКН, объекты культурного наследия, в надлежащем виде. В документе сформированы рекомендации для владельцев домов, представляющих историческую ценность, а также для проектировщиков новых зданий в границах исторических районов. Зачастую люди не понимают всей значимости постройки, что приводит к изменению внешнего облика и дисбаланса ее частей. Руководство призвано упростить процесс работы с ОКН для Комитета и застройщика и обеспечить согласованность сторон.

Границы применения руководства обусловлены городом Бойсе и предполагают использование в течение неопределенного срока, до формирования иного заменяющего документа. «Design guidelines for residential historic districts» состоит из девяти глав, которые включают изучение исторических районов города; стили, элементы и особенности существующих домов (в плане энергоэффективности); рекомендации по проектированию пристроек; новое строительство в границах района; вспомогательные здания и требования к ним.

Ключевыми принципами являются сохранение исторического облика, минимизация вмешательства, упрощение процесса получения необходимых документов, согласованность новых построек с контекстом.

Схема к Руководству г. Бойсе (рис. 8) ориентирована на сохранение исторического контекста жилых кварталов города, чем обусловлен вектор на жилой сектор. Документ содержит в себе все необходимые пункты, которые стоит учесть владельцам и проектировщикам. К жилой застройке относится сохранение облика, пропорций, а также ограничения для новых сооружений и реконструкции существующих. С точки зрения улицы и озеленения поддерживаются исторические ансамбли (улица-дом-деревья), предпочтение отдается первоначальным паттернам.

Design Guidelines for Residential Historic Districts

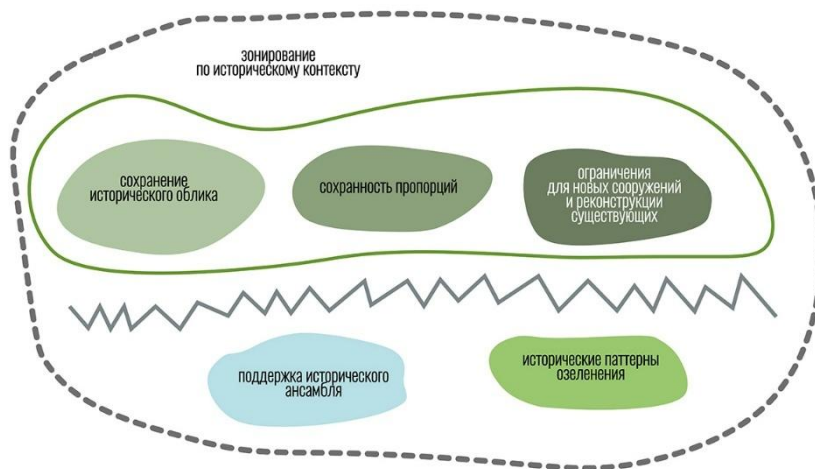

Рис. 8. Иллюстрация основных положений руководства по проектированию г. Бойсе

Принцип унификации «Design guidelines for residential historic districts» направлен на сохранение культурного наследия и целостности исторических объектов в качестве основного отличительного знака города. Руководство разработано непосредственно для города Бойсе, в связи с чем документ уже включает полный анализ территории и элементов, определяющих его ценность. Он помогает объяснить владельцам всю значимость их собственности для города, а также упрощает процесс внесения необходимых изменений для повышения качества жизни. Помимо существующей застройки содержит рекомендации для новых объектов.

Дизайн-код Гравен Хилл (Design code Graven Hill Village)²⁰

Страна, город: Англия, пригород г. Бистера, деревня Гравен Хилл. Год: 2018. Орган: Городской совет г. Бистера.

Дизайн-код Гравен Хилл – смелый и уникальный подход к развитию пригорода. В основу легла идея о самовыражении и уникальности, которая была реализована в виде контролируемого самостоятельного строительства. Проект сохраняет открытые зеленые пространства, что делает его особенно привлекательным для покупки участка.

Проект Гравен Хилл направлен на реконструкцию 190 гектаров заброшенной земли, который включает создание до 1900 новых жилых единиц, начальной школы, административного центра, детского сада. Дизайн-код предлагает создание уникальной среды, отличной от типичной английской жилой застройки, где должна поддерживаться креативность и находчивость. Одной из приоритетных целей было сохранение особенностей места: от объектов культурного наследия до ландшафта.

Документ применим к пригороду Бистера, Оксфордшир. Идея, заложенная в дизайн-коде, является бессрочной, до появления иного документа. Дизайн-код содержит процесс формирования документа, критерии эффективности жилых зданий, описание метода и «паспортов участка», характер каждой выделенной зоны и ее критериев.

Воплощение идеи заключается в применении «паспортов участка» – это уникальный метод, который позволяет направить застройщика в нужном русле. В документе указываются различные проектные параметры, связанные с конкретным участком. «Паспорт» условно разделен на три составляющих: первый раздел посвящен участку, его основным характеристикам; второй раздел состоит из проектных правил; третий раздел отвечает за соблюдение временных рамок. Каждый участок зависит от своей зоны, а зона, в свою очередь, от иерархии улиц (например, центр Гравен Хилл предполагает ограничение по материалам и цветовой гамме). Проект поощряет творческое экспериментирование, создавая яркую и непринужденную, дружелюбную атмосферу. Снятие ограничений на фасады, строительные материалы и высоту зданий приводит к разнообразию уличной среды, а снижение потока транспорта создает более тихую и ориентированную на семью среду. Особое внимание уделяется созданию общественных зеленых зон и сохранению природного ландшафта с применением принципа наименьшего вмешательства в природное полотно.

Схема к дизайн-коду Гравен Хилл (рис. 9) отражает особенность проекта территории. Несмотря на вектор дизайн-кода в сторону развития жилого сектора (создание «паспортов участка» и увеличение численности населения), много положений касается улично-дорожной сети: типология, снижение транспортного потока, улица в качестве общественного пространства. Из особенностей социального сектора были объединены ОКН, объекты культурного наследия, в единую структуру, был сформирован культурный маршрут. Зеленый каркас выделяет сохранение ландшафта, минимальное вмешательство

²⁰ Design Code Graven Hill Village. Graven Hill Village: 2018.

человека в природу для идентичности места. Согласно дизайн-коду, все, кроме жилых домов, можно отнести к общественному пространству: парки, луга, улицы и т.д.

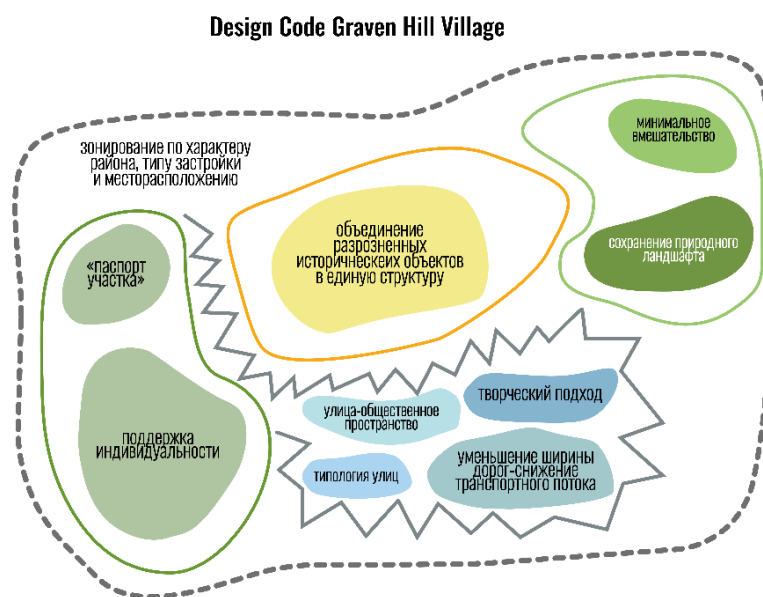

Рис. 9. Иллюстрация основных положений дизайн-кода д. Гравен Хилл

Дизайн-код Гравен Хилл представляет инновационный подход к самостоятельному строительству. Указанный принцип унификации – это ненавязчивый способ контроля застройки, который формирует уникальную среду самовыражения. Рассматриваемый принцип направлен на сохранение идентичности места за счет существующих особенностей, а используемый уникальный метод позволяет приумножить чувство места. Необходимо подчеркнуть, что данная идея была реализована и на сегодняшний день Гравен Хилл является крупнейшим самостроем Великобритании.

Дизайн-код Оукли Вейл (Oakley Vale design code)²¹

Страна, район, город: Англия, Оукли Вейл, окраина г. Корби. Год: 2022. Орган: Городской Совет Корби.

Дизайн-код Оукли Вейл является типичным примером подобного рода документов Англии, регламентирующих строгие ограничения для формирования единой стилистики пригорода Корби. Дополняет генеральный план, конкретизируя необходимые параметры для реализации единой стилистики местности.

Цель дизайн-кода предельно проста: обеспечение единого характера застройки и согласованного внешнего вида. Применение документа ограничено пригородом Корби, Ноттингемшир. Временные границы для дизайн-кода не установлены.

Документ делится на три части, посвященных характеру и контексту территории, дизайну участка и внешнему виду зданий. Первая часть описывает улицы, пространства и их параметры, а также формирует классификацию улично-дорожной сети. Вторая состоит из элементов, формирующих облик улиц (мощение, оформление границ, озеленение, элементы благоустройства). Третья определяет параметры для зданий (материалы, виды крыш и их детали, входные группы, оформление оконных проемов), также показывает ограничения для фасадного оформления согласно классификации.

²¹ ADAM Urbanism. Oakley vale design code. Corby: 2022.

Основной принцип, заложенный в дизайн-кодах Англии, отражает иерархию улиц, согласно которой потом разрабатывается зонирование территории. Каждая зона имеет свой характер, поэтому для них формируются элементы ландшафта, особенности зданий, возможные к использованию материалы.

Схема к дизайн-коду Оукли Вейл (рис. 10) отражает четкость его параметров. Для жилой застройки документ определяет параметры зданий, касающиеся в основном фасадов, определенную цветовую палитру для поддержания общего облика района. Для улично-дорожной сети используется типология (характерно для рассматриваемого типа градостроительных документов), параметры для оформления улицы, также предполагается применение приемов естественного контроля скорости.

Oakley Vale Design Code

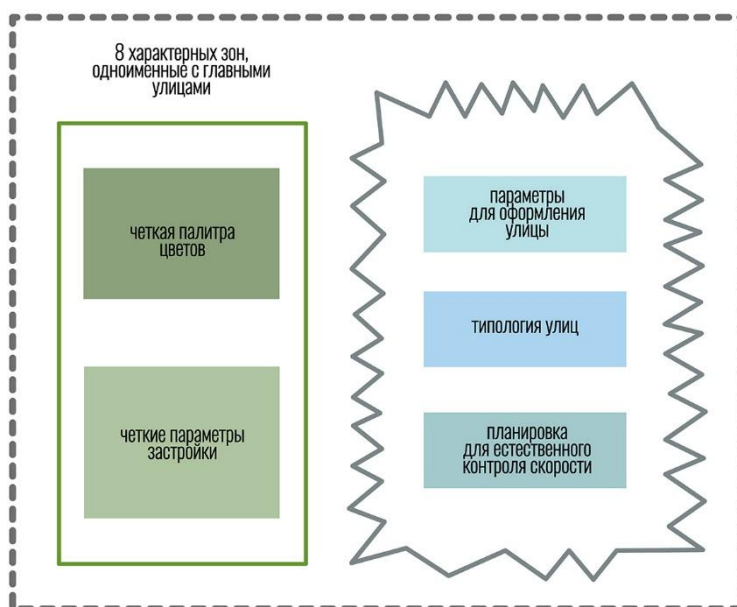

Рис. 10. Иллюстрация основных положений дизайн-кода окраины г. Корби

Дизайн-код Оукли Вейл регламентирует оформление пригорода Корби в характерной для Англии манере. Параметры внешнего вида зависят от зоны и ее характера. С помощью этого принципа унификации создается согласованный облик, характерный для данной территории.

Оценка рассматриваемых документов

В рамках исследования авторами статьи было проведено изучение 40 документов и теоретических работ, из которых для сравнительного анализа были выбраны 8 наиболее релевантных (рис. 11): 5 руководств, 1 стандарт и 2 дизайн-кода – документы, раскрывающие различные стороны градостроительных подходов и оказывающие значительное влияние на международную практику. Выбор документов зависел от полноты рассматриваемых вопросов, вектора развития города и специально выделенных авторами критериев.

Анализ документов проводился на основе следующих обобщающих критериев: страна, год, статус, причастность, применимость к территории, структура, цели, принципы, зонирование, проектирование и его этапы, параметры, жилой сектор, общественные

пространства, транспортная инфраструктура, социальная доступность, исторический контекст, соучаствующее проектирование, эстетические и культурные особенности.

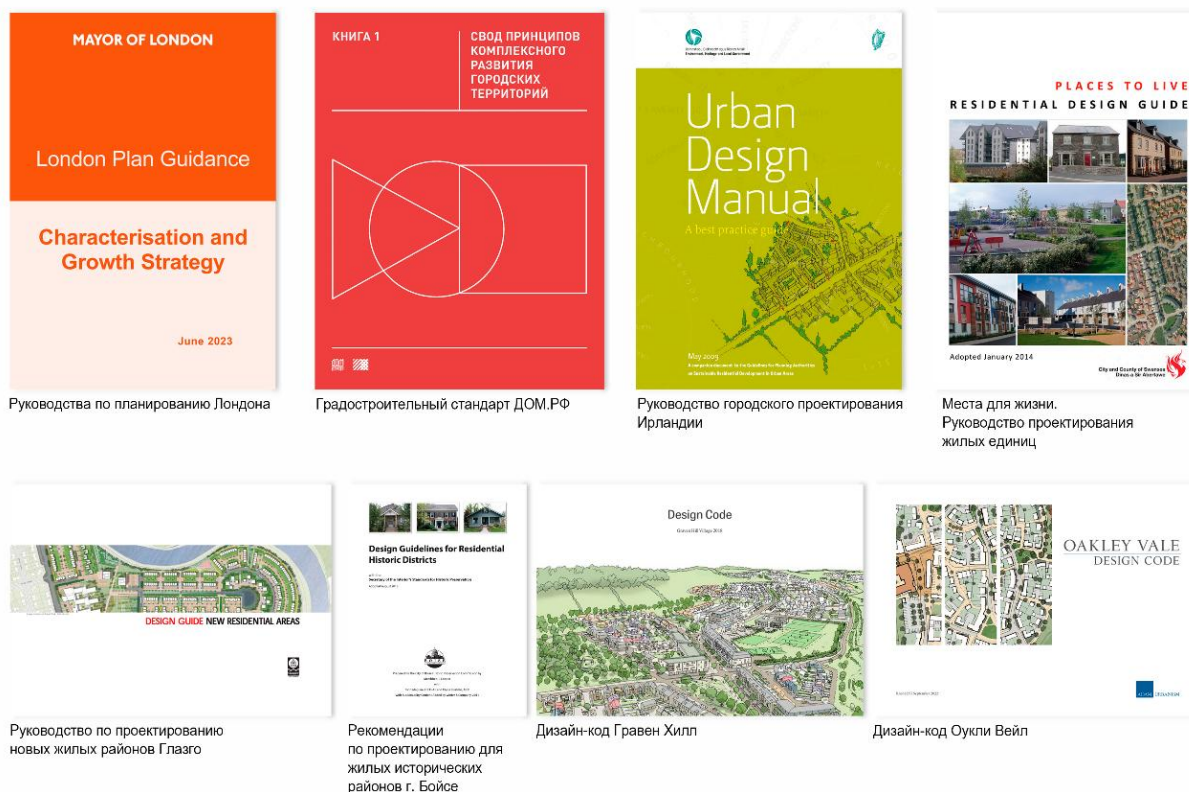

Рис. 11. Градостроительные документы, представленные к изучению

Сравнительный анализ вышеперечисленных руководств позволил определить положительные и отрицательные черты для каждого из них (табл. 1).

Таблица 1. Оценка рассматриваемых документов

Критерии оценки	Mayor of London. London Plan Guidance.	Градостроительный стандарт ДОМ.РФ	Urban Design Manual	Places To Live. Residential Design Guide.	Design Guide New Residential Areas	Design Guidelines for Residential Historic Districts	Design Code Graven Hill Village	Oakley Vale Design Code
Страна	Великобритания	Российская Федерация	Ирландия	Уэльс	Шотландия	США	Англия	Англия
Год	2023	2019	2009	2014	2013	2011	2018	2022
Статус	Руководство по разработке норм проектирования	Методический документ, руководство по проектированию	Руководство по проектированию	Руководство по проектированию	Руководство по проектированию новых жилых жилых районов	Рекомендации по проектированию жилых исторических районов	Дизайн-код	Дизайн-код
Причастность	Дополнение к стратегии развития Большого Лондона, 2021 г.	Разработан по поручению Председателя Правительства РФ	Сопутствующий документ к Руководящим принципам для органов планирования по устойчивому развитию жилой застройки в городских районах 2002-2020	Принят комитетом по управлению и контролю за развитием в качестве Дополнительных планировочных рекомендаций	Руководство по проектированию является результатом междисциплинарной работы служб девелопмента и регенерации, а также земельных и экологических служб	Историческое общество штата Айдахо	Не определена	Генеральный план г. Корби
Применимы к территории	Лондон	Россия, города РФ	Ирландия, ее города и районы	г. Суонси	г. Глазго	Зоны исторической застройки г. Бойсе	Гарвен-Хилл, пригород г. Бистера	Оукли Вейл, окраина г. Корби
Структура	3 книги, 1 приложение	6 книг, 2 каталога	1 книга	1 книга	1 книга	1 книга	1 книга	1 книга

Цели	Увеличение плотности населения; определение районов, подходящих для различных уровней изменений и их потенциала для роста	Разработка и внедрение новых подходов к созданию городской среды, отвечающей современным социальным и экономическим условиям, интересам жителей, бизнеса и администрации	Создание устойчивых районов	Достижение качественной жилой среды, увеличение плотности населения	Оценка городским советом предложений по жилью. Обеспечение четкого и последовательного подхода к проектированию для создания более качественных кварталов	Качественное развитие в исторических районах города	Поощрение самостроения, формирование уникальной среды: яркой, творческой, дружелюбной, «зеленой»	Контроль за дизайном на всем участке, для обеспечения единого качества застройки и согласованного внешнего вида
Принципы	-увеличение предложения жилья; -социальное жилье; -временное жилье; -малые участки и хорошие дома; -диверсификация источники, места расположения, типы и ассортимент жилья	- функциональное разнообразие; - плотность и человеческий масштаб; - связанность и комфорт перемещений; - безопасность и здоровье; - соответствие жилья потребностям горожан; - гибкость и адаптивность	-удобство, безопасность, комфорт для жителей; -выбор общественных пространств (количество и качество); -четкая идентификация места; -минимизация пользования личным транспортным средством; -минимизация выбросов; -сохранение наследия -инклюзивность	-ориентация на человека; -чувство места; -устойчивые места, смешанные сообщества; -улучшение качества	-продвижение передового опыта; -упрощение процесса прохождения разрешения на строительство; -создание безопасных и интегрированных районов, инклюзивных и здоровых; -поощрение общего качество и самобытности новых проектов	-сохранение назначения здания; - сохранение исторического характера; -четкое определение времени и места; -сохранение исторических изменений и особенностей; -согласованность новых построек с историческими; -целостность исторических кварталов	-отсутствие жестких ограничений; -поощрение творчества; -рекомендации к каждому участку; -социальное сближение; -природный ландшафт	-поддержание идентичности места путем жесткого регулирования; -исторический контекст
Зонирование территории	Характер района, характер застройки и назначению территории (пригородный жилой массив/торговая улица/террасированная застройка)	По наличию застройки (застроенная/ свободная территория), по сценарию развития (сжатие, стабилизация, развитие)	Район, участок, дом	Как таковое зонирование отсутствует	Нет зонирования	По историческим районам	12 зон по главной функции или отличительной черте. Пример: парк, центр деревни, обсаженный деревьями бульвар, общественные улицы, приусадебные участки	8 характерных зон, одноименных с главными улицами
Проектирование	Разработка региональных норм проектирования, основанная на 4х этапах: анализ (охват), концепция и принципы проектирования, подготовка норм, внедрение и пересмотр	Классификация территории (количество этажей, тип среды) и сценарий развития. Выделение проблем данной категории и пути решения в зависимости от сценария	Увеличение плотности рядом с узлами транспортным и. Реновация устаревших построек. Смешанное развитие территории. Изучение отличных от классических возможности планировки. Дороги для общества, не для машин. Адаптивности/ расширение зданий	Улицы для людей. Применение ландшафтных элементов. Инклюзивность, человеческий масштаб. Сохранение перспективных видов, проницаемость пространства. Контраст зданий (детали). Различие общественной и частной зон, формирование пешеходных районов	Многофункциональные улицы формируют каркас/проницаемую сеть. Различие общественной и частной зон. Необходимость первичной разработки дренажной системы. На этапе проектирования разрабатывается ландшафтная схема в том числе. Приоритет пешеходных, велосипедов и общественного транспорта	Большой перечень для работы с историческим и зданиями. Параметры для новой застройки (не должна копировать, но должна быть в гармонии с историческим контекстом). Сохранение исторической ландшафтной системы	Поддержка индивидуальности и креативности (крупнейшей самострой Великобритании). Сохранение памятников истории и обширных открытых пространств	Разбивка на характерные зоны, условия и параметры для каждой зоны

Этапы проектирования	<p>Исследование и анализ</p> <p>Оценка, вывод</p> <p>Определение стратегии развития</p> <p>Определение характера района/микрорайона/квартала</p> <p>Разработка параметров</p> <p>Моделирование, тестирование</p> <p>Доработка</p>	<p>Определение среды</p> <p>Определение сценария</p> <p>Определение новой планировочной структуры</p> <p>Формирование системы открытых общественных пространств</p> <p>Формирование пространстве новых конвертов будущей застройки</p> <p>В условиях незастроенной территории-создание мастер-плана</p>	<p>Не рассматривают этапы проектирования, скорее предписывают критерии, которые должны быть учтены при проектировании</p>	<p>Не рассматривают как таковые этапы.</p> <p>Выделены по смыслу:</p> <p>Анализ пешей доступности</p> <p>Анализ плотности застройки</p> <p>Начало работ с «природного наследия», пейзажа</p> <p>Разработка связей (улиц)</p> <p>Формирование общественных пространств</p>	<p>Анализ</p> <p>Стратегия участка и концептуальная планировка</p> <p>Детальное проектирование</p>	<p>Анализ исторических районов и стилей застройки</p> <p>Установите цели проекта и вид застройки</p> <p>Создайте концепцию</p> <p>Оценка в составе квартала по критериям</p>	<p>Определение иерархии улиц</p> <p>Определение точек военно-исторического наследия</p> <p>Схема развития</p> <p>Характер пространств</p> <p>Правила проектирования</p>	<p>Анализ</p> <p>Зонирование по типу застройки</p> <p>Разработка условий для каждой зоны</p>
Критерии	Четкие критерии/параметры для зданий	Этажность, среда застройки	12 критериев хорошего проектирования, рекомендательный характер	12 критериев, которые влияют на создание удобной среды	Нет четких критериев, есть положения, на которые стоит обратить внимание	Критерии для нового строительства	Нет критериев	Нет критериев
Параметры	Предполагает разработку параметров для зданий, но в своей структуре не прописывает значение параметров	Содержит четкие параметры для незастроенной территории	Не предполагает	Не предполагает	Есть некоторые параметры, в основном по дорогам	Параметры касаются новой застройки преимущественно, также задаются для использования существующей застройки и ее реновации	Есть параметры для некоторых центральных зон	Четкие параметры для проектирования улиц (палитры для выбора видов деревьев, материалов для жесткого и мягкого ландшафта), освещения и мебели, а также обработки границ
Жилищное строительство	Увеличение жилплощади, уплотнение застройки с соблюдением параметров территории	Возможное уплотнение в существующей застройке. Преимущественно для незастроенной территории. Алгоритм создания жилого сектора, примеры типов застройки. Примеры комбинации застройки. Предписывает требования к фасадам	Рассматривается возможность размещения домов внутри квартала, смешанное развитие с общественными функциями. Рассматривается возможность увеличения жилплощади, достаточности мест хранения	Не рассматривается отдельно. В структуре улицы изучаются активные фасады. Предполагается увеличение плотности	Рассматриваются границы, парковка, подъездные пути, сады и озеленение. Новые застройки должны позволять определенную степень адаптивности как в пределах участка, так и в открытом пространстве	Жилые дома должны быть сомасштабны, из схожих материалов. Поддерживается масса и форма. Дополнительные функции на заднем участке. Одинаковое расположение (отступ, ориентация. Пропорции фасада соотносятся с историческим и. Аналогичная форма крыши	Строительство в соответствии с «паспортом участка». Требования к оформлению фасадов центре деревни. Приветствуется креативность в установленных паспортом направлениях	Не выделяется из общей категории зданий
Общественные пространства	Рассматриваются улицы, их типология и сопутствующие параметры, ОП оцениваются с зеленой частью	Вариации создания общественных пространств, в том числе зеленых. С формулами для расчета	Формирование общественных пространств для группы домов. Улицы для общества! ОП под наблюдением ближайших домов. Самоподдерживающий ландшафт. Проектирование общественных пространств до проектирования здания	Расчет площади общественных пространств, активное применение ландшафтных элементов, формирование огородов/садов, вертикальное озеленение, дренажная система, просматриваемость	Минимизация времени пути к общественным пространствам. Включение интегрированных общественных объектов с целью уменьшения зависимости от автомобиля	Не рассматривается, только в условии улицы (тротуара, газона и деревьев/кустарников). Улица придерживается исторических паттернов	Пешеходные, велосипедные маршруты в парках. Центр деревни имеет четкие требования к оформлению. Уменьшение ширины дорог для более дружелюбной атмосферы. Улицы приветствуют творческий подход и не ограничивают в фасадах	Рассматриваются улицы и их связь с общественными пространствами

Транспортная Инфраструктура	Изучается для анализа территории, подробно не рассматривается	Четкий алгоритм работы с незастроенной территорией, рассматривающий в том числе несколько вариаций улично-дорожной трассировки, а также конкретные количественные показатели	Рассматривается для соединения районов с местами работы, с центром, продвигается схема общества транспорта на перспективу, приоритет ставится на ОТ. Планировка для естественного контроля скорости движения	Не рассматривается, подробно описана в руководстве по проектированию улиц Уэльса	Сеть велосипедных маршрутов, согласованный подход между различными видами транспорта, планирование проезда общественного транспорта и остановок	Не рассматривается	Уменьшение ширины дорог и снижение потока транспорта	Планировка проезжей части спроектирована для естественного контроля скорости движения. Велосипедная инфраструктура
Социальная интеграция, доступность	Не рассматривается	Не рассматривается отдельно, только некоторые элементы в каталоге решений	Инклюзивность, одинаковое пользование всеми благами всеми людьми, отсутствие социальных барьеров для использования удобств. Жилые кварталы объединяют разные социальные уровни. Возможность адаптации зданий	Инклюзивность: инклюзивные жилые дома и среды, которые максимизируют мобильность и способствуют независимости для всех людей	Указаны некие требования для слабовидящих, также про понижение в уровне дороги	Не рассматривается	Не рассматривается	Не рассматривается
Исторический контекст	Влияет на параметры для участка, разрабатывается в дизайн-коде	Не учитывается, рассматривается только в определении среды застройки	Не рассматривается	Не рассматривается, учитывается только «природное наследие» и перспективные виды	Не рассматривается	Полностью учитывает контекст исторической жилой застройки	Учет военно-исторического наследия. Объединение разрозненных объектов в единую структуру	Задаёт параметры материалов и элементов фасада
Подходы к участию общественности (партиципационный поход)	Предполагает соучаствующее проектирование в двух этапах: при сборе информации, оценка чернового варианта планировки	Рекомендует вовлекать горожан в проекты, есть алгоритм вовлечения. Рассматривает разные уровни, этапы и инструменты	Не рассматривается	Не рассматривается	Не рассматривается	Не рассматривается	Не рассматривается	Не рассматривается
Эстетические и культурные характеристики	Эстетическая составляющая продиктована контекстом территории	Задаются параметры для формирования эстетической составляющей фасадов	Чувство места и создание/поддержание фокусных точек. Проектирование зависит от характера территории	Чувство места, ориентир на природный компонент	Чувство места и соответствующие материалы	Поддержание исторического контекста и материалов, создание единой структуры	Поддерживает природную составляющую, поощряет творческий подход	Соответствие своей исторической зоне
Положительные черты	-обновляемость при изменении генплана; -иллюстративные материалы; -вариативность; -вовлечение общественности	-четкая классификация; -алгоритм действий от проектирования до составления документов; -примеры описанных решений; -ясное формирование проблем	-инклюзивность; -безопасность, приватность при проектировании; -пути предотвращения проблемных моментов; -направленный человеческий подход; -актуальность со временем	-намек на инклюзивность; -природные виды и перспективы, как часть городского пейзажа; -расчетные показатели площадей	-рассмотрение улиц в качестве каркаса районов; -улицы для людей -подробное рассмотрение всех факторов улиц: мебель, ограждения, парковки; -инклюзивность улиц	-полностью учитывает контекст места; -сохраняет историческое наследие; -учит проектировщиков и жителей ответственному подходу; -учет ландшафтных характеристик	-самобытность места; -контролируемый самострой; -выделение параметров для контроля определенных зон; -учет исторического наследия; -инновационный подход; -положительные социальные практики (дружелюбное соседство); -учет природных характеристик	-учет исторического контекста; -четкие критерии; -классификация пространств/-зон

Отрицательные черты	-нет четких параметров в количественном виде; -не учитывается инклюзивность; -не рассматривается историческая городская среда в части проектирования	-не учитывается самобытность места и исторический контекст (ОКН); -унификация=одинаковые города; -не учитывает доступность (инклюзивность); -не предусматривает внесение изменений/дополнений со временем	-теоретический характер; -отсутствие параметров; -отсутствие соучаствующего проектирования; -не учитывает исторический контекст	-является переработанной копией руководства Ирландии за 2009 год; -теоретический характер; -отсутствие соучаствующего проектирования; -не учитывает исторический контекст в целом	-узкое направление проектирования; -не учитывает контекст места; -необходимость рассматривать с другими руками по проектированию	-не учитывает социальную доступность; -не рассматривает соучаствующее проектирование; -не рассматривает транспортную инфраструктуру	-локальное применение; -не рассматривает инклюзивность; -не рассматривает партисипационный подход	-локальное применение -не рассматривает инклюзивность -не рассматривает партисипационный подход
----------------------------	--	--	--	--	--	---	---	---

Результат

Методические документы в градостроительстве занимают одну из главных ролей, поскольку развитие территорий любого населенного пункта опирается на лучшие практики, которые в доступном формате описываются в руководствах. Они ориентируют проектировщика на решение актуальных проблем, а также помогают в принятии решений по зонированию, архитектурно-градостроительному решению и параметрам застройки.

Результатом проведенного исследования можно считать итоги сравнительного анализа оценки рассмотренных руководств по их применимости к территории (табл. 2). Выделяются три категории градостроительных руководств: документы, которые отражаются в схемах территориального планирования; руководства общего характера, содержащие перечень методических рекомендаций; разрабатываемые и применяемые к конкретной территории дизайн-коды.

Рассматриваемые документы имеют свой характер и преследуют разные цели, в зависимости от запроса органов власти. Однако у них есть общая направленность, вектор на улучшение условий жизни населения.

Рассмотрим подробнее категории из предлагаемой классификации руководств. Первая категория включает руководства, которые нашли отражение в документах территориального планирования. В большинстве своем они носят рекомендательный, необязательный характер. Предлагают способы достижения целей стратегического развития конкретной территории (страны/населенного пункта) или определяют подход к их воплощению. Подобные документы, в основном, отвечают на конкретный запрос (например, увеличение плотности населения), но для достижения цели рассматривают все стороны проблемы (инфраструктура, удаленность, социальные объекты, удобство и т.д.). Временные границы подобных документов обычно определяются сроком действия стратегии.

Таблица 2. Классификация градостроительных руководств (применяемых в мировой градостроительной практике) по применимости к территории

	Градостроительные стандарты	Методические рекомендации	Дизайн-коды
Название документа	London Plan Guidance (Руководство по планированию Лондона) - дополнение к стратегии развития Большого Лондона; Градостроительный стандарт ДОМ.РФ - мастер-планы	Urban design manual (Руководство городского проектирования); Places to live. Residential design guide (Места для жизни. Руководство проектирования жилых единиц); Design guide new residential areas (Руководство по проектированию новых жилых районов); Design guidelines for residential historic districts (Рекомендации по проектированию для жилых исторических районов)	Design code Graven Hill Village (Дизайн-код Гравен Хилл); Oakley Vale design code (Дизайн-код Оукли Вейл)

Руководства общего характера относятся ко второй категории согласно классификации. Если первая категория отвечала за достижение стратегической цели, то вторая направлена на общее улучшение уровня жизни (качественные удобные районы, удобство передвижения, повышение качества общественных пространств и т.д.) за счет последовательного улучшения процесса проектирования. Как правило, ориентируются на новые градостроительные программы, формирование новой застройки. Рассматривают глобальные проблемы, с которыми сталкивается человек (например, инклюзивность, адаптивность), также они являются более гибкими по своей структуре. Руководства второй категории можно охарактеризовать как реакцию органов власти на изменения в потребностях населения. Ссылаясь на изученные документы, можно сказать: их отличительной чертой является также наличие иллюстрированных примеров решения проблем. Данная категория не ограничивается временными рамками.

Третья категория наиболее понятна в нынешнем контексте, она представлена дизайн-кодами, которые прочно вошли в обиход в последние десятилетия. Цель подобных документов заключается в формировании единого согласованного характера населенного пункта или его района. Дизайн-код формирует набор конкретных параметров и требований для достижения указанной цели, а также правила их применения. Документы третьей категории ограничиваются рассматриваемой в них территорией для достижения идентичности места.

Выводы

Сравнительный анализ градостроительных руководств, проведенный в рамках представленного исследования, позволяет сделать несколько ключевых выводов о значении и функционале руководств в современных условиях. Стремительная урбанизация и растущие социальные проблемы обязывают использовать наиболее эффективные принципы к развитию территорий для обеспечения гармоничного сосуществования различных факторов, влияющих на состояние города.

Одна из причин популяризации градостроительных руководств заключается в необходимости унификации процессов проектирования и застройки. Во избежание хаоса и несогласованности в области градостроительства формируются наборы параметров для создания более комфортной и управляемой городской среды.

Исследование руководств, используемых в мировой практике, позволило классифицировать эти руководства по нескольким признакам: руководства, предназначенные для разработки документов территориального планирования; руководства, содержащие методические рекомендации, в основном, для новых районов; дизайн-коды, отвечающие за параметры единого внешнего облика населенного пункта. Несмотря на разный формат, подход и принципы, документы решают задачу улучшения качества жизни (от внешнего вида до адаптивности к изменениям). Они отражают запрос своей страны и своего времени.

Данная статья подчеркивает повышение внимания к вопросам устойчивости, а также тенденцию к использованию универсальных принципов решения проблем, отраженных в градостроительных документах. Улучшение качества жизни населения должно, в первую очередь, сопровождаться улучшением качества проектирования. За счет унификации существующих решений в градостроительной практике можно ускорить процесс территориального развития территории.

Систематизация знаний и практик, представленных в анализируемых документах, способствует более глубокому пониманию процессов градостроительства и формированию эффективных стратегий, направленных на устойчивое развитие городских территорий. Хорошие примеры применяемых в мировой практике принципов унификации смогут упростить процесс планирования и проектирования и обеспечить создание более

качественной и гармоничной городской среды, отвечающей потребностям современного общества.

Источники иллюстраций

Рис. 1. URL: <https://www.london.gov.uk/sites/default/files/2023-06/Characterisation%20and%20growth%20strategy%20LPG.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 3. ДОМ.РФ, КБ Стрелка. URL: https://дом.рф/upload/urban/01_kniga_1_svod_principov_kompleksnogo_razvitija_gorodskih_territorij.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

Рис. 2, 4-10. Авторские изображения Комелевой Я.С.

Рис. 11. Авторское изображение Комелевой Я.С., коллаж обложек градостроительных документов.

Список источников

1. Агаджанян Л.В. Приемы преобразования городской застройки в исторической среде крупного города / Л.В. Агаджанян, Г.К. Бабаджанян // Научные труды Национального университета архитектуры и строительства Армении. 2023. № 86:2023-2. С. 37-47. DOI: <https://doi.org/10.54338/18294200-2023.2-05>
2. Гельфонд А.Л. Концепция формирования потенциальных пространственных каркасов исторических поселений // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С. 26-34. DOI: 10.22337/2077-9038-2019-1-26-34
3. Горгорова Ю.В. Архитектурная активация культурной привлекательности городской среды // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №1(66). С. 224-233. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/1kvart24/PDF/18_gorgorova.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-1-224-233
4. Горлов В.Н. Хрущёвская «оттепель» и десталинизация архитектуры в 1950-е гг. / В.Н. Горлов, С.Н. Артемов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 44-59. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59
5. Иванова О.Е. Долгосрочная стратегия развития сельских территорий региона за счет формирования и внедрения стандартов «городского образа жизни» // Известия Ростовского государственного строительного университета. 2011. № 15. С. 197-203.
6. Корбут Л.С. Принципы и механизмы организации мониторинга за развитием сельских территорий в соответствии с международными стандартами // Никоновские чтения. 2010. № 15. С. 265-266.
7. Лутченко С.И. Формирование нового подцентра расселения в Ломоносовском районе Ленобласти / С.И. Лутченко, Н.М. Бажанова // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 2(67). С. 143-154. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/2kvart24/PDF/11_lutchenko.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-143-154
8. Лутченко С.И. Развитие пространственно-рекреационного каркаса в густонаселенных жилых районах мегаполиса / С.И. Лутченко, В.В. Босак // Градостроительство и архитектура. 2022. № 2(47). С. 168-174.
9. Милашевская А.Н. Проблемы территориального планирования России в 2020-х годах // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. № 3(60). С. 208-222. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/3kvart22/PDF/13_milashevskaja.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2022-3-208-222

10. Моисеев Ю.М. Вызовы развития и меняющиеся горизонты градостроительного планирования // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. №4(61). С. 280–291. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/19_moisseev.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-280-291.
11. Олифир Д.И. Синергия пространства, как источник инновационной системы управления и развития городских агломераций (на примере Санкт-Петербургской агломерации) // *Russian Journal of Innovation Economics*. 2019. №9(4). С. 1403-1414. DOI: 10.18334/vines.9.4.41300/
12. Савченко А.Б. Потенциал комплексного развития территорий (КРТ) как шаг к разработке стандарта КРТ / А.Б. Савченко, Т.Л. Бородина // *Город и люди: пространство и время*. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023. С. 295-303.
13. Улько А.С. Стандартизация и типизация в отечественном жилищном строительстве (1930–1950 гг.) / А.С. Улько, И.М. Ястребова // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2020. №2(51). С. 69-79. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/2kvart20/PDF/05_ulko.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15105

References

1. Aghajanyan L.V., Babajanyan G.K. Methods of urban development transformation in the historical environment of a large city. *Scientific papers of the National University of Architecture and Construction of Armenia*, 2023, no.86:2023-2, pp. 37-47. DOI: <https://doi.org/10.54338/18294200-2023.2-05>
2. Gelfond A.L. The concept of forming potential spatial frameworks of historical settlements. *Academia. Architecture and construction*, 2019, no. 1, pp. 26-34. DOI: 10.22337/2077-9038-2019-1-26-34
3. Gorgorova Yu.V. Architectural activation of the cultural attractiveness of the urban environment. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2024, no. 1(66), pp. 224-233. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/1kvart24/PDF/18_gorgorova.pdf DOI: 10.24412/19984839-2024-1-224-233
4. Gorlov V.N. Khrushchev's "thaw" and the de-Stalinization of architecture in the 1950s / V.N. Gorlov, S.N. Artyomov // *Locus: people, society, cultures, meanings*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 44-59. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59
5. Ivanova O.E. Long-term strategy for the development of rural areas of the region through the formation and implementation of standards of "urban lifestyle". *Proceedings of the Rostov State University of Civil Engineering*, 2011, no. 15, pp. 197-203.
6. Korbut L.S. Principles and mechanisms of organization of monitoring of rural development in accordance with international standards. *Nikon readings*, 2010, no. 15, pp. 265-266.
7. Lutchenko S.I., Bazhanova N.M. Formation of a new settlement subcenter in the Lomonosov district of the Leningrad region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2021, no. 2(67), pp. 143-154. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/2kvart24/PDF/11_lutchenko.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-143-154
8. Lutchenko S.I., Bosak V.V. Development of spatial and recreational framework in densely populated residential areas of a megalopolis. *Urban planning and architecture*, 2022, no.2(47), pp. 168-174.

9. Milashevskaja A.N. Problems of Regional Planning in Russia in the 2020s. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 3(60), pp. 208-222. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/3kvart22/PDF/13_milashevskaja.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-3-208-222
10. Moisseev I.M. Development challenges and changing horizons of urban planning. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 4(61), pp. 280-291. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/19_moisseev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-280-291
11. Olifir D.I. Synergy of space as a source of an innovative management system and development of urban agglomerations (on the example of the St. Petersburg agglomeration). Russian Journal of Innovation Economics, 2019, no. 9(4), pp. 1403-1414. DOI: 10.18334/vinec.9.4.41300/
12. Savchenko A.B., Borodina T.L. The potential of integrated development of territories as a step towards the development of the standard of the KRT. City and people: space and time. Moscow, 2023, pp. 295-303.
13. Ulko A., Yastrebova I. Standardization and Typification in Russian Residential Housing Construction (1930-1950). Architecture and Modern Information Technologies, 2020, no. 2(51), pp. 69-79. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/2kvart20/PDF/05_ulko.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15105

ОБ АВТОРАХ

Лутченко Сергей Иванович

Кандидат архитектуры, первый заместитель председателя комитета Градостроительной политики Ленинградской области – главный архитектор Ленинградской области, профессор практики, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
serg.lutchenko@yandex.ru

Комелева Яна Сергеевна

Магистрант, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
yana.komeleva@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Lutchenko Sergey I.

PhD of Architecture, First Deputy Chairman of the Committee for Urban Planning Policy of the Leningrad Region – Chief Architect of the Leningrad Region, Professor of Practice, ITMO University, St. Petersburg, Russia
serg.lutchenko@yandex.ru

Komeleva Yana S.

Master's Student, ITMO University, Saint Petersburg, Russia
yana.komeleva@gmail.com

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.7(211-17)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-262-275

EDN: SMCZZN

Подходы к проектированию инженерно-транспортных систем арктических регионов**Таисия Сергеевна Осьминина¹**Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
t.osminina@markhi.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и особенности инженерно-транспортных систем территорий с неблагоприятными климатическими условиями Арктической зоны России. Исследуются существующий зарубежный и отечественный опыт, подходы и технологии в проектировании транспортных путей и инфраструктуры. Материалы статьи содержат характерные примеры, иллюстрирующие основные направления развития и принципы совершенствования транспортных систем.

Ключевые слова: градостроительство на Крайнем Севере, Арктика, транспортная система, инженерная инфраструктура, пространственные связи

Для цитирования: Осьминина Т.С. Подходы к проектированию инженерно-транспортных систем арктических регионов // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 262-275.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/15_osminina.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-262-275. EDN: SMCZZN

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

Approaches to the design of engineering and transport systems in Arctic regions**Taisiya S. Osminina¹**Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
t.osminina@markhi.ru

Abstract. This article examines the challenges and specific features of engineering and transport systems in areas with harsh climatic conditions within Russia's Arctic zone. It explores existing domestic and international experience, approaches, and technologies in the design of transportation routes and infrastructure. The study presents characteristic examples illustrating key directions for development and principles for improving transport systems in Arctic regions.

Keywords: urban planning in the Far North, Arctic, transport system, engineering infrastructure, spatial connectivity

For citation: Osminina T.S. Approaches to the design of engineering and transport systems in Arctic regions. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 1(70), pp. 262-275. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/15_osminina.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-262-275. EDN: SMCZZN

¹ © Осьминина Т.С., 2025

Введение

Актуальность исследования транспортной инфраструктуры в арктической зоне России обусловлена несколькими аспектами. В первую очередь, рост экономической активности в Арктике, который наблюдается в последние годы. Он связан с освоением природных ресурсов, развитием туризма и промышленных отраслей экономики и требует непрерывного развития транспортной инфраструктуры, способной обеспечить оптимизацию логистики.

Во вторую очередь, благодаря современным информационно-технологическим ресурсам и развитию инженерных и строительных технологий становится возможен качественно новый уровень освоения и развития территорий с экстремальными климатическими условиями.

Актуальность исследования транспортной инфраструктуры в Арктике связана с постепенным изменением климата. В связи с глобальным потеплением появляются новые возможности для использования ранее недоступных природных ресурсов, в частности, полезных ископаемых, а также упрощается использование Северного морского пути, и появляются новые территории, на которых возможно строительство жилых и промышленных объектов [1].

Однако помимо новых возможностей глобальное потепление создает новые вызовы. Так, таяние вечной мерзлоты и льдов Северного Ледовитого океана влияет на устойчивость транспортной инфраструктуры в Арктике и требуют разработки технологий и методов строительства, способных противостоять этим изменениям.

Важным аспектом, требующим новых исследований в области транспортной системы, является постепенное развитие международного сотрудничества в Арктике. Этот регион становится все более значимым в вопросах взаимодействия с другими государствами и реализации стратегических интересов России. Модернизация транспортных систем имеет большое значение для обеспечения обороноспособности, экономических интересов страны и формирования экономического присутствия нашего государства².

Однако основной целью при исследовании транспортной инфраструктуры является улучшение жизни населения, которое проживает в этом регионе. Доступ к качественным путям сообщения способствует улучшению качества образования, здравоохранения и других социальных услуг за счет повышения мобильности населения и расширения возможностей доставки необходимых ресурсов.

Согласно выявленной актуальности, целью настоящей статьи стало прогнозирование дальнейшего развития транспортной инфраструктуры арктической зоны России с учетом всех вышеперечисленных факторов.

Для достижения цели были поставлены такие задачи как: исследование существующего состояния транспортных систем арктической зоны России и их особенностей, выявление тенденций и мотивации их развития, а также поиск возможных решений проблем на основе отечественного и мирового опыта проектирования в Арктике.

Методологической основой исследования стали общенаучные методы, в том числе комплексный территориальный и системный. Для анализа и обобщения данных использовались картографический, статистический и историко-сравнительный методы, теоретическое обобщение опыта и практических подходов, сравнительно-графический и картографический анализ, систематизация и структурный анализ данных.

² Штыров В. Без единства инфраструктуры нет единства страны. URL: <https://va-shtyrov.ru/news/vyacheslav-shtyrov-bez-edinstva-infrastruktury-net-edinstva-strany/> (дата обращения: 11.10.2024).

Особенности транспортных систем территорий с экстремальными климатическими условиями, их проблемы

Исследование существующих транспортных коридоров России выявило, что северная часть Красноярского края, Чукотского АО и Ямало-Ненецкого АО соединена с центральными районами преимущественно воздушными и водными маршрутами. При этом отсутствует опорный каркас магистральных железных дорог, хотя работа в этом направлении ведется уже почти два века. Отсутствие меридиональных железнодорожных связей на Севере препятствует взаимодействию этих территорий другими регионами страны³ (рис. 1).

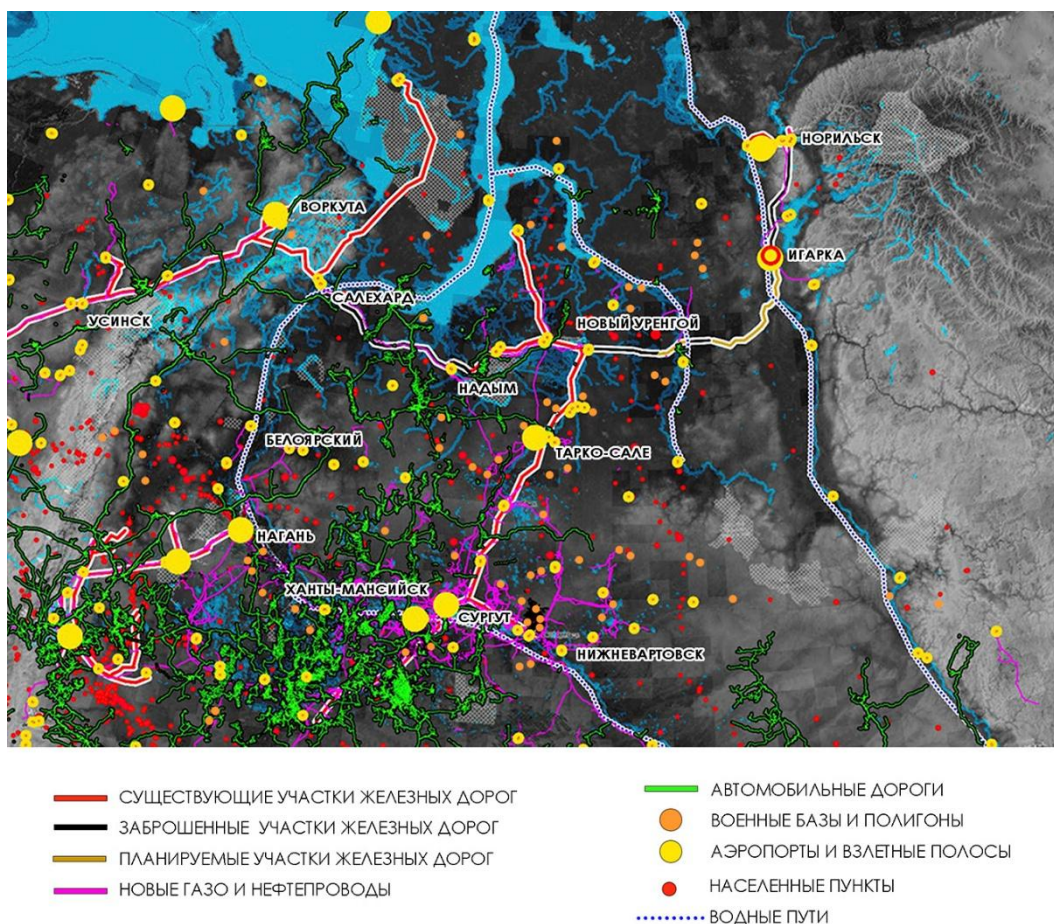

Рис. 1. Схема обеспечения транспортно-инженерной инфраструктурой Ямало-Ненецкого АО и севера Красноярского края

Исторически характерной проблемой для арктической зоны России является проектирование новых магистралей без учета сложившихся систем расселения и климатических условий⁴. Примером такого подхода может служить Трансполярная магистраль⁵, трассировка которой проводилась без предварительных геологических изысканий и изменялась по мере строительства. Это привело к ошибкам в проектировании,

³ ОАО РЖД: Официальный сайт. URL: https://old-www.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5245&refererLayerId=3290&layer_id=3290&id=4131 (дата обращения: 03.12.2023).

⁴ Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. Москва: Экономиздат, 1961.

⁵ Трансполярная магистраль – незавершенный проект железной дороги от берегов Баренцева моря и до Чукотки. Реализовывался в 1947-1953 годах и был построен участок от Чума до Ермаково. В настоящее время функционирует только участок станции Лабитнанги.

снижению качества строительства, повышенному расходу ресурсов и последующей деградации населенных пунктов, обслуживающих магистраль [2].

Анализ обеспеченности территорий Арктики транспортной и инженерной инфраструктурой показывает очаговый характер их развития и сезонность.

Водотранспортная сеть арктической зоны представлена крупными судоходными реками (Енисей, Обь, Лена, Колыма и др.) с системой портов и Северным Морским путем (далее – СМП). В настоящее время оснащение речных портов не удовлетворяет требованиям современных морских коммуникаций, что способствует экономической и технической изоляции от основных транспортных потоков. Причины этого кроются в малом объеме местной экономики, который делает экономически невыгодным заход крупных судов и ледоколов, обслуживание и новое строительство, а также в малых глубинах, ограничивающих потенциал развития.

Исследование воздушного транспорта арктической зоны показало, что количество оборудованных взлетно-посадочных полос (далее – ВПП) в северных регионах является достаточным для организации альтернативных связей с другими регионами⁶ (рис. 2,3). Однако зависимость авиаперелетов от погодных условий и высокая стоимость воздушных грузоперевозок препятствуют использованию данного типа транспорта в качестве основного.

Особенностью арктического региона является проблема конкурирования коммерческих поставок и жизнеобеспечения малых поселений. Из-за слабого развития инфраструктуры коммерческие и жизнеобеспечивающие грузы вынуждены делить транспортные средства для набора необходимого объема. Часто наблюдается приоритет коммерческих поставок перед поставками предметов повседневного спроса.

Арктические города представляют собой почти изолированные городские экосистемы с минимальным внешним воздействием. Жизнь в них характеризуется социальной однородностью, монотонностью и ограниченным выбором пешеходных сценариев [3].

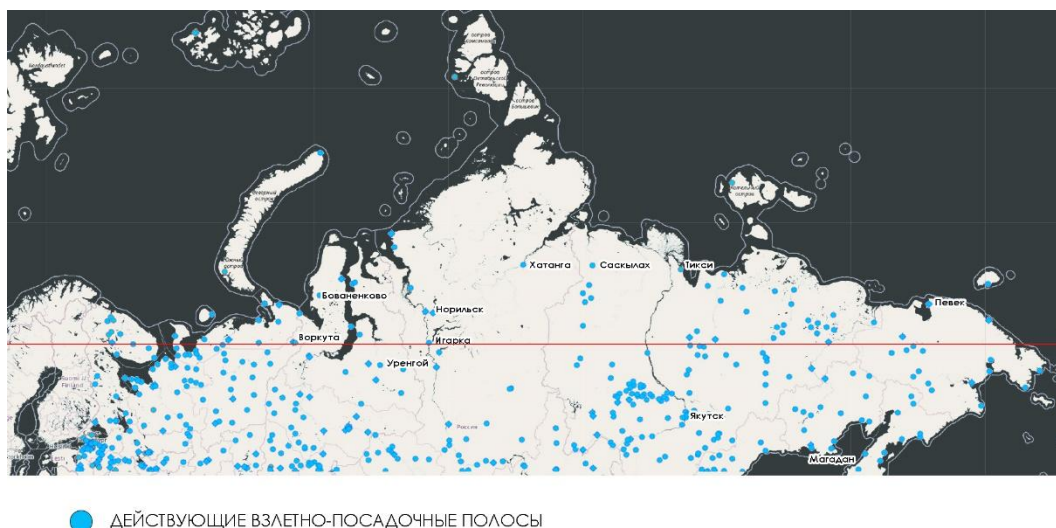

Рис. 2. Схема расположения взлетно-посадочных полос северной части Красноярского края, Республики Коми, Ямало-Ненецкого, Чукотского Автономных округов и Якутии

⁶ Объемы перевозок через аэропорты России // Министерство транспорта Российской Федерации Федеральное агентство воздушного транспорта Росавиация. URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-ajeroporty-i-ajerodromy-osnovnie-proizvodstvennie-pokazateli-aeroportov-obyom-perevoz/> (дата обращения: 7.05.2024).

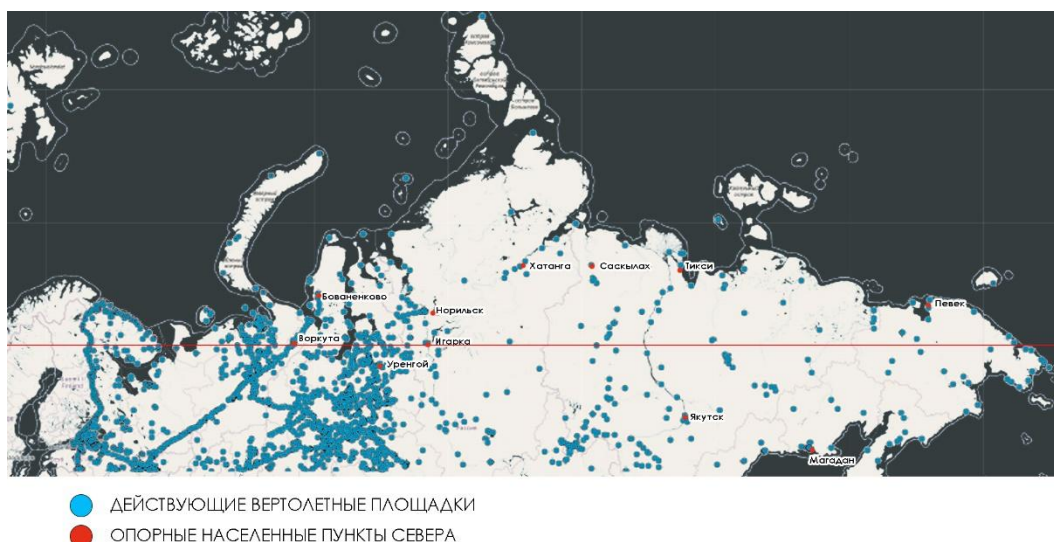

Рис. 3. Схема расположения вертодромов северной части Красноярского края, Республики Коми, Ямало-Ненецкого, Чукотского Автономных округов и Якутии

Анализ зарубежных северных транспортных связей

Транспортные сети Скандинавских стран представлены железнодорожным, автомобильным, воздушным и водными путями сообщения.

Благодаря большому количеству водных артерий, основной местный пассажирский и грузовой потоки осуществляются по рекам, фьордам и даже озерам на паромных переправах и судах.

Железные и автомобильные дороги прокладываются, в основном, на скалистых грунтах. Рельеф местности изрезанный, холмистый, часто пересекаемый водными артериями, поэтому надземные транспортные пути Скандинавии имеют большое количество тоннелей, мостов и эстакад⁷.

В настоящее время ведутся работы по модернизации дорог и созданию новых участков скоростного движения. Имеется хорошо развитая сеть скоростного железнодорожного сообщения, основным узлом которого являются Хельсинки. В последние годы в Северной Европе появились поезда, которые достигают скорости 220 км/ч. Благодаря небольшим расстояниям между городами один состав осуществляет несколько поездок по маршруту в день (рис. 4).

Автомобильные магистрали характеризуются, большой плотностью, качеством исполнения. Так, провалы, проломы и обрушения дорожного полотна встречаются крайне редко.

Международное сообщение представлено морским и воздушным транспортными путями. На Аляске существуют железнодорожные, автомобильные, водные и воздушные связи. Наиболее развитой считается система авиасообщения. Аляска имеет слабую сеть автомобильных связей. Дорожная система связывает центральные населенные пункты с шоссе «Аляской» и Канадой. Западная часть не имеет автомобильных дорог, соединяющих ее с основной территорией штата. Аляскинская железная дорога связывает города Сьюард

⁷ Романенко В.Н., Никитина Г.В. Рельсовый транспорт Скандинавии // СЦБИСТ. Сайт железнодорожников № 1. URL: <http://scbist.com/xx2/9273-relsovyi-transport-skandinavii.html#post50989> (дата обращения: 17.02.2024).

и Фэрбанкс и является одной из немногих железных дорог мира, которые проходят через национальные парки. Многие города, поселки и деревни в штате не имеют доступа к дорогам или шоссе, и единственные доступные пути сообщения включают воздушный, речной и морской виды транспорта. Паромная система (Аляскинское морское шоссе) обслуживает города на побережье, осуществляя перевозку грузов и пассажиров. До городов, не обслуживаемых дорогой и водным транспортом, можно добраться по воздуху. Практически каждый населённый пункт имеет свою взлетно-посадочную полосу. Авиакомпании обеспечивают связь с крупными городами и с континентальной частью США. Летом выполняется несколько рейсов из города Ном в российский город Провиденция.

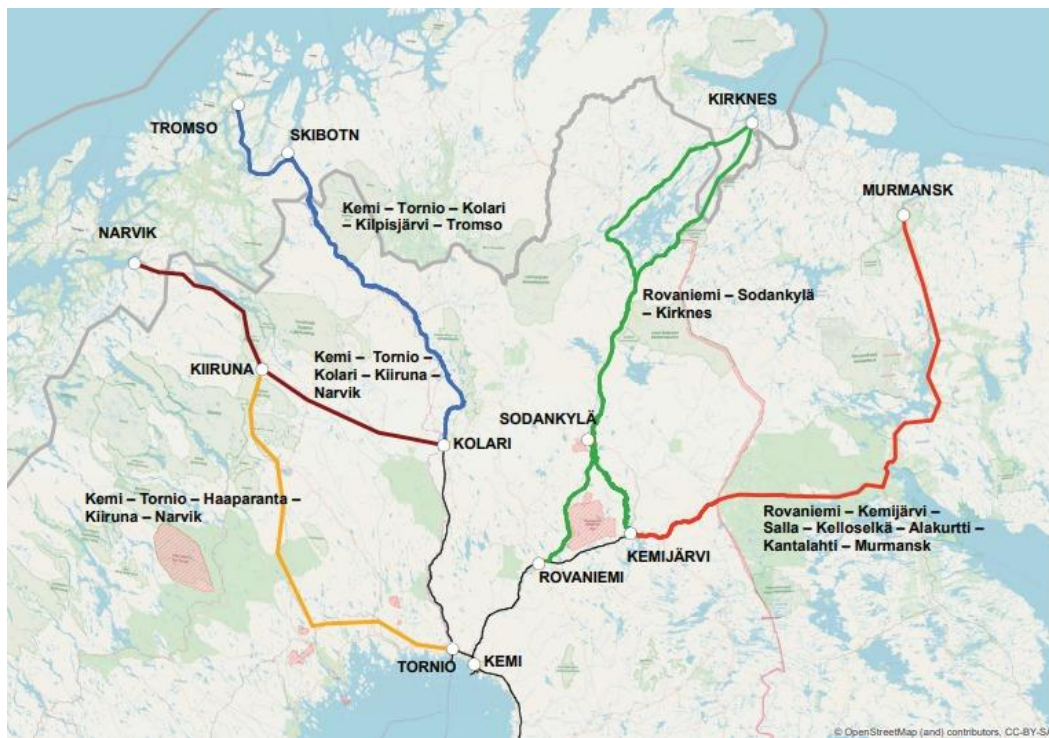

Рис. 4. Пять альтернативных путей железнодорожного сообщения между Финляндией и Северным морским путем

Авиасообщение субсидируется федеральным правительством через программу основных воздушных перевозок, поэтому доступно местному населению. Во многих коммунах существует даже служба авиатакси. Местный транспорт в регионах, не имеющих автомобильных дорог и водных артерий, представлен вездеходами, снегоходами и собачьими упряжками.

Большое внимание международного сообщества уделяется развитию проектов, связанных с концепцией «Северного Шелкового Пути», в который входит создание транспортных коридоров между Скандинавией и РФ, организация скоростного пассажирского движения от Хельсинки до Москвы и другие маршруты.

В настоящее время развивается проект полярной железной дороги, соединяющей северные районы Финляндии и Норвегии и являющейся частью проекта «Полярный Шелковый путь». Предполагаемый маршрут следования – Оулу – Рованиеми (Финляндия) – Киркенес (Норвегия). Длина дороги составит около 450 км.

К местным проектам, применимым в зоне вечной мерзлоты, относится идея создания плавучего тоннеля в Норвегии. Тоннель представляет собой проложенные под водой на глубине около 30 метров полые бетонные трубы общей протяженностью 1200 м. Крепление ко дну может осуществляться различными способами, в частности, металлическими

тросами. На поверхности воды тоннель будут поддерживать понтоны⁸. Глубина размещения тоннеля связана с ослаблением силы волн во фьордах по мере опускания на дно. Подобное решение было принято в целях сохранения природного комплекса, сложившегося на территории.

Глубина многих заливов превышает 1 км, а ширина – 5 км. Это делает строительство мостов и туннелей под дном моря нецелесообразным и опасным для эксплуатации решением. Таким образом, идея «плавающего туннеля» может оказаться эффективным решением при строительстве северных транспортных артерий.

Задача обеспечения связности Арктики с другими регионами страны

В современном мире особенно важно развитие надежной и эффективной магистральной инфраструктуры, которая обеспечивает оборонное, экономическое, социальное и ментальное единство страны, а также служит опорой для создания и укрепления региональной и местной инфраструктуры.

Задача обеспечения единства и связанности через создание магистральной общенациональной инфраструктуры, приобретает особую актуальность в современных, далеко непростых геополитических обстоятельствах. Так, первостепенной задачей в Арктике является ее связь со всей страной.

Арктика является передовым рубежом обороны России, кроме того, потепление климата открывает новые возможности для использования природных ресурсов и развития Северного морского пути как важнейшей транспортной магистрали. Для защиты своих интересов Россия должна усилить оборону, вести дипломатическую работу и разворачивать научные исследования, но самое главное – развивать экономическое присутствие в Арктике. И толчком для этого развития должны стать новые магистральные артерии, которые станут основной производительной силой в регионе.

Согласно сложившемуся опыту магистрали, способствуют развитию новых видов деятельности и предприятий в ранее мало освоенных регионах. Примером могут служить производственные комплексы в Южной Якутии, построенные благодаря появлению Байкало-Амурской магистрали. В то же время строительство и эксплуатация транспортных артерии дает мощный стимул к развитию производств и технологий в сопряженных отраслях.

Для Арктики крайне необходимо завершение трассы Северного Широтного хода от Воркуты до Анадыря с меридиональными связями с Байкало-Амурской и Транссибирской магистралями. В настоящее время уже существует связь Мурманска с Северной железной дорогой (Мурманск – Беломорск – Обозерская – Коноша), также запланировано расширение мощности Северной железной дороги от Коноши до Лабытнанги и ее продолжение до Коротчаево (Проект «Северный Широтный ход»). Все эти проекты реализуются при участии как государственных, так и частных компаний, связанных с нефтегазовой и горнодобывающей промышленностью и напрямую заинтересованных в наличии круглогодичной транспортной магистрали (рис. 5).

В ближайшем будущем видится абсолютно реальным строительство участка от Коротчаево до Игарки и Дудинки и дальнейшее продолжение дороги на восток, к существующим населенным пунктам и месторождениям полезных ископаемых.

Важно отметить, что при такой схеме железнодорожных магистралей, все они будут взаимозаменяемы и взаимодополняемы.

⁸ Таратутенко А. Потрясающе – норвежские подводные «плавающие туннели» // Строительный портал новых технологий. URL: <https://taratutenko.ru/potryasayushte-v-norvezhskie-podvodne-plavayushtie-tunneli.html> (дата обращения: 18.12.2023).

Рис. 5. Схема предполагаемой трассировки железнодорожных магистралей

Подходы к проектированию транспортной инфраструктуры для повышения качества обслуживания населения

Основной целью изменения подходов к проектированию транспортной системы и инфраструктуры в Арктике, является экономия ресурсов, энергии и улучшение экологии городов. Транспортная система должна опираться на передовые технологические достижения, обеспечивать экологическую устойчивость, безопасность и эффективность передвижения.

При планировании населенных пунктов в арктической зоне транспортная инфраструктура должна обеспечивать доступность в любых погодных условиях и сокращать время перемещения между ключевыми объектами города. При этом важно уделять внимание не только глобальным, международным и межрегиональным взаимодействиям, но и учитывать сложившиеся вариации местных транспортных систем. В частности, необходимо развивать сеть внедорожных, не привязанных к дорожному полотну, видов транспорта. Тенденция их использования зародилась в 60-е годы XX века, когда появились первые образцы мототехники, снабженной облегченными гусеницами и управляемой передней лыжей⁹. Такой транспорт пользуется большой популярностью у местного населения в затяжной холодный период года при передвижении на небольшие расстояния в труднодоступные для других видов транспорта места.

В настоящее время существует множество вариаций вездеходных средств, принцип передвижения которых отличается в зависимости от типа грунта, дорожного покрытия и времени года. Проведены успешные испытания моделей, конструктивные особенности которых позволяют установить и перевезти жилой или медицинский модули, транспортный блок, электростанцию, небольшую буровую установку. Принцип пневмоциркуляции с

⁹ Тишак В. Тундромотор. Личный транспорт в Арктике URL: <https://goarctic.ru/society/tundromotor-lichnyy-transport-v-arktike-/?ysclid=m7n5j7xf6z929153292> (дата обращения: 27.02.2025).

использованием выхлопных газов позволяет передвигаться по любой поверхности, минимизируя воздействие на почвенный слой в теплое время года¹⁰.

Для улучшения мобильности населения, увеличения скорости логистических поставок и оказания социальных услуг, вездеходные транспортные средства могут быть использованы в спасательных и медицинских структурах, а также организациях, занимающихся поставками товаров. Для этого потребуются ряд мероприятий, таких как – создание в более крупных населенных пунктах станций обслуживания и хранения такой техники и привлечения новых людей для обучения и последующей работы.

Сервисы и досуговые объекты притяжения в населенных пунктах должны быть равномерно распределены по всей городской ткани, чтобы каждый житель мог удовлетворить базовые потребности в пешей доступности. Кроме того, следует уделять внимание созданию удобных жилых районов с собственными культурно-досуговыми учреждениями и общественными точками притяжения, которые внесут разнообразие в жизненные сценарии.

Принципиальным подходом в формировании общественных пространств является создание закрытых помещений и формирование неразрывной инфраструктурной ткани города, оснащенной современными всепогодными решениями для комфортных прогулок и перемещения [4].

Переосмысление транспортной инфраструктуры Арктики и новые способы передвижения

Первой категорией транспортных средств, дающей широкие возможности для применения в условиях арктического климата, является автономный транспорт – дроны, беспилотные транспортные средства. Развитие технологий интеллектуального управления обеспечивает возможность создания полностью автономных автомобилей, которые способны определять направление движения и выбирать оптимальные маршруты самостоятельно или при помощи дистанционного управления. Благодаря оснащению датчиками, камерами высокого разрешения и автоматизированными функциями безопасности использование автономных транспортных и транспортно-погрузочных средств позволяет создать замкнутые и безопасные системы передвижения [5].

Преимуществом внедрения в арктической зоне автономного транспорта является повышение безопасности, снижение уровня вредных выбросов и уменьшение зависимости от погодных условий. Однако требуется переосмысление архитектурно-градостроительной среды, и адаптация ее для корректной работы алгоритмов искусственного интеллекта, которые помогают автономным транспортным средствам воспринимать окружающую среду, распознавать объекты на дорогах.

Дроны для доставки, являются современным трендом в транспортной отрасли, благодаря способности достигать даже отдаленных мест и перевозить различные предметы. В Арктике дроны могут стать частью повседневной жизни поселений, что позволит снизить дефицит товаров первой необходимости.

Рынок грузоперевозок должен быть адаптирован под появление беспилотных грузовиков, которые решат проблему нехватки водителей и повысят эффективность. Интеграция этих автономных систем с инфраструктурой «умного города» революционизирует городскую мобильность.

¹⁰ Заквасин А., Комарова Е. Полярный автопром: какими возможностями обладают новейшие арктические вездеходы России. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/696049-vezdehody-arktiki-rossiya?ysclid=m7n65ranzo895466675> (дата обращения: 27.02.2025).

Важное место в развитии транспортных путей Севера должны занимать современные технологии администрирования, мониторинга и управления. Применение дистанционного управления скоростными составами, а также, разработка механизмов мониторинга состояния транспортной техники в режиме реального времени и использование искусственного интеллекта поможет увеличить скорость передвижения и минимизировать риски аварий. Достижению этой цели будет способствовать и разработка методов компьютерного исследования состояния конструктивных форм транспортных сооружений на всех этапах их эксплуатационного цикла [6].

Основной стратегией развития транспортных путей Севера является использование нескольких форм транспорта для перемещения грузов – мультимодальность транспортных систем. Мультимодальные грузовые перевозки – комбинированные грузовые перевозки, сочетающие возможность использования железнодорожного, автомобильного, водного или воздушного видов транспорта, могут принести наибольшую экономическую выгоду для регионов и решить проблему отсутствия универсального транспортного средства для зоны Арктики. К дополнительным преимуществам бимодальных перевозок по сравнению с одиночными транспортными средствами аналогичной грузоподъемности относятся повышение производительности в 1,5-2 раза, уменьшение себестоимости перевозок на 20-35%; снижение нагрузки на дорогу при существенно увеличенной грузоподъемности, сокращение расхода топлива и улучшение экологической ситуации [7]. В городской среде объединение в единую систему общественного и личного транспорта поможет минимизировать необходимость прямого контактирования с внешней средой.

В настоящее время стабильную, не зависящую от погодных условий, мультимодальную транспортную сеть в Арктике возможно обеспечить за счет комбинирования железнодорожных и автомобильных магистралей. Это возможно благодаря технологиям современного строительства, которые позволяют вести строительство дорожного полотна на многолетнемерзлых и болотистых грунтах, сохраняя их стабильность.

Преимуществами автомобильно-железнодорожной системы в качестве основной, в сравнении с другими видами транспорта, являются: значительный объем грузопассажирских перевозок, значительные расстояния перевозок, сокращение расходов при совмещении технически сложных инженерных сооружений (мостов, насыпей или тоннелей), а также вариативность трассировки и наименьшая зависимость от погодных условий.

Идея соединения удаленных регионов сверхбыстрым, не зависящим от погодных условий типом транспорта впервые появилась в 60-е годы XX века. В настоящее время соединение арктических регионов высокоскоростными железнодорожными связями становится даже более выгодным, чем применение этого вида транспорта в регионах центральной части России, так как короткие расстояния между многими станциями означают, что поезда редко смогут развивать запланированную максимальную скорость в 350 км/ч. Эта технология, благодаря более гибкому маневрированию и устойчивости к перепадам высот, позволят минимизировать риск остановки железнодорожного сообщения в результате просадки или искривления рельсов. Люди из отдаленных населенных пунктов получают возможность добираться до центральной части России за минимальное время. Время доставки людей на предприятия и вахты также сократятся.

В перспективе Север России может быть охвачен высокоскоростным движением за счет применения магнитолевитационных и струнных эстакадных технологий [6]. В настоящее время консорциумом «Российский маглев» на базе Петербургского государственного университета путей разработаны узловые системы таких дорог, а также комбинированная система обеспечения левитации. Проведенные исследования доказали, что строительство магнитолевитационной железной дороги в Арктике поможет избежать деградации вечной мерзлоты за счет свайного основания и установки специальных температурных

стабилизаторов¹¹. При этом стоимость строительства и обслуживания таких конструкций обходится дешевле традиционных и имеет ряд преимуществ, таких как высокая экологическая безопасность, энергоэкономичность, существенно более низкая стоимость грузоперевозок¹².

Наиболее перспективным речным транспортом на территории проектирования, могут стать суда, имеющие неограниченный навигационный период и диапазон, то есть, проходящие как по водной поверхности, так и по снежной целине, льдам, болотам, тундре. К ним относятся суда на воздушных подушках, аэроглиссеры, и аэроботы. Благодаря небольшим размерам, достаточной грузоподъемности и высокой проходимости, они могут выполнять доставку грузов и людей из отдаленных районов, использование воздушного транспорта в которых невыгодно или затруднено.

При создании новых и восстановлении существующих транспортных путей должны учитываться климатические условия северных широт и наличие вечной мерзлоты, в том числе, применяться материалы и конструкции, позволяющие круглогодично эксплуатировать транспортные пути. В развитии транспортной инфраструктуры также есть возможности оптимизации для зон с экстремальными климатическими условиями: технологии покрытия, позволяющие не только аккумулировать энергию, но и фильтровать окружающий дорогу воздух и очищать дорогу от вредных веществ с помощью технологии «фотокатализа», подогрев дорожного полотна при помощи электрического кабеля, получивший широкое распространение в Исландии и северной части Японии¹³, строительство сборных дорог из фабричных композитных плит, прошедшего тестирование в условиях экстремально холодных температур¹⁴. У этого проекта есть преимущества: вместе с плитами удобно прокладывать инженерные коммуникации, в несколько раз ускоряется процесс строительства, уменьшается нагрузка на несущую конструкцию дорог и эстакад, покрытие выдерживает температуру от -40 до +80 градусов, увеличивается долговечность и экологичность дорог¹⁵.

В связи с появлением угрозы глобального потепления встает вопрос о дальнейшей эксплуатации Северного Морского Пути. По прогнозам российских ученых таяние льдов сделает возможным увеличить срок судоходства по северным морям на 3-4 месяца в год [8].

Заключение

В настоящее время транспортная система исследуемых территорий не удовлетворяет современным требованиям к скоростям и мощности грузопассажирских перевозок, что влечет за собой негативные последствия в виде низкого качества жизни, оттока населения, экономических потерь, деградации территорий и отдельных объектов, социальной, культурной и транспортной изоляции существующих городов. Для исправления этой ситуации требуется модернизация существующей транспортно-логистической системы.

¹¹ Зайцев А.А. Контейнерный мост Санкт-Петербург-Москва на основе магнитной левитации // Магнитолевитационные транспортные системы и технологии. МТСТТ4: труды II Международной научной конференции / ПГУПС. СПб.: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2014. С. 11-23.

¹² Зайцев А.А. Магнитолевитационный транспорт: ответ на вызовы времени // Транспортные системы и технологии. 2017. №3(1). С. 5-13. URL: <https://transssyst.ru/transssyst/article/download/7920/6348> (дата обращения: 27.02.2024).

¹³ Гронский Д. О способах борьбы с гололедицей на дорогах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5090478> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁴ Композитные дорожные настилы для Арктики прошли испытания на Чукотке. URL: <https://arctic-russia.ru/news/kompozitnye-dorozhnye-nastily-dlya-arktiki-proshli-ispytaniya-na-chukotke/> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁵ Скижали-Вейс А. Футурологические прогнозы развития транспортной инфраструктуры будущего. URL: <https://ardexpert.ru/article/8393> (дата обращения: 18.12.2023).

Итогами переосмысления и доработки инфраструктуры арктической зоны России станет значительное повышение степени комплексности (взаимодополняемости) автомобильного и железнодорожного транспорта, развитие логистики с максимальным использованием выгод транзитного транспортно-географического положения района. Начнет развиваться туристический комплекс регионального и федерального значения.

При этом первоочередное, ключевое значение должно иметь формирование магистральных, преимущественно широтных связей в дополнение к сложившейся системе водного и воздушного транспорта. Создание этих связей снизит нагрузку с Транссибирской магистрали, свяжет Арктику с центральной частью России и позволит сформироваться устойчивой, равномерно распределенной транспортно-инженерной инфраструктуре. Особенное значение будут иметь железные дороги, которые являются универсальным средством массовой перевозки людей и грузов, хорошо комбинируются с водным и автомобильным транспортом при грузовых перевозках. При этом современные технологические возможности позволяют создавать железные и автомобильные дороги экологичными, всепогодными и устойчивыми к воздействию низких температур.

Современный транспорт является ёмким потребителем промышленной продукции и услуг в высокотехнологичных отраслях, а также стимулирует ускоренное развитие производств и исследований в таких областях как: химия, энергетика, машиностроение, системы связи, информационные технологии, робототехника. Следовательно, экономическая эффективность разработки новой транспортной системы в Арктике проявится в более широком контексте развития всего народного хозяйства страны. В процессе малые предприятия превратятся в реальный фактор быстрых инновационных структурных преобразований в экономике города, их доля в совокупном объеме ВВП района существенно возрастает.

Подводя итог следует отметить, что вероятными положительными последствиями развития транспортных систем на Севере станет демографический рост населения на прилегающих территориях (на первых этапах – миграционный, связанный с большими строительными программами и открытием новых рабочих мест для людей разной квалификации в различных областях экономики, затем – за счет сокращения смертности и роста рождаемости), экологическое развитие и возможности для межрегионального и международного взаимодействия, а применение инновационных транспортных технологий преобразует Арктику, повышая мобильность, безопасность, экологичность, создавая комфортную городскую среду.

Источники иллюстраций

Рис. 1-3, 5. Схема автора.

Рис. 4. Прохоров П. Арктический «шелковый» путь пройдет мимо России // Строительный портал новых технологий. URL:

https://www.rbc.ru/spb_sz/12/03/2018/5aa68a6c9a794752737189bc (дата обращения: 21.03.2024).

Список источников

1. Зеленина Л.И. Прогнозирование и последствия изменения климата Арктического региона / Л.И. Зеленина, С.И. Фелькушова // Арктика и Север. 2012. № 5. URL: <http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/15c/9.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Долинская И.М., Осьминина Т.С. Перспективные решения для создания новых и реконструкции существующих транспортно-коммуникационных связей в системах расселения, расположенных севернее параллели 66 градусов СШ (за Полярным кругом) / И.М. Долинская, Т.С. Осьминина // Universum. 2022. № 3(96). URL:

- <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/13304> (дата обращения: 13.02.2025). DOI: 10.32743/UniTech.2022.96.3.13304
3. Гриценко В.Н. История «мертвой дороги»: 501/503 историческая литература / В.Н. Гриценко, В. Калинин. Екатеринбург: Баско, 2010.
 4. Елисеев Д.О. Транспортная инфраструктура арктических регионов России в условиях деградации вечной мерзлоты / Д.О. Елисеев, Ю.В. Наумова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №10-1(56). С.113-118. URL: <http://economyandbusiness.ru/wp-content/uploads/2019/11/Ekonomika-i-biznes-10-1.pdf> (дата обращения: 20.01.2025). DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11226
 5. Блинкин М.Я. Прогноз научно-технологического развития России: 2030. Транспортные и космические системы / М.Я. Блинкин, А.Ю. Гребенюк, О.В. Евсеев и др. под. ред. М.Я. Блинкина, Л.М. Гохберга. Москва, 2014. 40 с. URL: <https://prognoz2030.hse.ru/data/2014/07/24/1310810717/Transport.pdf> ISBN 978-5-9904918-4-7 (дата обращения: 20.12.2023).
 6. Захаров В.Н. Перспективные транспортные системы для развития Арктических и Северных территорий РФ / В.Н. Захаров, И.В. Зырянов, М.Л. Хазин и др. // Горная промышленность. 2016. № 4(128). 52 с. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-gorp/2016/4-615970> (дата обращения: 18.01.2024).
 7. Замятина Н.Ю. Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения / Н.Ю. Замятина, А.Н. Пилясов. Москва: Ленанд, 2019. С. 395.
 8. Замятина Н.Ю. Новый подход к освоению северных и арктических территорий России: локальная транспортная система / Н.Ю. Замятина, А.Н. Пилясов // Проблемы развития территории. 2018. № 4(96). С. 26-41. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.2
 9. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Архангельск: САФУ, 2013. С. 280. URL: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/865/rosssiyskaya-arktika-v-izm-mire-lukin-y.pdf> (дата обращения: 16.04.2024).
 10. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. Москва: Экономиздат, 1961. 302 с.
 11. Тонкой И.В., Иншакова О.Ю. Стратегии расселения будущего России в контексте динамики тенденций освоения пространства в условиях глобализации / И.В. Тонкой, О.Ю. Иншакова // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. №4(53). С. 266-280. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20/PDF/16_tonkoy.pdf (дата обращения: 22.12.2023). DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15316

References

1. Zelenina L.I., Felkushova S.I. Forecasting and the results of climatic changes in the Arctic region. The Arctic and the North, 2012, no. 5. Available at: <http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/15c/9.pdf>
2. Dolinskaya I.M., Osminina T.S. The creation of the new and reconstruction of the existing transport and communication links in settlement systems located 66th parallel north (beyond the arctic circle) promising solutions. Universum: technical sciences: electron. scientific journal, 2022, no. 3(96). Available at: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/13304> DOI: 10.32743/UniTech.2022.96.3.13304
3. Gritsenko V.N., Kalinin V. *Istoriya «Mertvoj Dorogi»: 501/503 istoricheskaya literatura* [History of the «Dead Road»]. Yekaterinburg, 2010.

4. Eliseev D.O., Naumova Yu.V. Transport infrastructure of the arctic regions of Russia under conditions of permanent frozen degradation. *Economics and Business: theory and practice*, 2019, no.10-1(56), pp.113-118. Available at: <http://economyandbusiness.ru/wp-content/uploads/2019/11/Ekonomika-i-biznes-10-1.pdf> DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11226
5. Blinkin M.Ya., Grebenyuk A.Yu., Evseev O.V., et al. *Prognoz nauchno-texnologicheskogo razvitiya Rossii: 2030. Transportny`e i kosmicheskie sistemy* [Forecast of scientific and technological development of Russia: 2030. Transport and space systems]. Moscow, 2014, 40 p. ISBN 978-5-9904918-4-7. Available at: <https://prognoz2030.hse.ru/data/2014/07/24/1310810717/Transport.pdf>
6. Zakharov V.N., Zyryanov I.V., Khazin M.L., et al. *Perspektivny`e transportny`e sistemy` dlya razvitiya Arkticheskix i Severny`x territorij RF* [Promising transportation systems for the development of arctic and northern territories of the Russian federation]. *Mining industry*, 2016, no.4(128),52. Available at: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-gorp/2016/4-615970>
7. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Rossiyskaya Arktika: K novomu ponimaniyu processov osvoeniya* [Russian Arctic: Towards a new understanding of development processes]. Moscow, 2019, p. 395.
8. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Novy`j podxod k osvoeniyu severny`x i arkticheskix territorij Rossii: lokal`naya transportnaya sistema* [A New Approach to the Development of the Northern and Arctic Territories of Russia: Local Transport System]. *Problems of Development of the Territory*, 2018, no.4(96), pp. 26-41. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.2
9. Lukin Yu.F. *Rossiyskaya Arktika v izmenyayushhemsya mire* [The Russian Arctic in a changing world. Monograph]. Arkhangelsk, 2013, p. 280. Available at: <https://narfu.ru/upload/medialibrary/865/rosssiyskaya-arktika-v-izm-mire-lukin-y.pdf>
10. Slavin S.V. *Promy`shlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [Industrial and transport development of the North of the USSR]. Moscow, 1961, 302 p.
11. Tonkoy I., Inshakova O. Strategies of Settlement of the Future of Russia in the Context of the Dynamics of Space Consideration Tendencies in the Conditions of Globalization. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2020, no. 4(53), pp. 266–280. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20/PDF/16_tonkoy.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15316

ОБ АВТОРЕ

Осьминина Таисия Сергеевна

Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
t.osminina@markhi.ru

ABOUT THE AUTHOR

Osmnina Taisiya S.

Postgraduate Student of the Department of Urban Planning, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
t.osminina@markhi.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 719:712.25(470.332-22)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-276-291

EDN: UJMYJK

**Развитие сельского исторического ландшафта
в поселке Холм-Жирковский Смоленской области****Вера Александровна Павлова¹**Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
pavlova_marhi@mail.ru

Аннотация. Выявление уникальных архитектурных и ландшафтных особенностей территории сельских населенных мест, архитектурно-градостроительный брендинг территории являются сегодня актуальной задачей. Ее успешное решение послужит развитию сельского исторического ландшафта в качестве культурного и туристического центра. Такой подход был применен в проектном исследовании поселка Холм-Жирковский Смоленской области, в котором переплелись различные линии драматичной истории XX века. В статье показывается современный ландшафтный комплексный анализ исторической среды сельских поселений и метод определения «мест памяти», позволяющий увидеть множественность интерпретаций прочтения локальной истории Места для ее фиксации в архитектурной среде. В представленном проекте предпринята попытка продемонстрировать возможности комплексного ландшафтного подхода для сохранения памяти обо всех исторических периодах в жизни поселка Холм-Жирковский.

Ключевые слова: сельский исторический ландшафт, архитектурно-градостроительный брендинг, места памяти, сохранение исторического наследия

Для цитирования: Павлова В.А. Развитие сельского исторического ландшафта в поселке Холм-Жирковский Смоленской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 276-291.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/16_pavlova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-276-291. EDN: UJMYJK

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

**Development of the rural historical landscape in the settlement of
Kholm-Zhirkovsky, Smolensk region****Vera A. Pavlova¹**Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
pavlova_marhi@mail.ru

Abstract. Identifying the unique architectural and landscape features of rural settlements, as well as developing architectural and urban branding strategies for these areas, is an increasingly relevant task. Successfully addressing this challenge can contribute to the development of rural historical landscapes as cultural and tourist centers. This approach was applied in a research project focused on the settlement of Kholm-Zhirkovsky in the Smolensk region, where various historical narratives of the dramatic 20th century intersect. The article presents a contemporary landscape-based comprehensive analysis of the historical environment of rural settlements and introduces a method for identifying "places of memory,"

¹ © Павлова В.А., 2025

which allows for multiple interpretations of local history and their integration into the architectural environment. The project seeks to demonstrate the potential of a comprehensive landscape approach in preserving the memory of all historical periods in the life of Kholm-Zhirkovsky.

Keywords: rural historical landscape, architectural and urban branding, places of memory, preservation of historical heritage

For citation: Pavlova V.A. Development of the rural historical landscape in the settlement of Kholm-Zhirkovsky, Smolensk region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2024, no. 1(70), pp. 276-291. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/16_pavlova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-276-291. EDN: UJMYJK

Введение

Понятие «сельский исторический ландшафт» объединяет категории природного и культурного ландшафта, напрямую связано с национальной идентичностью. Его определение как совокупность зданий и открытых пространств в природном контексте, ценном с точки зрения истории и культуры, было дано ЮНЕСКО в 1976 году². Многими современными авторами отмечается, что в настоящее время в обществе резко усилился интерес к истории родного края, своей семьи, культурному наследию малой Родины. Люди изучают свои корни, и ландшафт становится фокусом идентичности. Тотальная урбанизация породила и обратную тенденцию: желание жить за городом, осознание ценности сельских пейзажей. В английской традиции сельская местность – это олицетворение страны (отсюда двоякий перевод слова «country»). «Коттеджи с соломенными крышами в окружении деревенской зелени являются частью типично английской картины» [1, с.253]. Отдельные ландшафты достигают в Англии статуса национальных икон (пейзажи Джона Констебля, парки Хамфри Рептона).

Российская глубинка, к сожалению, отличается от английских сельских мест своей невостребованностью, неухоженностью, для нее по-прежнему характерен отток населения, отсутствие рабочих мест и перспективы. Однако отношение к малым городам и селам меняется, появляются проекты, направленные на создание культурной привлекательности, выявление так называемого «бренда местности»³, который может стать отправной точкой стратегии дальнейшего развития данного места [2]. Для выявления идентичности (уникальности) места объединяются усилия специалистов разных областей: историков, краеведов, социальных антропологов, географов, архитекторов, урбанистов. Архитектурно-градостроительный брендинг – это стратегия развития, способ продвижения территории, при котором необходимо развивать ее уникальные ландшафтные и архитектурные особенности, наполнить ее инфраструктурой для проведения событийных мероприятий, которые сделают место интересным для туристов и местных жителей [2].

Проблема сохранения, восстановления и использования сельских памятников истории по-прежнему актуальна. Сельский ландшафт часто являлся свидетелем важнейших исторических событий и олицетворяет собой историю нации. Связь между ландшафтом и историей превращает ландшафт в наследие, при этом его функция теперь не ограничивается сельским хозяйством. Эти места наполняются историческими ассоциациями [1]. Задачей архитекторов становится упорядочить наслоения исторической памяти и с вниманием отнестись к различным версиям прошлого,

² Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей принята 26 ноября 1976 г. на Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры в Найроби.

³ Следует согласиться с Ю.В. Горгоровой, которая определяет «бренд места» как способ продвижения территории с точки зрения маркетинга. В последнее время этот термин популярен и в урбанистике, он используется для формирования стратегии развития, туристической привлекательности и отражает, как правило, культурную, историческую и природную уникальность места.

отличающимся для разных социальных групп. В поселке городского типа Холм-Жирковский в Смоленской области удивительным образом переплелись дореволюционная дворянская история, трагические события Великой Отечественной войны и наследие советской эпохи, во многом определившее современный облик этого места. Холм-Жирковский стал объектом проектного исследования, проведенного на кафедре «Ландшафтная архитектура» МАРХИ в 2023-2024 гг. в рамках выполнения выпускной квалификационной работы на степень бакалавра (студенты С.А. Затейкина, А.П. Лясникова, руководитель проф. В.А. Павлова). Целью исследования было выявление современных подходов в архитектурно-ландшафтной реновации сельского исторического ландшафта и направлений его возможной трансформации на основе разработанной стратегии развития поселка Холм-Жирковский, чья градостроительная структура была искажена в ходе событий XX века. Пространственная среда поселка в настоящее время характеризуется наслоениями разных эпох и разными присутствующими в ней смыслами, она поражает заезжих туристов в первую очередь величественными природными ландшафтами, посреди которых расположен Холм-Жирковский (рис. 1).

а)

б)

в)

Рис. 1. Природа Холм-Жирковского района: а) поле у южной границы поселка; б) река Вязьма; в) дубы в Парке Уваровых

Сельский исторический ландшафт. Проблемы и подходы к изучению

История и прошлое воспринимаются человеком в архитектурной среде через объекты в ландшафте, физические следы времени, подлинные артефакты, пережившие «старые времена». При этом большую роль для считывания информации имеет осведомленность зрителя, гуманистический «антикварный» подход, требующий от человека исторических знаний. С другой стороны, в современном обществе присутствует также и «натуралистический» подход в восприятии памятников истории: принятие органических изменений, старения, разрушения (изношенный стул, покрытая плесенью стена). О ценности исторического культурного ландшафта в настоящее время говорят многочисленные исследования, в том числе проводящиеся Институтом природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. Ю.А. Веденин отмечает, что при формировании «устойчивого культурно-информационного слоя» исторического ландшафта важна деятельность представителей творческой интеллигенции: писателей, художников, архитекторов [1].

Сохранение сельского исторического ландшафта имеет многочисленные проблемы. В первую очередь это недостаток осведомленности самих жителей о ценности культурного наследия их местности и вопрос о том, что конкретно необходимо сохранять (восстанавливать) и в каком объеме. Сохранение и изучение памятников культуры в современном обществе обычно, к сожалению, не является приоритетным и остается заботой узкой группы специалистов. Но даже в профессиональной среде нет единого мнения о целесообразности восстановления или консервации, музеефикации и адаптации сохранившихся объектов исторического культурного наследия сельского

ландшафта к современному использованию с измененной функцией. Безусловной проблемой является отсутствие административной поддержки, достаточного финансирования и понимания «властями всех уровней механизма использования потенциала культурного и природного наследия для формирования позитивного имиджа территорий» [3, с.66]. Положительный имидж, или представление о ценности сельского ландшафта, формируется при наличии материальных памятников культуры, овеянной формы исторической памяти.

Недооцененность сохранившихся и утраченных культурных памятников в сельском ландшафте ведет свое начало из советской эпохи, когда массово разрушались церкви, усадьбы, архитектурные шедевры старого времени приспособлялись под потребности пролетариата и крестьянства. Произошло подрывание «основ процесса культурного наследования при повсеместном уничтожении недвижимых памятников истории и культуры» [3]. Объекты прошлого выживают только там, где они ценятся обществом. Сегодня расширяется понимание того, что относится к культурному наследию. На смену памятниковедческому подходу приходит так называемый ландшафтный подход к сохранению ценного природного и культурного наследия, который «заключается в сохранении фрагментов среды, а не отдельных памятников» [3, с.66]. Важными при выборе архитектурно-градостроительной стратегии являются не только объективные данные, но и субъективно-воспринимаемые параметры среды. Для их выявления необходимо проводить опросы местных жителей. Такие опросы, по мнению экспертов, часто выявляют главной «образной характеристикой среды сохранение и поддержание памяти о великих личностях и событиях, связанных с Местом» [3]. Избирательно сохранившиеся объекты культурного наследия не всегда выделяются жителями как ценность. Их повышенная знаковость может проявиться лишь при восстановлении ландшафтного контекста и градостроительного ансамбля. Говоря о Холм-Жирковском, к таким ключевым объектам следует отнести несохранившуюся Никольскую церковь, стоявшую раньше в центре села (1802), и барский усадебный дом (кон. XVIII в.), перестроенный, используемый под районную больницу (рис. 2).

Рис. 2. Памятники архитектуры Холм-Жирковского: а) Никольская церковь (фото 1909 г.); б) Никольская церковь (фото 1941 г.); в) главный дом усадьбы Уваровых (фото 2023 г.)

В качестве метода исследования культурного ландшафта используется понятие «место памяти» в том смысле, которое в него закладывал Пьер Нора в 80-е годы XX века. Французский историк не отождествлял места памяти с материальными объектами, выдвинутый им термин более правильно перевести как «контекст» [4, с.21]. В отечественной традиции уже сложившийся перевод *lieu de mémoire* (от лат. *locus*) как «место памяти» часто отождествляют с памятниками, связанными с Великой Отечественной войной, хотя это понятие является скорее исследовательской оптикой, при которой «местами памяти» являются не географические объекты, ими могут быть люди, события, здания, книги, другие предметы, окруженные символической аурой. Метод предполагает определение, когда «место памяти» исторического ландшафта получило свое символическое значение и как оно менялось во времени. Ценность данного метода в архитектурном исследовании заключается в том, что он позволяет

осознать дискуссионность в оценке следов прошлого, избежать диктата сложившейся традиции, подчеркнуть множественность интерпретаций прочтения исторического ландшафта. «Это позволяет осмыслить локальную историю, историю групп, а также рассматривать события прошлого, критично относясь к сложившейся традиции их описания» [4, с.30]. Такой метод подходит, чтобы показать преемственность дореволюционной и советской эпохи, а также нашего времени.

Схожую исследовательскую оптику дает понятие «постпамять», которое было описано в 1992 году Марианной Хирш. Постпамять – это механизм, с помощью которого «поколение после» при помощи воображения и проецирования занимает позицию по отношению к «коллективной культурной травме живших прежде» [5, с.31]. В архитектуре и градостроительстве постпамять выражается в осмыслении исторического наследия, артефактов прошлого. Постпамять материализует события прошлого, в том числе фиксирует пустоту, оставшуюся на месте утраченного объекта. Трансформация коллективной памяти при этом может происходить за счет архитектурной материализации легенды. Эмоциональное восприятие прошлого показывает усложнение понятия постпамяти «как явления непознаваемого и подверженного изменениям», – отмечает Д.В. Федосеева [5]. Объекты постпамяти материализуются в архитектурных решениях, их связывают с прошлым проекции творчества, что позволяет найти адекватные и оригинальные архитектурно-ландшафтные решения при реновации исторического ландшафта.

Музеефикация истории места

Исторические ландшафты являются местом создания музеев, в том числе музеев под открытым небом. А.И. Хомяков отмечает, что в последние десятилетия в мире сформировался запрос на новый музейный продукт – «креативные музеи», которые демонстрируют интерактивные экспозиции средствами новых цифровых технологий, а также сублимируют историю места архитектурно-художественными средствами. «Музей истории – это всегда место, где время должно быть преобразовано в пространство», метко определяет А.И. Хомяков [6]. Архитектура таких музеев сегодня меняется под воздействием новых стилистических предпочтений, новых технологий строительства, а главное, под воздействием нового отношения к прошлому.

Меняется миссия музея, который интегрируется в окружающую среду и призван не только регистрировать прошлое, но и влиять на происходящее сегодня. Здание музея теперь все чаще не отдельно стоящий архитектурный объект, а часть ландшафта. Оно убирается из «визуального бассейна комплекса» в подземное пространство или связывается с рельефом местности [6, с.118]. «Ландшафтная мантия» покрывает все необходимые главные и сопутствующие функции. На виду остается только «мемориальное послание» зрителю, выраженное в формах ландшафтной архитектуры и монументальной скульптуры. Ю.В. Горгорова отмечает, что такой подход «гибридизации» архитектуры и ландшафта в организации музеев позволяет сохранить знаковые виды и ценные фрагменты среды [2, с.228].

Среди положительных примеров решений в историческом ландшафте исследователи приводят фестиваль «Архстояние» в Николо-Ленивце Калужской области, «Арт-овраг» в г. Выкса Нижегородской области. Удачной современной работой в ландшафте является мемориально-музейный комплекс Яд-Вашем в Израиле, Национальный музей Второй мировой войны в Новом Орлеане является «музеем контекста» [3]. Среди отечественных примеров, отражающих новую концепцию мемориализации исторических событий, можно упомянуть музей на Куликовом поле С. Гнедовского в Тульской области (2016), Ржевский мемориал в Тверской области (2020) и Сурский рубеж в Чувашии (2022) К. Фомина, подмосковный музей Зои Космодемьянской А. Адамовича (2020). Новые новаторские образные архитектурные решения продиктованы в том числе девальвацией пафосной монументальности XX века. Новое поколение заново осмысливает способы мемориализации прошлого, в том числе создается новый язык архитектуры, передающий

современное отношение к событиям Великой Отечественной войны. Канонические музеи 70-х годов XX века сменяются мемориальными ландшафтными комплексами, в которых раскрываются не только победы и «славные страницы прошлого», но и драматичные страницы истории, связанные с историей Места. Другой современной особенностью становится то, что музей превращается в место проведения встреч, праздников и даже свадеб [6, с.120]. Архитектор А. Хомяков выдвинул концепцию музея – «капсулы времени». Внутри такого музея режиссируется пространство, в котором подлинные артефакты соединяются с постановочными средствами мультимедиа, делающими, по мнению автора проекта музея «Последняя линия обороны Москвы 1941 года» (2023), повествование неизмеримо более проникновенным.

Холм-Жирковский. Два направления развития

Холм-Жирковский район богат историческими и природными достопримечательностями: здесь находились родовые поместья Уваровых, Нахимовых, Лыкошиных, коллекции музея крестьянского быта в Ленино могут позавидовать многие краеведческие музеи. Методика анализа культурного ландшафта поселка Холм-Жирковский и его окрестностей предполагала изучение исторических карт, фотографий, генеральных планов поселка 1994 и 2010 годов, литературных и интернет-источников, материалов поселкового краеведческого музея. Несомненно, усадьба Уваровых в Холм-Жирковском представляет собой важный объект культурного наследия, который имеет потенциал для развития как туристическое направление и центр культурной жизни области. Однако усадьба не имеет официального охранного статуса, объектом культурного наследия регионального значения является в поселке лишь братское захоронение советских воинов и вечный огонь, зажженный во дворе усадьбы в 1995 году.

Холм-Жирковский имеет богатую историю и культурное наследие, расположен в живописном месте посреди великолепной природы Смоленской области. Это историческое место, к сожалению, пока не привлекает внимание туристов, которые могли бы способствовать экономическому процветанию этой земли. Несмотря на свою несомненную культурную значимость, историческая территория поселка сталкивается с проблемами: планировка парка Уваровых искажена, пруды спущены, главный усадебный дом постройки XVIII века перестроен, его использование в качестве больницы не соответствует культурному значению и ценности как памятника архитектуры и истории. Отсутствие комплексной стратегии развития поселка может привести к полной утрате этого культурного объекта (рис. 3).

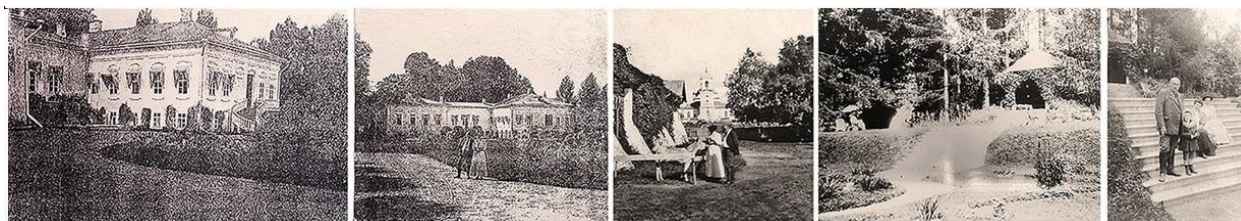
История Холм-Жирковского наполнена не только усадебным прошлым, но и событиями советского периода, в том числе времени Великой Отечественной войны. Здесь в начале октября 1941 года проходили бои на краю «вяземского котла» – окружения, в которые попали войска Красной Армии. Немецкая танковая бригада заняла поселок и продвигалась дальше по дороге к Вязме, остановить ее пытались бойцы 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения, сражавшиеся на окраинах Холм-Жирковского, полях, спускающихся к Днепру.

В окрестностях поселка сохранились подлинные элементы оборонительной линии 1941 года, ДОТЫ, которые могут стать точками туристических пеших и велосипедных маршрутов. В 1977 г. на месте боев при въезде в поселок был установлен на постамент танк Т-34. В 2011 году рядом с танком Т-34 был установлен памятник «Героям 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения Москвы, погибшим в октябре 1941 года» (скульптор Мария Тихонова).

В 2015 году по инициативе жителей Холм-Жирковского и АНО «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны»⁴ заложен Парк 70-летия Победы

⁴ Автономная некоммерческая организация «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны» зарегистрирована Главным управлением Министерства юстиции

с аллеями деревьев и именными памятными табличками в честь погибших здесь ополченцев. В Парке на настоящий день высажено более 500 деревьев. Это место продолжает развиваться и уже стало важной достопримечательностью Смоленской области. Ежегодно Холм-Жирковский и его окрестности посещают потомки ополченцев, организуются экскурсии из Москвы, Вязьмы и Смоленска (рис. 4).

а)

б)

в)

Рис. 3. Предпроектный анализ территории поселка: а) дореволюционные фотографии усадебного дома и парка; б) Никольская церковь (фото 1909 г. и фото, сделанные немцами во время оккупации поселка в 1941-1943 гг.); в) современное состояние исторического центра

Рис. 4. Памятник «Героям 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения Москвы, погибшим в октябре 1941 года» (скульптор Мария Тихонова)

Усадьба

Дворянская усадьба – неотъемлемая часть культурного наследия России. Расцвет русской усадьбы в 1780-е гг. связывают с «указом о вольности дворянства» Петра III, принятого в 1762 году. Русский дворянин, освобожденный от необходимости военной службы или нахождения при дворе, стал развивать свои фамильные гнезда. Период расцвета сменился упадком, приходом новых хозяев, что отражено в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад». Но окончательно усадебный уклад рухнул после революции, массовое разграбление усадеб произошло во время Гражданской войны. До сих пор многие сохранившиеся усадьбы находятся без возможности к ним свободного доступа, как, например, Поречье Уваровых, которая является закрытым санаторием службы внешней разведки Российской Федерации. Лишь некоторые усадьбы, связанные с именами известных людей, стали музеями. Повезло Хмелите, отреставрированной усадьбе дяди А.С. Грибоедова, расположенной недалеко от Холма по дороге в Вязьму. Но большинство русских усадеб разрушено, навсегда утрачено, как, например, еще одна близлежащая усадьба, вотчина Нахимовых, – Волочек (сейчас село Нахимовское).

Бывшее село Холм, сейчас поселок городского типа, Холм-Жирковский является районным центром, он расположен на севере Смоленской области. Когда-то это село лежало на большаке, соединявшем древнерусские города-крепости Дорогобуж и Белый. Холм – распространенный топоним, и, чтобы не путать с другими местами, его часто называли Холм-Жирки, а соседнее село Покров (сейчас Ленино) называли Покров-Жирки, считается, что эти названия пошли от фамилии помещика Жирков или Жирковский, который владел этими землями в XVII веке. Первое письменное упоминание о строительстве деревянной церкви в селе Холм-Жирки относится к 1708 году. В XVIII веке селом владели Головины, а после того, как Дарья Ивановна Головина в 1785 году вышла замуж за Семена Федоровича Уварова, вице-полковника лейб-гренадерского полка, место это перешло к Уваровым. Дарья Ивановна, родив двух сыновей в 1786 и 1787 годах, рано овдовела, в 1788 году муж погиб в Русско-шведской войне. Графиня Д.И. Уварова, обосновавшись с детьми в Холме, стала развивать усадьбу, построила двухэтажный каменный усадебный дом, сохранившийся до сих пор в перестроенном виде, отстроила в 1802 году каменную церковь Николая Чудотворца с двумя приделами во имя Сергия Радонежского и Семииона Богоприимца (по имени ее старшего сына и мужа). Сергей Семенович Уваров (1786-1855) впоследствии стал министром народного просвещения, вошел в историю как автор триады «православие, самодержавие, народность», а его младший брат Федор Семенович (1787-1845) стал героем войны 1812 года и крестным И.С. Тургенева. При Федоре Семеновиче, который разбил при доме обширный парк, усадьба Холм достигла наивысшего расцвета. Фёдор Уваров всерьёз увлекался ботаникой, точнее садоводством. Его успехи были столь очевидны, что в

1835 году его избрали вице-президентом Российского Общества любителей садоводства. Слава о его усадебном парке, рассказы об экзотических растениях из холмских оранжерей расходились далеко за пределы Смоленской губернии. Сергей Уваров был, по свидетельствам современников, почти полной противоположностью своему брату и посвящал всё своё время «думам о судьбах народа» [7].

Все трое, мать и два сына, были похоронены в церкви. На месте их захоронения сейчас установлен памятный крест (церковь не сохранилась). Внук Дарьи Ивановны, к которому перешли родовые усадьбы Холм и Поречье, – Алексей Сергеевич Уваров (1824-1884) – стал известным археологом, создателем Исторического музея в Москве. Единственному сыну министра просвещения Алексею удалось превратить усадьбу в культурный центр, где собирались умные, талантливые, творческие люди: братья Жемчужниковы, создавшие незабвенного Козьму Пруткову, Александр Амосов, автор известной песни «Хазбулат удалой» и многие другие. Известно, что усадьбу Холм и усадьбу Поречье Уваровых, расположенную ближе к Москве, посещали друзья А. Уварова в 1856 году. Об этом есть записи в так называемом «уваровском альбоме», который хранится в Историческом музее в Москве. Свидетельства истории, дошедшие до нас об усадьбе Холм, собирала в начале XXI века Марта Александровна Полякова, заместитель председателя Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), автор двух публикаций об усадьбе. Ей удалось воссоздать атмосферу холмской усадьбы по записям в альбоме и стихам, написанным гостями усадьбы [8]. Последний хозяин усадьбы Игорь Алексеевич Уваров эмигрировал в Сербию после 1917 года и закончил свои дни в Белграде. Потомки Уваровых в настоящее время живут в Лондоне.

Ландшафтная организация русских усадеб имела определенные закономерности, среди которых можно отметить осевое построение главного природно-архитектурного ансамбля. Но каждая усадьба являлась уникальным комплексом, искусно использовавшим природный ландшафт как основу для создания архитектурных композиций [9]. Владельцы усадеб старались сохранить естественные ландшафты, вписывая свои постройки в окружающую природу. Они стремились создать гармоничное единство между архитектурой и природой, чтобы усадьбы стали неотъемлемой частью окружающего ландшафта. До сих пор в Холме многое напоминает о графской усадьбе: сохранился главный флигель барского дома, в нем сейчас находится больница; сохранился парк со следами аллей и каскада прудов; сохранилась общая историческая планировка села в виде креста, лишь утрачена главная площадь на самом высоком месте села, вершине холма, где раньше стояла каменная Никольская церковь. Полуразрушенную церковь после войны разобрали на кирпичи, а на свободном месте исторической площади был построен в дальнейшем Дом культуры и кинотеатр.

В настоящее время в поселке проживает 3006 человек. Рядом с местом, где раньше стояла Никольская церковь, сейчас находится памятник В.И. Ленину (который был установлен в поселке до войны, но на другом месте, во дворе усадьбы). Вокруг места, где раньше располагалась церковь, по сторонам от главной площади, в 1960-90 годы построены здания Горкома КПСС (Горсовет) и здание администрации. Перед зданием администрации в 2007 году установлен бюст адмиралу Нахимову (скульптор Н.В. Чаплин). Главная улица поселка также сейчас носит имя Нахимова. Вторая главная улица (бывший Дорогобужский тракт) сейчас называется – улица Советская. В 2000 году недалеко от центральной площади была построена новая деревянная Никольская церковь. Парк Уваровых был восстановлен жителями после войны, его аллеи и пруды угадываются в существующем ландшафте. Площадь парка – 35 гектаров. Площадь проектирования в историческом центре поселка охватывает площадь около 65 гектаров, включая территорию парка, усадьбы и бывшей центральной площади. С юга к этой территории примыкают 65 гектаров свободных земель сельскохозяйственного назначения, на которых сейчас расположен существующий памятник 13-й дивизии московского народного ополчения и Парк Памяти, там предлагается расположить мемориально-ландшафтный комплекс (рис. 5).

Рис. 5. Историко-культурный опорный план

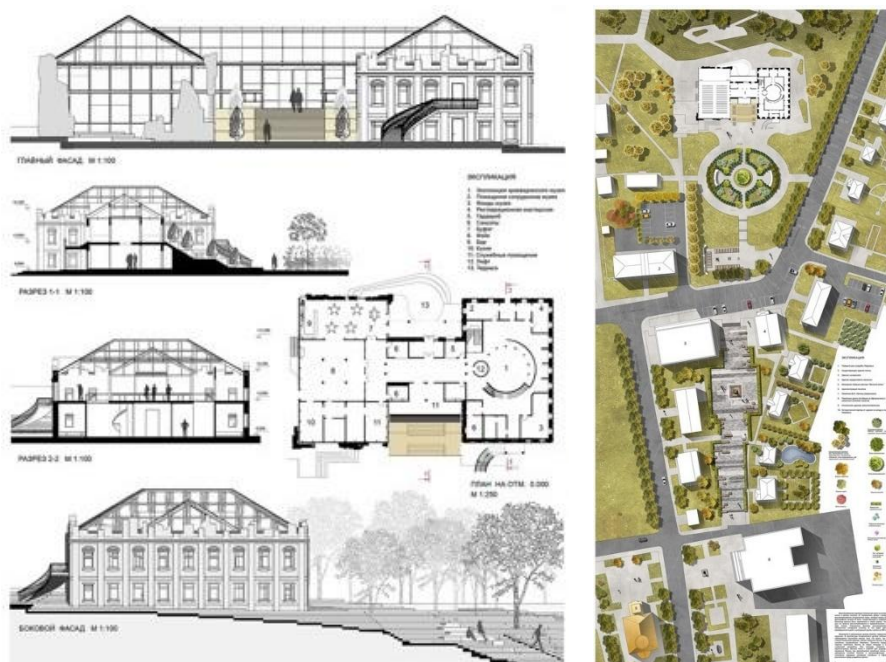
Предлагается восстановить утраченную старую Никольскую церковь в центре на ее историческом месте. Восстановление храма возможно благодаря тому, что сохранилось много фотографий, сделанных немецкими солдатами во время оккупации поселка в 1941-1943 гг. Также предлагается восстановить историческую площадь поселка, от которой начиналась главная ось усадьбы с так называемой «беседкой» – входом в парк. Дом культуры для этого предлагается перенести в восстанавливаемое здание главного дома усадьбы Уваровых. Памятник В.И. Ленину переносится на новое место в формируемую площадь «Заповедник советской застройки» между зданием администрации и главным домом усадьбы. На эту новую планировочную ось поселка, от Вечного огня до администрации, переносится также народный мемориал воинам-афганцам. Для осуществления идеи потребуется лишь снести некапитальное строение между универсамом и магазином «Пятерочка». Восстанавливается усадебный дом в его исторических объемах (два этажа), утраченные флигели. Для восстановления исторического двора усадьбы не потребуется переносить Вечный огонь и монумент на братской могиле воинов, погибших во время Великой Отечественной войны (рис. 6).

Для полноценного функционирования в современных условиях и привлечения туристов историческая территория наполнится новыми функциями культурного, общественного и рекреационного назначения. Существующая в усадебном доме больница должна быть перенесена в новое здание, которое можно расположить в зоне перспективной застройки, показанной на действующем генеральном плане поселения. Территорию усадьбы и парка предлагается использовать как музей и ландшафтно-культурный комплекс, который предлагает посетителям возможность познакомиться с историей усадьбы, коллекциями местных изделий и ремесел, а также дает возможность проводить культурно-развлекательные и образовательные мероприятия.

а)

б)

в)

г)

Рис. 6. Предложение по реновации исторического центра: а) вид с высоты птичьего полета на главный усадебный дом со стороны парка; б) вид со стороны администрации; в) реконструкция главного усадебного дома; г) генплан

Проектом предлагается восстановление исторических аллей парка; каскада прудов, существовавших раньше в парке Уваровых; устройство многофункционального культурно-делового комплекса на месте бывшего Хлебозавода (что также предусмотрено и генеральным планом поселения), в нем будет расположен туристический центр, апартаменты и местный бизнес-проект по выращиванию декоративных растений. Предлагается культурно-образовательный маршрут «Жизнь русской усадьбы», в котором будут представлены павильоны традиционной усадебной типологии: беседка, холм-парнас, аллея-берсо, партер, грот, эрмитаж, менажерия и др. Каждый традиционный элемент устройства усадебного парка будет выражен современными архитектурно-ландшафтными средствами и будет иметь современную символическую интерпретацию.

Парк Уваровых в южной части будет соединяться с проектируемым мемориальным ландшафтным комплексом, посвященным боевому пути московской 13-й Дивизии народного ополчения (рис. 7).

События Великой Отечественной войны в жизни поселка

Великая Отечественная война оставила глубокий след в Холм-Жирковском районе. На дороге Вязьма – Холм-Жирковский повсюду поклонные кресты, памятники и мемориалы, посвященные трагедии Вяземского окружения 1941 года. Примерно в 20 километрах от города Вязьма Смоленской области находится мемориал «Богородицкое поле» (открыт в 2009 году), где советские войска предприняли попытку массового прорыва из окружения. В поселке Пигулино располагается Храм Ахтырской Божией Матери, где впервые были отпеты погибшие ополченцы, а сейчас внутри храма установлена мемориальная стена с именами погибших, а рядом с храмом находится братская могила воинов РККА. Также в 7 километрах от Холма-Жирковского, рядом с деревней Кошкино, сохранились противотанковые рвы и ДОТ – долговременная огневая точка, опорный пункт ополченцев из Ростокинской дивизии.

Рис. 7. Проектное предложение. Генеральный план

Концепция развития территории Холм-Жирковского затрагивает место памяти ополченцев 13-й дивизии народного ополчения, прилегающие к поселку с юга-запада свободные земли сельскохозяйственного назначения. Территория проектирования была разбита на две части площадью около 80 гектаров: северный участок исторического центра поселка и южный для расположения объектов военно-исторического туризма. Для развития Парка Памяти в настоящее время уже выделен кадастровый участок площадью 4,5 гектара. Концепция проекта предполагает создание второй очереди Парка Памяти. Так же, как и на первой площадке, на дополнительной выделенной территории площадью 2 гектара будут продолжены посадки именных деревьев в честь погибших ополченцев и воинов Красной Армии. Предлагаются варианты планировки парка и разные концепции его организации. Один из возможных вариантов развития Парка Памяти предлагает

планировку в форме красноармейской звезды. Каждый луч парка имеет индивидуальный дизайн-код, оформлен по-своему: посвящен организации, направившей в ополчение своих сотрудников. В парке будут «лучи» ВГИКа, ВДНХа, завода КАЛИБР, МОСЭСТРАДЫ и др. (рис. 8).

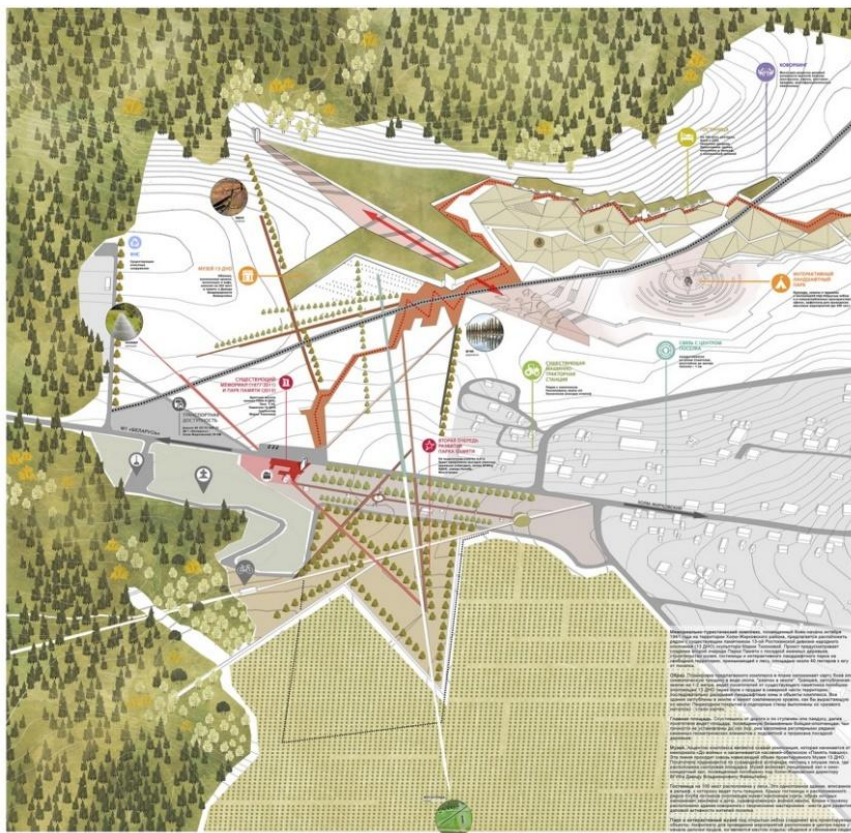

Рис. 8. Ландшафтно-мемориальный комплекс. Схема функционального зонирования

Ландшафтно-мемориальный парк с музеем и гостиницей, посвященный боям начала октября 1941 года на территории Холм-Жирковского района, расположен через дорогу от существующего мемориала. Его создание предлагается на свободной территории, примыкающей к лесу, площадью около 40 гектаров к югу от поселка. Планировка комплекса в плане напоминает карту боев или символическую трещину в виде окопа, разлом в земле. Траншея, заглубленная в землю, ведет посетителей от существующего памятника погибшим ополченцам через поле к прудам в северной части территории, последовательно раскрывая ландшафтные зоны и объекты комплекса. Все здания комплекса заглублены в землю и имеют озелененную кровлю, как бы вырастающую из земли. Пешеходное покрытие земли и подпорные стены «трещины» выполнены из «ржавого металла» – стали кортен (рис. 9).

Акцентом комплекса является лучевая композиция, которая проходит сквозь нависающий объем проектируемого музея. Посетители поднимаются по сужающейся эспланаде лестниц к опушке леса, где расположена смотровая площадка. Гостиница на 150 мест расположена у леса. Это ряд одноэтажных зданий, вписанных в рельеф. Крыши гостиницы и расположенного рядом Клуба потомков ополченцев имеют скатные озелененные грани, образ которых напоминает землянки и доты, землю, «встающую на дыбы». Ближе к поселку расположено административное здание с творческими мастерскими – места для развития деловой активности жителей. Амфитеатр для проведения мероприятий под открытым небом расположен в центре комплекса у начала цепочки прудов, он является местом отдыха, общения и сближения людей, позволит посетителям комплекса почувствовать единство и солидарность. Велосипедный, лыжный

и пешеходный маршрут длиной 7 км начинается от Парка Памяти, проходит через лес, поля и болото, проектируемый мост через Днепр, где в 1941 году ополченцы строили переправы для отступления войск Западного фронта. Маршрут заканчивается у ДОТа в Сельце-Потресове. По всему маршруту предусмотрены места отдыха и навигации, а также оборудованный кемпинг с местами для палаток, разведения костров, санузлами, медпунктом и пунктом хранения и проката инвентаря. Туристы смогут погрузиться в атмосферу передвижения наших войск в лесах внутри «Вяземского котла», а также увидеть прекрасную природу Смоленской области и объекты-отголоски войны, которые хранит земля.

Рис. 9. Ландшафтно-мемориальный комплекс. Визуализации проектного предложения

Концепция проекта предусматривает благоустройство территории храма Ахтырской Божией Матери в селе Пигулино и территории расположенного рядом воинского захоронения – братской могилы ополченцев 13 ДНО. Рядом с территорией храма предлагается создание площадки для проведения ярмарок и творческих фестивалей.

Заключение

Таким образом, можно говорить о новых современных подходах в архитектурно-ландшафтной реновации сельского исторического ландшафта, направленных на его трансформацию и развитие в качестве «мест памяти» культурной и национальной идентичности. Исследование «постпамяти» поселка Холм-Жирковский позволило выявить ценные, окруженные символической аурой, объекты исторического ландшафта и рассмотреть их во временном контексте и в контексте осознаваемой или недооцененной социальной значимости. Такой подход выявляет микроисторию отдельных групп, локальную историю места, что позволяет сфокусироваться на преемственности и сохранении ценности исторической территории поселка. В соответствии с ландшафтным подходом к сохранению исторического наследия и современной тенденцией к интеграции в ландшафт архитектурных решений, удастся сохранить знаковые виды и ценные фрагменты исторической среды. При этом осознается неизбежная дискуссионность

предлагаемых проектных решений в открытом вопросе о том, что и как сохранять среди объектов наследия в историческом сельском ландшафте.

Пространственная среда исторического центра поселка Холм-Жирковский была искажена в ходе драматичных событий истории XX века. В настоящее время она характеризуется наслоениями разных эпох и разными присутствующими в ней смыслами. Была сделана попытка предложить решение, сохраняющее память обо всех исторических периодах в жизни поселка, которые бы сосуществовали, не мешая друг другу. Воссоздается архитектурный ансамбль исторического центра и одновременно рядом предлагается новая ось поселка – ансамбль с символами советской эпохи. Усадебный парк соединяется с новым ландшафтно-мемориальным комплексом, связанным с событиями Великой Отечественной войны. Данное исследование и проект могут способствовать ликвидации недостатка осведомленности жителей о ценности исторического наследия поселка, составлению программы реновации Холм-Жирковского и повлиять на его будущее успешное развитие в качестве культурного и туристического центра Смоленской области.

Источники иллюстраций

Рис. 1 (а-в), 2 (в), 3 (в), 4. Фото В. Павловой.

Рис. 2 (а, б), 3 (а, б). Сайт Холм-Жирковского историко-краеведческого музея // URL: <https://www.culture.ru/institutes/80878/kholm-zhirkovskii-istoriko-kraevedcheskii-muzei> (дата обращения: 21.02.2025).

Рис. 5-6. Автор С. Затейкина.

Рис. 7. Авторы: С. Затейкина, А. Лясникова.

Рис. 8-9. Автор А. Лясникова.

Список источников

1. Галкова О.В. Ландшафт, память, наследие и идентичность (историографический обзор) / О.В. Галкова, А.В. Петров, В.В. Глазунов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 247-257. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.20>
2. Горгорова Ю.В. Архитектурная активация культурной привлекательности городской среды // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №1(66). С. 224-233. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/1kvart24/PDF/18_gorgorova.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-1-224-233
3. Горелова Ю.Р. Ландшафтный подход к сохранению архитектурно-градостроительного наследия // Вестник СибАДИ. 2014. Вып. 5(39). С. 63-69.
4. Головашина О.В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1(2022). С. 18-38. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-1-18-38
5. Федосеева Д.В. Постпамять: интерпретации в новейшей архитектуре // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №3(64). С. 29-39. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/3kvart23/PDF/02_fedoseeva.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2023-3- 29-39
6. Хомяков А.И. Музей истории: продолжение следует // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №1(66). С. 112-122. URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/1kvart24/PDF/09_khomyakov.pdf (дата обращения: 01.12.2024). DOI: 10.24412/1998-4839- 2024-1-112-122
7. Полякова М.А. Поречье и Холм Уваровых: хозяева и гости // Русская усадьба. 2002. Выпуск 7(23). С. 457-467.

8. Полякова М.А. Холм (Смоленская область) // Дворянские гнезда России: сборник статей. Москва, 2000. С. 270-277.
9. Топорина В.А. Русская провинциальная дворянская усадьба как природное и культурное наследие / В.А. Топорина, Е.И. Голубева. Москва, 2015. 217 с.

References

1. Galkova O.V., Petrov A.V., Glazunov V.V. Landscape, memory, heritage and identity (historiographical overview). Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations, 2020, vol. 25, no. 5, pp. 247-257. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.20>
2. Gorgorova Yu.V. Architectural activation of the cultural attractiveness of the urban environment. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 1(66), pp. 224-233. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/1kvart24/PDF/18_gorgorova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-1-224-233
3. Gorelova Yu.R. Landscape approach to conservation the architectural heritage. Bulletin of Sibadi, 2014, vol. 5(39), pp. 63-69.
4. Golovashina O.V. Realms of memory: between metaphor and concept. Sociology of Power, 2022, vol. 34, no 1(2022), pp. 18-38. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-1-18-38
5. Fedoseeva D.V. Postmemory: interpretations in contemporary architecture. Architecture and Modern Information Technologies, 2023, no.3(64), pp. 29-39. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/3kvart23/PDF/02_fedoseeva.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-3-29-39
6. Khomyakov A.I. Museum of history: to be continued. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 1(66), pp. 112-122. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/1kvart24/PDF/09_khomyakov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-1-112-122
7. Polyakova M.A. *Holm (Smolenskaya oblast')* [Kholm (Smolensk region). Noble nests of Russia: collection of articles]. Moscow, 2000, pp. 270-277.
8. Polyakova M.A. *Porech'e i Holm Uvarovyh: hozyaeva i gosti* [Porechye and Uvarov Hill: hosts and guests]. Russian estate, 2002, vol. 7(23), pp. 457-467.
9. Toporina V.A., Golubeva E.I. *Russkaya provincial'naya dvoryanskaya usad'ba kak prirodnoe i kul'turnoe nasledie* [Russian provincial noble estate as a natural and cultural heritage]. Moscow, 2015, 217 p.

ОБ АВТОРЕ

Павлова Вера Александровна

Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

pavlova_marhi@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavlova Vera A.

PhD in Architecture, Professor of the Department of Landscape Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

pavlova_marhi@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК 711.111:502

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-292-302

EDN: XBKSOE

Стратегическое градостроительное планирование: перспективы развития в новых условиях

Тимур Исамутдинович Мусаев¹

ФАУ Единый Институт Пространственного Планирования РФ, Москва, Россия

tim@musaev-architect.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития стратегического градостроительного планирования, противоречия задач, которые возникают в градостроительной практике, и нормативно-правовой документации, разрабатываемой сегодня. Сформулирована проблема несоответствия современной градостроительной практики и нормативно-правовой основы градостроительства, сформулирована потребность в создании новых комплексных методик пространственного планирования регионального и федерального уровня. Рассмотрены актуальные проблемы стратегического пространственного планирования. Работа опирается на методы комплексного анализа и обзора источников и авторских материалов. Определена специфика техносферного и биосферного взаимодействия систем с учетом пространственного развития и масштабирования градостроительных задач, проявившихся как части глобальных вызовов Российской Федерации. Выявлена роль природного комплекса в урбанизированной среде. Определен потенциал пространственного развития регионального и межрегионального уровня, выявлена роль природного комплекса как более сложной системы, взаимодействующей с искусственной средой обитания человека.

Ключевые слова: градостроительство, пространственное планирование, водно-зеленый каркас, зеленая инфраструктура, природно-экологический каркас, техносфера, биосфера

Для цитирования: Мусаев Т.И. Стратегическое градостроительное планирование: перспективы развития в новых условиях // Architecture and Modern Information

Technologies. 2025. №1(70). С. 292-302.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/17_musaev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-292-302. EDN: XBKSOE

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

Strategic urban planning: development prospects in new conditions

Timur I. Musaev¹

Unified Institute of Spatial Planning of the Russian Federation, Moscow, Russia

tim@musaev-architect.ru

Abstract. The article examines the prospects for the development of strategic urban planning, contradictions between urban planning practice and the regulatory framework being developed today. The problem of the mismatch between modern urban planning practices and the legal framework is formulated, highlighting the need for new comprehensive spatial planning methodologies at the regional and federal levels. Current issues of strategic spatial planning are discussed. The study relies on methods of comprehensive analysis and review of sources and

¹ © Мусаев Т.И., 2025

authorial materials. The specifics of the interaction between technospheric and biospheric systems are determined, considering spatial development and the scaling of urban planning tasks that have emerged as part of the global challenges facing the Russian Federation. The role of natural complexes in the urban environment is identified. The potential for spatial development at the regional and interregional levels is assessed, and the role of natural complexes as more complex systems interacting with the artificial human habitat is highlighted.

Keywords: urban planning, spatial planning, water-green framework, green infrastructure, natural-ecological framework, technosphere, biosphere

For citation: Musaev T.I. Strategic urban planning: development prospects in new conditions. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2025, no. 1(70), pp. 292-302. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/17_musaev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-292-302. EDN: XBKSOE

Введение

Современные вызовы, возникшие перед Российской Федерацией в последние годы, стали драйвером масштабного развития градостроительной практики и науки в сфере стратегического планирования. Президентом и правительством РФ вновь были поставлены задачи комплексной разработки градостроительных документов регионального и межрегионального уровня, стали актуальны вопросы обеспечения комплексного развития системы расселения, как природно-хозяйственного комплекса, выходящего за пределы понятия агломерационных процессов, определения градостроительного потенциала территорий, значительно возросла интенсивность как самой градостроительной работы, так и диапазона административных и планировочных решений в градостроительных документах. Все это неизбежно привело к необходимости переосмысления стратегического подхода к пространствам в градостроительной науке, выработки новых подходов к управлению восстановлением и развитием систем расселения РФ как в масштабе регионе, так и страны.

Цель

Определить новые перспективы развития стратегического градостроительного планирования, выявить особенности взаимодействия природных и урбанизированных территорий, потенциал развития нормативно-правовых документов в новых условиях.

Проблема

Существующие недоработки Градостроительного кодекса повлияли на трансформацию в формировании градостроительной теории и сказались на отсутствии комплексного подхода в современной градостроительной и теории, и практики в части стратегического территориального планирования. Это повлияло на отсутствие единых подходов к планированию развития систем расселения как межмуниципальных пространственных образований, и привело к дроблению градостроительных документов, сокращению масштабности и связности градостроительных решений и, как следствие, к невозможности стратегического планирования с учетом связности всех уровней градостроительного планирования на более высоком уровне.

Так, разработка документов исключительно в рамках административных границ отдельных муниципальных образований и регионов, во многом преваляровавшая в качестве основной градостроительной практики последние десятилетия, сегодня не позволяет говорить о достижении надлежащей степени единства градостроительного планирования, формирования как отраслевых, так и общих каркасов и ткани в масштабе страны. Тем не менее, приказ Минэкономразвития России от 7 декабря 2016 г. № 793, прообраз приказа Министерства экономического развития РФ от 9 января 2018 г. № 10, создавшего единую систему организации градостроительных документов, совершенствующуюся до сих пор,

стал фактическим началом объединения градостроительных решений отдельных территорий и отдельных градостроительных школ в общую систему, и с появлением в 2013 году Федеральной государственной информационной системы территориального планирования, ставшую более доступной и понятной для специалистов. Однако современные практики градостроительного планирования, основанные в первую очередь на системах экономических показателей, во многом снизили потенциал развития территорий, не относящихся к крупным региональным и федеральным центрам. Возникла устойчивая практика фокусировки на агломерационные процессы в градостроительном планировании. Отчетливо негативная динамика в социально-экономических процессах территорий, не входящих в зону агломерационных процессов и не являющихся частью административных центров таких агломераций сегодня – во многом результат отсутствия эффективной градостроительной политики в части пространственного развития территорий страны на региональном/межрегиональном и федеральном уровне.

Гипотеза

Разработка новой методики стратегического пространственного планирования территорий, основанной на развитии системы расселения страны и учитывающей не только развитие населенных пунктов, но и их интеграцию в природную систему, определение потенциала природных ресурсов и их рациональное использование антропогенной, искусственной средой способна обеспечить создание более эффективных программ градостроительного развития территорий различных уровней. Формирование градостроительной стратегии, таким образом, должно основываться не только на системе экономических показателей и пожеланий девелоперов, но и обеспечивать моделирование долгосрочного планирования как пространственного взаимодействия антропогенной и природной систем. Определение основ этого взаимодействия, таким образом, становится первым шагом к разработке новой модели стратегического планирования регионального, межрегионального и федерального уровня. Исследования в области формирования и развития техносферы и биосферы планеты полагаются автором в качестве теоретической основы для рассматриваемой градостроительной методики.

Обращение к исследованиям XX-XXI вв. дало возможность автору посмотреть на решение задач через призму биотехносферного понимания и трактовки среды обитания как природно-хозяйственного комплекса. Выстраивание иерархической модели взаимодействия техносферы и биосферы необходимо для выявления в рамках градостроительной науки, а затем и практики задач стратегического планирования, определения системы связей между интегрированными в них пространственными системами. Автор предлагает рассматривать градостроительное проектирование в виде взаимосвязанных систем с собственными характеристиками, становится возможным предлагать планировочные решения, учитывающие не только конкретные мероприятия, но и рационализировать стратегию их развития. В этих условиях принятие решений в части сжатия или развития системы основывается не только на сиюминутных экономических тенденциях, но обосновывает возможность обеспечения существенно более долгосрочного планирования.

Градостроительная практика разработки стратегических документов уже сводится в современной практике к системам взаимосвязанных отраслевых схем, определяющих отдельные аспекты инженерных, культурных, социально-экономических и иных технических мероприятий, нацеленных на улучшение показателей разрабатываемого уровня планировки территорий страны. Тем не менее, принимаемые решения по большей части касаются не только и не столько разработки комплексных стратегий, но фиксируют отдельные инфраструктурные решения, связанные сугубо с обеспечением условных целевых показателей. При этом, применяемая сегодня система отраслевых схем в составе генерального плана или стратегического мастерплана предполагает наслаивание мероприятий друг на друга как существенно более комплексной модели, потенциал которой значительно превышает решение о размещении отдельных инфраструктурных объектов, позволяя соединять всевозможные пространственные решения (как объекты, так

и мероприятия) в единую стратегию с долгосрочными и вполне определенными задачами, выявлять природные территории и системно организовывать управление их развитием. Но пока не достигает главной цели планирования: создания пространственных комплексных моделей.

Фактически, такие отраслевые схемы сегодня могут содержать «системы», позволяющие не только формировать классические каркас и ткань, скорее относящиеся к искусственной среде человека, на территории, но и управлять комплексом пространств вне зоны непосредственного хозяйствования. Такие территории природного комплекса оказываются частью единого природно-биологическое пространство, существенно порой превышающего масштаб планирования генерального плана отдельного города или муниципального образования – биосферу. Сложившаяся система градостроительных документов сегодня, таким образом, содержит в себе потенциал как для техносферного, так и биосферного планирования, однако полноценно не реализует ни тот, ни другой аспект (рис. 1).

		ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	
		ТЕХНОСФЕРНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ	БИОСФЕРНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
РЕАЛИЗУЕМЫЙ УРОВЕНЬ		<ul style="list-style-type: none"> - ПЛАНИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ МЕСТНОГО (РЕГИОНАЛЬНОГО В СТП) ЗНАЧЕНИЯ (УТВЕРЖДАЕМАЯ ЧАСТЬ) - ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ (УТВЕРЖДАЕМАЯ ЧАСТЬ) - ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ЗОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ, РЕГЛАМЕНТ ПЗЗ (УТВЕРЖДАЕМАЯ ЧАСТЬ) 	<ul style="list-style-type: none"> - СХЕМА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (МАТЕРИАЛЫ ПО ОБОСНОВАНИЮ) - СХЕМА ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ (МАТЕРИАЛЫ ПО ОБОСНОВАНИЮ) - СХЕМА ПРИРОДНО-РЕКРЕАЦИОННОГО КАРКАСА ГОРОДА (МАТЕРИАЛЫ ПО ОБОСНОВАНИЮ)
		<ul style="list-style-type: none"> - ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МЕСТ ПРИЛОЖЕНИЯ ТРУДА - МЕРОПРИЯТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ - ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ВНЕАГЛОМЕРАЦИОННЫХ ТЕРРИТОРИЙ 	<ul style="list-style-type: none"> - МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА - ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ВОДНО-ЗЕЛЕННОГО КАРКАСА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ/ РЕГИОНА - ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДНО-РЕКРЕАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ
ВОЗМОЖНЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ			

Рис. 1. Роль техносферного и биосферного планирования в современных градостроительных документах

При этом полноценно не реализуются возможности пространственного развития ни искусственных, ни природных систем и тем более не рассматриваются их устойчивые связи. Отсутствие федерального уровня пространственного планирования оставляет открытой систему градостроительных документов, лишая ее направленности и организованности по аналогии со многими зарубежными системами градостроительного планирования. Упускаемый таким образом потенциал градостроительного развития выражается в постепенной деградации систем природно-хозяйственного комплекса вне агломерационных территорий страны.

Фактически, можно утверждать, что региональный/межрегиональный и федеральный (национальный) уровень планирования формировался в российской градостроительной науке во многом естественным путем. Так, А.М. Лопа указывает, что РФ оказалась в ситуации, когда сформировать организованно общегосударственную систему расселения оказалось совершенно невозможно, так как с распадом СССР единая система расселения, самостоятельно формировавшаяся в союзных республиках, оказалась разделена границами новых национальных государств. Безусловно, определение границ естественной природной среды в современных условиях становится все менее доступной в виду роста прямого влияния человеческой деятельности на глобальные природные процессы. Тем не менее, автор предлагает рассматривать биосферу в первую очередь в качестве самоорганизующейся среды, так как именно факт самоорганизации, саморегуляции и способности к росту, развитию и размножению системы – ключевое условие организма. Таким образом, биосфера планеты может быть определена как система высшего уровня организации, обладающая собственным жизненным ресурсом, способная к самоорганизации без непосредственного вмешательства и обладающая способностью к росту, размножению и усложнению.

«Искусственная среда», в таком случае подразумевает необходимость присутствия доли «ручного управления» для поддержания своей жизнедеятельности. Так, хотя и города, поселки, линейная инфраструктура способны к аналогичному организованному росту, он возможен исключительно при условии наличия человека и при его воздействии. Рост масштаба «искусственной», человеческой среды сегодня достигает уровня, когда ее непосредственное воздействие на биосферу становится видимо невооруженным глазом, поскольку мест, где не ступала нога человека сегодня становится все меньше. Разрастание зоны хозяйствования, где процессы все более подчиняются искусственному воздействию человека, неизбежно приведет к сращиванию с биосферой планеты, появлению Ноосферы, предсказанной И.В. Вернадским. Текущие же тенденции сегодня позволяют говорить о возникновении «Техносферы».

Важно отметить, что, хотя биосфера самодостаточна и, при наличии базовых условий существования жизни, способна самоподдерживаться неограниченно долго, техносфера по своей природе система скорее паразитическая и до сих пор таким качеством не обладает. Более того, искусственная среда, будучи зависимой в своей устойчивости от естественной, требует от человека наличие плана гармоничного и сбалансированного развития, в значительной мере опираясь на ограниченные ресурсы планеты, общие как для биосферы, так и для техносферы. Паразитизм же проявляется в том, что, если биосфера способна трансформировать исходные ресурсы планеты, метаморфозы которых тонко вплетены в ее процессы и в целом зациклены на почти бесконечное перерождение, техносфера не только изымает ресурсы из биосферных циклов, но и создает огромное количество «отработанного» материала, который, фактически, бессистемно возвращается в биосферу. При этом, масштаб техносферы уже сегодня столь велик, что стандартное для нас генеральное планирование, ограниченное региональным развитием и формальными подходами к пространственному обеспечению реализации мероприятий, к сожалению, не способно в должной мере охватить всю совокупность процессов, происходящих на более высоком уровне. Иными словами, степень вреда от подобной паразитической модели уже превышает естественные механизмы амортизации организма-носителя. В работах В.А. Ильичева [3] отмечается, что управляющая система не может уступать в сложности управляемой, так как это в конечном итоге приводит к деградации обеих систем. Таким образом, стремление «контролировать» природу, повелевать биосферой, будучи паразитической системой, невозможно по определению.

Первым шагом преодоления подобной тенденции неизбежно должно стать более глубокое градостроительное планирование и смена системного подхода к территориальному планированию – переход к межрегиональным комплексным градостроительным стратегиям. При этом важно понимать, что, будучи частью природы, мы неизбежно копируем собственную биосферу, перенимая и воспроизводя отдельные ее элементы в искусственной среде. Таким образом, в техносфере отражается наше усредненное

представление о биосфере, а развитие нашего понимания природы во всех ее проявлениях постепенно и неизбежно усложняет нашу собственную искусственную среду. Мы часть этой системы и по образу и подобию ее пытаемся создать более справедливую, более безопасную и эффективную систему, постепенно совершенствуя ее с одной стороны, но и тем быстрее умерщвляя ее естественный прототип. Таким образом, необходимо признать, что в существующих условиях необходимо более активно начать рассматривать систему пространственного планирования как силу, представляющую существенную угрозу нам самим в первую очередь и потому требующую более совершенных механизмов планирования и развития.

Чтобы интегрировать понятие биосферы и техносферы в структуру современного градостроительного планирования, необходимо определить не только форму взаимодействия этих глобальных сил, но и описать модель техносферы, определив тем самым область и глубину градостроительной науки, определяющей, в частности, пространственное воплощение развития искусственной среды. Так, межрегиональное градостроительное развитие, в виду сложности организации, включает в себя вопросы экологии, формирования природно-хозяйственного комплекса, интеграции в хозяйственную деятельность природных территорий, и вопросы промышленного и сельскохозяйственного развития, и моделирование размещения производительных сил как основы социально-экономического развития, и культурно-историческое сохранение и развитие территорий, их идентичности и культурной целостности, и градостроительная пространственная организация. Невозможно принять исчерпывающее градостроительное решение без учета этих базовых, формообразующих элементов. Все это составляющие комплексной градостроительной стратегии, связанные в единое целое. Каждая градостроительная система рассматривается в современной практике как совокупность пространственных и смысловых характеристик, прямо или косвенно влияющих на пространственную организацию. Управление градостроительными процессами в случае применения такого подхода неизбежно начинает рассматриваться в разрезе нескольких уровней стратегического планирования, так как все описываемые системы не только обладают рядом самостоятельных характеристик, но и в разной степени самодостаточны, независимы от внешних связей. Так, природно-экологические системы в значительной мере превышают масштабы отдельного города, будучи частью естественных природных комплексов, которые фрактально формируются и развиваются сразу на всех уровнях (рис. 2): от биосферы до локального зеленого каркаса.

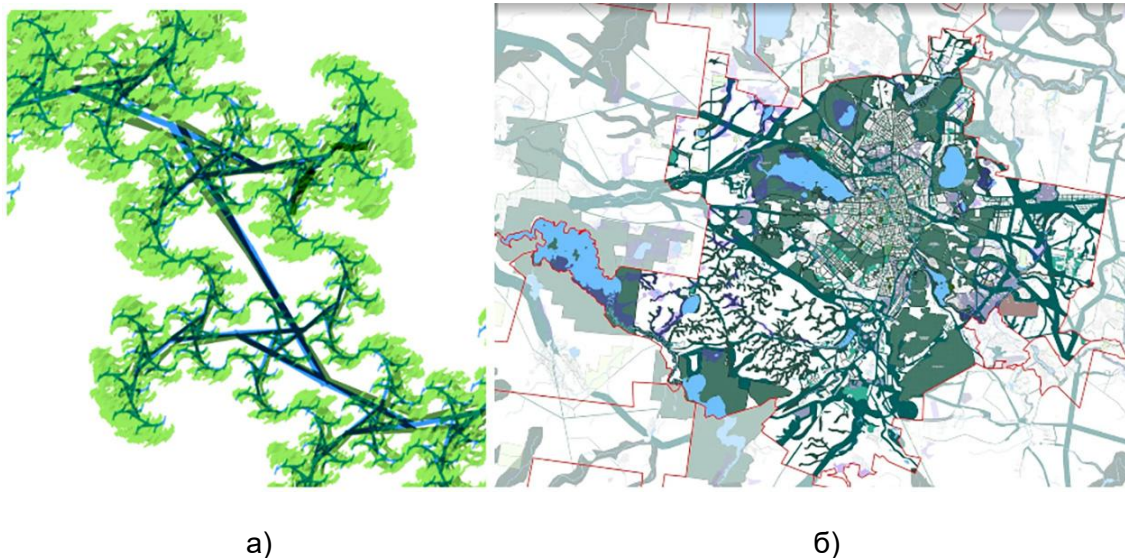

Рис. 2. Многоуровневая модель водно-зеленого каркаса и эко-градостроительный каркас крупнейшего города: а) фрактальная модель природного каркаса; б) экологический каркас МО г. Екатеринбурга

Вся эта система связанных природных территорий оказывается объединена и, в условиях активного хозяйствования человека, приобретает и новые, искусственные характеристики уже в качестве части техносферы. В зоне хозяйствования такая система лишается естественной связности, становится во многом зависимой от человека и его деятельности. «Вторая природа», искусственный природный комплекс сегодня может быть разделен на внешние и внутренние природные территории (рис. 3).

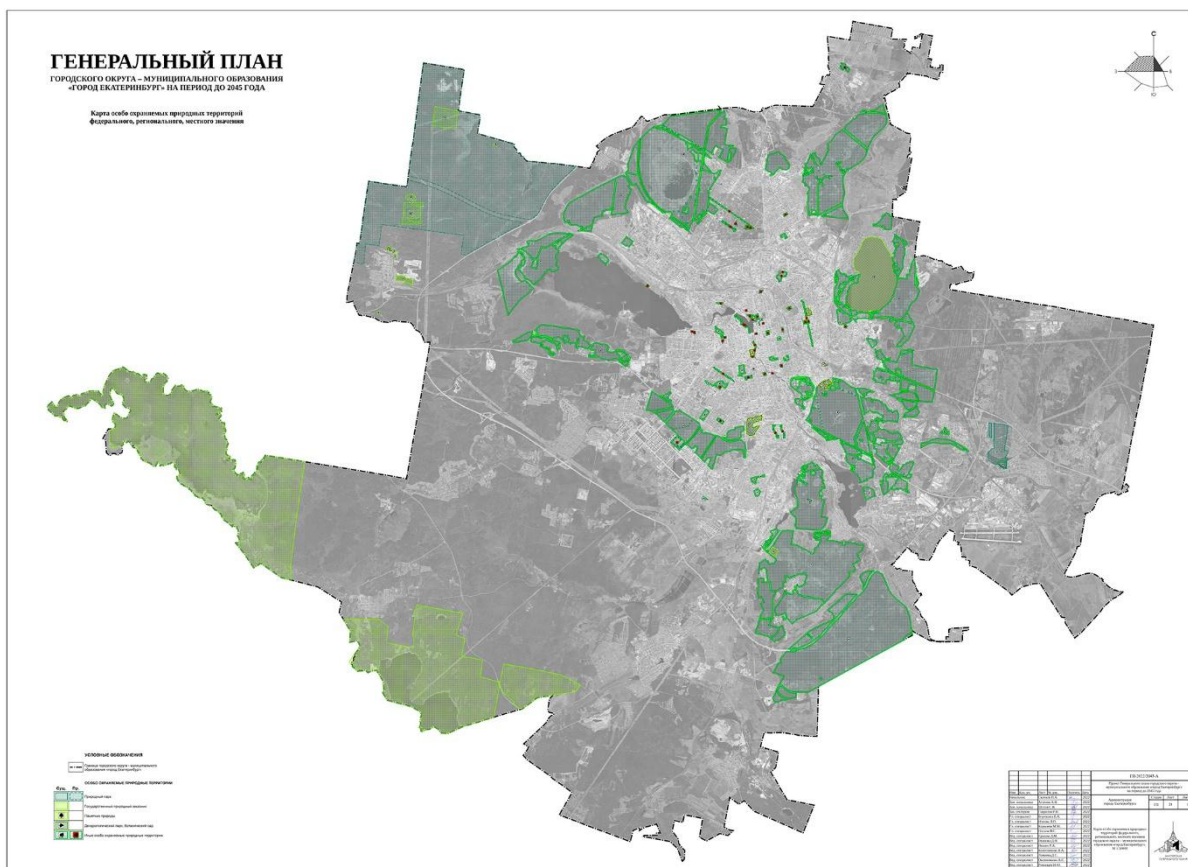

Рис. 3. Карта особо охраняемых природных территорий федерального, регионального, местного значения (по материалам проекта Генерального плана Городского округа – муниципального образования «город Екатеринбург» на период до 2045 года)

Внешними становятся сохранившиеся относительно крупные и устойчивые природные зоны, часто наделенные соответствующими зонами особых условий использования, еще обладающие прямой связью с природным комплексом вне области непосредственного хозяйствования человека и совмещающие рекреационные и экологические функции, а внутренними – озелененные анклавы преимущественно природно-рекреационного назначения в составе территории населенного пункта и не обладающих подобной связностью.

Существенно уступает в комплексности система размещения производительных сил, отчасти повторяющая каркасную структуру природных комплексов, словно артерии, снабжающую техносферу ресурсами. Сложные транспортно-логистические сети, объединяющие производительные центры, формируют глобальные торгово-промышленные цепочки. Будучи искусственной, такая система не столь широко дифференцирована, не столь разнообразна, как природно-экологическая, и воспроизводит лишь некоторые аспекты природного комплекса. Так, система производительных сил техносферы обладает возможностью извлечения, транспортировки и трансформации ресурсов, как и биосфера, однако не позволяет говорить о замкнутом цикле трансформации, создавая огромное количество невостребованного вещества, будь то

свалки отходов или побочные продукты производства. Переработка же или повторное использование не только полностью не перекрывает вопрос конечности ресурса, фактически, утилизируя, повторно разрушая его, но и не замещает его. Изымая же ресурсы одновременно и из биосферных циклов трансформации, и из исходных их источников, такая система приводит к постепенной деградации как биосферы, так и к фактической утрате этих ресурсов в ходе своих процессов производства. Отдельно можно выделить и культурно-ландшафтную систему, формирующуюся на основе природно-рекреационных и локальных культурно-исторических пространств в системе расселения. Образующий ими культурно-исторический и культурно-ландшафтный каркас интегрируется в промышленные, архитектурно-планировочные и природные системы, сочетая в себе как их особенности, так и приобретая собственные характеристики. Все техносферные системы, таким образом, соединяясь, формируют знакомый образ системы расселения, меж тем, дополненный ранее упускаемыми пространственными элементами и характеристиками (рис. 4).

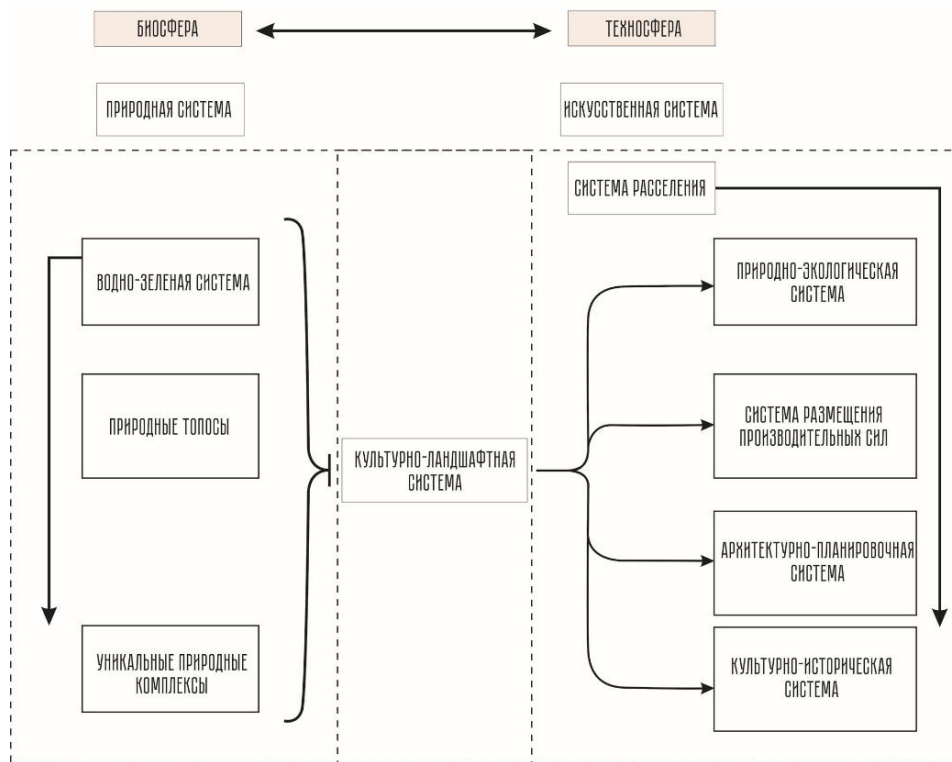

Рис. 4 Модель пространственного взаимодействия

Таким образом, реализация градостроительного стратегического планирования неизбежно становится междисциплинарной задачей, требующей учета целого ряда прямых и косвенных факторов, определяющих динамику пространственного развития. Техно и биосферный подход позволяет определить структуру взаимодействия природных и антропогенных систем, специфические особенности градостроительной организации пространственного развития как искусственной, так и природной, естественной среды. Техносфера, в свою очередь, становится системой неоднородной, образующие ее каркасы обладают как разной степенью устойчивости, так и разным потенциалом развития. Адаптация градостроительных методов стратегического планирования должна строиться на комплексном моделировании каждой из составляющих техносферы как части большего, но с учетом собственных характеристик. При этом, роль самой системы расселения не ограничивается хозяйственной, культурной или социально-экономической деятельностью ее жителей. Становясь основой техносферной среды, система расселения становится подвижным, мощным инструментом гармонизации взаимодействия техносферы и биосферы. Задачи градостроительного планирования же оказываются далеко за пределами технического сопровождения мероприятий по улучшению качества

искусственной среды, а направляются на достижение ноосферного баланса технологической и биологической систем на планете.

Заключение

С уверенностью можно утверждать, что современные глобальные вызовы требуют существенно большего разнообразия градостроительных инструментов для их эффективного преодоления, что неизбежно означает потребность в развитии как градостроительной нормативно-правовой документации, так и пересмотр и совершенствование градостроительной теории и практики, учитывающей устойчивую тенденцию на расширение и усложнение градостроительных систем, их комплексности и междисциплинарности. Особенно в современных условиях приобретает значение развитие документов территориального планирования регионального и федерального уровня. Совершенствование градостроительных нормативно-правовых документов в части гармонизации развития систем расселения, их взаимодействия с природными, хозяйственными комплексами – приоритетное направление. Рассмотренные в работе вопросы проявления взаимодействия природных и урбанизированных систем, их взаимодействие в культурно-историческом ландшафте – потенциальная возможность обеспечения разработки значительно более качественных градостроительных документов и стратегий регионального, федерального уровня. Культурно-ландшафтная система, таким образом, становится самостоятельным каркасом и за пределами территорий отдельных населенных территорий, перестает существовать сугубо внутри ткани города и получает возможность стать объединяющим звеном биосферных и техносферных процессов. Культурно-исторический ландшафт становится самостоятельным каркасом, выражающим совокупность культурно-исторического наследия территории. Выявление таких каркасов может быть связано как с определением фактических границ систем расселения, так и с определением природно-хозяйственных комплексов. Широкий диапазон возможных форм применения культурно-исторических ландшафтов в градостроительной практике связан с уникальным свойством этой системы – высокой степенью ее интегрированности в прочие составляющие техносферного и биосферного пространства. Таким образом, описанный подход может стать потенциально новым направлением развития в новых условиях, предложить иной взгляд на роль истории и культуры в формировании градостроительных стратегий пространственного развития.

Источники иллюстраций

Рис. 1, 2, 4. Рисунки и таблицы выполнены автором статьи.

Рис. 3. URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/lk/#/document-show/307377> (дата обращения: 10.02.2025).

Список источников

1. Шубенков М.В. Концепция устойчивого развития урбанизированных территорий // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2023. № 4(65). С. 169-179. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/12_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-169-179 EDN RLRXWR
2. Ильичев В.А. Некоторые вопросы проектирования поселений с позиции концепции биосферной совместимости / В.А. Ильичев, В.И. Колчунов, А.В. Берсенев, А.Л. Поздняков // *Academia*. Архитектура и строительство. 2009. № 1. С. 74-80. EDN KZUBML
3. Мезенцев С.Д. Методологические подходы к исследованию проблем градостроительства // *Вестник МГСУ*. 2012. № 8. С. 26-33. EDN PCWFXH

4. Шубенков М.В. Поиск сбалансированного взаимодействия урбанизированных и природных территорий: концепция урбобиоценозного зонирования / М.В. Шубенков, М.Ю. Шубенкова // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №4(57). С. 296–312. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/18_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-4-296-312 EDN AGMOAU
5. Шубенков М.В. Биоподобные технологии в организации современных градостроительных систем // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2021 году: сборник научных трудов РААСН / Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН). Том 1. Москва: Издательство АСВ, 2022. С. 324-333. EDN GQHMPX
6. Ильичев В.А. Предложения к проекту доктрины градоустройства и расселения (стратегического планирования городов - city planning) / В.А. Ильичев, А.М. Каримов, В.И. Колчунов [и др.] // Жилищное строительство. 2012. № 1. С. 2-10. EDN OQMZZR
7. Бакиева А.Р. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере / А.Р. Бакиева, М.Н. Кузнецова // Форум молодых ученых. 2018. № 6-1(22). С. 385-388. EDN YMIJAD
8. Gupta Abhik Biosphere, Noösphere, and Technosphere / Many Layers of Ecocentrism: Revering Life, Revering the Earth, 2024.
9. Udo Küppers E.W. Biosphere-Technosphere Transformations: Thirty Workable Resolutions // Ingenious Principles of Nature Do We Reckon with Nature or Nature Reckons with Us, 2022.
10. Milsum J.H. The technosphere, the biosphere, the sociosphere Their systems modeling and optimization, IEEE Spectrum, 1968, DOI: 10.1109/MSPEC.1968.5214690
11. Likavčan L. The Grass of the Universe: Rethinking Technosphere, Planetary History, and Sustainability with Fermi Paradox, 2024, DOI: 10.48550/arXiv.2411.08057

References

1. Shubenkov M.V. The concept of sustainable development of urbanized territories. Architecture and Modern Information Technologies, 2023, no.4(65), pp. 169-179. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/4kvart23/PDF/12_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-4-169-179 EDN RLRXWR.
2. Ilyichev V.A., Kolchunov V. I., Bersenev A. V., Pozdnyakov A. L. Some points of designing of settlements from the point of biospheric compatibility concept. Academia. Architecture and construction, 2009, no. 1, pp. 74-80. EDN KZUBML
3. Mezentsev S.D. Methodological approaches to the study of urban planning. Vestnik MGSU. 2012, no. 8, pp. 26-33. EDN PCWFXH
4. Shubenkov M.V., Shubenkova M.Y. Search for a balanced interaction of urbanized and natural territories: the concept of urban-biocenosis zoning. Architecture and Modern Information Technologies, 2021, no. 4(57), pp. 296–312. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/18_shubenkov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-4-296-312 EDN AGMOAU.
5. Shubenkov M.V. *Biopodobnye tekhnologii v organizacii sovremennyh gradostroitel'nyh sistem* [Bio-similar technologies in the organization of modern urban planning systems. Fundamental, exploratory and applied research of the Russian Academy of Natural Sciences on scientific support for the development of architecture, urban Planning and the construction industry of the Russian Federation in 2021: collection of scientific papers of the

Russian Academy of Natural Sciences Volume 1]. Moscow, 2022, pp. 324-333. EDN GQHMPX

6. Ilyichev V.A., Karimov V.I., Kolchunov V.I. *Predlozheniya k proektu doktriny gradoustrojstva i rasseleniya (strategicheskogo planirovaniya gorodov - city planning)* [Proposals for the draft doctrine of urban development and resettlement (strategic planning of cities - city planning)]. Housing Construction, 2012, no. 1, pp. 2-10. EDN OQMZZR
7. Bakieva A.R. Kuznetsova M.N. Uchenie V.I. *Vernadskogo o biosfere i noosfere* [The teachings of V.I. Vernadsky on the biosphere and noosphere]. Forum of young scientists, 2018, no. 6-1(22), pp. 385-388. EDN YMIJAD
8. Gupta Abhik *Biosphere, Noösphere, and Technosphere. Many Layers of Ecocentrism: Revering Life, Revering the Earth*, 2024.
9. Udo Küppers E.W. *Biosphere-Technosphere Transformations: Thirty Workable Resolutions. Ingenious Principles of Nature Do We Reckon with Nature or Nature Reckons with Us*, 2022.
10. Milsum J.H. The technosphere, the biosphere, the sociosphere Their systems modeling and optimization. IEEE Spectrum, 1968, DOI: 10.1109/MSPEC.1968.5214690
11. Likavčan L. *The Grass of the Universe: Rethinking Technosphere, Planetary History, and Sustainability with Fermi Paradox*, 2024, DOI: 10.48550/arXiv.2411.08057

ОБ АВТОРЕ

Мусаев Тимур Исамутдинович

Главный специалист мастерской территориального развития №1, ФАУ Единый Институт Пространственного Планирования РФ (ЕИПП РФ);
аспирант кафедры Градостроительство, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
tim@musaev-architect.ru

ABOUT THE AUTHOR

Musaev Timur I.

Chief Specialist of the Workshop of Territorial Development no. 1 of the Unified Institute of Spatial Planning of the Russian Federation (UIPP RF);
Postgraduate Student of the Department of Urban Planning, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
tim@musaev-architect.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА

Научная статья

УДК/UDC 711.06:712-168(470.26-25)

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-303-319

EDN: YIGSWA

Архитектурно-ландшафтные методы воссоздания утраченной идентичности «портрета среды»**Екатерина Александровна Русанова^{1✉}, Анастасия Максимовна Забирко²**^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия¹rusanovacaterina@yandex.ru ²anastasiya.zabirko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы утраты историко-культурной идентичности городской среды в контексте реконструкций европейских городов. Авторами рассмотрена ретроспектива исследований, связанных с поиском выразительных отличительных качеств, ассоциирующихся с культурологической ценностью среды и культурным ландшафтом; проанализированы предпосылки к определению понятия «архитектурно-ландшафтный портрет среды». На основании анализа теоретических изысканий и проектных аналогов определены критерии выбора характеристик, формирующих «портрет среды», и сформулированы методы архитектурно-ландшафтной ревитализации ценных с культурологической точки зрения фрагментов открытых городских пространств. На примере центральной части города Калининграда предложена концептуальная методика экспериментального проектирования, отвечающая тематике исследования.

Ключевые слова: ландшафтная архитектура, архитектурно-ландшафтная реновация, культурологический контекст, средовая идентичность, город Калининград

Для цитирования: Русанова Е.А. Архитектурно-ландшафтные методы воссоздания утраченной идентичности «портрета среды» / Е.А. Русанова, А.М. Забирко // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №1(70). С. 303-319. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/18_rusanova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-303-319. EDN: YIGSWA

LANDSCAPE ARCHITECTURE

Original article

Architectural and landscape methods for restoring the lost identity of the «portrait of the environment»**Ekaterina A. Rusanova^{1✉}, Anastasiya M. Zabirko²**^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academe), Moscow, Russia¹rusanovacaterina@yandex.ru ²anastasiya.zabirko@mail.ru

Abstract. This article explores the issue of lost historical and cultural identity in urban environments within the context of European city reconstructions. The authors review past research focused on identifying expressive and distinctive qualities associated with the cultural value of the urban environment and cultural landscapes. The study examines the prerequisites for defining the concept of an «architectural and landscape portrait of the environment». Based on theoretical analysis and design analogs, criteria for selecting characteristics that shape the «portrait of the environment» are identified, and methods for architectural and landscape revitalization of culturally significant fragments of open urban spaces are proposed. Using the

central part of Kaliningrad as a case study, the article presents a conceptual methodology for experimental design that aligns with the research theme.

Keywords: landscape architecture, architectural and landscape renovation, cultural context, environmental identity, city of Kaliningrad

For citation: Rusanova E.A., Zahirko A.M. Architectural and landscape methods for restoring the lost identity of the «portrait of the environment». Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no 1(70), pp. 303-319. Available at:

https://marhi.ru/AMIT/2025/1kvart25/PDF/18_rusanova.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-1-303-319. EDN: YIGSWA

На сегодняшний день для многих городов, сформировавшихся на протяжении нескольких эпох, актуальной является проблема утраты исторической преемственности городской среды, потеря идентичности, забвение традиционных культурных особенностей, символов и иконических знаков. Проведение реновации в исторических частях городов современными типизированными приемами зачастую приводит к тому, что формируемая городская среда утрачивает хрупкие связи с историческим контекстом и традиционным социокультурным фоном. Внедрение в практику унифицированных принципов архитектурного проектирования приводит к исчезновению локальных строительных технологий, утрате масштаба исторически сложившихся планировочных структур и, вследствие чего, деградации и исчезновению культурных ценностей, транслируемых на протяжении веков средствами архитектуры. К таким ценностям можно отнести символику, заложенную в решениях общественно-городских и садово-парковых пространств, использование типичных для региона строительства декоративных элементов и материалов фасадной отделки, стилистические и колористические приемы оформления среды, определявшие ценность и качество архитектурно-ландшафтных пространств, которые поколения горожан могли «считывать», проживая свою жизнь в привычных средовых обстоятельствах.

Наиболее ярко потребность в определении проектной реакции на проблему утрат в историческом архитектурном контексте проявилась при необходимости восстановления разрушенных европейских городов после Второй мировой войны, когда проектировщики были поставлены перед выбором тех или иных подходов к реновации городских пространств. Для различных стран эти подходы были обусловлены сложившейся социально-экономической ситуацией, в отрыве от которой должным образом оценить принятые решения невозможно. В качестве примеров, демонстрирующих разнообразие подходов к восстановлению утраченной городской среды, предлагается рассмотреть послевоенные реконструкции таких европейских городов, как Варшава и Гданьск в Польше, Дрезден в Германии, Минск в Белоруссии.

Восстановление Варшавы было выполнено методом научной реставрации с опорой на исторические фотографии и чертежи, а также с применением традиционных технологий и материалов; результатом такого подхода стало достоверное воссоздание утраченной среды.

Реконструкция «исторического ядра» Гданьска пошла по пути создания историко-архитектурной «декорации» с учетом приспособления объемов памятников архитектуры к новому функциональному наполнению. Еще одной особенностью восстановления исторически-ценных архитектурных объектов в центральной части этого польского города было «прореживание» планировочной структуры квартальной застройки, при котором воссоздавался традиционный периметр кварталов, а внутренняя их часть отводилась под озелененные дворы; таким образом архитектурный образ среды Гданьска был переосмыслен с учетом бережного обращения с характерными визуальными ориентирами.

Для Дрездена была выбрана стратегия частичной реконструкции, означавшая восстановление исторических доминант, формирующих фон для создания современной

застройки, а также прием использования контрастных материалов для разграничения сохраняемых руин и внедряемых в градостроительный контекст новых архитектурных элементов.

В результате послевоенного возрождения Минска в городе была создана абсолютно новая планировочная структура, изменены масштаб и пропорции элементов среды и архитектурных объектов, а также были использованы новые стилистические приемы и подходы к организации открытых пространств, что практически полностью разрушило связи с историческим контекстом.

Поиск методов воссоздания утрат среды и в наши дни актуален для архитекторов при соприкосновении с ценностью «памяти места» проектирования.

Более подробно проблему утраты исторической и культурной идентичности среды можно рассмотреть на примере Калининграда – исторического города среднего размера в западной части России, рост и развитие которого шли неравномерно, с перерывами и сменой идеологических парадигм.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования состоят в определении понятия архитектурно-ландшафтный «портрет среды» на основании отбора факторов культурологической и художественной ценности, исторически определивших и сформировавших средовую идентичность открытых городских пространств.

Целью исследования является выявление возможностей выражения архитектурно-ландшафтного «портрета среды» средствами проектирования.

Исследование предполагает постановку следующих задач:

- анализ истории возникновения проблемы утраты исторической идентичности и принципов ее решения на различных примерах послевоенного восстановления;
- раскрытие понятия «архитектурно-ландшафтный портрет среды» на основе историко-архитектурного анализа исторических фрагментов открытых пространств Калининграда;
- определение критериев художественной ценности «портрета среды» и алгоритма восстановления средовых утрат с применением архитектурно-ландшафтных методов;
- выявление основных утрат образов культурологической ценности и несоответствия «портрету среды» в градостроительной ткани на примере города Калининграда;
- определение концепции экспериментального проектирования на примере отдельных фрагментов городской ткани Калининграда с целью апробации результатов исследования.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что утраченная историко-культурная и художественная ценность отдельных ансамблей и фрагментов среды может быть восстановлена благодаря определению критериев ценности «портрета среды» и алгоритма их «встраивания» в современную ткань города с применением архитектурно-ландшафтных методов.

Начало комплексному изучению проблем, связанных с понятиями «средового контекста» и архитектурной «метафоры», было положено в 1977 году после публикации книги Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма», вызвавшей интерес к развитию этой тематики в профессиональном сообществе. Вопросам исследования параметров историко-архитектурной ценности среды посвящены фундаментальные работы зарубежных и отечественных теоретиков архитектуры К. Линча, А.В. Иконникова, А.В. Гутнова, В.Л. Глазычева, З.Н. Яргиной, К. Доксиадиса, И.В. Лазаревой, Г.И. Мокеева, А.Ф. Квасова [1] и других авторов.

В настоящее время проблема воссоздания культурологически значимых образов и восполнения утрат открытых пространств городов становится предметом детального изучения в работах, посвященных различным аспектам:

- определение понятия «культурный ландшафт» раскрыто в исследованиях Е.Ю. Колобовского [2], М.Е. Кулешовой [3], Т. Крестова [4];
- обоснованию основ визуального восприятия городского ландшафта посвящены работы А.А. Шишкиной [5], Н.А. Ежовой [6];
- к теме поиска городской идентичности и передаче символических значений посредством проектирования пространств обращены труды Е.В. Малой и К.Е. Вавулина [7], А.В. Ефимова и А.П. Мина [8];
- принципы метафорического воссоздания образов средствами ландшафтной архитектуры отражены в работах Д.С. Табышалиевой [9], Е.А. Русановой, Н.В. Лазаревой и Д.А. Габаловой [10], А.В. Лабезной [11], П.Д. Буш [12].

К настоящему исследованию также были привлечены материалы, касающиеся:

- истории архитектуры и градостроительства Калининграда и Калининградской области, представленные в работах Б. Кёстера [13] и ряда других авторов;
- выбора приемов и средств, способствующих трансляции образного концептуального замысла в современной ландшафтной архитектуре, отраженные в фундаментальных трудах Г.А. Потаева, В.А. Нефедов, а также в разработках Е.Ю. Прокофьевой и В.А. Павловой [14];
- обоснования понятия «территориальной идентичности», представленные в исследовании И.А. Агеева [15].

В монографии «Образ города» 1960 г. К. Линч рассматривает психологические и социальные аспекты восприятия города и предлагает классификацию визуально опознаваемых элементов, создающих образ города: пути (коммуникации), границы (линейные элементы окружения), районы (части города в двухмерной плоскости), узлы (стратегические точки) и ориентиры (точечные элементы). В этом труде были определены понятия «общественный образ», «индивидуальный образ», «групповой образ», «ментальный образ», «ментальные карты», «человек места» и др. Важным выводом аналитики К. Линча является то, что «образ города» складывается из физических и нефизических (ментальных) характеристик.

В книге «Язык архитектуры постмодернизма» Чарльза Дженкса 1977 г. критикуются главные постулаты модернизма, вводится в научный обиход термин «метафора» применительно к архитектуре, а также используются термины «ад-хокизм»³, «контекстуализм»⁴, «радикальный эклектизм»⁵.

В первой половине 1980-х гг. оба названных выше хрестоматийных труда были переведены на русский язык, после чего начинается дальнейшее развитие их основных направлений исследований в отечественном научном сообществе.

В СССР в 1986 г. издается книга «Функция, форма и образ в архитектуре», написанная А.В. Иконниковым, в которой автором раскрыты идейно-художественные проблемы архитектуры, озвучена необходимость применения средового подхода при проектировании предметно-пространственной среды, всегда связанной с культурным контекстом посредством преемственности и идеологии. В качестве основной идеи А.В. Иконников рассматривает связь концептов «функции», «формы» и «образа», в которой функция выражается через форму, а образ несет узнаваемые иконические элементы и символы.

³ Ад-хокизм – концепция, призывающая при проектировании учитывать прежде всего реальные условия данного места, конкретные обстоятельства, вкусы будущих потребителей и т.д., а не только внутрипрофессиональным правилам и догмам архитекторов.

⁴ Контекстуализм требует максимально чуткого вписывания здания нового объекта в исторически сложившуюся среду города. Причем в современном прочтении важен не только градостроительный контекст, но и социокультурный.

⁵ Радикальный эклектизм – концепция, основывающаяся на включении большого количества культурных контекстов и кодов в архитектуру, способствующем ее принятии различными вкусовыми культурами от простых жителей до элиты.

А.Э. Гутнов и Л.В. Глазычев в книге «Мир архитектуры» 1990 г. рассматривают понятия «образ» и «силуэт»⁶ города, рассуждают о разнице между «профессиональным» и «непрофессиональным» образами, а также их объективности.

Развивая представление о проблеме проектирования среды с учетом как природных, так и антропогенных особенностей в 2007 г. в учебном пособии «Архитектурная дендрология», посвященном ландшафтной архитектуре, А.Ф. Квасов, обобщает практический опыт работы проектировщиков Ф. Инфанте, Д. Каравана, П. Портогези с образом и образностью, а также предлагает авторский метод «дендромоделирования»⁷ как прием восстановления утраченного объема объектов и ансамблей, опробованный в студенческом проектировании на кафедре «Ландшафтная архитектура» и в «Школе ландшафтного дизайна СОГЭЦУ» в МАРХИ на рубеже XX-XXI вв.

Качественное достижение перечисленных исследований заключается в отборе таких категорий как «образ» и «силуэт» города, пространственные элементы образа («пути», «границы», «районы», «узлы» и «ориентиры»), художественные и функциональные элементы, формирующие образ города.

Перечисленные категории, определяющие характер, идентичность исследуемого городского пространства, служат наиболее значимыми «опорными маркерами» среды, обязательными условиями предпроектного анализа и разработки основы концепции, способной связать проект с историко-культурным контекстом.

В результате исследования к критериям ценности архитектурно-ландшафтного «портрета среды» отнесены:

- художественные приемы (форма, масштаб, силуэт, ритмометрические характеристики, размерность);
- символическая значимость (наличие культурных символов, заложенных в архитектурные и декоративные элементы);
- колористическое и стилистическое решение (соответствие общей цветовой и стилистической палитре городской застройки);
- окружающий ландшафт (естественный: берега естественных водоемов, вид с воды, пластика рельефа, лесные массивы или же искусственный: ландшафтные парки, фортификационный ландшафт рвов с водой и земляных насыпей, городской ландшафт небольших скверов и озелененных пространств, разрезающих плотную застройку, сортовой состав растений и группы посадок и т.д.);
- историческая достоверность (количество пристроек и перестроек в ходе жизненного цикла зданий, включенных в фрагмент среды, условия их модернизации).

Реализовать «портрет среды» представляется возможным с помощью алгоритма действий над критериями ценности: выделить художественные приемы, определить символическую значимость, встроиться в колористическую и стилистическую палитру традиционного подхода к организации архитектурно-ландшафтного ансамбля. В мировой архитектурной практике с конца XX века и до настоящего времени накоплен немалый опыт демонстрации возможности метафорической трансляции тех или иных образов среды при реализации проектных концепций, основой которых становятся ассоциативные отсылки к культурным кодам и символике исторических архитектурных прототипов. Примерами чему могут послужить проект исландской Церкви Хадльгримскиркья (1986 г.) архитектора Гудйоуна Самуэльссона; Церковь Света (1987-1989 гг.) работы Тадао Андо в японском городе Осака;

⁶ Силуэт – граница между «телом» города и беспредельностью неба. Благодаря особенностям психики и того, что вертикальные расстояния для человека преодолеть гораздо труднее, чем горизонтальные, силуэт обладает колоссальной силой влияния на восприятие. В средние века силуэт служил главным средством ориентации в городе – в пространстве и историческом времени, так как над рядовыми домами горожан взметались ввысь башни знати, а место господствующей вертикали всегда занимал Кафедральный собор.

⁷ Дендромоделирование – восстановление формы утраченного исторического объекта с помощью средств ландшафтной архитектуры.

Памятник жертвам Холокоста в Берлине (2005 г.) Питера Айзенмана; Исторический музей в китайском Нинбо, построенный в 2008 г. по проекту Ван Шу; Мемориальный музей землетрясений Вэньчуань, построенный в 2013 г. в Китае по проекту Cai Yongjie; проект филиала Лувра в Абу-Даби в ОАЭ (2017 г.), спроектированный Жаном Нувелем; российский Парк «Тюфелева роща» архитектора Джери ван Эйка, открытый в Москве (2018 г.) и многие другие.

Важность и взаимосвязанность процесса определения архитектурно-ландшафтного «портрета среды» и выбора творческих средств архитектурного проектирования, соответствующих этому понятию, можно продемонстрировать на примере разработки «портрета среды» Калининграда, основанном на анализе исторического развития градостроительной ткани центральной части города, и исследовании возможностей корректного восполнения утрат среды с учетом современного контекста открытых городских пространств.

Калининград – «актуальная площадка для проектирования» со времен средневековья и до наших дней. В результате многократных градостроительных преобразований культурный ландшафт города Калининграда включает в себя контрастные стилевые черты и прусских культовых сооружений, и образцов немецкого фортификационного и ландшафтного искусства, и архитектуры советского периода, и современных проектов, реализованных в недавнее время. Порой такое столкновение исторической среды и современных городских потребностей вызывает конфликты, влияющие на внешний облик города.

Историческое развитие города ведет отсчет от 1255 г., когда было закончено строительство Королевского замка в Кёнигсберге, ставшего стратегическим градообразующим элементом при освоении региона. Вокруг замка росли и развивались три автономных города: Альштадт (старый город), Кнайпхоф (территория, в настоящее время занимаемая островом Канта) и Лёбенихт. В 1333 г. на острове Канта был построен Римско-католический кафедральный собор в готическом стиле, ставший второй вертикальной доминантой, разрезающей горизонт средневекового города. С 1466 по 1657 гг. Восточная Пруссия находилась в положении вассала Королевства Польского. Застройка Альштадта, Кнайпхофа и Лёбенихта этого периода исторического времени имела планировочную структуру в виде регулярной прямоугольной сетки улиц, в которой четко застройкой выделялись градостроительные и торговые оси, в том числе вдоль реки Преголя. После объединения Альштадта, Кнайпхофа и Лёбенихта в единое городское образование в 1724 г. и основание Кёнигсберга как столицы Пруссии, начинается активное строительство Внутреннего кольца оборонительных укреплений, формируются валы и рвы с водой, возводятся комплексы фортификационных сооружений из красного кирпича вдоль городской стены. В 1871 г. в результате объединения немецкоязычных государств произошло образование Германской империи, что послужило началом следующего периода развития Кёнигсберга. В 1872 г. на окраине города началось строительство Внешнего кольца оборонительных укреплений, благодаря чему планировка города приобрела характер кольцевой системы с историческим ядром замка.

В первой половине XX века Кёнигсберг стал европейским городом, демонстрировавшим наиболее передовой опыт организации городских садов, и «городом-садом» в следствии осуществления проектов ландшафтного архитектора Эрнста Шнайдера по превращению фортификационных ландшафтов, окружающих Кёнигсберг, в «зеленое кольцо» парковых пространств. Площадь во внутреннем дворе Королевского замка также превратилась из места военных маршей и парадов в цветущее озелененное пространство. На южных террасах замка был сформирован променад, благоустроены набережные Замкового пруда, где стали проводиться городские праздники и мероприятия.

Мирную жизнь Европы в середине XX столетия трагично изуродовала фашистская агрессия, отпор которой был дан в ходе Великой Отечественной Войны 1941-1945 годах ценой колоссальных жертв Советского народа.

В 1944 г. во время Второй мировой войны центр города Кёнигсберга сильно пострадал в результате бомбардировок: жилая застройка острова Канта была полностью уничтожена, Кафедральный собор и Королевский замок превратились в полые руины.

В послевоенный исторический период необходимость скорейшего восстановления городов Советского Союза, определяла выбор средств строительства: город Калининград (в 1946 году Кёнигсберг был переименован в Калининград) восстанавливался зачастую с использованием возможностей панельного домостроения. На месте демонтированных руин Королевского замка было предпринято строительство Дома Советов как внушительного символа своей эпохи. Ко второй половине 80-х годов XX века постройка Дома Советов была завершена на 95 %, однако, объект так и не был введен в эксплуатацию. Высота Дома Советов превысила высоту разрушенного замка. Несмотря на несоответствие масштабу окружающей застройки и образу города Дом Советов, тем не менее, стал символом советского периода истории благодаря грандиозной площади открытого пространства перед монолитным объемом здания. В ходе раскопок фундаментов Королевского замка уже в российском периоде развития начала 2000-х годов партер перед Домом Советов был утрачен, а само здание полностью демонтировано летом 2024 г., в результате чего город лишился еще одного пространственного ориентира.

Архитектурно-ландшафтное формирование Калининграда можно упрощенно разделить на четыре основных этапа: прусский, немецкий, советский и российский – по количеству сменяющихся государственных на исследуемой территории. На протяжении первых двух этапов городского развития можно наблюдать активный рост и развитие города на всех его уровнях: стратегическом уровне перспективного развития территории, уровне планировочной градостроительной организации, объемно-пространственном и ландшафтно-средовом уровнях.

Градостроительная и архитектурно-ландшафтная политика советского этапа строилась на принципах социалистического развития. Несмотря на то, что на протяжении долгих послевоенных лет неприемлемыми и подлежащими отторжению воспринимались артефакты и следы присутствия «немецкого прошлого» в ткани города Калининграда, были определены объекты культурного наследия и сформирован перечень памятников архитектуры республиканского значения (РСФСР), в который включены значимые объекты города Калининграда, среди которых и Кафедральный собор города. Позднее, уже в 90-ых годах минувшего века, собор вместе с могилой Канта были полностью восстановлены в своем историческом виде.

На современном этапе встает проблема осознания ценности объектов, создающих идентичность города и его уникальную историко-культурную значимость, а также включения и адаптации образов утраченных фрагментов среды в современные проекты застройки территории.

Образ Калининграда формировался в течении многих сотен лет, важной его особенностью является наслоение культурных кодов и символов – культурный палимпсест.

Как известно, термин «палимпсест» определяет наличие разновременных наслоений в написанном текстовом документе, обладающем исторической ценностью. Возникает явления палимпсеста в результате того, что изначальный вариант текста с течением времени «стерся», «поблек», потерял полноту начертаний, и поверх «разрушенного», утраченного полностью или частично слоя был нанесен в более позднее время, чем первоначально написанный, текст, новый слой письма. К настоящему времени понятие «палимпсест» в исследованиях, посвященных проблемам восстановлению целостности картин среды при архитектурной реновации, активно используется современными исследователями в качестве определения творческого метода отражения преемственности в развитии архитектурной среды. (В качестве одной из наиболее ярких работ, посвященной палимпсесту в архитектурном творчестве, может быть названо произведение Ф. Робера «Архитектура как палимпсест»).

К основным архитектурно-ландшафтными особенностями среды, влияющим на восприятие Калининграда как уникального образования, обладающего чертами идентичности, относятся:

- характер и силуэт города, обусловленный рядовой трех-четырёхэтажной застройкой, «разрезанной» острыми шпилями крыш готических соборов, кирх и Королевского замка (рис. 1);

- пространственные элементы (по классификации К. Линча) исторического образа Калининграда довоенного периода: «пути» – Кнайпхёфише Ланггассе, Мюленберг, Парадеплац, Философендамм, Шёнфлисер Аллее; прямоугольная градостроительная решетка улиц, характерная для прусских городов, коим и создавался Кёнигсберг; «границы» – набережные реки Преголя; «районы» – бывшие самостоятельные города Альтштадт, Кнайпхоф и Лёбенихт; «узлы» – Южная терраса замка, Монетная площадь, площадь Кайзера Вильгельма, внутренний двор замка, Липовый рынок и т.д. (рис. 2); «ориентиры» – Королевский замок, Кафедральный собор на острове Канта, Альтштадтская кирха, здание биржи, Новая Либеральная синагога; объекты транспортной и фортификационной инфраструктуры и т.д.) (рис. 3);

- к художественным и функциональным элементам, формирующим образ, можно отнести конструктивные и декоративные элементы основных стилей застройки (романского, готического и барокко): клиновидные арки, витражи, контрфорсы и аркбутаны, люкарны, резные завершения фронтонов, мощные объёмы крупноблочной кладки и т.д.;

- колористические решения, типичные для исторической застройки центральной части Калининграда: терракотовый цвет черепичной кровли, красный кирпич религиозных и фортификационных сооружений, белые, горчичные, молочные, бежевые и серые оттенки штукатурки фасадов зданий, серая каменная кладка стен средневекового замка, голубая водная гладь реки, мощение серо-коричневой брусчаткой на городских улицах и площадях, натуральная зелено-коричневая палитра декоративных насаждений (рис. 4).

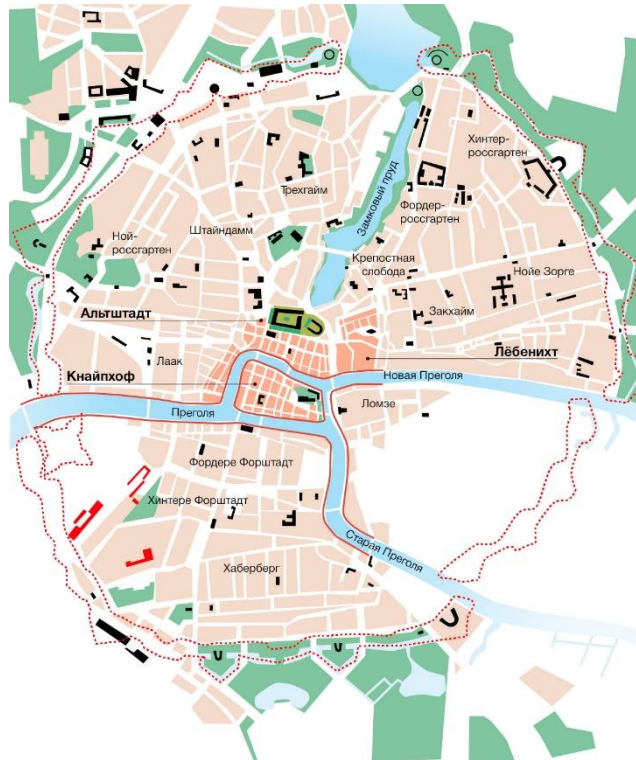

а)

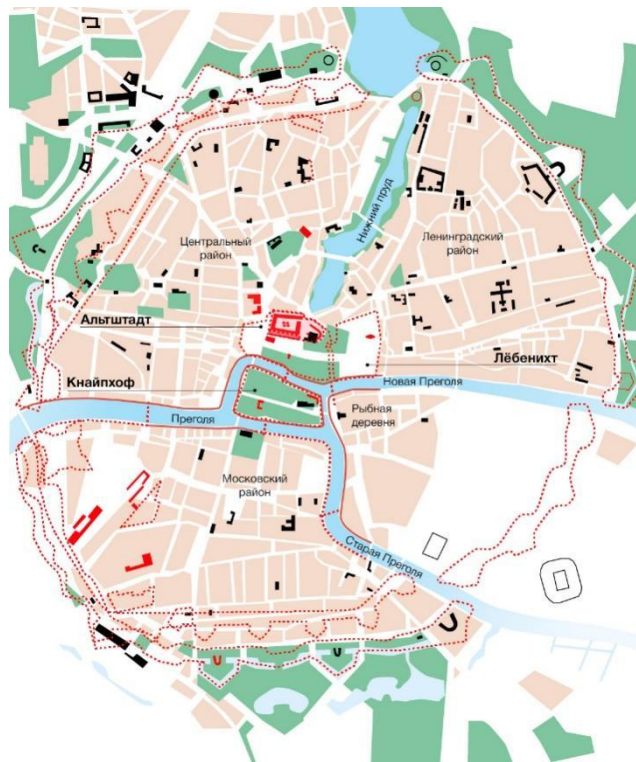

б)

Рис. 1. Силуэт города Калининграда: а) реконструкция развертки Кнайпхофа (о. Канта) по южному берегу на период 1900-1930-х гг.; б) историческая открытка с видом на Кёнигсбергский замок

а)

б)

Рис. 2. Схема организации городского ландшафта: а) Калининград и зеленый пояс города начала XX в.; б) современное состояние Калининграда, утраты военного и послевоенного времени

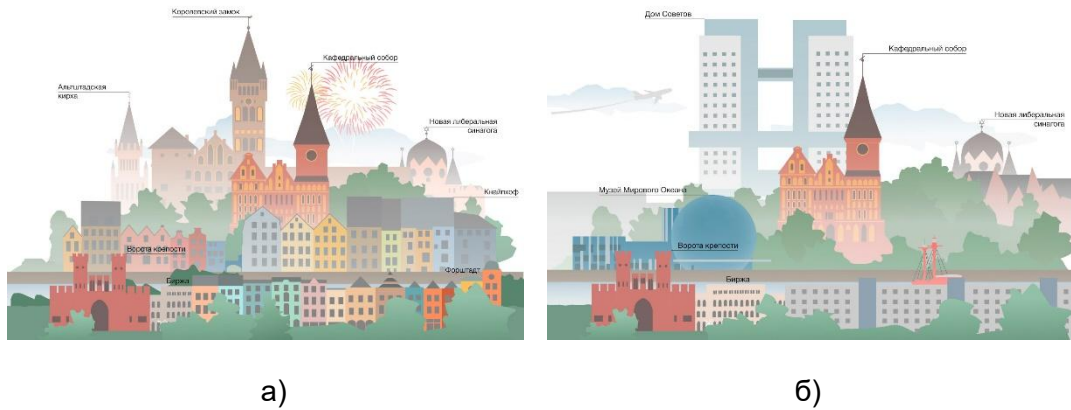

Рис. 3. Схема «Портрета среды»: а) «Портрет среды» Калининграда начала XX в.; б) «Портрет среды» Калининграда, современное состояние

Рис. 4. Реконструкция развертки Кнайпхофа (о. Канта) по южному берегу на период 1900-1930-х гг. Колористическое решение

Из этих рассуждений и сравнения фактов изменений, происходивших на всех уровнях развития города на разных этапах исторического развития, предлагается определить понятие архитектурно-ландшафтный «портрет среды» Калининграда как совокупность его объективной и субъективной реальности, обобщенный образ, выраженный в объемно-пространственных, планировочных, силуэтных, средовых и архитектурно-ландшафтных решениях, эмоционально воспринимаемый человеком.

Практические подходы к восстановлению и сохранению образа города Калининграда на данный момент предлагаются самые разные от полного восстановления утраченных объектов (Новая Либеральная синагога, заново отстроенная в по проекту архитектора С. Гулевского или Кафедральный собор на острове Канта, восстановленный после Второй мировой войны) до частичного воссоздания ключевых объектов, например, Королевского замка по проекту А. Сагаль; восстановления планировочной структуры с увеличением вертикального масштаба, по проектному замыслу Studio 44, DMTRVK и др., ландшафтно-средовые решения, регламентирующие дизайн-код застройки, нормирующий процент остекления фасадов, применение отделочных материалов, палитры используемых цветов, заявленных КБ «Стрелка».

В ходе исследования были теоретически разработаны три метода воссоздания утраченного образа, которые можно применить в том числе и для проектирования в открытых пространствах исторического центра Калининграда: «наглядная/прямая иллюстрация», «дендромоделирование», «воссоздание физической формы». Практическое применение перечисленных методов позволит реконструировать утраченный образ среды «метафорически» (рис. 5).

1. НАГЛЯДНАЯ/ПРЯМАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ + 2. ДЕНДРОМОДЕЛИРОВАНИЕ + 3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Рис. 5. Методы метафорического воссоздания утраченной среды

Метод «наглядной/прямой иллюстрации» основан на ассоциативном мышлении человека, его способности метафорически мыслить и переносить свойства одного объекта на другой по принципу схожести. К характерным приемам можно отнести использование колористических решений, световых лазерных шоу, материалов и паттернов фасадной отделки, исторического ритма и масштаба конструктивных и декоративных элементов. Важной особенностью, объединяющей эти приемы, является двухмерность проектных решений. Памятник жертвам Холокоста, созданный в Берлине в 2005 году по проекту архитектора Питера Айзенмана (рис. 6), является яркой иллюстрацией использования данного метода в объемном проектировании.

Метод «дендромоделирования» позволяет визуально восполнить утраты объемных элементов и структур архитектурных объектов при помощи создания фрагментов среды с использованием природных материалов (живых растений) в формируемых композициях, имитирующих утраченные архитектурные объемы и формы. Одним из самых ярких приемов этого метода является топиарное искусство – фигурная стрижка деревьев. Композиции, составленные из стриженных растительных форм, могут метафорически «соответствовать» конструктивным и планировочным элементам зданий: аркам, колоннам, комнатам (в виде, так называемых «зеленых кабинетов»), стенам, лабиринтам и т.д. В качестве примера можно привести одну из творческих работ студентов А.Ф. Квасова: Парк-храм (рис. 7).

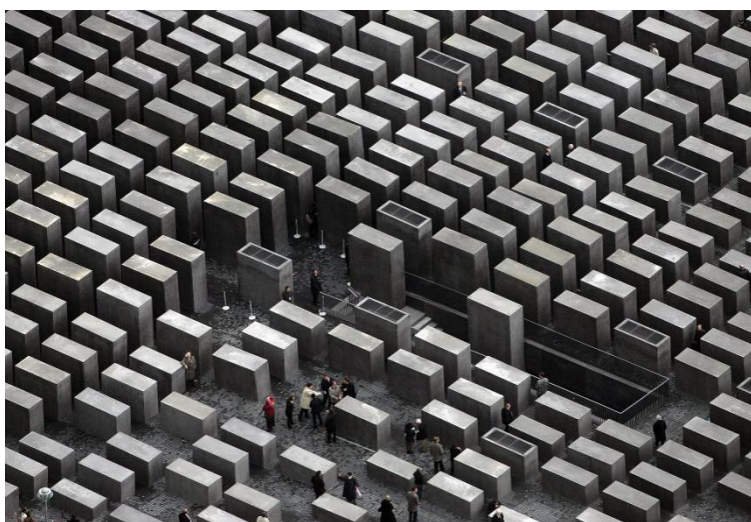

Рис. 6. Мемориал жертвам Холокоста в Берлине

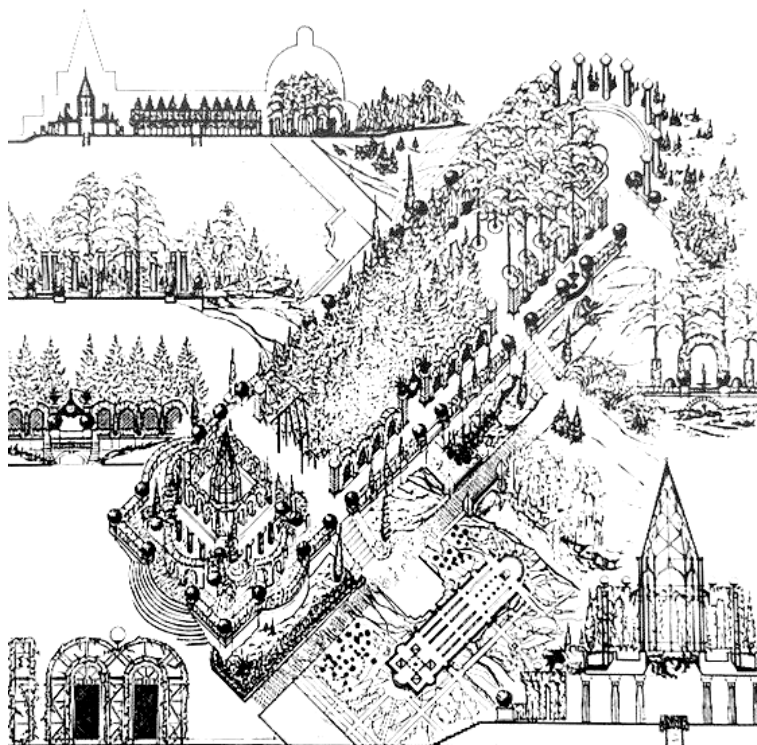

Рис. 7. Эскизное предложение «Парк-храм», студенческая работа Л. Козловой, выполненная под руководством проф. А.Ф. Квасова

Метод «воссоздания физической формы» предполагает использование решений, опирающихся на масштаб и стилистику оригинальных объектов-прототипов. К таким решениям могут быть отнесены объемные инсталляции (или даже лазерное шоу) как постоянные или временные дополнения руинированных объектов, выполненными в материалах, контрастных оригиналу и нарочито современными элементами. В результате использования этого метода утрата средового элемента восполняется, к примеру, конструкцией из прозрачных, сетчатых структур, силуэт и объем которых визуальное соответствует прототипу. Ключевой идеей этого метода является символическое и, одновременно с тем, «очевидное» (визуальное) восстановление формы, а не создание архитектурных «декораций» на тему утраченного объекта или фрагмента среды. В своих работах разрабатывал эту тематику скульптор Эдоардо Тресольди (рис. 8).

Кроме того, в качестве дополнительного примера, иллюстрирующего данный метод, можно привести отечественный пример – инсталляцию 168-метровой колокольни Смольного собора, выстроенную светящимися дронами 26 декабря 2021 года (рис. 9), присутствие «эфемерного образа архитектурного шедевра в визуальной картине города длилось считанные мгновения.

Возможность интеграции всех результатов исследования в проектные программы можно рассмотреть на примере отдельных фрагментов городской ткани Калининграда. Для этого предлагается выбрать три участка в центральной части города, где утраты исторической средовой идентичности имеют наибольшее значение: остров Канта; территория Королевского замка; территория бывшей Фридрихбургской крепости и ее окрестностей.

Утраченная застройка острова Канта (средневековый город Кнайпхоф) была традиционной для Восточной Пруссии: Кафедральный собор, плотная прямоугольная сетка улиц, резной силуэт фасадов, небольшое количество озеленения и ландшафтных сооружений. На данный момент на месте полностью утраченного «портрета среды» на этом участке территории располагается парк – важное озелененное рекреационное общественное пространство города. В качестве проекта метафорического воссоздания предлагается

концепция «парка-призрака» утраченного Кнайпхофа: открытие существующих фундаментов исторической застройки; устройство декоративных элементов мощения по периметру исторических кварталов; создание мостов приподнятых над уровнем земли как напоминание о структурной организации исторических улиц; организация смотровых площадок и арт-объектов «Ратуша», «Арка», «Лабиринт Канта»; строительство музея истории острова с применением средств ландшафтной архитектуры и обустройство световых шоу в темное время суток.

а)

б)

Рис. 8. Работы скульптора Э. Тресольди: а) Замок-призрак в Эр-Рияде (2019 г.); б) Archetype в Абу-Даби (реализован в 2017 г.)

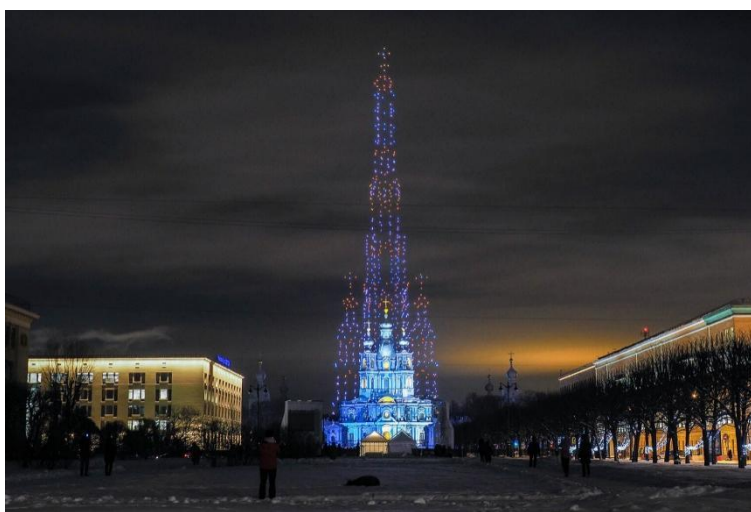

Рис. 9. Инсталляция, имитирующая объем 168-метровой колокольни Смольного собора по нереализованному проектному замыслу арх. Б. Растрелли

Территория Королевского замка сильно пострадала во время Второй мировой войны, но разрушена была гораздо позже вместе с сооружением Дома Советов на месте руин замка. На сегодняшний день Дом Советов демонтирован, а на его месте образовался пустырь – неорганизованный фрагмент городской ткани. В экспериментальном проекте предлагается обустройство туристической зоны с гостиничной инфраструктурой. Метафорическим выражением ушедшего прошлого будет служить фасадная проекция гостиничного комплекса – «иллюзия» утраченного Королевского замка: стеклянный фасад с проволочными элементами и включениями «под руину» из натурального камня создаст собирательный образ замка, исчезнувшей «тени истории».

Фридрихбургская крепость была демонтирована в довоенное время в начале XX века, а парк Вильгельма, также располагавшийся некогда на рассматриваемом участке, был утрачен еще раньше. Из всех объектов крепости сохранились лишь объем въездных ворот, выполняющих функцию музея. На выбранном участке проектирования предлагается возродить исторически сложившуюся парковую территорию, способную соединить набережную с Южным парком пешеходным маршрутом. На месте утраченной крепости представляется целесообразным расположить современный бизнес-центр, объем которого восстановит высотную доминанту этого фрагмента среды.

Результатами исследования являются: анализ истории возникновения проблемы утрат исторической идентичности и принципов ее решения на различных примерах послевоенного восстановления; понятие архитектурно-ландшафтный «портрет среды»; критерии и алгоритм определения «портрета среды»; анализ ландшафтно-градостроительных ансамблей центральной части города Калининграда и выявление значимых фрагментов центральной части города и объемно-пространственных элементов, складывающихся в картину культурно-исторического кода утраченного города. Полученные результаты положены в разрабатываемую методику восполнения утрат архитектурно-ландшафтного «портрета среды», универсальную в применении для любого города, имеющего исторический прообраз.

В дальнейшем исследование подлежит развитию в направлении детальной разработки частных аспектов проектирования, например, обоснования предлагаемых колористических решений, использования средств дендрологического моделирования, направленных на создание сезонных композиций «зима-лето» в формируемых открытых городских пространствах, и т.п.

Чтобы избежать прерывания «нити», связывающей культуру разных временных периодов, архитектура должна транслировать историко-культурные символы и знаки. С точки зрения сохранения исторической, социальной и культурной преемственности необходимо введение некоторого обязательного условия поиска путей выражения исторического палимпсеста за счет внедрения архитектурно-ландшафтных символично-метафорических приемов в предпроектном анализе и процессе проектирования архитектурных объектов и фрагментов застройки в исторически сформированной городской среде.

Источники иллюстраций

Рис. 1. а) Иллюстрация Забирко А.М.; б) URL: <https://pastvu.com/p/288330?share=1> (дата обращения: 23.03.2024).

Рис. 2-5. Иллюстрации Забирко А.М.

Рис. 6. URL: <https://bangkokbook.ru/zametki/monument-holokosta-v-berline-85-foto.html> (дата обращения: 13.01.2024).

Рис. 7. [1] в авторской интерпретации.

Рис. 8. а) URL: <https://ru.pinterest.com/pin/398357529542913914/>; б) URL: <https://divisare.com/projects/344852-edoardo-tresoldi-roberto-conte-abu-dhabi> (дата обращения: 15.01.2024).

Рис. 9. URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/70346384/> (дата обращения: 24.10.2024).

Список источников

1. Квасов А.Ф. Архитектурная дендрология: учебно-методическое пособие / А.Ф. Квасов, М.В. Ожерельева, А.И. Топунов. Москва: Солид-пресс, 2007. 414 с.
2. Колобовский Е.Ю. Культурный ландшафт: в разнообразии значений не потерявший смысл // Наследие и современность=Heritage and Modern Times. 2018. №1(4). С. 8-22.

3. Крестев Т. Архитектура и ценности: ландшафт – культурная среда // Наследие и современность=Heritage and Modern Times. 2018. №1(4). С. 23-43.
4. Кулешова М.Е. Культурные ландшафты, их место в списке Всемирного наследия и перспективы Российского представительства // Наследие и современность=Heritage and Modern Times. 2018. №1(4). С.111-130.
5. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, серия «Социальные науки». 2011. №1(21). С. 151-157.
6. Ежова Н.А. Культуроформирующие основы визуального городского ландшафта: автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук: 24.00.01 / Ежова Надежда Алексеевна. Тамбов, 2005. 20 с.
7. Малая Е.В. Символическое пространство малого города / Е.В. Малая, К.Е. Вавулин // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №2(63). С. 154-165. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/10_malaya.pdf (дата обращения: 24.10.2024). DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-154-165
8. Ефимов А.В. Феномен городской идентичности / А.В. Ефимов, А.П. Мина // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №1(54). С. 262–267. URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/1kvart21/PDF/17_efimov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-262-267
9. Табышалиева Д.С. Природные формы в городской среде: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры: 18.00.01 / Табышалиева Джаныл Салмарбековна. Москва, 1992. 27 с.
10. Русанова Е.А. Метафоры реки Терек в архитектурно-ландшафтной картине города Владикавказ / Е.А. Русанова, Н.В. Лазарева, Д.А. Габалова // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. №2(51). С. 237-254. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/2kvart20/PDF/13_gabalova.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15113
11. Лабезная А.В. Архитектурно-ландшафтные принципы реновации общественных пространств в исторической среде на примере города Кронштадт: автореферат диссертации на соискание степени магистра архитектуры: 07.04.01 / Лабезная Александра Вадимовна. Москва, 2018. 25 с.
12. Буш П.Д. Интеграция руинированных объектов исторического наследия в современный архитектурный контекст: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры: 05.23.20 / Буш Полина Дмитриевна. Москва, 2017. 257 с.
13. Кёстер Б. Кёнигсберг: Сегодняшний Калининград: Архитектура немецкого времени / Пер с нем. А. Шабунин; изд. Хузум, 2000. 256 с.
14. Прокофьева Е.Ю. Современные творческие концепции в ландшафтной архитектуре: учебное пособие / Е.Ю. Прокофьева, В.А. Павлова. Москва: МАРХИ, 2019. 105 с.
15. Агеев И. А. Брендинг города и региона как средство формирования территориальной идентичности: исторический опыт сибирских городов // Вестник науки Сибири. 2015. № 2(17). С. 155-163.

References

1. Kvasov A.F., Ozherelyeva M.V., Topunov A.I. *Architectural dendrology: an educational and methodological guide for students* [Arhitekturnaya dendrologiya. educational and methodological manual]. Moscow, 2007, 414 p.
2. Kolbovsky E. Cultural landscape: the sense is not lost despite variety of meanings. *Heritage and Modern Times*, 2018, no.1(4), pp. 8-22.
3. Kuleshova M. Cultural landscapes, their place in the World Heritage List and prospects of Russian representation. *Heritage and Modern Times*, 2018, no.1(4), pp. 111-130.
4. Kretev T. Architecture and values: Landscape – Cultural environment. *Heritage and Modern Times*, 2018, №1(4), pp. 23-43.
5. Shishkina A.A. Cultural landscape: basic concepts. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, series «Social sciences»*, 2011, no. 1(21), pp. 151-157.
6. Yezhova N.A. *Kul'turoformiruyushchie osnovy vizual'nogo gorodskogo landshafta (cand.dis.thesis)* [Cultural-forming foundations of the visual urban landscape (avtoref. kand. dis.)]. Tambov, 2005, 20 p.
7. Malaya E.V., Vavulin K.E. Symbolic space of a small town. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023, no. 2(63), pp. 154-165. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/10_malaya.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-154-165
8. Efimov A., Mina A. The Phenomenon of Urban Identity. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2021, no. 1(54), pp. 262–267. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/1kvart21/PDF/17_efimov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-262-267
9. Tabyshalieva D.S. *Prirodnye formy v gorodskoj srede*(cand.dis.thesis) [Natural forms in the urban environment (avtoref. kand. dis.)]. Moscow, 1992, 27 p.
10. Rusanova A., Lazareva N., Gabalova D. Metaphors of the Terek River in the Architectural Landscape Image of Vladikavkaz City. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2020, no. 2(51), pp. 237-254. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2020/2kvart20/PDF/13_gabalova.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15113
11. Labeznaya A.V. *Arhitekturno-landshaftnye principy renovacii obshchestvennyh prostranstv v istoricheskoy srede na primere goroda Kronshtadt*(master's.dis.thesis) [Architectural and landscape principles of renovation of public spaces in the historical environment on the example of the city of Kronstadt (avtoref. mag. dis.)]. Moscow, 2018, 25 p.
12. Bush P.D. *Integraciya ruinirovannyh ob"ektov istoricheskogo naslediya v sovremennyj arhitekturnyj kontekst (cand. dis.)* [Integration of ruined objects of historical heritage into a modern architectural context (kand. dis.)] Moscow, 2017, 257 p.
13. Kester B. Koenigsberg: Today's Kaliningrad: Architecture of the German time. Translated from German by A. Shabunin; ed. Khuzum, 2000. 256 p.
14. Prokofieva E.Yu., Pavlova V.A. *Sovremennye tvorcheskie koncepcii v landshaftnoj arhitekture* [Modern creative concepts in landscape architecture: a textbook for students]. Moscow, 2019, 105 p.

15. Ageev I. A. Branding of a city and a region as a means of forming territorial identity: the historical experience of Siberian cities. Bulletin of Science of Siberia, 2015, no. 2(17). pp. 155-163.

ОБ АВТОРАХ

Русанова Екатерина Александровна

Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
rusanovacaterina@yandex.ru

Забирко Анастасия Максимовна

Магистрант кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
anastasiya.zabirko@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Rusanova Ekaterina A.

PhD in Architecture, Professor of the Department «Landscape Architecture», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
rusanovacaterina@yandex.ru

Zabirko Anastasiya M.

Master's Student of the Department of «Landscape Architecture», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
anastasiya.zabirko@mail.ru

СТР.	АВТОР	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
32	Веденёв Михаил Юрьевич	Магистр юриспруденции, магистр строительства, старший преподаватель кафедры «Архитектурная практика», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия m.vedenev@markhi.ru
32	Павлов Николай Леонидович	Доктор архитектуры, профессор, кафедра «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; советник РААСН; действительный член Русского географического общества pavlovn1@mail.ru
46	Зайцева Наталья Анатольевна	Старший преподаватель кафедры «Основы архитектурного проектирования», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; член Союза московских архитекторов zn_ak@mail.ru
59	Горгорова Юлия Владимировна	Кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры архитектурного и средового проектирования, Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия; член Союза Архитекторов России ygorgorova@sfedu.ru
72	Шемякин Федор Яковлевич	Аспирант кафедры «История архитектуры и градостроительства», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия fedshemyakov@gmail.com
90	Журавлев Тимофей Вадимович	Аспирант кафедры «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия zhuravlev.arch@gmail.com
105	Карташов Сергей Андреевич	Архитектор-реставратор, скульптор, художник, член Союза московских архитекторов, Москва, Россия armsk@list.ru
105	Карташова Антонина Андреевна	Независимый исследователь, художник, Москва, Россия tonja.kartasova@gmail.com

105	Морозов Михаил Романович	Магистр архитектуры, ассистент кафедры «Рисунок», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия; член Союза московских архитекторов (СМА) morozvmiki@yandex.ru
134	Терентьева Валерия Михайловна	Аспирант кафедры «Архитектура жилых зданий», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия v.terenteva@markhi.ru
147	Океанов Геннадий Вадимович	Кандидат архитектуры, главный специалист ЦНИИПромзданий, Москва, Россия; член Союза Московских Архитекторов g.okeanov@yandex.ru
158	Садковская Оксана Евгеньевна	Кандидат архитектуры, заместитель директора по научной работе, ГАУ РО «Региональный научно-исследовательский и проектный институт градостроительства», Ростов-на-Дону, Россия ok_sadkovskaya@mail.ru
173	Береговских Анна Николаевна	Руководитель ООО «Институт территориального планирования «Град», советник Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры (отделение в Москве); профессор Международной академии архитектуры, член Совета НП «Национальная гильдия градостроителей»; заведующая кафедрой «Градостроительство» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, Омск, Россия aberegovskih@itpgrad.ru
189	Акишева Вера Дмитриевна	Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия akish-vera@yandex.ru
206	Магон Татьяна Сергеевна	Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия tatianaR95@mail.ru
216	Калмыков Дмитрий Витальевич	Аспирант, ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Москва, Россия ved.niitnn@gmail.com

238	Лутченко Сергей Иванович	Кандидат архитектуры, первый заместитель председателя комитета Градостроительной политики Ленинградской области – главный архитектор Ленинградской области, профессор практики, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия serg.lutchenko@yandex.ru
238	Комелева Яна Сергеевна	Магистрант, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия yana.komeleva@gmail.com
262	Осьминина Таисия Сергеевна	Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия t.osminina@markhi.ru
276	Павлова Вера Александровна	Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия pavlova_marhi@mail.ru
292	Мусаев Тимур Исамутдинович	Главный специалист мастерской территориального развития №1, ФАУ Единый Институт Пространственного Планирования РФ (ЕИПП РФ); аспирант кафедры Градостроительство, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия tim@musaev-architect.ru
303	Русанова Екатерина Александровна	Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия rusanovacaterina@yandex.ru
303	Забирко Анастасия Максимовна	Магистрант кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия anastasiya.zabirko@mail.ru

page	AUTHOR	ABOUT THE AUTHORS
32	Vedenev Mikhail Yu.	Master of Jurisprudence, Master of Construction, Senior Lecturer at the Department «Architectural Practice», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia m.vedenev@markhi.ru
32	Pavlov Nikolay L.	Doctor of Architecture, Professor, Department of Soviet and Modern Foreign Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; Advisor to RAASN; Full Member of the Russian Geographical Society pavlovn@mail.ru
46	Zaitseva Natalia A.	Senior Lecturer of the Department «Fundamentals of Architectural Design», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; Member of the Union of Moscow Architects zn_ak@mail.ru
59	Gorgorova Yulia V.	PhD in Architecture, Associate Professor, Professor of the Department of Architectural and Environmental Design, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Member of the Union of Architects of Russia ygorgorova@sfedu.ru
72	Shemyakin Fedor Ya.	Postgraduate Student of the Department of «History of Architecture and Urban Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia fedshemyakov@gmail.com
90	Zhuravlev Timofey V.	Postgraduate Student of the Department of Soviet and Modern Foreign Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia zhuravlev.arch@gmail.com
105	Kartashov Sergey A.	Architect-Restorer, Artist and Sculptor, Member of Union of Moscow Architects, Moscow, Russia armsk@list.ru
105	Kartashova Antonina A.	Independent Scholar, Painter, Moscow, Russia tonja.kartasova@gmail.com
105	Morozov Mikhail R.	Master of Architecture, Assistant of the Drawing Department, Moscow Architectural Institute (State Academy), Member of Union of Moscow Architects, Moscow, Russia morozvmiki@yandex.ru

134	Terentyeva Valeriia M.	Postgraduate Student, Department of Architecture of Residential Buildings, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia v.terenteva@markhi.ru
147	Okeanov Gennady V.	PhD in Architecture, Chief Specialist of TsNIIPromzdani, Moscow, Russia; Member of the Union of Moscow Architects g.okeanov@yandex.ru
158	Sadkovskaya Oksana E.	PhD in Architecture, Deputy Director for Scientific Work, «Regional Research and Design Institute of Town Planning», Rostov-on-Don, Russia ok_sadkovskaya@mail.ru
173	Beregovskikh Anna N.	CEO of the Institute of Territorial Planning «Grad» (LLC ITP «Grad»), Advisor to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Member-Correspondent of the International Academy of Architecture (Moscow Branch); Professor of the International Academy of Architecture; Member of the Council of NP «National Guild of Urban Planners»; Head of Department «Urban Planning» in Siberian State Highway University, Omsk, Russia aberegovskikh@itpgrad.ru
189	Akischeva Vera D.	Postgraduate Student, Chair «Urban Planning», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia akish-vera@yandex.ru
206	Magon Tatiana S.	Postgraduate Student of the Department of Urban Planning, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia tatianaR95@mail.ru
216	Kalmykov Dmitry V.	Postgraduate Student, Federal State Budget Institution «TsNIIP Ministry of Russia», Moscow, Russia ved.niitnn@gmail.com
238	Lutchenko Sergey I.	PhD of Architecture, First Deputy Chairman of the Committee for Urban Planning Policy of the Leningrad Region – Chief Architect of the Leningrad Region, Professor of Practice, ITMO University, St. Petersburg, Russia serg.lutchenko@yandex.ru

ISSN 1998-4839

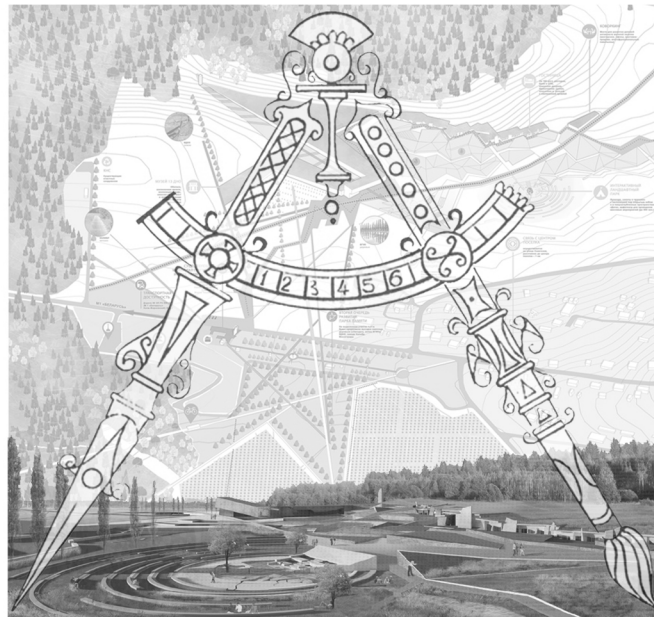

ARCHITECTURE AND MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

(АРХИТЕКТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ)

AMIT

МАРХИИ

*Международный электронный
научно-образовательный журнал*

**№ 1(70)
2025**